

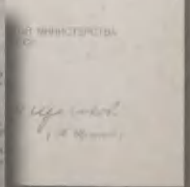
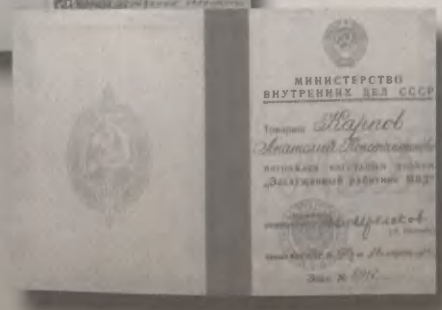
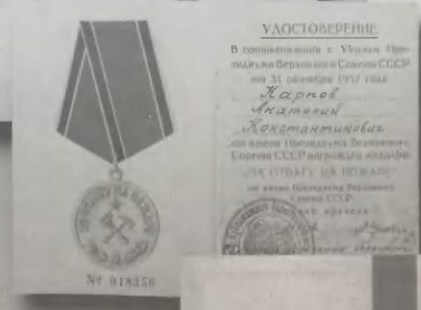
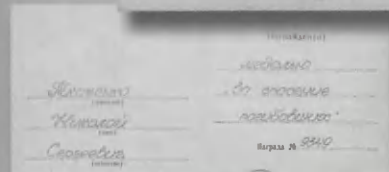
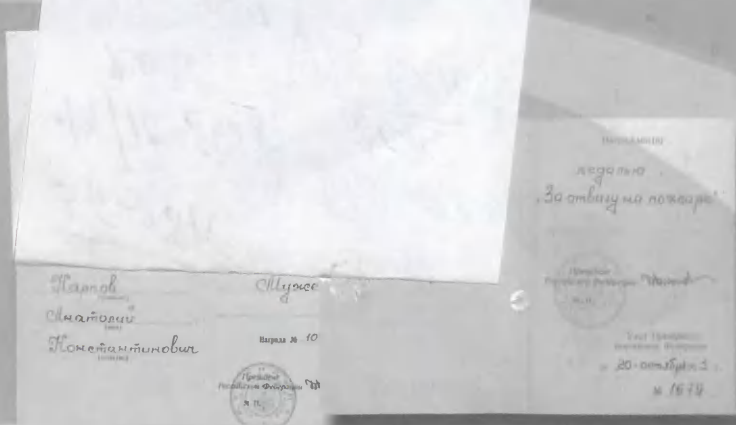
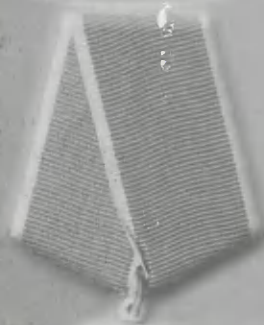
Кр 38.9
В 39

Краеведческая

ВЕХИ ОГНЕННОЙ САМАРЫ: ОТ КРЕПОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Управление Государственной противопожарной
службы Самарской области
Государственный архив Самарской области

кр 38.9
B39

ВЕХИ ОГНЕННОЙ САМАРЫ: ОТ КРЕПОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В трех томах

Том 3

9 2390302

Нуйбышевская областная
библиотека им. В. И. Ленина

Самара
2002

УДК 628.74(с148)
ББК 38.96 (2Рус-4Сам)
В39

Вехи огненной самары: от крепости до наших дней: В 3 т.
Т.3 - Самара: Изд-во «НТЦ», 2002. -357с.: ил.

Авторы: И.А. Аракчеева, А.А. Буданова, В.В. Дзнеладзе,
В.В. Ерофеев, С.Ю. Купцова, Т.А. Пархачева, Л.В. Храмков.

Научный редактор доктор исторических наук, профессор
Л.В. Храмков.

Редакционная коллегия: М.И. Орлов, С.А. Баранов, В.В. Фрыгин,
В.И. Исаев, Н.И. Кириленко, А.К. Карпов.

Издание выходит с 2001 года

В книге показана история Самарской пожарной охраны на примере крупных династий пожарных, общий трудовой стаж которых составляет почти четыре века. Читателю представлены впервые за последние 50 лет описания крупных пожаров, имевших ранее гриф «секретно». Книга является учебным пособием по истории пожарной охраны Самарской области, хорошо иллюстрирована.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 5-900827-75-5 (т.3)
ISBN 5-900827-72-0

© Управление Государственной
противопожарной службы ГУВД
Самарской области, 2002

Уважаемые читатели и коллеги!

Вы держите в руках книгу о истории пожарной охраны Самарской области, о людях которые посвящают себя благородному делу: спасать людей от огня, защищать жизнь и здоровье жителей области от страшной беды. Несмотря на все сложности сегодняшней жизни, наши пожарные хранят традиции самоотверженного, бескорыстного служения людям. Как пока-зывает практика, пожарная охрана Самарской области остается одной из самых оперативных и мобильных служб, способных решать первоочередные аварийно-спасательные задачи и оказывать первую помощь пострадавшим.

Пожарная охрана Самарской области как одна из служб МЧС вносит свой достойный вклад в деле предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, охраны от пожаров государственного и личного имущества.

Выпуск книги об истории пожарной охраны родного края - замечательная дань этой истории и престижу противопожарной службы. И тем более знаменателен выход в свет такого исторического издания в период объединения пожарных с МЧС России, когда ГПС вступает в очередной этап совершенствования, а огнеборцы получают новый статус - спасатели с большой буквы!

A stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to the General-Major N.P. Zaitsev mentioned in the text.

***Начальник Главного управления по делам
Гражданской обороны и чрезвычайных
ситуаций Самарской области
Генерал-майор Н.П. Зайцев***

Дорогие коллеги и уважаемые читатели!

Наша малая родина, наша Самарская земля - прекрасный и благодатный край. Трудом многих поколений здесь создано то богатство, которое Государственная противопожарная служба области призвана беречь от огня. Служить народу от имени государства - большая честь и ответственность. Но это еще и призвание, случайных людей наше дело не терпит. Известно, в какой сложной обстановке сегодня несут службу пожарные, сохраняя боеспособность всех подразделений и преданность профессии. В этой книге, которую Вы держите в руках, отражена богатейшая история и традиции огнеборцев Самарской губернии. Пожарные Самары всегда шли в огонь не за награду, а по зову души, они и сегодня появляются первыми и протягивают руку помощи там, где пожар, авария, или стихийное бедствие. Любой из них имеет полное право быть героем этой книги. Поэтому хочу сказать всем коллегам, каждому без различия должностей и званий: «Благодарю за службу!»

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of a large 'O' and 'L' followed by a series of loops and a horizontal line at the bottom.

***Первый заместитель начальника
Главного управления по делам
Гражданской обороны и чрезвычайных
ситуаций Самарской области,
Начальник УГПС Самарской области
Полковник внутренней службы М.И. Орлов.***

Дорогие друзья!

Я рад, что создана книга, которая рассказывает об истории пожарной охраны нашей области, о людях, которые посвящают себя благородному делу: спасать людей от огня, защищать жизнь и здоровье жителей области от страшной беды. Государственная противопожарная служба нашей области завоевала у населения губернии заслуженную признательность благодаря высокому профессионализму и самоотверженности своих сотрудников, оперативности и мобильности всей службы в целом. Пожарные всегда готовы прийти на помощь людям, попавшим в беду, по первому сигналу тревоги спешат в самые отдаленные уголки губернии потому, что их всегда ждут и встречают с надеждой. Слова «спасение», «помощь» являются не просто лозунгом, а нормой повседневной боевой работы огнеборцев.

Я желаю всем огнеборцам бережно хранить богатые и славные традиции заложенные ветеранами. Гордо нести звание пожарного, ибо эта профессия миротворческая, всегда нужная людям.

**Начальник Управления Государственной
противопожарной службы
Самарской области (с 1987 по 1998 год)
полковник внутренней службы
А.К. Карпов**

А.К. Карпов

Уважаемые читатели!

Почти четверть лесов планеты расположены на территории России. Самарская область имеет одно из крупных лесных хозяйств. Значение леса, его природных ресурсов в жизни нашего общества, в развитии многих отраслей народного хозяйства трудно переоценить. Вместе с тем пропаганда роли и сохранности леса имеет важнейшее значение для окружающей среды, зеленого друга человека. Эта пропаганда явно отстает от требований времени, поэтому не секрет, что продолжается незаконная вырубка леса, а неосторожное обращение с огнем приводит к серьезным лесным пожарам.

Вы держите в руках непростую книгу. Это совместное детище Управления лесами и УГПС Самарской области. В книге отражены исторические вехи развития пожарной охраны Самары, рассказано о замечательных людях которые несут службу на благо людей, предотвращают разгул огненной стихии. Мы много и плодотворно сотрудничаем с УГПС в деле борьбы с пожарами в лесах Самарской области. Неотъемлимой частью этого сотрудничества является активная профилактическая работа и своевременная поддержка при экстренных ситуациях. Желаю Вам, дорогие читатели, здоровья, благополучия и беречь зеленое сердце планеты.

***Руководитель Государственной лесной
службы ГУПР и охраны окружающей
среды МПР России Самарской области***

Н.Н. Безуглов

Введение

Это сейчас каждый ребенок хорошо помнит классическую фразу: “В случае пожара звоните “01”. Но ведь всего каких-то 100 с небольшим лет назад любое, даже самое крохотное пламя, случайно вырвавшееся из-под контроля человека, в любом более-менее крупном населенном пункте могло погубить не один квартал домов вместе с их жителями. Впрочем, и в гораздо более поздние времена огненная стихия не раз стирала с лица земли не только города и поселки, но и гигантские промышленные предприятия, лесные массивы, памятники истории и культуры, и так далее.

Завершившийся двадцатый век, по мнению историков, оказался веком не только чудовищных по масштабам мировых войн, но и разрушительных катаклизмов, гигантских катастроф, опустошительных пожаров. Многие, очень многие из этих потрясений в разные годы затронули и наш Самарский край. Впрочем, мы сейчас знаем, что в силу исторических условий о многих из этих чрезвычайных огненных происшествий в свое время знал только узкий круг посвященных. Лишь совсем недавно сведения о большинстве катастрофических пожаров, происходивших в нашей губернии, стали открываться для исследователей. С некоторыми из них мы сегодня знакомим читателей в третьем томе нашей книги.

Кроме того, читателю будут интересны материалы о династиях пожарных, очерки о людях, которые внесли особый вклад в становление и историю развития пожарной охраны Самарской области.

Ленар Храмков, доктор исторических наук, профессор.

Раздел 1

ВСЯ ЖИЗНЬ НА ОГНЕННОМ ПОСТУ

Глава 1

Михаил Орлов:

“Пожарный – одна из самых гуманных профессий”

- Одинаковых пожаров не бывает, как не бывает и простых пожаров, - так начал нашу беседу Михаил Иванович Орлов. - Подтверждение этой, казалось бы, прописной истины за 22 года своей работы в пожарной службе я видел ежедневно и ежечасно.

Бывает, выезжают наши бойцы на тушение какой-нибудь мусорной свалки, или полуразвалившегося деревенского сарая, или заброшенного гаража. Казалось бы, что здесь может быть сложного или опасного? Но ведь именно при борьбе с пожарами в сараях и гаражах в последние годы погибло немало бойцов пожарной охраны. Например, в Новокуйбышевске в 1998 году тушили загоревшиеся гаражи, и сюда выехало подразделение совсем еще молодых ребят из местного гарнизона. По всем признакам пожар виделся несложным, и на первых порах ничто здесь не предвещало опасности. Однако в самый разгар борьбы с огнем в одном из гаражей неожиданно для всех произошел сильный взрыв, в результате было травмировано трое пожарных, а еще один получил столь серьезные ожоги, что вскоре скончался. У него остались жена и маленькие дети. И еще один похожий случай произошел в Чапаевске в марте 2002 года, где при тушении загоревшихся сараев произошел внезапный взрыв, от чего погиб молодой пожарный Катков.

При расследовании выяснилось, что в первом случае внутри гаража стояла бочка с бензином, и смертоносная вспышка здесь произошла, когда в закрытом помещении скопились пары этой легковоспламеняющейся жидкости. Во втором же случае причиной трагедии стал старый газовый баллон с подтекающим вентилем. Спрашивается: могли кто-нибудь из наших бойцов предугадать, предвидеть, что их ожидает на этих, на первый взгляд, совсем простых пожарах? Я думаю, что они, наверное, могли это сделать, однако только в том случае, если бы у них было побольше опыта работы в нашем огненном деле.

Конечно же, пожарные в любом случае должны помнить о мерах предосторожности на месте происшествия, о технике безопасности, но ведь наша задача состоит в том, чтобы быстрее приехать на пожар

и быстрее его потушить. Здесь порой все решают даже не минуты, а секунды, а иногда даже доли секунды. Я по личному опыту знаю, что в такой ситуации пожарному порой бывает просто некогда думать о личной безопасности. Во многом как раз по этой причине у нас порой и случаются трагедии.

Однако вместе с тем хочу сказать, что у каждого пожарного с годами вырабатывается особое чутье на опасность, которое можно назвать профессиональной интуицией, и именно оно нередко его выручает в трудную минуту. Мне это “шестое чувство” тоже хорошо знакомо, потому что за долгие годы работы в пожарной службе оно не раз спасало жизнь мне и моим товарищам, порой даже в самых сложных ситуациях.

Краткая биографическая справка.

Михаил Иванович Орлов, заместитель начальника Главного управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Самарской области, начальник управления государственной противопожарной службы Самарской области, полковник внутренней службы. Родился 21 октября 1958 года в селе Дюрки Атяшевского района Республики Мордовия. С октября 1980 по октябрь 1992 года служил в первом отряде ВПО УПО УВД Куйбышевского облисполкома. В 1993 году окончил факультет руководящих кадров противопожарной и аварийно-спасательной службы (ПАСС) Высшей инженерной пожарно-технической школы МВД РФ.

В сентябре 1993 года М.И. Орлов был назначен начальником отдела пожарной и аварийно-спасательной техники ПАСС УВД Самарской области. С октября 1994 по август 1995 года он – начальник отдела пожарной техники УГПС УВД Самарской области. С августа 1995 по ноябрь 1996 года Михаил Иванович служил в должности заместителя начальника управления и одновременно – начальника отдела пожарной техники УГПС УВД Самарской области. С ноября 1996 по декабрь 1998 года он – в должности заместителя начальника управления, начальника отдела обеспечения военно-мобилизационной готовности противопожарной службы УГПС ГУВД Самарской области. С декабря 1998 по июнь 1999 года М.И. Орлов – начальник первого отряда ГПС ГУВД Самарской области.

С июня 1999 года по настоящее время М.И. Орлов возглавляет управление государственной противопожарной службы Самарской об-

ласти, а с 1 января 2002 года, в связи с передачей Главного управления ГПС из системы МВД РФ в Министерство по чрезвычайным ситуациям РФ он также является первым заместителем начальника Главного управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Самарской области. Почетный сотрудник МВД РФ. Награжден медалями “За отвагу”, “За безупречную службу”; нагрудными знаками “Почетный сотрудник МВД”, “За отличную службу в МВД” “Лучший работник пожарной охраны”, “За заслуги”. Является членом попечительских советов журналов “Общество и безопасность”, “Служба спасения”.

Вот что рассказал Михаил Иванович Орлов о начале своей служебной карьеры:

- Не могу сказать, что профессия пожарного для меня была давней мечтой. Нет, в детстве я больше всего мечтал стать военным. А вот каково в наше время быть человеком с погонами, я узнал во время срочной службы в армии, которую я проходил в 1976-1978 годах.

После призыва я попал в Группу советских войск в Германии, в одну из частей противовоздушной обороны, что располагалась неподалеку от границы с ФРГ. Здесь, бывало, нас поднимали по тревоге по 15-20 раз в сутки. Вот эта беспокойная армейская жизнь меня закалила, выработала умение переносить тяготы будней и высокую живучесть. Эти качества мне затем очень помогли, особенно после окончания Новокуйбышевского нефтетехнологического техникума, когда я по направлению пришел на Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод.

Примерно полгода я проработал по своей первой специальности, а потом, осенью 1980 года, меня по комсомольской путевке направили на укрепление органов внутренних дел. Здесь мне предложили пойти в пожарную службу, и я согласился, хотя до этого о профессии огнеборца знал только понаслышке. Вот так в октябре 1980 года я впервые пришел на работу в первый отряд противопожарной службы, который и по сей день защищает от огня Самарский НПЗ.

В отряде меня назначили младшим инструктором и присвоили звание сержанта внутренней службы. В этой должности я пробыл три месяца, после чего меня повысили – я стал начальником караула. Впоследствии я работал оперативным дежурным в этом же отряде, заместителем начальника отряда по работе с личным составом, пока в 1992

году меня не направили на факультет руководящих кадров противопожарной и аварийно-спасательной службы Высшей инженерной пожарно-технической школы МВД России. После этого я работал в областном УГПС.

По словам Михаила Ивановича, самый первый крупный пожар в его служебной карьере, который запомнился ему на всю жизнь, случился летом 1981 года. Тогда он уже был начальником караула в первом отряде и носил погоны младшего лейтенанта. А тот памятный пожар, как позже выяснилось, случился от короткого замыкания на одной из установок неожиданно вспыхнули отходы на нефтеотделителях блока оборотной воды № 4 на Куйбышевском НПЗ. По все параметрам это было очень серьезное происшествие, поскольку охваченная огнем территория тогда превысила 2 тысячи квадратных метров. В связи с этим пожару была присвоена четвертая категория сложности - самая высокая в нашей области. Конечно же, на тушение приехали тогдашний начальник областного УПО Николай Иосифович Кириленко, а также его заместители Карпов и Иванчиков.

- Горящие нефтепродукты, конечно же, мы тогда тушили пеной, вспоминает Орлов. — Одновременно работали несколько воздушно-пенных генераторов, и один из них держали мы с начальником нашей части Савицким. Вскоре белым покрывалом оказалась покрыта огромная территория, но огонь все еще не сдавался. Зрелище было, конечно же, не для слабонервных: вокруг вода и пена вперемешку с горящими разливами нефти, густой черный дым, гарь и копоть. Именно в этот момент я неожиданно для себя провалился в яму нефтеотделителя, заполненную кипятком. Уже потом я осознал, что в тот момент я был буквально на волосок от смерти. Спасти же в этой ситуации, как я думаю, мне удалось благодаря молодости и хорошей физической подготовке, и еще немного - благодаря простому везению.

Сейчас, с высоты своих лет я понимаю, что тогда я не сумел почувствовать эту яму под слоем воды и пены я в пылу борьбы с пламенем, потому что профессионального опыта и интуиции в те годы у меня было совсем немного. В результате я ушел в эту воду с головой. А поскольку незадолго до того поверх воды горели нефтепродукты, то вода в яме сильно разогрелась — почти до состояния кипятка.

Уже потом начальник управления Николай Иосифович Кириленко рассказывал, что все это произошло прямо на его глазах. Мол, только что неподалеку от него стоял человек в пожарной брезентовке — и

вдруг он куда-то исчез. Правда, Кириленко еще никак не успел отреагировать на это происшествие и предпринять что-либо для моего спасения, потому что я выскочил из ямы в течение каких-то долей секунды, в буквальном смысле этого слова как ошпаренный. Как это не странно, но в тот раз я легко отделался, не получив после своего купания никаких серьезных ожогов. Видимо, меня спасла так скорость, с которой я выскочил из кипятка, и горячая вода просто не успела проникнуть сквозь пожарный костюм. В целом же пожар на НПЗ в тот раз тушили больше шести часов подряд.

Впрочем, в любой профессии можно найти не только серьезное, но и курьезное. Из первых лет своей работы в пожарной охране Орлову запомнился один трагикомический случай, произошедший как раз накануне Нового, 1983 года. Тогда он был оперативным дежурным в первом отряде пожарной службы. Минут за 15 до полуночи поступил тревожный вызов из поселка Стромилово. Когда первая машина прибыла на место происшествия, оказалось, что горит цыганский дом. А нужно сказать, что в Стромилове до сих пор нет пожарных гидрантов, воду из которых можно было бы использовать для борьбы с огнем.

Поскольку к моменту приезда пожарных цыганский дом уже успел достаточно сильно разгореться, тех двух кубометров воды, которые есть в обычной автоцистерне, огнеборцам хватило всего на несколько минут. Увидев, что мы перестали заливать огонь, разогретые спиртным цыгане вооружились кольями, вилами и топорами и пошли на пожарных с воплями: «Что же вы, гады, приехали на пожар без воды?»

Михаилу Орлову, как начальнику караула, тогда все-таки удалось остановить разъяренных цыган и не допустить рукоприкладства. А тут подоспели и другие пожарные машины. Пока вновь прибывшие заливали пламя из своих цистерн, бойцы лейтенанта Орлова успели проложить рукавную линию за несколько сот метров к соседнему озеру. После этого пожар удалось потушить довольно быстро. Правда, дом сгорел почти наполовину, но зато огнеборцы отстояли соседние строения, а также дома других цыган. А обратно в свою часть в ту новогоднюю ночь подразделение Орлова вернулось только под утро.

Постепенно будущий начальник управления пожарной охраны набирался опыта, который так необходим любому специалисту своего дела. И уже вскоре ему представился случай проверить у себя наличие пресловутого “шестого чувства”.

- Это был первый случай в моей практике, - рассказывает Михаил

Иванович, - когда я убедился, что у меня есть профессиональная интуиция. Лишь благодаря ей мне в тот раз удалось спастись самому и спасти начальника своего караула. А произошло это в 80-х годах, когда я работал в первом отряде УГПС.

В один прекрасный день на Куйбышевском НПЗ в очередной раз внезапно загорелся бензин, разлившийся на установке вторичной переработки нефтепродуктов 22-4. Горящее пространство между двух печей площадью примерно 100 квадратных метров мы с напарником залили пеной. Но я знал, что в такой ситуации бывает мало лишь затушить горящий бензин. Дело в том, что эта легковоспламеняющаяся жидкость всегда образует летучие пары, которые могут скапливаться в замкнутом помещении, а затем внезапно взрываться. Именно это с нами тогда и произошло.

В какой-то момент я даже не увидел, а скорее почувствовал, что около одной из печей прямо в воздухе начались небольшие вспышки. Еще не осознав, что происходит, я крикнул: “Уходим!” Еще я успел протянуть руку назад и дернуть за собой стоящего у меня за спиной начальника караула. И едва мы пробежали несколько шагов, как позади нас все ослепительно вспыхнуло. Это взорвались скопившиеся в помещении пары бензина. Мы довольно легко отделались – у нас с начальником караула от этого хлопка лишь слегка обожгло лица. А вот если бы мы замешкались хотя бы на долю секунды, то наверняка оказались бы в самом эпицентре взрыва. О том, что тогда с нами могло бы произойти, мне сейчас даже не хочется думать...

...Профессиональная интуиция после этого спасала Орлова еще не раз, в том числе и весной 2000 года, когда он уже работал начальником УГПС. Многие наверняка помнят, что в том году, 14 марта, вспыхнул серьезный пожар на сборном пункте Радаевского нефтяного месторождения в Сергиевском районе, принадлежащего НГДУ “Сергиевск-нефть” ОАО “Самаранефтегаз”. Тогда пламя охватило огромный резервуар для сырой нефти емкостью 5 тысяч кубометров, который в тот момент, правда, был загружен менее чем наполовину. Ситуация осложнялась тем, что буквально в нескольких десятках метрах от источника огня находились еще четыре таких же емкости, в двух из которых в тот момент также находилась сырая нефть.

На место происшествя в течение двух часов были подтянуты крупные силы пожаротушения из Самары, Сергиевска, Тольятти, Кинеля, Отрадного и других населенных пунктов области. В общей сложности

ликвидацией загорания занимались 33 экипажа пожарных автомашин и 56 единиц прочей техники. Борьбой со стихией занимались почти 250 огнеборцев. На пожар сразу же выехал я, а также мои заместители Николай Михайлович Кичайкин и Александр Григорьевич Ткач. Чуть позже на место происшествия из Москвы прилетел представитель Главного управления ГПС Гелетич.

В течение первых двенадцати часов активного тушения было принято несколько пенных атак на горящий резервуар, но они так и не привели к желаемому результату. Во время одной из операций по подаче пены произошел внезапный выброс пламени из охваченной огнем емкости, в результате чего получили легкие ожоги двое пожарных из Сергиевска - Анатолий Герасимов и Игорь Ревин. На состоянии здоровья бойцов эта производственная травма практически не сказалась, медики оказали им помощь прямо на месте происшествия, и пострадавшие пожарные даже не были госпитализированы.

- Когда мы с Гелетичем стояли неподалеку от горящего резервуара, - вспоминает Михаил Орлов, - я вдруг увидел, что пламя над этой металлической конструкцией резко изменило цвет - оно стало более ярким и каким-то желтоватым. Я сразу понял, что именно сейчас случится, отдал команду по радиии, чтобы все отходили, после чего мы с представителем главка побежали в сторону. И едва мы успели отойти, как из резервуара выбросило громадный столб пылающей нефти. А еще через несколько секунд тонны этой раскаленной смеси рухнули на то самое место, где только что стояли мы с Гелетичем. Потом мне Кичайкин и Ткач рассказывали, что у них от такого зрелища чуть было сердце не оборвалось. Посудите сами: с их стороны не было видно, что мы отбежали, и потому мои подчиненные подумали, что начальник управления вместе с приезжим из Москвы так и остались под слоем горящей нефти.

Борьбу с огнем в те дни сильно осложняло то обстоятельство, что на сборном пункте столь крупного нефтепромысла не оказалось достаточного количества воды, необходимого здесь по нормам пожарной безопасности. Здесь в свое время даже не построили предусмотренный инструкциями пожарный водоем необходимого объема, и потому для подачи воды к источнику пламени пожарные пытались даже проложить магистраль из брезентовых рукавов от реки Сок длиной более пяти километров. Однако из-за слякоти этого сделать не удалось. Пришлось подвозить воду в бойлерах из Сергиевска, за семь километров от места происшествия.

Некоторое время с помощью водной завесы пожарным удавалось предотвращать распространение пламени из пылающего резервуара. Однако через шесть часов огонь все-таки вырвался из своей западни и перекинулся на соседние три резервуара, в которых также хранилась сырая нефть. Несмотря на столь драматическое развитие событий, сотрудники НГДУ «Сергиевскнефть» не переставали откачивать «черное золото» из этого и прочих резервуаров. Всего им удалось перегнать в другое хранилище несколько тысяч кубометров нефти, но не менее двух с половиной тысяч тонн сырья все же превратились в черный удушливый дым, который был виден за десятки километров от Сергиевска. В результате борьбы со стихией нам удалось отстоять три резервуара емкостью 5 тысяч тонн, которые находились непосредственно в опасной зоне. Однако резервуар, начавший гореть первым, оказался полностью уничтоженным огнем.

Причина этого пожара уже вскоре была выяснена. Для неспециалиста она звучит не слишком понятно: «Самопроизвольное возгорание пиррофорных соединений, отложившихся на поверхностях внутри резервуара». А если говорить более популярно, то с течением времени внутри резервуара на его стенках образуется тонкий слой нефтяного осадка, содержащий соединения серы, фосфора, других веществ, которые при определенных условиях (например, при потеплении окружающего воздуха) могут самовоспламениться. Именно это и произошло в тот мартовский день на Радаевском нефтепромысле. Между прочим, нефтяникам хорошо знакомы такие физико-химические процессы, которые могут привести к самовозгоранию нефтяного осадка. В служебных инструкциях предусмотрены и специальные меры, которые должны предотвращать такого рода пожары в нефтехранилищах. Но эти инструкции, к сожалению, на многих предприятиях не выполняются. Но это уже тема совсем для другого разговора.

- Что же касается улучшения материальной базы нашей службы, - сказал в дополнение Михаил Орлов, - то все крупные приобретения пожарной техники у нас сделаны в основном за счет областного бюджета. В частности, в последние годы закуплено 60 стандартных машин с автоцистернами и специальный автомобиль газодымозащиты. Кроме того, по спецзаказу изготовлена автолестница АЛ-50, которая будет способна подниматься до 16-го этажа. Если кто знает, то в Самаре до недавнего времени были машины с лестницами, поднимающимися только до 9-го этажа. Нельзя также не сказать, что за счет

областного бюджета согласно постановлению губернатора в нашей службе добавилось 900 сотрудников.

Также отмечу, что в ряде городов нашей губернии местные администрации хорошо работают с промышленными предприятиями, благодаря чему удается закупить для нужд пожарной охраны необходимую технику. В частности, не так давно в Сызрани за счет здешнего НПЗ и АО “Пластик” город приобрел четыре автоцистерны, а в Тольятти их уже несколько раз закупал АО “Синтезкаучук”. Нужно сказать и об администрации “Самеко”, которая после крупного пожара в ноябре 2000 года выделила средства на приобретение автолестницы взамен сгоревшей.

К сожалению, федеральный бюджет по сей день имеет большую задолженность перед Самарским УГПС. Из Москвы мы получаем только 45-50 процентов необходимых средств, и их хватает только на зарплату. Правда, не так давно федералами были проплачены деньги также за ГСМ и вещевое довольствие, однако с этим все наши финансовые проблемы пока еще далеко не исчерпаны.

Ныне в противопожарной службе нашего региона насчитывается 32 отряда и 157 пожарных частей, в штате которых работает свыше 8000 человек. И если в 1841 году, когда в Самаре впервые была создана пожарная служба, в распоряжении огнеборцев было всего лишь 20 лошадей, то сейчас у нас насчитывается около 400 основных и специальных пожарных автомобилей. Правда, по нормативам нам их положено иметь в 2,5 раза больше, но об этом пока приходится только мечтать.

Тем не менее стоит отметить, что даже в этих условиях самарская пожарная служба остается одной из лучших в стране. Судите сами: за последние пять лет в нашем регионе общее количество пожаров сократилось на 7 с лишним процентов, а относительный ущерб от них в расчете на душу населения – на 11 процентов. На 15 процентов за это же время у нас упало и число погибших на пожарах людей. Может быть, для вас это просто сухие цифры, но они – одни из лучших во всем Приволжском федеральном округе.

За сухими цифрами пожарные всегда видят жизни конкретных людей, на помощь которым мы всегда готовы прийти в любую минуту. В этом суть работы пожарного: в тот момент, когда все живое стремится спастись от огненной стихии, мы, наоборот, мчимся навстречу бушующему пламени с твердым намерением его одолеть.

...Когда разговор с начальником областного УГПС уже подходил к концу, я подумал, что нашу беседу лучше всего закончить на какой-нибудь всем понятной общечеловеческой ноте. Для этого я попросил Михаила Ивановича вспомнить какой-нибудь анекдотический случай, какой наверняка смог бы припомнить любой пожарный, много лет проработавший на своей огненной службе. И вот какую историю рассказал мне начальник областного УГПС.

- В самом начале моей пожарной карьеры, когда я еще был лейтенантом, возглавляемому мной караулу пришлось тушить один частный дом, где незадолго до того шла развеселая пьяная гулянка. Видимо, пожар начался от непотушенного окурка, брошенного в угол кем-то из гостей.

Когда начало сильно гореть, все участники застолья выскочили на улицу, забыв на диване одного сильно “накачанного” гостя. Пришлось моим подчиненным лезть в огонь и спасать спящего пьяницу. Правда, он успел надышаться дыма, но когда пожарные вынесли его во двор и дали подышать из кислородной маски, он быстро очнулся.

Как вы думаете, какими были первые слова спасенного после “воскрешения”? Еле-еле ворочая языком, мужик произнес: “Наливай! Выпьем еще по одной...”

А в заключение этой курьезной истории, как бы подводя итог всему пережитому, Михаил Иванович сказал следующее:

- Конечно же, и у нас тоже бывает, когда рядом друг с другом стоят и комические, и трагические эпизоды, хотя последних, к сожалению, пока что бывает гораздо больше. Но в том и состоит наш профессиональный долг, чтобы спасать людей в любой, даже самой трудной и безнадежной ситуации. А для того, чтобы стать настоящим пожарным или спасателем, нужны особые душевные качества, особый склад характера. Конечно же, порой и в нашу службу приходят самые разные люди, в том числе и эгоисты, и карьеристы, и не слишком усердные работники, а то и бездушные, черствые личности. Однако ни один человек с отрицательными чертами характера долго работать в пожарной охране не сможет – он у нас попросту не приживется. Именно поэтому я считаю, что наша профессия – спасение людей - входит в число самых гуманных на свете.

В.В. Ерофеев

Глава 2

Четыре жизни полковника Жаркова (начальник УГПС с 1998 по 1999 г.)

Биографическая справка

Александр Васильевич Жарков родился 2 апреля 1945 года в крестьянской семье в селе Бариновка Нефтегорского района Куйбышевской области. С 1951 года он с родителями проживал в поселке Кряж Куйбышевского района, где окончил школу. С 1964 по 1967 года Жарков учился в Харьковском пожарно-техническом училище. С октября 1967 по ноябрь 1968 года Жарков работал в УПО УВД Куйбышевского облисполкома и исполнял обязанности помощника оперативного дежурного по городу. С 1968 по 1975 год он служил в штабе УВД облисполкома и одновременно заочно учился в Куйбышевском архитектурно-строительном институте, который он закончил в 1974 году. В 1975 году Жарков снова перешел на работу в УПО. С июня 1987 по март 1998 года он работал заместителем начальника управления государственной противопожарной службы УВД Самарской области, с марта 1998 по июнь 1999 года – начальником УГПС. В настоящее время Жарков - начальник отдела охраны труда и техники безопасности Средневожской газовой компании.

Полковник внутренней службы. Награжден медалью “За отвагу на пожаре” (1978 год) и орденом “За личное мужество” (1991 год).

То, что он стал пожарным, сам Жарков считает чистой случайностью. В юности он не имел вообще никакого представления об этой огненной службе, пожарные машины видел лишь издалека, а на более-менее серьезном пожаре не был ни разу в жизни. О том, что он будет профессиональным пожарным, Александр Жарков узнал лишь накануне призыва в армию, осенью 1964 года, когда у него на руках уже было приписное свидетельство и повестка о необходимости явиться в военкомат. Именно здесь, в военкомате, ему и вручили направление в пожарное училище, и в тот же день ему и еще нескольким таким же, как и он сам, молодым парням из Куйбышева дали сопровождающего, посадили на поезд и отправили в Харьков. Через три года, в 1967 году, Жарков окончил училище с отличием, и время обучения ему было зачтено как служба в армии.

**Жарков А.В. Курсант ХПТУ.
Комсорг дивизиона. 1965 г.**

**Жарков А.В. Референт
зам.начальника УВД.**

**Соревнования ППС среди юношей. г. Самара. Август 1996 г.
Справа - начальник УПС, полковник вн.сл. Карпов А.К.,
в центре - зам. начальника УПС, полковник вн.сл. Жарков А.В. и
зам.начальника УПС, полковник вн.сл. Кондаков В.Ф.**

9.2.2020г.

***Соревнования ППС, 1996 г.
Жарков А.В. (слева), Орлов М.И.
(справа).***

***Зам. начальника УПО
по приходу из ОКСа.
Вручение грамот
победителям
в соревнованиях
по вождению пожарной
техники и работе
на специальных агрегатах.
1987 г.***

Возложение цветов к памятнику погибших сотрудников. 17.04.97 г.

Всем выпускникам, получившим красные дипломы, предоставлялось право самому выбирать место службы после окончания учебного заведения. Разумеется, Жарков предпочел поехать в Куйбышев, где жили его родители и где все было знакомо с детства. После окончания учебы ему, как и всем выпускникам был положен месячный отпуск. В конце лета 1967 года Жарков после отпуска явился в управление и доложил о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. Тогдашний начальник УПО Николай Иосифович Кириленко объявил молодому офицеру, что он остается на работе в управлении и назначается на должность инспектора отдела службы.

В то время штаты оперативных отделов УПО были небольшими, и по ночам в штабе управления дежурил только один старший офицер с помощником, в подчинении которых было десять пожарных подразделений. И Александра Жаркова уже вскоре после получения им новой должности стали назначать помощником дежурного по городу.

Его самым первым серьезным происшествием оказался пожар во Дворце спорта, который случился в конце лета 1968 года. Именно тогда Жарков впервые в своей жизни узнал, что такое опасность.

В ту ночь Жарков, как обычно, нес вахту на посту помощника дежурного по городу. Но когда за окном уже почти совсем рассвело, и часы показывали около пяти утра, по линии "01" вдруг неожиданно поступил тревожный сигнал, что над огромным корпусом недавно построенного Дворца спорта на улице Молодогвардейской поднимаются клубы дыма. Первыми на место происшествия прибыли караулы 12-й части, которая находится в том же здании, что и управление пожарной охраны. Сразу же открыли несколько дверей во Дворце спорта, и оттуда повалили огромные клубы дыма. Пожарные быстро определили, что очаг возгорания находится в подвале здания, в районе туалетов. Именно там дыма было больше всего.

Уже потом выяснилось, что здесь горели сложенные в штабели деревянные щиты, которыми закрывали лед на арене Дворца спорта в тех случаях, когда возникала необходимость срочно превратить его в концертный зал. А загорелись они из-за сварочных работ, которые здесь проводились накануне вечером. Видимо, сварщики и организаторы работ в это время торопились домой, и поэтому они не слишком внимательно следили за тем, чтобы частицы раскаленного металла не попадали на сухое дерево. В результате затаившийся где-то среди щитов маленький огонек в течение ночи набрал силу, чтобы к утру

превратиться в огненного зверя, с жадностью пожирающего все, попавшееся ему на пути.

Александр Васильевич Жарков так рассказывает об этом пожаре:

- Чтобы в дыму и крошечной темноте обнаружить очаг пожара и подать в него воду по пожарному рукаву, в подвал Дворца спорта решено было послать на разведку звено бойцов газодымозащитной службы. Мне было поручено возглавить это звено. Я взял с собой еще троих пожарных. На нас были надеты изолирующие противогазы и обычные брезентовые робы, поскольку специальных отражательных костюмов, защищающих от высоких температур, в Куйбышевском гарнизоне тогда еще не было. За собой мы тянули пожарный рукав. Через туалеты мы вошли в подвал, подсвечивая себе фонарями, однако дым здесь был настолько густым, что луч света пробивал эту пелену всего лишь на расстояние вытянутой руки. Тем не менее по осязанию росту температуры мы поняли, что идем в правильном направлении. Вскоре стало так жарко, что у меня под каской начала коробиться и сжиматься резиновая маска противогаза.

В этот момент впереди стали видны штабели горящих деревянных щитов, и я понял, что вышел прямо к очагу пожара. Впечатление было такое, что ты находишься в пылающей топке огромной деревенской печи, потому что вокруг была лишь сплошная стена огня, и жар стоял такой нестерпимый, что у меня мутилось сознание. Нужно было возвращаться назад и докладывать руководству, что очаг пожара обнаружен, и в него можно подавать воду.

Огонь тем временем охватывал все новые и новые штабели деревянных щитов, жар становился все сильнее. Чтобы не потерять сознание, я был вынужден лечь на пол, где температура все-таки была меньше, и по-пластунски выбираться из подвала наружу. Пожарные знают, что в той ситуации, в которой я тогда оказался, найти вслепую выход из задымленного помещения бывает очень трудно. И нас учили, что в случаях, когда тебя завалило во время пожара, или же ты по какой-либо другой причине потерял ориентировку среди дыма и огня, нужно искать обратную дорогу, передвигаясь вдоль пожарного рукава. Уж он-то обязательно выведет тебя на свежий воздух...

Я сделал так, как было записано в учебнике – пополз вдоль брезентового рукава в сторону от очага пожара и с большим трудом выбрался наружу.

Во второй раз в своей жизни Александр Васильевич оказался на

***Жарков Александр
Васильевич. 50 лет.
02.04.95 г.***

***Жарков А.В. с первой
внучкой Аленой.
Октябрь 1995 г.***

Проводы на пенсию. 03.09.99 г.

День рождения Иванчикова В.И.

Лыжная база «Динамо»

Рыбак, дачник и немного охотник. 1994 г.

краю гибели в октябре 1979 года, когда произошел пожар в областной библиотеке. Пожар начался глубокой ночью. Областная библиотека имени В.И. Ленина тогда занимала левое крыло Дворца культуры. Уже потом была установлена причина этого пожара: оказалось, что вечером заведующая одного из отделов курила в своем кабинете, а потом бросила в корзину для бумаг непотушенный окурок. В течение нескольких часов здесь тлел маленький огонек, и уже глубокой ночью от него начался пожар. Его заметили только тогда, когда пламя стало вырываться из окон библиотеки.

Той ночью я в числе других пожарных работал на металлической кровле здания Дворца культуры. Огонь к этому времени уже вышел в чердачное помещение и уничтожил некоторые деревянные несущие конструкции. Я пошел как раз по тому месту, где, как потом оказалось, под кровельным железом уже сгорело все дерево, да и сам металл под действием пламени уже тоже значительно ослаб. Из-за этого я провалился вниз сквозь эту прогоревшую кровлю, однако каким-то чудом все-таки сумел ухватиться руками за уцелевшие конструкции, а затем с помощью товарищей снова выбрался наверх. Если бы я не сумел тогда удержаться, то с четырехметровой высоты наверняка рухнул бы на горящие балки внутреннего перекрытия здания. Тогда я отделался только несколькими ушибленными ребрами и переломом мениска левого колена.

В третий раз Жарков ощутил рядом с собой огненное дыхание смерти, когда он в качестве представителя УВД Куйбышевского облисполкома возглавлял оперативную группу по ликвидации аварийной ситуации на Томиловском элеваторе. Вот как он сейчас об этом рассказывает:

- В декабре 1987 года на элеваторе начались пожары, причиной которых стало самовозгорание влажных семян подсолнечника, засыпанных сюда на хранение. В январе 1988 года ситуация обострилась еще больше, потому что в элеваторных силосах начались взрывы, которые привели к человеческим жертвам. По мере своих сил пожарные пытались справиться с аварийной ситуацией, однако после гибели в результате взрывов двоих сотрудников элеватора нам поступил приказ, чтобы мы в дальнейшем не рисковали личным составом.

Из всей эпопеи с Томиловским элеватором я на всю жизнь запомнил один случай. Когда на этом объекте уже произошло несколько взрывов, я с группой работников пожарной охраны из Чапаевска осматри-

вал первый и второй корпуса элеватора, самые опасные из всех. Их обследование мы начали снизу, прошли все подсиловое пространство, а затем направились дальше через рабочую башню. Но лишь только мы перешли из второго корпуса в третий, как в то же миг услышали позади себя страшный грохот, будто бы с горки неслись железнодорожные вагоны, при этом сталкиваясь друг с другом.

Оказалось, что буквально через какие-то доли секунды после того, как мы покинули второй корпус, там взорвалось сразу несколько силовых с семенами подсолнечника. При этом взрывная волна буквально разорвала на части все громадное здание. А когда через некоторое время мы вышли из четвертого корпуса наружу, то увидели громадные обломки железобетонных стен и прочих конструкций элеватора, которые разбросало взрывом по всей территории на расстояние до 60 метров. Одним словом, если бы мы задержались во втором корпусе хотя бы еще на мгновение, то я с вами сейчас бы уже не разговаривал. Я считаю, что в тот раз я и мои коллеги избежали неминуемой смерти лишь по какой-то прихоти судьбы.

В ноябре 1990 года рабочие Новокуйбышевского НПЗ допустили грубейшее нарушение правил пожарной безопасности. Они начали газосварочные работы непосредственно на площадке, где стояли огромные резервуары с бензином, дизельным топливом и прочими нефтепродуктами. Объем каждого из таких металлических хранилищ достигал 5 тысяч кубометров. И вот как раз две таких емкости от неосторожной искры тем утром и вспыхнули в одно мгновение. Огненное зарево и огромный столб черного дыма увидел весь Новокуйбышевск...

Уже через полчаса Жарков оказался на месте происшествия. Зрелище было не для слабонервных: из горящих резервуаров во все стороны рвалось ревущее пламя, а из-за плотной дымовой завесы на небе почти не было видно солнца.

В этот раз для борьбы с огненной стихией на площадку НПЗ прибыли десятки пожарных подразделений, причем не только из Новокуйбышевска, но также из Куйбышева, Чапаевска и других близлежащих городов области. К месту происшествия пригнали мощную технику – бульдозеры, военные тягачи, автокраны, грейдеры и так далее. Однако с каждой секундой ситуация здесь все более и более осложнялась, поскольку оба пылающих резервуара в любой момент могли взорваться и накрыть огненной волной десятки людей.

В этих условиях заместитель начальника УПО Александр Жарков принял на себя руководство ликвидацией пожара. Тушение было проведено успешно. Уже через два часа пенная шапка полностью накрыла первую емкость – с дизельным топливом. Еще через два часа пожарные локализовали пламя и во втором резервуаре, где горел высокооктановый бензин.

Казалось бы, до окончательной победы над стихией остается совсем немного. Пожарные подразделения приблизились ко второму уга сающему резервуару и начали охлаждать его стенки водой из мощных стволов. И тут вдруг произошло неожиданное: внезапно вспыхнул бензин, разлившийся вокруг этой емкости за обваловкой. В одно мгновение стена пламени отрезала группу огнеборцев от выхода. Казалось бы, еще чуть-чуть – и оборвется несколько человеческих жизней...

Заместитель начальника УПО Жарков, ближе всех находящийся к этому месту, в какие-то доли мгновения принял правильное в данной ситуации решение. Он схватил пожарный ствол и направил его на бушующее пламя. А еще через несколько секунд на спасение товарищей подоспели и другие бойцы пожарной охраны. Но Жарков до самого конца борьбы с огнем так и не оставил трудный участок: он личным примером увлек огнеборцев за собой, и уже через пару минут все попавшие в засаду вырвались из огненного кольца.

Примерно к пяти часам вечера того же дня пламя было окончательно подавлено и во втором резервуаре. Тем не менее борьба с огнем продолжалась до тех пор, пока пожарные не ликвидировали последние очаги огня, затаившиеся кое-где в подземных трубопроводах. Только поздней ночью стихия окончательно отступила.

За проявленное мужество и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации пожара на Новокуйбышевском НПЗ, Указом Президента СССР М.С. Горбачева от 8 августа 1991 года большая группа работников УПО УВД облисполкома была награждена медалями, а Александр Васильевич Жарков - орденом "За личное мужество".

В.В. Ерофеев

Глава 3

Выбор Анатолия Карпова

Анатолий Константинович Карпов прослужил в пожарной охране более сорока лет. Тринадцать из них он возглавлял управление пожарной охраны Куйбышевской (впоследствии – Самарской) области.

Он не может сказать, что профессия пожарного была его мечтой детства. В 1954 году семнадцатилетний Толя закончил среднюю школу в родном Пскове, а затем по направлению от военкомата поехал поступать в Вольское летное училище: очень прельщала парня профессия механика летательных аппаратов.

- Нас, абитуриентов, было около полутора тысяч человек, - вспоминает Анатолий Константинович. – Жили мы в палатках, ели кислую тушеную капусту. После маминых блинов с вареньем мне, конечно, это совсем не нравилось. Поэтому вместе с моим другом, Борисом Москевичем, мы решили вернуться домой.

Но сделать это оказалось совсем не просто. На просьбу парней отчислить их из-за нежелания учиться руководство ответило отказом. Но мальчишки решили стоять на своем. На первом экзамене, письменной математике, из трех примеров они решили всего один.

- А за это нам почему-то поставили “тройку”, - до сих пор удивляется Анатолий Константинович.

И тогда на следующем экзамене парни решили шокировать преподавателей своим внешним видом. Борис зашел в аудиторию босой и в морских брюках клеш, за ним Анатолий – “тоже как-то не совсем культурно одет”, как теперь выражается он сам. После этого странные абитуриенты отказались отвечать на три билета подряд, и им наконец-то поставили по долгожданной двойке. Радостные, они побежали в приемную комиссию. Но здесь их ждало разочарование: повертев в руках экзаменационный лист, майор процедил сквозь зубы: “Мы все равно вас возьмем. Нам спортсмены нужны”. А дело все в том, что в школе Анатолий активно занимался лыжами и легкой атлетикой, а Борис – боксом. И тогда парни решили пойти на хитрость.

- Несколько дней назад мне из дома пришло письмо, - рассказывает Карпов. – И в подписанный маминой рукой конверт мы вложили листочек со своим текстом: “Сынок, мне тяжело, приезжай, ради Бога”.

Слезливая депеша разжалобила майора из приемной комиссии. Он

наконец-то отпустил непутевых абитуриентов и выдал им справку, что они отчислены из-за нежелания учиться.

Несколько дней парни просидели дома, а потом решили попробовать поступить еще куда-нибудь, благо время приемных экзаменов еще не прошло. Поразмыслив, Анатолий и Борис отправились в Ленинград.

- Мой отец работал старшиной МГБ, и я с детства был знаком с этой системой, - вспоминает Карпов. - Потому-то я прихватил своего друга Бориса, и мы с ним смело направились на Литейный проспект. Тут я открыл дверь Белого дома и огорошил всех своим заявлением: “Я хочу у вас учиться”.

Подошедший кадровик на его слова отреагировал совершенно спокойно:

- Хорошо, мы отправим вас под Москву, в Бабушкино, в пограничное училище.

- Не, мы пограничниками быть не хотим, - протянули парни, - лучше разведчиками.

Но разведчиков из них делать не стали, и пришлось молодым людям отправиться дальше. Следующим на их пути был военкомат.

- Мы хотим пойти в артиллерийское училище, - объявили они там.

- Хорошо, - ответили им военные, - погуляйте немного, мы сейчас все оформим.

Часа через два парни вернулись.

- Идите, получите проездные, - с порога отправили их.

- Да ладно, - застеснялись те, - три копейки на проезд до училища мы как-нибудь найдем.

- Какие три копейки? - удивился военный. - Вы поедете в Прибалтику...

- Да вы что? - вытарашили в свою очередь на него глаза мальчишки. - Ни в какую Прибалтику мы не поедem! Отдайте наши документы!

- Документы нам кое-как забрать все-таки удалось, - вспоминает свои дальнейшие похождения Анатолий Константинович, - после чего мы отправились дальше по Литейному проспекту. И здесь через несколько кварталов Анатолию и Борису на глаза попала вывеска: “Ленинградское пожарно-техническое училище”. Впрочем, поступать сюда они тоже не захотели.

- Пока мы ждали кадровика, я в окно выглянул, - вспоминает Карпов. - А там люди в робах тащат какие-то шланги. “Да ну их, - разочаровался я, - и обратился к другу: “Бери чемодан, пошли отсюда”.

Потом друзья дошли до артиллерийско-технического училища. Выстояли очередь в приемную комиссию. Первым туда зашел Анатолий.

- Я гордо протянул папку с надписью “Вольское военно-техническое училище”, - рассказывает Карпов, - а один из офицеров решил поинтересоваться, почему же я не захотел там учиться. И тогда я протянул ему справку, в которой было написано, что я отчислен... из-за нежелания учиться. “Иди отсюда, - сразу же вернул мне документы этот офицер. – Там не захотел учиться, и здесь не будешь!”

А вот друга Бориса сюда приняли без проблем: Анатолий посоветовал ему оторвать верхние корочки папки и не говорить, что он ездил в Вольск. Борис остался, а Анатолий решил больше не бродить по чужому городу, а вернуться домой. Он направился на вокзал, купил билет, сел на лавочку, открыл чемоданчик, в котором дожидалась своего часа отваренная мамой курица, и только собрался впиться зубами в ее сочное мясо, как услышал: “Толя, погоди, вместе поедем!” По перрону к нему бежал дружок Борис, которого к тому моменту уже успели выгнать из училища за драку.

Дома Анатолий рассказал, что его не приняли в Вольское училище из-за того, что он не сдал экзамены, и продолжал догуливать каникулы. Но через какое-то время мама стала стирать куртку, в которой парень “путешествовал”, и нашла там ту самую справку. Вечером великовозрастному дитяти папа как следует всыпал ремня. На следующий день же друзья отправились в райком комсомола и получили путевку на завод “Станкостроитель”. Правда, работать Анатолию особо было некогда: он усиленно занимался спортом и почти все время жил на сборах.

А в положенное время ему пришла повестка из военкомата. В тот же день собрался семейный совет, на котором отец и брат сестры, служащие в системе МГБ, уговорили его поступать в Ленинградское пожарное училище:

- Там кормят лучше, чем в армии. К тому же проучишься три года, а потом сам решишь...

В итоге 1 октября, успешно сдав экзамены, Анатолий был зачислен в пожарное училище, а 5 ноября он в составе сборной команды по лыжам уехал в Калголово на сборы.

- Потом мы подсчитали: из трех положенных лет мы проучились... всего шесть месяцев. Остальное – пробежали, - вспоминает Карпов. –

Правда, все сессии мы все-таки сдавали: учителя приезжали прямо к нам на базу.

Там же, в училище, Анатолий впервые принимал участие в тушении пожара.

- Горела квартира, - рассказывает Карпов. - Мы зашли, а там, в детской кроватке, лежит ребенок, и у него на каждом пальчике голубой огонек горит. Смотреть на это было очень страшно.

В 1958 году Анатолий закончил училище, получил звание лейтенанта и выбрал распределение в Куйбышев: этот город на Волге очень уж расхваливал своим ученикам один из преподавателей, побывавшей здесь на стажировке.

Первым местом службы Анатолия Карпова стал учебный отряд на Хлебной площади, в который он был назначен курсовым командиром. И в первую же неделю службы молодой лейтенант встретил здесь свою судьбу.

- Захожу я в библиотеку, - рассказывает Карпов, - а там девушка сидит. - Талия осиная, красивая... После этого мы с ней восемь лет встречались, а потом как-то случайно поженились. На это нас подбила ее подруга. В канун Нового года она приходит ко мне и говорит: "Толя, нам новый год встречать негде". "Как это негде, - возмутился я. - У меня комната 18 метров на проспекте Масленникова". "Ну так повод нужен..." - протянула девушка. "Какой повод? Новый год же!" "Ну... а ты лучше женись, вот тогда и погуляем" - предложила она. "Да запросто!" - согласился я. И после того Нового года мы с Тамарой до сих пор вместе.

Сначала обязанности командира давались Анатолию Константиновичу с трудом: его никак не хотели слушаться старослужащие. И тогда он решил показать свой характер. В одну ночь, когда бойцы сладко спали, он три раза объявлял учебную тревогу, да и задания выбирал посложнее. А на утро к нему подошел один из старейшин: "Все, командир, мы поняли..."

- С тех пор, - вспоминает Карпов, - у меня был самый дружный караул. Обедали мы всегда в складчину. А в оставшееся свободное время бойцы по собственному желанию на время вязали спасательную петлю или сматывали в клубок веревку. Самого быстрого награждали лишней порцией компота.

Но в учебном отряде Карпов проработал недолго. Вскоре его перевели в испытательную лабораторию на должность инженера, а затем - в отдел службы и пожаротушения областного управления. Правда, к

этому времени ему пришлось распрощаться с профессиональным спортом: очень уж не нравились начальникам постоянные отлучки подчиненного.

В управлении после должности инспектора Карпов очень быстро стал заместителем начальника службы. А вскоре в УПО пришел новый начальник – Николай Иосифович Кириленко. Проработав на этой должности некоторое, не слишком продолжительное время, новый начальник вызвал к себе Карпова и приказал:

- Садись напротив.

- Так я сижу напротив вас, - не понял тот.

- Я имел в виду – в кабинет напротив, - объяснил Кириленко. – Будешь моим заместителем.

В этой должности Анатолий Константинович Карпов прослужил двадцать лет, и к своей работе он всегда относился очень ответственно.

- Однажды мы вместе с женой решили отдохнуть за Волгой, - рассказывает Карпов. – Так я всех на работе предупредил, где меня искать, пожарному катеру указал место моей палатки, а сам взял бинокль и давай ходить вдоль берега – на город смотрел, не горит ли где. До вечера промучился, а потом плюнул на все и вернулся домой. А жене сказал, что больше я сюда не поеду.

Одной из главных заслуг Анатолия Константиновича в это время стала реорганизация профессиональной пожарной охраны, которую по новому постановлению нужно было передать в ведение МВД. Работа это была очень сложная: нужно было проехать все районы, уволить–принять людей, везде наладить дисциплину...

Несколько лет подряд УПО получало переходящее Красное Знамя, а затем Куйбышевская область стала базовой по пожарной защите взрывопожароопасных объектов, и ее опыт начали внедрять по всему Союзу. Кроме того, здесь проводили много семинаров и конференций союзного значения, на которые приезжали даже зарубежные делегации. В это же время Кириленко вместе с Карповым создавали учебный полигон под Новокуйбышевском (второй в Союзе), где научно-исследовательский институт противопожарного оборудования проводил свои основные испытания.

А в 1987 году, когда Анатолий Константинович во время отпуска Кириленко исполнял обязанности начальника УПО, в областном УВД поменялся начальник. Карпов одним из первых сумел прорваться к нему на прием, доложил о работе управления. А тот тут же предложил ему занять место Кириленко.

- Я не знал, как мне выпутаться из этой дурацкой ситуации, - рассказывает Карпов. - Получилось, будто я своего руководителя подси- дел. А у начальника УВД ответ один: "Не твое дело". Понял я, что он от меня не отстанет, и потому, как только Николай Иосифович вышел из отпуска, все ему рассказал. Этим же вечером Кириленко написал заявление об уходе на пенсию. В том же году Анатолий Константинович Карпов стал начальником управления пожарной охраны и вошел в координационный совет своего главка.

- В конце 80-х – начале 90-х годов мы решали очень много вопро- сов по стратегии и тактике пожарной охраны России, - рассказывает Анатолий Константинович. - Не раз встречались мы и с министрами. В их числе был Сергей Шойгу, который в тот момент только что со- здал министерство по чрезвычайным ситуациям и активно агитиро- вал нас перейти в его службу.

Запомнились Анатолию Константиновичу и крупные пожары, слу- чившиеся за время его руководства. Один из них произошел на Ново- куйбышевском нефтеперерабатывающем заводе. В одном из цехов лопнуло уплотнение задвижки, и из резервуара струей забил горящий продукт. Чтобы остановить ее, один из бойцов, рискуя жизнью, на- крыл резервуар кошмой, после чего пожарные стали заливать все пе- ной. Но за их спиной пена стала разрушаться, открывшийся продукт вновь вспыхнул, и пожарные оказались в огненном кольце. К счастью, пламя удалось довольно быстро погасить.

Не менее сложный пожар был и на радиоцентре, где глубоко под землей, на расстоянии двадцати метров от поверхности, загорелся передатчик. А там, в закрытом бункере, оказались заперты люди.

- Через одну из вентиляционных шахт мы смогли расслышать их голоса, - вспоминает Анатолий Константинович, - и мои бойцы тут же бросились их спасать. Подтянули на веревке, привязали к арматуре и стали дожидаться специальной техники, которая смогла бы перепи- лить эти толстенные прутья. А из шахты уже дымом потянуло. Пере- пуганные рабочие просят: "Мужики, покурить дайте напоследок, все равно ведь погибнем". Покурить-то мы им дали, а вот погибнуть – нет. Всех спасли. А потом уже в огонь ходили, передатчик тушить. Обольемся водой – и в пламя. Очень неприятные это ощущения.

А за тушение пропановых цистерн на наливной установке Новокуй- бышевского нефтехимкомбината Анатолий Константинович Карпов был награжден орденом Мужества (кроме этой награды, у него есть также медаль "За отвагу на пожаре" и знак "Заслуженный работник МВД").

- Шестидесятитонные цистерны от взрыва подпрыгивали на рельсах, как спичечные коробки, - события тех дней Карпов до сих пор помнит досконально. – А все мои бойцы лежат в кювете и смотрят. Тогда я скомандовал: “Мужики, чего разлеглись?! Пошли!” и сам первым двинулся. А за мной пошли и все остальные со стволами. Мы сумели начать мощное охлаждение и даже стали расцеплять вагоны, причем толкали их вручную. Очень самоотверженно там люди работали. К тому же на нашем полигоне мы сумели натренировать людей на действия почти в реальной обстановке, и потому во время пожара они прекрасно знали, как вести себя в экстремальной ситуации.

Запомнилась Карпову и новогодняя ночь с 1978 на 1979 год, когда в Тольятти горел азотно-туковый завод: здесь взорвался громадный пятиэтажный корпус. А мороз в те дни стоял небывалый – до 43 градусов. У бойцов каски к ушам примерзали. Понятно, что в такой обстановке тушить пожар было очень сложно.

Очень непросто было бороться с возгоранием на Новокуйбышевской ЦГФУ. Там получил смертельные ожоги замполит отряда Сергей Язовский. Он первым взобрался на этажерку, чтобы сбить огонь, а в это время газопровод разорвался еще в одном месте, и горящая волна накрыла храброго пожарного. Здесь, чтобы потушить огонь, пожарным приходилось самим искать и закрывать газовые задвижки: работники ЦГФУ боялись заходить в полыхающее здание.

Сложные ситуации за время работы Карпова начальником управления возникали не только на промышленных установках, но и в жилых домах. На одном из таких пожаров ему пришлось спасти маленькую девочку. Действовать пришлось в экстремальной обстановке: дым из горящего подвала уже заполнил всю лестничную клетку и пробирался в квартиры. А на пятом этаже дома одна осталась маленькая девочка. Ее мама никак не хотела отдавать ключи пожарным: не хотела, чтобы те увидели ее пятилетнюю дочь голенькой. Пришлось огнеборцам взламывать дверь. Успели вовремя: малышка, накрывшись шубкой, сидела на подоконнике, прильнув к малюсенькой щелочке, из которой пробивался свежий воздух.

В 1998 году Анатолий Константинович ушел в отставку. Но и на пенсии он не сидит без дела: вот уже три года Карпов руководит областным филиалом Фонда пожарной безопасности.

И.А. Аракчеева

М.И. Орлов с сыном Сашей. 1983 г.

М.И. Орлов (слева) 1982 г. Оперативный дежурный 1 отряда ВПО УПО. Подготовка к учениям.

Лейтенант М.И. Орлов, декабрь 1982 г. 1 отряд ВПО УПО УВД Куйбышевского облисполкома.

М.Орлов (нижний ряд, крайний справа) 7«а» класс. 1972 г.

М. Орлов (верхний ряд, 3-й справа). Группа №3 КПТИ март, 1988 г.

М.И. Орлов и его сын Александр. Выставка пожарной техники. 2000 г.

Испытания на пожарном полигоне. Начальник УПО Кириленко Н.И. (слева), секретарь Куйбышевского облисполкома Орлов В.П. (крайний справа).

Подведение итогов служебной деятельности УПО 1986 г.

Подведение итогов пожарно-тактических учений г. Куйбышев. 1986 г. ПЧ-6.

Испытания на пожарном полигоне. 1960 г. В центре начальник УПО Куйбышевского облисполкома полковник Игнатов Б.Г., ст. инструктор отдела службы л-нт Карпов А.К.

А.В. Кадьян. 1971 г.

Начальник учебного центра
УГПС полковник вн.сл. А.В. Ка-
дьян. 1999 г.

А.А. Кадьян майор вн.сл.
2001 г. Парад, открытие
Чемпионата России по ППС.

А.А. Кадьян капитан вн.сл.
1998 г. ПЧ-3 УГПС.

Зотова Л.Ф. Танцевальный ансамбль г. Новокубышевска.
Радиотелефонистка отдельного поста ПЧ-34. 1960 г.

Зотов А.П. Начальник караула отдельного поста ПЧ-34. 1964 г.

Попов. М.Ю. Слушатель учебного центра УГПС. 1987 г.

Семья Зотовых на Чемпионате России по ППС. Стадион «Динамо». г. Самара. 1996 г.

Болгов В.В. Подполковник
вн. сл., начальник 11 ОГПС.

Бойцы 19-й ВПЧ охраняли предприятие химической промышленности. В этих условиях очень важно, чтобы всегда четко работала газодымозащитная служба, в отрядном состоянии находились аппараты КИИ-5.

Много для этого делает старшина Петр Яковлевич Болгов, которого вы видите на снимке. В должности старшего мастера ГДЗО он работает со дня организации ее в части.

Петр Яковлевич — отличник боевой и общественной деятельности, в своей работе он проявляет много инициативы и смекалки. Так, например, для проверки КИИ-5 им был приспособлен пылесос «Чайка».

Фото В. Комарова.

Храмов К.Т. Старший водитель УПО Куйбышевского облисполкома. 1964 г.

Храмов К.Т. и начальник УПО Кириленко Н.И.

Храмов В.К. (справа).
Открытие пожарного депо
ПЧ-9.

Храмов А.В. (крайний справа) сын Храмова В.К., начальник отдела ГПН УГПС МЧС России.

Латкова (Храмова) А.В. дочь
Храмова В.К., радиотелефонист
ПЧ-9.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

НОВОКУЙБЫШЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

РЕШЕНИЕ

« 22 » августа 2002 г.

№ 113

О присвоении звания
«Почетный гражданин города Новокуйбышевска»
в 2002 году

На основании положения о «Почетном гражданине города Новокуйбышевска» и руководствуясь ст. 35 Устава города, Новокуйбышевская городская Дума

РЕШИЛА:

1. За активную жизненную позицию, личные заслуги перед жителями, за общепризнанные достижения в различных областях деятельности, способствующие развитию города и утверждению его в ряду лучших городов Самарской области, присвоить звание «Почетный гражданин города Новокуйбышевска» в 2002 году:
 - Малахову Михаилу Егоровичу;
 - Климовой Зинаиде Николаевне;
 - Моргунову Владимиру Михайловичу;
 - Ракову Николаю Васильевичу;
 - Кукушкиной Раисе Александровне
2. Опубликовать данное решение в средствах массовой информации.

Председатель Новокуйбышевской
Городской Думы, глава города

А.П. Нефедов

Почетный гражданин
г. Новокуйбышевска. Мор-
гунов В.М., полковник
вн.сл. в отставке. 2002 г.

Подведение итогов по завершению ПТУ. Справа-налево: зам.начальника УПО полковник вн.сл. Жарков А.В., начальник ОГПН УПО подполковник Приходько В.Ф.

Последствия пожара на элеваторе п. Томылово. 1988 г.

Пожар на артскладах 81-го танкового полка. п. Черно-
речье, Самарская обл. 1995 г.

Ликвидация пожара на заводе «Синтезкаучук». г. Тольятти. 1981 г.

Ликвидация пожара на заводе «Куйбышевазот». 1993 г.

Последствия пожара по ул. Воронежская, 242. 1999 г.

10 февраля 1999 г. 19.00. Пожар в здании УВД Самарской области

Последствия пожара в здании УВД Самарской области.
Февраль 1999 г.

Эвакуация людей из горящего здания УВД Самарской области. Февраль 1999 г.

Работа на охлаждение близлежащих зданий по улице Пионерской. Февраль 1999 г.

Сотрудники награжденные правительственными наградами за тушение пожара в здании областного УВД Самарской области 10.02.1999 г. Фото июнь 1999 г.

Ликвидация пожара на предприятии АО «Самеко». г. Самара. 2001 г.

Корпус №57 АО «Самеко».

Международные соревнования по ППС. Дания. г. Хернинг.
1997 г. Сборная команда по ППС.

Сборная команда по пожарно-прикладному спорту УГПС
МЧС России Самарской области.

Совместное совещание между Государственной лесной службой и подразделениями УГПС Самарской области перед началом пожароопасного сезона. г. Нефтегорск, май 2002 г.

Участники совместной коллегии Государственной лесной службы Главного управления природных ресурсов по Самарской области и директоров лесхозов. 2002 г.

Директор Самарского лесхоза Панков Г.В. (в центре) 2002 г.

Посадка саженцев ели. Справа - главный лесничий Шевков Н.И. 2000 г.

Последствия пожара в лесу.

Наглядная агитация. Самарский лесхоз. 2002 г.

Глава 4

Человек-легенда из пожарной службы

Николая Иосифовича Кириленко, в течение 25 лет проработавшего начальником управления пожарной охраны Самарской области, ныне называют не иначе, как человеком-легендой. И не зря: за четверть века своей службы Кириленко не раз приходилось руководить тушением сложнейших пожаров, от исхода которых порой зависела жизнь целых городов. К тому же именно ему принадлежит идея разработки тех технологических новшеств, которыми сейчас пользуются пожарные по всей России.

В пожарную охрану Николай Иосифович попал практически сразу же после Великой Отечественной войны. В 1948 году Кириленко комиссовали из авиации, и в ожидании перекомиссии он решил подыскать себе работу на гражданке. Отправился на 18-й завод (ныне АО “Авиакор”), а там, пока он бродил по территории в поисках заводууправления, наткнулся на человека в непонятной красивой форме. Проводил его взглядом (“Что это за ведомство такое?”), а мужчина, буд-то почувствовав его недоумение, оглянулся. И оказался он... одноклассником Николая Иосифовича, работавшим инспектором 24-й пожарной части.

Заметив неподдельный интерес Кириленко, он чуть ли не насильно потащил его в отдел кадров: “Пойдем, там тебя без разговоров возьмут!” И действительно, кадровик уже было хотел заполнять все полагающиеся в этих случаях бумаги, поскольку и образование, и здоровье у Кириленко оказалось самое что ни есть подходящее, да тот что-то не стал торопиться менять небо на землю, а решил еще немного подумать. А между делом зашел к однокласснику в пожарную часть – посмотреть, что там да как.

- Интересно мне там стало, - вспоминает сейчас Николай Иосифович, - машины красивые, форма необычная, бойцы одеваются-раздеваются на скорость...

Возможно, этот интерес тогда и сыграл свою решающую роль в его выборе профессии. Уже вскоре Кириленко поступил в Ленинградское пожарно-техническое училище и начал служить в отделе государственного пожарного надзора, организованного при 24-м заводе, эвакуированном в Самару из Москвы. Отслужив год помощником начальника этого отдела, Кириленко был переведен в отдел службы и подго-

товки, а затем стал инструктором политчасти отдела. Дела его быстро пошли в гору: в 1951 году Николай Иосифович был назначен на должность заместителя начальника пожарной части завода “Прогресс”, а уже через три месяца занял пост начальника.

- С самых первых дней я начал вникать во все тонкости заводской жизни, изучать постановления по авиационной промышленности, - вспоминает Кириленко. - Это мне было совсем не трудно, ведь с авиацией я был хорошо знаком.

Однажды, после обхода цехов, Кириленко обнаружил несколько серьезных недостатков, которые в случае пожара могли бы привести к серьезной трагедии. Вот только доложить директору “Прогресса” об этом безобразии ему никак не удавалось: тот почему-то не считал нужным знакомиться с новым начальником пожарной охраны. И тогда Кириленко решил действовать напролом: быстро прошагал через приемную, да так, что секретарша и опомниться не успела, а распахнул дверь кабинета директора, представился - и сразу с порога начал:

- Безобразие, вон в цеху три самолета вплотную друг к другу стоят, придется начальника цеха оштрафовать.

А потом, заметив интерес в глазах директора, рассказал ему и про крышу, которая была покрыта пожароопасным материалом.

- После этого мы с директором подружились, - рассказывает Николай Иосифович, - видимо, понравилось ему, что я так серьезно к делу подхожу.

Но еще больше директор зауважал молодого пожарного (а Кириленко тогда было всего 25 лет), когда тот предоставил ему генеральный план пожарной безопасности предприятия: очень уж много конкретных деталей там было подмечено.

За те 10 лет, в течение которых Кириленко занимал должность начальника пожарной части, завод “Прогресс” стал образцовым предприятием. На него равнялись остальные заводы отрасли, а перенимать опыт сюда приезжали и из других областей.

- А все потому, что у меня там был железный порядок, который поддерживал прекрасный сплоченный коллектив, - вспоминает свою работу Кириленко.

В 1961 году Николай Иосифович был назначен начальником управления пожарной охраны Куйбышевской области. Несмотря на то, что это назначение стало для него полной неожиданностью, именно на первые годы службы здесь Кириленко приходятся две технические раз-

работки, которыми впоследствии стали пользоваться не только самарские пожарные: он внедрил в практику защитный асбестовый костюм и машину для тушения нефтяных резервуаров.

К идее создания защитного костюма Кириленко подтолкнули пожары в многочисленных безымянских подвалах. При возгораниях температура в этих низеньких запутанных помещениях была выше 1000 градусов, и потому, естественно, без хорошей защиты потушить в них огонь было просто невозможно. А создавали и испытывали этот костюм в 1964 году в одной из новостроек.

- Разожгли мы там костер, - вспоминает Кириленко, - а я команду: "Как только 900 градусов будет - доложить". И как только все прогрелось до нужной температуры, люди в огонь пошли. Все окончилось очень удачно. А потом с помощью нашей испытательной пожарной лаборатории мы довели огнестойкость асбестового костюма до 1200 градусов. И рукавицы к нему разработали специальные: длинные, по локоть, с двумя пальцами, чтобы удобнее было в них работать.

Жизненной необходимостью было вызвано и создание специальной машины для тушения нефтяных резервуаров. Новокуйбышевск, за пожарную безопасность которого в качестве начальника областного управления тоже отвечал Кириленко, уже тогда был крупным промышленным центром по переработке нефти, и пожары на его предприятиях были совсем не редкостью. А ведь горящая нефть очень коварна: когда она набирает определенную температуру, то сразу же начинает "убегать" из резервуара, как молоко из кастрюльки. Очень часто эта раскаленная лава выливалась прямо на головы пожарных, которые внизу пытались побороть огненную стихию. Естественно, что в таких случаях не обходилось без жертв.

Чтобы обезопасить бойцов, а заодно научиться быстрее и эффективнее тушить горящее "черное золото", для борьбы с огнем было решено приспособить технику. Больше всего для этой цели, по мнению разработчиков, подходил обычный артиллерийский тягач. Усовершенствовали его механизм (чтобы он мог вращаться), из дюралевых труб сделали несколько высокократных пенных стволов, а затем прикрепили их к машине. В общей сложности разработка этой чудо-техники велась с 1963 по 1966 год.

Машину испытывали на полигоне под Новокуйбышевском, создание которого - тоже одна из заслуг Кириленко. Здесь на площади в семь гектаров было установлено несколько нефтяных резервуаров раз-

ной емкости, подготовлены имитации скважин по добыче нефти, а также создали действующие модели всех видов нефтехранилищ. Такое великолепное оснащение способствовало тому, что полигон уже вскоре стал центром научно-исследовательской работы союзного значения.

Частыми гостями на нем были ученые из ВНИИ пожарной охраны: Петров, Казаков, Курбатский. Вместе с самарскими пожарными они изучали пенообразователи, которые выпускала отечественная промышленность, а также исследовали пожарно-технические свойства строительных материалов и даже изделий бытовой химии. В результате этих испытаний вырабатывались нормативы, которые потом брали на вооружение пожарные всей страны. Кроме того, пожарную подготовку на полигоне регулярно проходили представители всех родов войск и многих оборонных предприятий страны. При этом самарские пожарные делились опытом и со своими коллегами из братских социалистических стран.

- Кроме испытаний, - рассказывает Николай Иосифович, - на полигоне под Новокуйбышевском мы отрабатывали и нормы пожаротушения по каждому из пенообразователей, готовили грамотных бойцов. Может быть, именно поэтому крупных пожаров у нас тогда было в четыре раза меньше, чем в других областях СССР.

Но все же Кириленко не раз приходилось руководить тушением крупных пожаров, от исхода которых зависела нормальная жизнь множества людей и даже целых населенных пунктов.

Один из них произошел в октябре 1974 года. Причиной его стала авария одной из ниток нефтепровода “Дружба”, проходящей под рекой Самара. По всей видимости, ослабло одно из креплений, которое удерживало все сооружение на дне реки, и тогда труба диаметром 1 метр 20 сантиметров всплыла к поверхности воды и здесь сплюснулась в гармошку. Из-за этой деформации в стальной магистрали образовалась трещина, через которую ударил 100-метровый нефтяной фонтан. При этом толстый слой “черного золота”, подталкиваемый течением, “потянулся” вниз по реке.

- Об этом происшествии нефтяники нам доложили около 11 часов утра, - вспоминает Кириленко. – Но при этом никто из них не знал, сколько же нефти к тому моменту уже успело вырваться на свободу. Поэтому я решил отправить на разведку пожарный катер. Однако из-за сильного тумана до места разрыва он дойти не сумел, и поэтому

выяснять ситуацию нам пришлось с помощью расчетов. Для этого один из наших сотрудников поехал по левому берегу, другой – по правому. Вскоре пожарным удалось установить, что нефть растеклась по реке почти на километр, да и толщина слоя при этом была порядочной. В такой ситуации каждую секунду могло случиться непоправимое: черная масса уже почти подошла к водозаборам, и еще затекла под железнодорожный мост, по которому в тот момент почти безостановочно шли составы.

В тот момент Кириленко прекрасно осознавал всю опасность ситуации, и потому он взял на себя огромную ответственность – приказал остановить движение всех поездов через Куйбышев. Нельзя сказать, что в обкоме партии это его решение приняли с энтузиазмом, но все же через несколько часов Николаю Иосифовичу удалось убедить партийных чиновников в правоте своих действий.

- Конечно же, остановка Куйбышевской железной дороги была серьезнейшим ЧП всесоюзного масштаба, - так прокомментировал свои действия Кириленко, - но если бы я этого не сделал, то от малейшей искры, упавшей с локомотива, вполне мог бы сгореть весь Куйбышев.

К счастью, подобной трагедии тогда не случилось. Движение составов и в самом деле отложили на неопределенное время. Тем временем нефтяники поставили заслоны на пути растекавшегося по реке “черного золота”, а пожарные под жестким контролем подожгли образовавшееся озеро. Нефть сразу же стала стягиваться к центру образовавшегося факела, и при этом она горела так сильно, что под нею закипала речная вода, а образующийся пар стал разбрасывать во все стороны пылающие нефтяные “капли”. К трем часам утра следующего дня эти выбросы стали такими мощными, словно это были взрывы тротила. Но это была последняя агония огненной стихии: еще через час нефть выгорела полностью, и выбросы прекратились. Всего же на ликвидацию этого сложнейшего пожара у куйбышевских брандмейстеров ушло около суток. Ровно столько же томились на запасных путях и задержанные поезда.

Еще одну трагедию, теперь уже в Тольятти, пожарным под руководством Кириленко удалось предотвратить в ночь под Новый, 1979 год. Около 11 часов вечера, когда во всем Среднем Поволжье температура воздуха упала почти до 40-градусной отметки, начался сильный пожар на заводе “Куйбышевазот”. Пожару предшествовал мощный взрыв, произошедший в огромном 200-метровом здании, в резуль-

тате здесь сразу же рухнула технологическая арматура, а потом эти развалины начали пожирать бушующее пламя.

- Чтобы справиться с огнем, нам сначала нужно было срочно потушить одну из технологических колонн, - вспоминает те события Кириленко. - Ведь если бы пожар от нее подобрался бы к ТЭЦ, то следом за этим сразу же пошла бы цепочка возгораний и взрывов на всех других заводах города. Однако тушить пламя водой в ту ночь было практически невозможно: из-за лютого 38-градусного мороза перемерзли пожарные рукава, а воды в заводских градирнях явно не хватало. Выход из этой ситуации был один: хотя бы на время отключить воду во всем городском тольяттинском водопроводе. Ответственность за это смелое решение опять же взял на себя Кириленко. В итоге в течение двух часов той новогодней ночи горожанам пришлось обходиться без живительной влаги, зато тольяттинская промышленность была спасена.

Тушение еще одного сложнейшего пожара Николай Иосифович до сих пор вспоминает с гордостью: в 1964 году крайне пожароопасный уже в то время Дом промышленности благодаря оперативности пожарных был спасен от разгула пламени. Это здание было построено еще в 30-х годах по типовой технологии того времени: 80-сантиметровые межкомнатные перегородки в нем заполнены деревянной стружкой, пропитанной чрезвычайно ядовитым химическим составом.

Так вот, однажды в перекрытии Дома промышленности (кстати, тоже деревянном) между подвалом и первым этажом замкнула проводка, и огонь тут же устремился в пространство между деревянными щитами. Почти мгновенно все здание наполнилось дымом. Тогда из этой ядовитой гари пожарным по приставным лестницам удалось эвакуировать 250 человек, в том числе и с самого верхнего, шестого этажа.

- Следующей нашей задачей в этом тушении, - поясняет Кириленко, - было достойно встретить огонь. Но для этого нужно было выяснить, где же он вырвется наружу.

Огнеборцы со стволами наизготовку караулили пламя на каждом уголке здания. В итоге они "поймали" его в левом крыле четвертого этажа.

- Как только мы ковырнули здесь стену, - вспоминает Николай Иосифович, - из дыры прямо нам в лицо пыхнуло жаром и дымом. Но за нами уже шли бойцы со стволами, которые сразу же стали заливать

огонь. Правда, дышать в этом ядовитом дыму было практически невозможно. Спасли нас лишь 30 бидонов молока, хранившихся на кухне. Только боец его хлебнет, из него все назад хлещет - отравление продуктами горения. Вот так мы бойцов и промывали. Врачи нас потом за это похвалили, сказали, что с молоком это было правильное решение.

В тот факт, что возгорание в таком огромном здании с деревянными перекрытиями удалось потушить без особых разрушений, долгое время никто не мог поверить. Пришлось всем сомневающимся продемонстрировать нанесенный огнеборцами "урон" - две метровые дыры в стене четвертого этажа.

Лишь в 1987 году Николай Иосифович Кириленко ушел со своей должности на пенсию. Однако пассивный отдых был ему явно не по душе, и потому Кириленко еще некоторое время продолжал работать, теперь уже начальником 4-го отряда профессиональной пожарной охраны. Здесь он прослужил до 1993 года, а потом стал директором музея УГПС Самарской области.

- Еще в начале 70-х годов, - рассказывает Николай Иосифович, - вышло постановление правительства, которое обязывало нас делать выставки на противопожарную тематику. Они-то и положили начало нашему музею.

Первые посетители побывали здесь еще в 1990 году. А несколько лет назад его экспозиции были полностью обновлены. Теперь школьники, студенты, да и просто все интересующиеся люди здесь могут многое узнать об истории пожарной охраны нашего края, о пожарных-героях, защищавших людей от огня, а также о современных методах защиты от пожара. Со всем этим посетителей познакомит человек-легенда нашей пожарной службы Николай Иосифович Кириленко, которому действительно есть о чем рассказать.

И.А. Аракчеева

Глава 5

Испытание огнем

**(Авторская запись 1986 года
в редакционной обработке)**

В 1939 году после успешного окончания Куйбышевского строительного техникума Петр Иванович Матюрин ушел на службу в Красную Армию. Уже с декабря того же года он в составе батальона связи принял участие в затяжных боях на финской границе, а потом и на территории Финляндии. За зимнюю кампанию 1939-1940 годов Матюрин в возрасте 22-х лет был удостоен ордена Красной Звезды.

Когда началась Великая Отечественная война, Петр узнал, каков он, этот трудный и горький путь через все фронты – от летнего отступления до Москвы 1941 года до победного марша по Германии в 1945 году. За время войны рота разведчиков под командованием Петра Ивановича Матюрина, входившая во вторую гвардейскую стрелковую дивизию, прошла от Северного Кавказа до Керченского пролива, а затем в составе Западного и Третьего Белорусского фронтов участвовала в освобождении Белоруссии и Литвы, а затем – и в Берлинской операции. В этих боях за Родину Матюрин был трижды ранен, и потому вернулся из Красной Армии инвалидом Великой Отечественной войны 3-й группы.

Но вот отгремели залпы победного салюта, и солдат вернулся к мирной жизни. Но он не собирался почивать на лаврах или заняться тихой кабинетной работой. Нет, бывшего разведчика снова тянуло в бой, на передовую, и потому неудивительно, что в том же 1945 году Петр Иванович Матюрин по путевке обкома КПСС был направлен в управление пожарной охраны. Вот так фронтовик-орденоносец сменил винтовку на пожарный ствол и пополнил ряды тех, кто укрощает огонь, кто зорко стоит на боевом посту и надежно охраняет огня народное добро и человеческую жизнь.

При этом Петр Иванович хорошо понимал: для того, чтобы стать классным специалистом и профессионалом своего дела, ему нужно учиться, учиться и учиться. Таково было настоятельное требование того времени. И вскоре молодой фронтовик без отрыва от службы заочно окончил полный курс Свердловского пожарно-технического училища, а затем – и университет марксизма-ленинизма при Куйбы-

шевском горкоме КПСС, получив высшее политическое образование. Именно поэтому в начале своей карьеры Петр Иванович довольно долгое время назначался на партийно-политические должности в различные пожарные части области. Тогда же П.И. Матюрин стал участником 1-го Всесоюзного слета отличников пожарной охраны страны. Но партийная работа его тяготила, и в конце концов руководство УПО удовлетворило просьбу парторга о направлении на практическую работу по борьбе с огнем. Во второй половине 50-х годов Петр Матюрин был выдвинут на должность начальника 22-й военизированной пожарной части, которая дислоцировалась в Новокуйбышевске, на нефтеперерабатывающем заводе. В течение месяца его кандидатура была утверждена, и отправился на новое место службы.

Уже вскоре после вступления в должность судьба решила испытать на прочность и самого Петра Ивановича Матюрина, и возглавляемый им коллектив ВПЧ-22. Во втором цехе НПЗ произошла серьезная авария на установке атмосферно-вакуумной трубчатке № 2 (АВТ-2). Случилось это 1 декабря 1959 года, во второй половине дня.

Уже потом государственная комиссия выяснила, что причиной аварии и последовавшего за ней пожара стал разрыв одной из трубок на установке, из-за чего разогретый бензин под давлением 8 атмосфер пролился на гудроновый трубопровод с температурой 350°. Разрыв же случился в трехдюймовой линии острого орошения, которой в нарушение технологии пользовались довольно редко, и потому в ней постепенно скапливалась вода. Когда наступила зима, то из-за низких температур вода замерзла и разорвала эту трубку...

Огонь на установке АВТ-2 одновременно увидели несколько рабочих завода, а также фасадный постовой ВПЧ-22, который незамедлительно сообщил о происшествии во все пожарные части 2-го отряда ВПО. Авария произошла в 15 часов 30 минут, а уже через минуту на борьбу с огнем выехали сразу все дежурные караулы.

К моменту прибытия на объект первых подразделений ВПЧ-22 и руководителей отряда ВПО обстановка здесь была следующая: через отверстие в трубопроводе из установки на площадку выливался бензин, который, не успевая сгорать, тут же попадал в технологические лотки. Огонь уже успел охватить сборник дизельного топлива, установленный на первой площадке этажерки, эвапоратор, ректификационную и атмосферно-вакуумную колонны АВТ-2. От жаркого пламени быстро разгерметизировались фланцевые соединения на трубопрово-

дах, а также сальниковые уплотнения на задвижках и КиПовских приборах. Горели и технологические лотки, идущие вдоль насосной к блоку стабилизации, и еще дренажи у рефлюксных емкостей. Самый же сильный огонь был у места разрыва трубопровода, из-за чего создавалась реальная угроза деформации основных конструктивных элементов на блоке колонн и трубопроводов.

В этой непростой ситуации руководитель тушения пожара, заместитель начальника 2-го отряда ВПО майор М.С. Краснокутский назначил П.И. Матюрина начальником самого опасного боевого участка, который должен был сражаться с огнем со стороны печи и бензиновой насосной установки и одновременно охлаждать несущие конструкции и основную аппаратуру АВТ-2.

В первые минуты пожара было невозможно точно определить места разрыва трубопровода из-за высокой температуры и большой площади очага горения. Пламенем были охвачены сразу несколько трубопроводов, и в яростном огненном клубке не было видно, из какого же именно бьет фонтан горячего бензина. Тем не менее пожарные, маневрируя стволами, стали настойчиво продвигаться выше по этажерке, к месту наиболее интенсивного горения. Однако горящие нефтепродукты, выбрасываемые через свечу, то и дело обливали ствольщиков-пожарных, и на многих из них загорелась спецодежда. Их выручили пожарные ВПЧ-20, работавшие на соседнем участке, которые тут же создали водяную завесу над своими товарищами и сбили пламя.

Но тут от выброса нефтепродуктов через свечу рефлюксной емкости загорелась кровля на бензиновой насосной установке, и тут же заново вспыхнули технологические лотки и емкости в районе блока стабилизации. Лишь после того, как несколько бойцов начали охлаждать водой металлические конструкции и трубопроводы, тушение пожара удалось продолжить.

После выхода ствольщиков во главе с Матюриным на верхнюю площадку ректификационной колонны дежурная вахта АВТ-2 решила запустить насосы и выдавить бензин из трубчатой печи в вакуумную камеру. Это нужно было для того, чтобы не закоксовались трубы в печи верхнего, бокового и нижнего экрана. Однако такая операция уже через несколько минут привела к резкому повышению давления в колонне, из-за чего на ней сработал предохранительный клапан. Через это отверстие на верхнюю площадку и другие металлические конст-

рукции колонны выбросило целое облако нефтепродуктов, которые немедленно вспыхнули, и пожар загудел с новой силой.

В момент этой вспышки группа огнеборцев во главе с Матюриным оказалась отрезанной от земли огненным кольцом, причем пламя наступало на них как сверху, так и снизу. В этой трагической ситуации Петр Иванович не растерялся. Он быстро оценил обстановку и нашел рискованное, но единственно верное решение. Пожарные быстро закрепили брезентовые рукава на металлических конструкциях колонны, а затем под прикрытием водяной завесы, которую создавали их товарищи с соседней площадки, в течение нескольких секунд один за другим спустились по ним вниз.

Однако они рисковали не зря: через короткое время после пуска насосов на злополучной колонне давление в ней и в магистралях все-таки снизилось, аварийную трубу удалось перекрыть. Уже в 15 часов 55 минут пламя на блоке стабилизации и в технологических лотках было полностью подавлено. Уменьшилось и горение у места разрыва: к тому моменту из пробоины вытекали лишь остатки бензина, скопившиеся непосредственно в трубопроводе. А в 16 часов 05 минут Матюрин вместе со своими подчиненными Капелиным, Моисеевым, Маркушиным и Живаловичем вновь поднялся на верхнюю этажерку колонн и залили водой последние очаги горения нефтепродуктов. Пожар повышенной сложности был ликвидирован в течение всего лишь 40 минут, и при этом предприятию был нанесен лишь минимальный материальный ущерб. А установка АВТ-2 после аварии простояла только одни сутки, после чего снова была пущена в эксплуатацию.

Это был очередной подвиг пожарных, которые благодаря своему профессиональному мастерству и смелости сумели отстоять от огня важный государственный объект. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за мужество и отвагу, проявленные при тушении этого пожара, шестеро работников 2-го отряда ВПО были награждены медалями "За отвагу на пожаре". В их числе - заместитель начальника отряда майор М.С. Краснокутский, начальник ВПЧ-22 подполковник П.И. Матюрин, а также командиры отделений ВПЧ-22 Замотин и Моисеев и старшие пожарные Маркушин и Капелин. Это были одни из первых подобных наград в Куйбышевской области.

Впоследствии Куйбышевской кинохроникой совместно с УПО УВД Куйбышевского облисполкома был выпущен документальный фильм под названием "За отвагу на пожаре", посвященный этому происше-

ствии на Новокуйбышевском НПЗ. Через некоторое время на международном фестивале противопожарных фильмов, проходившем в Югославии, фильму было присуждено второе место, и он получил серебряную медаль.

Что же касается Петра Ивановича Матюрина, то в общей сложности он отдал пожарной охране треть века, а до этого, как мы знаем, он служил еще и в рядах Красной Армии. Лишь в 1970 году ветеран ушел на заслуженный отдых, имея 21 государственную награду - как боевые, так и трудовые ордена и медали. В их числе - три ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медали “За отвагу”, “За отвагу на пожаре”, “За боевые заслуги”, знаки “Ветеран труда” и “Лучшему работнику пожарной охраны СССР”.

Однако и после этого Матюрин в течение многих лет воспитывал молодые поколения огнеборцев в духе патриотизма и любви к Родине, уважения к избранной профессии. Он был частым гостем в пожарных частях, в школах и ПТУ, в других организациях и коллективах Промышленного района Куйбышева. За активное участие в работе по героико-патриотическому воспитанию молодежи П.И. Матюрин был награжден юбилейным знаком “30 лет Советскому комитету ветеранов войны”, и еще дважды - почетными грамотами.

А.Д. Тамаров

Глава 6

Почетный гражданин города Новокуйбышевска

В сентябре 2002 года начальнику ОГПС-2 полковнику внутренней службы Владимиру Михайловичу Моргунову за особые заслуги перед городом было присвоено звание “Почетный гражданин города Новокуйбышевска”. И звание это действительно заслуженное: ведь он более тридцати лет находился в первых рядах тех, кто защищает жителей этого города от огня.

Впрочем, в начале своей пожарной карьеры Владимир Михайлович никогда не думал, что будет жить именно в Новокуйбышевске. Ведь его родной город – Чапаевск, где он появился на свет 19 августа 1948 года. В рабочей семье Володя был самым маленьким, и, кроме него, у папы и мамы подрастали еще два сына и две дочки. Здесь же, в Чапаевске, Моргунов в свое время окончил среднюю школу и химикотехнологический техникум, и отсюда же был призван в ряды Советской Армии. Но вряд ли можно назвать случайностью, что после завершения воинской службы Владимир Михайлович пришел работать не просто в пожарную охрану, а именно в городе Новокуйбышевске. Так или иначе, но 14 января 1970 года старший пожарный Моргунов впервые заступил на службу на отдельном посту ВПЧ-34 в молодом городе нефтепереработчиков.

- Вообще-то в молодости я никогда не думал, что моя судьба как-то будет связана с пожарной охраной, - рассказывает Владимир Михайлович. – А уговорил меня на эту работу мой сосед - Василий Степанович Заботин, который тогда служил командиром отдельного поста и тогда уже был награжден медалью «За отвагу на пожаре». По его словам выходило, что лучше работы пожарного ничего нет: сутки работаешь, двое дома, в течение которых можно и отдохнуть, и своими делами заняться. Только через много лет я узнал, что за эту агитацию, которая закончилась моим приемом на службу в пожарную часть, Заботин получил три дня отгула.

Работа пожарного Моргунову понравилась. Его не тяготило даже то, что из родного Чапаевска к месту службы нужно было добираться на электричке. И в этом - немалая заслуга все того же соседа.

- Василий Степанович к тому моменту уже имел колоссальный опыт борьбы с огнем, прошел, как говорится, огни и воды, и вообще он был очень отважным и смелым мужчиной, и даже награжден медалью “За Отвагу”, - вспоминает Моргунов. - Увлеченный своим делом че-

ловек, он и нам, молодым бойцам, за очень короткое время он сумел привить любовь к пожарной службе. Мы так старались, что вдвое перевыполняли все существующие временные нормативы. Да и вообще работать в одном карауле с Заботиным было очень легко.

Правда, прослужил Моргунов в его подчинении всего восемь месяцев, а в октябре 1970 года его уже назначили начальником караула. Офицерская должность потребовала и специального образования, и поэтому Владимир Михайлович поступил на заочное отделение Ивановского пожарно-технического училища. Забегая вперед, нужно сказать, что уже потом он получил и высшее образование.

- Во всех должностях, на которые меня назначали, я работал одинаково увлеченно и ответственно, - говорит ветеран. - Мне всегда нравилась моя работа, к тому же я привык трудиться.

Такое рвение Моргунова к работе не осталось незамеченным, и уже вскоре после вступления на должность старшего инструктора он был сразу же назначен начальником пожарной части.

- Работа в ПЧ-18 мне давалась тяжело, - рассказывает Моргунов. - Очень уж большим здесь был некомплект личного состава, и людей не хватало даже для боевых расчетов. Но за четыре года я вместе с заместителем начальника части Ледяевым Виктором Ивановичем сумел создать в части хороший, боеспособный коллектив, и у нас в конце концов даже появились свои традиции.

В 1982 году Владимир Михайлович Моргунов был назначен начальником десятого отряда по охране Новокуйбышевского нефтехимического комбината. А в 1989 году руководством УГПС было принято решение о создании в гарнизоне единого отряда, и до самой отставки Моргунов проработал его начальником. За это время ему пришлось столкнуться со многими сложными пожарами, большинство из которых было связано со взрывами установок на химических производствах.

- Очень часто аварии происходили из-за расхлябанности обслуживающего персонала, - анализирует накопленный опыт Владимир Михайлович. - Здесь и нарушения техники безопасности, и просто недосмотры, а частенько - и недостаточная профессиональная подготовка рабочих предприятия.

Впрочем, Моргунову случалось тушить и пожары, виновником которых оказывалась молния.

- Последнее такое происшествие на подведомственном мне объекте случился около десяти лет тому назад, - вспоминает ветеран. - Был сильный ливень, гроза, и один из разрядов ударил прямо в нефтеотстойники. Тушение этого возгорания от пожарных требовало больших

физических усилий. К месту происшествия мы подтянули всю технику гарнизона, и трое суток мокрые бойцы таскали пожарные рукава по колено в грязи. В общем, люди выкладывались полностью, понимая, что дым от горящей нефти мог причинить огромный вред экологической обстановке в городе.

Такой же сложный пожар случился и 13 июня 1985 года.

- Тогда мы, офицеры, сидели на занятии по марксистско-ленинской подготовке, - рассказывает Моргунов, - и вдруг раздался сигнал тревоги: горела центральная газофракционная установка нефтехимического комбината. Когда мы приехали на место происшествия, огромная площадь насосной станции была объята пламенем. Пожару сразу же был присвоен третий номер сложности. При этом заместитель начальника части, Сергей Язовский, бесстрашно ринулся к лафетной вышке, направил струю в нужном направлении, и в это время взорвался еще один газопровод. Струя пламени, словно из огнемета, обдала его с головы до ног. Хотя Сергей и сумел выкатиться из огня, на нем загорелась и расплавилась одежда из синтетической ткани, которая намертво прилипла к телу. Уже в больнице Язовский скончался от смертельных ожогов. Но его подвиг мы помним до сих пор.

За время пребывания на руководящей должности Моргунов никогда не забывал заботиться о своих подчиненных. Одно из его начинаний – крытый спортивный манеж, который был построен в 1983 году. Сейчас здесь есть две дорожки по 120 метров, и на них оттачивает свое мастерство спортивная сборная гарнизона. Есть у новокуйбышевских пожарных и свой спортзал, хорошо оборудованная комната отдыха и четыре сауны в пожарных частях.

Но в реализации всех этих проектов, считает Владимир Михайлович, не только его заслуга.

- Я очень благодарен всем людям, которые служили со мной все эти годы, - говорит он. - Я рад, что у нас в отряде такой порядочный и профессиональный коллектив, с которым мы сумели добиться самых больших своих успехов.

В настоящее время Владимир Михайлович Моргунов находится на заслуженном отдыхе. Руководство 2-м отрядом государственной противопожарной службы он передал своему бывшему заместителю, полковнику внутренней службы Сергею Александровичу Тульцеву. Ветеран надеется, что молодое поколение новокуйбышевских огнеборцев будет так же надежно хранить город от огня, как это происходило в бытность его начальником здешней пожарной охраны. И для такой надежды у Моргунова есть все основания.

И.А. Аракчеева

Глава 7

Кадьян – фамилия пожарная

Летопись пожарной охраны Самарской области может назвать немало славных имен и фамилий тех, кто большую часть своей жизни посвятил борьбе с непредсказуемой и безжалостной огненной стихией. Сегодня уместно сказать о связи времен и поколений, когда от деда к отцу и от отца к сыну передаются знания и профессиональный опыт – и тогда возникают целые династии пожарных. Одна из них – семья Кадьян.

Основоположителем этой пожарной династии стал Василий Семенович Кадьян, который родился 28 декабря 1913 года в бедной крестьянской семье на Украине, в селе Ковали Черноспасского района Полтавской области. В мае 1935 года Василий призван в армию и зачислен в 25-й разведывательный дивизион. Здесь он стал кавалеристом воинской части № 3332, подчинявшейся МВД СССР.

Имея отличные физические данные, молодой человек в апреле 1937 года, после увольнения в запас, сразу же сумел поступить на службу в пожарную охрану Москвы. Но тут наступил роковой 1941 год, а с ним пришла и война. Большая эвакуация из Москвы в Куйбышев не обошла стороной и пожарную охрану столицы. Вот так Василий Семенович оказался в главном городе Среднего Поволжья, где прослужил в пожарной охране долгих 33 года. При этом в течение последних 15 лет своей служебной карьеры он проработал в должности командира отделения ПЧ-1, охранявшей от огня Ленинский район Куйбышева. Именно в минуты борьбы с яростным племенем, наполненные тревогой и людской бедой, когда он находился лицом к лицу с огненной стихией Василий Семенович постигал глубины своей профессии.

Василий Семенович Кадьян был участником тушения и страшнейшего пожара 1948 года, когда горели резервуары с нефтью на перевалочной нефтебазе в районе стрелки реки Самары. Тогда на передовой линии борьбы с огнем вместе с ним находились уже ставшие легендой Федор Степанович Лычев и Борис Константинович Шведов, проявившие в эти тревожные сутки истинное мужество и героизм.

По воспоминаниям современников, Василий Семенович никогда не был равнодушен к людскому горю, и на любую проблему он всегда отзывался с чуткостью и пониманием. В работе с коллективом он был строг, но справедлив, и его главное требование к подчиненным всегда

оставалось неизменным – полная самоотдача при работе на пожаре.

В.С. Кадыян внес неоценимый вклад в развитие пожарной охраны города Куйбышева, и за свою работу он был удостоен множества наград: орденов Отечественной войны, “Знак почета” и Красной Звезды, медалей “За боевые заслуги”, “Ветеран труда”, “За победу над Германией в ВОВ”, а также знака “Отличный работник пожарной охраны” и множества почетных грамот. А сколько за эти годы он получил благодарностей от руководства УПО и УВД, сам Кадыян никогда не помнил.

Но самое главная награда за десятилетия его огненной службы совсем другая: это - десятки спасенных человеческих жизней. Неудивительно, что те традиции кодекса чести пожарного, заложенные Василием Семеновичем, продолжил его сын - Александр Васильевич Кадыян.

Маленький Саша, можно сказать, вырос среди пожарных. Не раз бывая с папой у него на работе, и даже на настоящих пожарах, он уже с детства начал постигать азы этого огненного ремесла. И, конечно же, после окончания школы вопроса о выборе профессии у Александра не было. В 1964 году А.В. Кадыян поступил в Харьковское пожарное училище, и три года учебы пролетели для него незаметно. Все эти годы он был бессменным знаменосцем учебного заведения, не раз участвовал в торжественных парадах. Конечно же, Александр Кадыян окончил училище только на “4” и “5”.

Вернувшись в Куйбышев в 1967 году дипломированным специалистом, молодой офицер приступил к работе в должности инспектора отдела государственного пожарного надзора областного УПО, а через год был назначен инспектором по дознанию этого же отдела. Далее были должности заместителя начальника и начальника третьей пожарной части Куйбышева, а потом - заместителя начальника отдела госпожнадзора УПО УВД Куйбышевского облисполкома. На этом посту Кадыян находился в течение восьми лет, пока в 1985 году он не был назначен начальником учебного центра пожарной охраны УВД Куйбышевского облисполкома. Здесь он проработал на протяжении последующих 16 лет, отдавая свой опыт и знания молодому поколению огнеборцев.

Ныне полковник А.В. Кадыян может по праву гордиться многочисленными государственными наградами, которых он удостоился за 35 с лишним лет служения своей огненной профессии. В их числе – ордена,

медали, знаки “За безупречную службу” “Почетный работник МВД” и “Отличный работник пожарной охраны”, а также почетные грамоты и благодарности от руководства УВД и УПО.

Но одно лишь перечисление должностей и заслуг не раскроет многогранную сущность этого человека, ведь Александр Васильевич - личность незаурядная. Сам он считает, что его главные деловые качества – всегда оставаться самим собой, не изменять ни друзьям, ни избранному пути, не быть терпимым ко лжи, предательству и подхалимству. Есть у Александра Васильевича и жизненный девиз, от которого он тоже никогда не отступает: “Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе”. Может быть, именно поэтому Кадыян столь уважаем и почитаем коллегами, что он в своей жизни придерживается таких принципов?

Еще нужно сказать, что Александр Васильевич, кроме специального пожарно-технического образования, имеет и гражданскую специальность строителя. Он ее получил в 1978 году, окончив Куйбышевский строительный институт. Конечно же, приобретенные в этом вузе знания Кадыян всегда старался использовать в деле. В частности, в бытность его начальником учебного центра здесь был построен новый учебно-бытовой корпус, благодаря чему курсанты и слушатели ныне имеют возможность повышать свои профессиональные знания и умения. Еще при непосредственном участии Кадыяна при центре были возведены спортивный игровой и тренажерный залы, библиотека, теплокамера, душ и столовая.

По мнению Александра Васильевича, профессия пожарного – это призвание на всю жизнь, которое требует от человека не только навыков, но и различных знаний по химии, физике, математике и другим наукам. Кроме того, в этом деле всегда важны и личные человеческие качества пожарного, и прежде всего - его ответственность, смелость, максимальная готовность к нестандартным ситуациям и способность быстро принимать решения.

И, конечно же, все свои лучшие личные качества, умения и знания Александр Васильевич Кадыян постарался передать своему сыну Саше. Сегодня продолжатель пожарной династии, майор внутренней службы Александр Александрович Кадыян уже работает заместителем начальника службы пожаротушения центра управления силами УГПС Самарской области. На эту должность он был назначен в 2002 году. А до этого в его жизни, как у отца и у деда, были годы обучения

в Ивановском пожарно-техническом училище, работа инженером профилактики в ВПЧ-62 ОГПС-14. При этом с 1993 по 1996 годы Александр Александрович Кадьян, точно так же, как и двумя десятилетиями ранее его отец Александр Васильевич, служил начальником все той же третьей пожарной части Самары.

О том, каких вершин в своей карьере пожарного офицера он собирается достичь в будущем, майор Кадьян сейчас никому не рассказывает. Наверное, боится сглазить – тьфу-тьфу! Впрочем, не стоит сейчас загадывать, но плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. И потому, может быть, звезды на погонах Александра Кадьяна-младшего когда-нибудь будут крупнее, чем у его отца?

С.Ю. Купцова

Глава 8

Традиции семьи Зотовых

Говорят, что с возрастом женщина обретает то лицо, которое заслуживает. То есть на нем отражается весь ее внутренний мир, все ее дела и поступки. Так вот, Людмила Федоровна Зотова – удивительно красивая женщина. Да иначе и быть не могло: она – хранительница семейного очага, родоначальница династии сотрудников органов внутренних дел... Разве этого мало?

Со своим будущим мужем, Анатолием, Людмила познакомилась совершенно случайно. Восемнадцатилетняя девчонка, она тогда работала в пожарной охране завода синтетического спирта в городе Новокуйбышевска. И вот 22 ноября 1961 года (эту дату Людмила Федоровна запомнила на всю жизнь!), заступив на дежурство, как всегда, ровно в 20 часов, она проверяла связь. Набрала привычный номер:

- Витя, привет!

- А это не Витя, - услышала она в трубке чужой мужской голос.

- Да? – не растерялась бойкая девушка. – Тогда позовите его.

Подошел этот самый Витя, и после обычных дежурных фраз он вдруг сказал:

- Слушай, у нас тут новый начальник караула. Давай я тебя с ним познакомлю.

- Поди, старик какой-нибудь?

- Да ты что! Только что пожарное училище закончил.

- Ну, тогда знакомь, я ведь все равно я со своим Юркой разругалась, - милостиво согласилась Людмила.

В это время в телефоне раздались какие-то шорохи, а затем - голос того самого незнакомца.

- А я вас видел, - с ходу огорошил он девушку.

- Где? – поинтересовалась та.

- Давайте завтра встретимся, и вот тогда я вам все расскажу. Утром, сразу после дежурства.

Без десяти девять Людмила уже была в условленном месте – на остановке на улице Чернышевского. Заняла оборону и стала ждать.

- Если сейчас какой-нибудь урод появится, - размышляла она, - ни за что не подойду. У меня таких и без него навалом.

Ровно в девять часов в поле ее зрения появился высокий красавец

в форме. “Неужели он?” - екнуло сердце девушки. Понаблюдав за парнем несколько секунд и прислушавшись к своим ощущениям, она все-таки решила покинуть свое убежище.

- Здравствуйте, - сказала Людмила, - наверное, это мы с вами по телефону разговаривали. – Тут она обратила внимание, что на этого здорового верзилу она смотрит снизу вверх.

- Анатолий, - представился тот. – А где вы живете?

От такой неслыханной наглости Людмила чуть не решила дара речи.

- Это я к тому, - продолжал начальник караула, что мне сейчас с вами разговаривать особо некогда: надо на инструктаж в детские сады. Так что предлагаю перенести нашу встречу на шесть вечера.

На это свидание Людмила собиралась с особой тщательностью. И даже в первый раз накрашила губы: “А то еще целоваться сразу же полезет, он ведь вон нахальный какой!”. А “нахальный” Анатолий во время вечерней встречи сразу же взял инициативу в свои руки:

- В Новокуйбышевске я недавно, города совсем не знаю, хотя по условиям работы должен знать. Может быть, вы познакомите меня с местными достопримечательностями? – заявил он девушке, ласково подхватив ее по локоток. Тогда эта форма обращения на Людмилу произвела неизгладимое впечатление.

- Мой Юрка так себя поставить ни за что бы не догадался, - сравнивала она Анатолия со своим бывшим ухажером. – Он только и мог говорить: “Хочешь, я лужу переплуну?” или “Напиши мне формулу хозяйственного мыла”. Вот и все его ухаживания. А этот... Сразу видно, воспитанный.

Так, под ручку с новым кавалером, она и обошла весь город. Анатолию он показался сказочным: искрящиеся в свете фонарей снежинки, белые пушистые деревья...

Его настроение передалось и Людмиле. А потому, потеряв голову от окружающей красоты и непривычно вежливого обхождения, она через некоторое время уже и не знала, как поддержать разговор.

- Хотите, я покажу, где мне аппендицит вырезали? - собравшись с духом, выпалила девушка.

- Неужели сейчас подол задерет? – испуганно посмотрел на нее кавалер.

А Людмила, не дождавшись его ответа, продолжала:

- Вот в этой больнице, на третьем этаже.

С этого момента напряжение между парнем и девушкой исчезло. И они даже перешли на “ты”. А около подъезда Анатолий поцеловал Людмилу.

- Господи, да у меня вся помада, наверно, размазалась, - нервно терла она губы, поднимаясь к себе на этаж. – Меня же мама убьет.

Маму Людмила побаивалась не зря: та к военным относилась с большим недоверием (почему-то считала, что они девушек только обманывают). Может быть, поэтому очень долго она не решалась познакомить маму с Анатолием. И все его попытки на этот счет пресекала на корню.

Но однажды ей все же пришлось рассказать маме о своем кавалере. Виной тому стала любопытная соседка. Однажды та увидела, как Людмила на крыльце угощает Анатолия пирогом (а как не покормить домашним кушаньем парня, живущего в общежитии?), и тут же побежала рассказывать соседке об увиденном. Так что вечером девушку поджидал нелегкий разговор:

- Люська, а Люська! - с порога завелась мама. – Ты чегой-то удумала? С каким-то военным встречаешься? Смотри у меня, военные-то обманут...

- Ну, во-первых, мама, - он не военный, а пожарный, - попыталась успокоить родительницу Людмила. – Да и потом, он училище уже окончил...

- Знаю, знаю, - раздалось в ответ недовольное бурчание. – Соседка уж сказала, что он у тебя красивый больно. И все равно, ты смотри у меня...

Правда, уже позже, познакомившись с Анатолием, Людмила мама в корне поменяла свое мнение о “военных”. Теперь она ругала свою дочь совершенно за противоположное: оказывается, Люду, как весьма приметную девушку, после занятий в танцевальном кружке слишком часто провожали ее товарищи. Впрочем, и у Анатолия тоже периодически появлялись новые подруги, но, видимо, ни одна из них не запала ему в душу так, как Людмила.

Для того чтобы понять свои чувства, парню понадобилось два года и одна длительная командировка. После нее он отважился сделать Людмиле предложение, а потом привез свою маму знакомиться с будущей невесткой.

Желая понравиться свекрови, Людмила оделась по последней моде: зауженная книзу юбочка, сиреневая блузка с огромным воротником и

туфли на шпильках. Однако ее наряда деревенская женщина не оценила:

- Ох, батюшки, - осматривала она ее с головы до ног. – Да как же ты во всем этом ходишь? А юбчонка-то, шагу ни шагнуть...

Впрочем, даже после этого их браку мама противиться не стала. Вот так 26 июня 1963 года Людмила и Анатолий Зотовы стали мужем и женой. Свадьбы как таковой у них не было: роскошное торжество родителям было не по карману. Зато Людмиле на всю жизнь запомнился свадебный подарок мужа – огромная охапка пионов. Потом это стало семейной традицией Зотовых: на каждую годовщину он всегда приносил в дом букет цветов.

Не осталась безучастной к их свадьбе и комсомольская организация, в которой Анатолий был секретарем, а Людмила – его заместителем. После бракосочетания комсомольцы в складчину подарили молодоженам круглый стол и никелированную кровать с шишечками.

Еще через два месяца Зотовы стали счастливыми обладателями собственной комнаты при пожарной части на нефтеперерабатывающем заводе, а через девять месяцев они и вовсе переехали в двухкомнатную квартиру. К этому времени у них уже родилась дочь Софья. От ее появления на свет Анатолий был на седьмом небе, хотя он очень-очень хотел мальчика – Павла.

“Как назовем нашу дочурку? - писал он в роддом жене. – Софья или Марина?” Понимая, что ее муж очень хочет сделать приятное своей маме (свекровь тоже звали Софьей), Людмила написала ответ: “Решай сам”. Следующая записка начиналась так: “Здравствуйте мои дорогие Людмила и Софья”. Но мечту о мальчике Зотовы все-таки не оставили, и через некоторое время в их семье появился и Павел.

Воспитание подрастающего поколения легло на хрупкие плечи Людмилы: Анатолий почти все время пропадал на работе. По служебной лестнице он продвигался быстро: начальник караула, начальник отдельного поста на нефтехимкомбинате, начальник пожарной части № 34 на этом же комбинате. Затем в его трудовой биографии был отдел службы УГПС города Самары, а когда в звании он поднялся до полковника, то ему предложили пост начальник 1-го пожарного отряда по охране нефтеперерабатывающего завода. В этой должности Анатолий Павлович проработал 26 лет, а его общий стаж службы в пожарной службе уже достиг 40 лет.

За эти годы Анатолий Павлович ни разу не пожалел о выбранной

им когда-то профессии. И даже в деревню к матери он ездил только в форме. Его мнение о его работе разделяла и семья. На любой пожар, даже ночью, домашние собирались все вместе:

- Соня, носки! Павел, сапоги! Мать, бутерброды! – разносился по квартире его зычный бас.

А потом все с нетерпением ждали его звонка. И лишь после знакомого: “У меня все в порядке”, - с детей и жены спадало напряжение.

Казалось бы, после того, как он стал начальником, ему вроде бы уже можно было бы самому не бегать с пожарным стволом и не лезть в самое пекло. Но Анатолий Павлович в этом отношении всегда был непреклонен: “Если я первым не пойду в огонь, то бойцы без командира этого никогда сами не сделают”. А потому он везде был первым. Новый год, Восьмое марта, майские праздники – все это были его дежурства.

Конечно же, бывали в его огненной биографии и не слишком приятные минуты. Например, однажды, после тушения горящих резервуаров на нефтеперерабатывающем химкомбинате, Людмила Федоровна не узнала своего мужа, вернувшегося с пожара. Тот больше походил на негра, поскольку белыми оставались только зубы.

А в 1996 году, услышав звук взрыва, донесшийся со стороны завода, он тут же вскочил и стал собираться на выезд. Даже звонок из части с сообщением об очередном происшествии на заводе слегка запоздал: он раздался уже в тот момент, когда Анатолий Павлович подъезжал к комбинату. Своих подчиненных Анатолий Павлович учил тому же:

- Надо бежать на два шага впереди паровоза, и тогда будешь владеть ситуацией.

Его подчиненные, надо сказать, до сих пор благодарны ему за такую дисциплину. И теперь на всех встречах коллектива первый тост всегда поднимают за Анатолия Павловича.

Личный авторитет отца оказал огромное влияние и на его детей. Ныне Соня уже стала майором внутренней службы, а Павел – капитаном. Кстати, погоны носит и жена Павла: она – старший лейтенант милиции.

Впрочем, и Людмила Федоровна по сей день – тоже человек служивый. После пожарной диспетчерской она 10 лет проработала в оперативном отделе при УВД, и еще 16 – в инспекции исправительных работ, после чего вышла в отставку в звании капитана милиции. За

чинами не гналась, а старалась больше времени посвящать детям и мужу. С ее легкой руки в семье Зотовых было неписаное правило: раньше всех встает мама, она и готовит завтрак. Да и вечером она всегда старалась приготовить семье что-нибудь вкусненькое (По ее словам, рецепты блюд она выискивала... даже в кинофильмах).

- Я живу только благодаря тебе, - не уставал повторять своей жене Анатолий Павлович. – Это ты подарила мне лишних два года.

Оказывается, ему почему-то запала в душу статистическая справка, согласно которой в России мужчины в среднем живут только до 58 лет...

Вот так Людмила и Анатолий Зотовы прожили вместе 36 лет. А 28 января 2000 года его не стало.

- Со смертью Анатолия Павловича для меня рухнул весь мир, - говорит Людмила Федоровна. Все вокруг напоминает о нем: ведь он делал ремонт в квартире, и дачный домик строил тоже он...

Но жизнь продолжается, и теперь своей доли внимания со стороны Людмилы Федоровны требуют трое ее внуков. Один из них уже стал студентом института связи, второй пока еще учится в четвертом классе, а младший и вовсе в первом. Вроде бы никто из них связывать свою жизнь с пожарной службой пока не собирается. Четвероклассник Анатолий Павлович Зотов мечтает стать химиком-атомщиком, а его младший брат – милиционером. Но кто знает, что будет в их жизни дальше: ведь в каждом из них течет кровь деда-пожарного...

И.А. Аракчеева

Глава 9

Вся жизнь на огненном посту (Пожарные династии Похвистнева)

Говорят, что о человеке все можно прочесть по старческим морщинкам: как ты жил, какие поступки совершал. Марию Михайловну Березину и ее супруга Венедикта Павловича стариками можно назвать лишь с большой натяжкой, хотя оба они уже давно на заслуженном отдыхе. А ведь если сложить вместе проработанные ими годы, то получится целых 70 лет! При этом Мария Михайловна в течение 35 лет работала диспетчером на пульте пожарной охраны, а Венедикт Павлович столько же прослужил шофером и бойцом пожарной части.

Ни орденов, ни боевых наград в послужном списке этой пары не значится. Благодарностей, правда, от начальства много. Но самое главное для ветеранов в другом: они-то знают, что за всю их трудовую жизнь не было такого дня, чтобы они хоть чем-то не помогли людям. От их умения, оперативности, знания обстановки всегда очень многое зависело. Все окрестные дороги, перелески и проезды в Похвистневском районе Венедикт Павлович изучил, как линии своей ладони. И потому, если пожар занимался в отдаленном селе, он на своей машине всегда мчался впереди колонны, зная, где можно “срезать” расстояние, чтобы поскорее добраться до людей, терпящих бедствие.

- В иных наших селах даже до последнего времени большая часть домов была покрыта соломой, - рассказывает В.П. Березин. - Те, кто “жил под шифером”, уже считались обеспеченными людьми. А те, кто мог себе построить дом с железной крышей, среди односельчан воспринимались как богатеи. Но таких было мало: раз-два, и обчелся. И поскольку во всей округе дома были в основном деревянные, то горели они часто, особенно зимой.

- Самое страшное – это, конечно же, ночной пожар, - делится воспоминаниями Мария Михайловна. - Снега раньше выпадало очень много. Случалось, чтобы отправить команду на выезд, надо было вызывать гусеничный трактор. Он подцеплял пожарную машину и всю дорогу тащил ее на буксире. А какая у трактора скорость, вы сами знаете. Да еще связи с деревнями раньше никакой не было. Отпра-

вишь, бывало, людей в неизвестность, а потом молишься, чтобы с ними все обошлось, чтобы живыми вернулись. А зимние ночи ой, какие долгие! Пока ждешь возвращения своих, то всю свою жизнь пере-
думаешь, все переосмыслишь.

Лишь в восьмидесятых годах, когда на службе у пожарных появились рации, работать стало несравнимо легче. Связь – это великое дело для пожарной службы!

В одну смену Березины никогда не работали, потому что в семье росло две дочки – Оля и Наташа. С ними занимались по очереди, воспитывали в детях самостоятельность. Видимо, именно поэтому, что они часто молились в ночи о страждущих, господь и вознаградил эту семейную пару. Сейчас они живут в селе Старый Аманак в собственном добротном доме под железной крышей. Этот дом Венедикт Павлович строил вместе с зятьями и внуками. Их у Березиных пятеро: четыре мальчика и девочка. Ветераны при этом хозяйничают в огороде, делая запасы на три семьи сразу. А скоро в их роду появится и четвертая семья – старший внук, студент университета, объявил родным о своем намерении жениться.

...Наверное, не случайно так светлы и безмятежны красивые лица моих собеседников: за многолетние тревоги они ныне вознаграждены тихим счастьем в спокойной старости. Разве есть в мире награда, выше этой?

За 44 года перевалил стаж службы в похвистневском гарнизоне и у династии Кожевниковых. При этом 15 лет проработала диспетчером мама, Вера Васильевна, еще 23 года посвятил пожарному делу отец семейства - Владимир Петрович, и поныне работающий водителем на спецмашине ЗИЛ-131. Рядом с отцом сейчас работают и его сыновья – Сергей и Алексей.

Парни вспоминают, что их детство, по сути дела, проходило в пожарной части. Когда мать работала в первую смену, они после школы всегда приходили сюда. Любимым местом их пребывания была комната со стеллажами для рабочей одежды. Они назубок знали, в каком ящике лежит форма отца, и все время примеряли ее друг перед другом, определяясь, насколько им еще надо подрасти, чтобы обмундирование было впору.

Время детских забав и беззаботной юности пролетело незаметно.

Старший брат, Сергей, никогда не мог и предположить, что когда-нибудь наступит день - и ему нестерпимо захочется отогреться душой после всего пережитого в родной "пожарке". Дело в том, что парню в составе милицейского батальона пришлось служить в Чечне. Видимо, психологический стресс от этой службы был столь велик, что по возвращению домой демобилизованный солдат три месяца просидел дома затворником. Правда, потом его с готовностью приняли на службу в местную милицию, но здесь он "не вписался" в коллектив. Вернее, не смог жить по тем правилам, которые сложились в наших органах внутренних дел к сегодняшнему дню.

Единственным спасением в этой ситуации для него оказалась пожарная охрана. В этой службе есть все для выброса адреналина в кровь: и риска хватает, и опасностей хоть отбавляй. Но при этом, рискуя собой, ты никогда не мучаешься угрызениями совести за то, что сделал что-то не так, против души. Теперь Сергею удобно и комфортно в боевке пожарного, тем более, что работает он в одной смене с младшим братом Алексеем. За четыре года службы тот уже вырос до начальника караула в пожарной части № 168, что находится в селе Сосновка.

Родители знают, что их сыновья считаются завидными женихами среди местных девчат. Да только вот невест приводить пока некуда: вся семья живет вместе в большом частном доме. Больших капиталов за свою трудовую жизнь им сколотить не удалось, так что новый дом сейчас строить не на что, а со служебным жильем в части большая напряженка. Если даже заместитель командира отряда до сих пор живет со своей семьей в здании пожарного депо, то на что уж тут надеяться рядовому пожарному?

Впрочем, когда я рассказала о переживаниях Кожевниковых командиру ОГПС-35 города Похвистнево В.В. Еремину, тот заявил, что у них в отряде очереди на жилье просто не существует. Оказывается, похвистневцы предпочитают жить в собственных домах, чтобы иметь подсобное хозяйство. Но при наличии заявлений на предоставление или постройку жилья можно решить вопросы о банковских кредитах. Таких заявлений командиру отряда на сегодняшний день никто еще не подавал...

По родительским стопам пришел на службу и Николай Николаевич

Гудков, нынешний начальник объектовой пожарной части № 167. Здесь до самой пенсии прослужил бойцом его отец, Николай Анатольевич Гудков. Отсюда ушла на заслуженный отдых и мама, Елизавета Петровна, которая долгие годы прослужила стрелком ПЧ по охране нефтеперекачивающей станции “Приволжскнефтепровода”. А к её рабочей экипировке, между прочим, был положен самый настоящий револьвер. Мальчишкой Николай все время приставал к матери с просьбами показать, как стреляет это оружие. На это Елизавета Петровна неизменно отвечала: вот вырастешь, станешь настоящим командиром, тебе тоже такой выдадут!

Наверное, уже потом, когда пришла пора выбирать себе профессию, этот аргумент и стал самым главным для Н.Н. Гудкова.

Т.А. Пархачева

Глава 10

Укротители огня

(Пожарные династии г. Сызрани)

Кто в Сызрани ложится спать в сапогах

Около тридцати лет Василий Григорьевич Агулов возглавлял городскую пожарную охрану, и потому практически на каждое ЧП выезжал лично (а их бывает до 30 тысяч в год, или в среднем по восемь в сутки). В сложных ситуациях он первым шел “в разведку”, оценивал обстановку, и лишь потом допускал к огню подчиненных.

Организаторский талант у него проявился еще в Великую Отечественную войну. Тогда младший лейтенант Агулов, 19-летний выпускник офицерских курсов, был командиром пулеметного взвода. Будучи вдвоем, а то и почти втрое младше своих солдат, он умел найти подход к каждому человеку.

В Сызрань семья Агуловых переехала после войны, вслед за отцом, рабочим людиновского завода. Тогда-то Василий и пришел в “пожарку”. Работал здесь он так, что уже в 1956 году его назначили руководителем местной пожарной части. Правда, с бытом все эти годы у него были проблемы, поскольку начальник городской ПЧ долгое время не имел собственного угла, а жил здесь же, в помещении части. И порой в праздники (по статистике это наиболее пожароопасные дни) он спал, даже не снимая сапог, чтобы при первых звуках колокола бежать на помощь людям.

Вступая в схватку с огнем, Агулов порой забывал обо всем, и зачастую он работал на пожаре даже без шлема и защитного плаща. Вот как он сам рассказывает о таких случаях.

- Однажды в районе “Тяжмаша” горели подвальные в доме. Тушим мы их часа три, воду льем, а огня не видим. Я тогда и решил в ситуации разобраться. Окошечки-то в подвале были маленькими, я в одно из них пролез и вниз по рукаву спустился. Все выяснил, затушили быстро. Только потом, когда снял с себя фуражку с лопнувшим корешком, я осознал, в какое пекло я тогда полез. Температура-то в подвале была просто адской...

В другой раз во время пожара на завале разрушенного дома на Батрацких выселках я так наглотался дыма, что только чудом не потерял сознание. А произошло это потому, что я решил посмотреть, куда идет огонь пожара. Но тут ветер неожиданно изменил направле-

ние, и весь дым пошел на меня. Было очень тяжело, но тут мне помогли чутье и собранность. Я сумел сориентироваться в удушливой пелене и рванул к свежему воздуху. А впредь это мне стало наукой: не зная броду, не суйся в воду (то бишь в огонь). Но вообще-то страха перед огнем я никогда не чувствовал. Бывало скорее волнение.

А в конце 60-х годов, во время пожара на нефтебазе, что находилась в поселке Западный, огромный резервуар взорвался всего лишь через несколько минут после того, как с него спрыгнул Василий Агулов. После таких совпадений вполне можно сказать, что отважному человеку помогает все вокруг, в том числе и небеса. Еще Агулову приходилось спасать женщин из горящего роддома, вытаскивать шаловливых подростков и незадачливых рыбаков из проруби у бывшей фабрики игрушек. Бывали в его практике и комичные случаи, если, конечно же, это слово можно употреблять, рассказывая о пожаре.

Например, в конце 70-х годов в пригороде Сызрани загорелся второй этаж пятиэтажного дома. Прибывшие пожарные сквозь сильное задымление стали выводить и выносить из него всех жильцов. Вот только двух местных алкоголиков им все никак не удавалось эвакуировать из горящего дома. Дело в том, что пожар оторвал их от застолья, и мужики, выведенные спасателями из огня, опять раз за разом возвращались в свою квартиру – допивать. Лишь после третьего захода собутыльников удалось прогнать окончательно, да и то лишь с помощью грубой силы.

В другой раз в сенях частного дома взорвался керогаз. Хозяйка в этот момент стирала белье. После неожиданного взрыва она побежала из дома, схватив только то, что у нее было под руками, то есть корыто с бельем. И вот приехавшие пожарные увидели, как она рвется из дома на улицу, а корыто у нее никак не проходит в дверь. Трагикомедия, одним словом.

Коллеги-пожарные, рассказывая о своем начальнике, все время говорили, что они просто не могут представить его в кабинете, а только среди дыма и огня, с закопченным от сажи лицом. Но при этом все его считают прекрасным руководителем, отзывчивым и чутким человеком, который всегда поможет своим подчиненным и словом, и делом.

Парадоксально, но очень редко к пожарным приходят люди, чтобы сказать им слова благодарности, посмотреть в глаза тому, кто спас их дом от огня, а самого хозяина – от гибели. И один из таких спасателей

- Василий Григорьевич Агулов, кавалер двух орденов и 15 медалей, более сорока лет своей жизни отдавший делу защиты нашего города от огня.

Сейчас Василий Григорьевич на пенсии. Он вместе с супругой Анной Ивановной уже воспитал двоих детей, а теперь растит троих внуков и правнука. Дом Агуловых всегда полон друзей и родственников, и до сих пор славится своим гостеприимством. Не забывают о ветеране и 7-и отряде государственной противопожарной службы, где Агулов проработал всю жизнь: его регулярно приглашают на встречи с молодым поколением пожарных.

Огнеборцы трех поколений

Акифьевы – фамилия среди сызранских пожарных известная, лично себя зарекомендовавшая в профессиональном плане. Что же касается основателя этой династии, Николая Григорьевича Акифьева, то он в наш небольшой приволжский городок приехал из села Верхняя Маза Радищевского района.

За его плечами - участие в Великой Отечественной войне, а после нее - помощь родителям в воспитании шестерых младших братьев и сестер. Приехав в Сызрань, Николай устроился рядовым бойцом в 24-ю пожарную часть при нефтеперерабатывающем заводе. А вскоре его примеру последовали и двое братьев – Александр и Виктор. Вот так и было положено начало трудовой династии Акифьевых. В течение многих десятилетий их отличали добросовестность, четкость в исполнении работы и любовь к своему огненному делу. А поступать по-другому они просто не могли: здесь свою роль сыграло семейное воспитание и привычка к труду, к чему они были приучены с детства.

Вскоре после приезда в Сызрань двое из братьев Акифьевых поженились на двух родных сестрах и начали обустраивать свой быт. Александр Григорьевич Акифьев семь лет проработал рядовым пожарным, и только потом начал “расти” по служебной лестнице. При этом он иногда вспоминает одну забавную особенность своей службы в конце 50-х годов. В то время у пожарных были очень престижны кислородно-изолирующие противогазы КИП-7, и потому в частях бойцы в буквальном смысле слова выстраивались в очередь, чтобы сдать экзамен на право пользования этим прибором. Такое право воспринималось как привилегия, которую нужно было заслужить, показав свои знания и умения в реальной схватке с огнем.

Запоминающихся пожаров в жизни Александра Акифьева было немало. Один из них произошел в самый канун Нового года на Сызранском НПЗ, на крекинг-установке № 1. Сложность в его тушении была в том, что в эту пору на заводе почему-то не было расчищенных от снега подъездов к очагу огня. Поэтому пожарным в прямом смысле этого слова пришлось тащить на себе к установке все вооружение, начиная от рукавной линии и заканчивая другим пожарными насосами.

Самыми сложными Александр Григорьевич считает всевозможные возгорания на нефтехимическом и нефтеперерабатывающем производстве. Он прекрасно помнит, как примерно тридцать с лишним лет назад загорелась нефтеловушка на Сызранском НПЗ. Тогда Акифьева на место происшествия вызвали прямо из дома, и на ликвидацию этого пожара были брошены все силы огнеборцев города. Борьба с огненной стихией шла уже несколько часов, как вдруг из ямы неожиданно произошел выброс горящего нефтепродукта. Пламя накрыло двоих женщин, работниц предприятия, которые погибли ужасной смертью.

Еще у Александра Григорьевича до сих пор перед глазами стоит кошмарная картина с пожара, который случился на одной из установок все того же нефтеперерабатывающего завода. Здесь велись электросварочные работы, и произошло так, что в одном из аппаратов неожиданно замкнуло проводку, и он загорелся. Именно в это время неподалеку проходили рабочие, уже освободившиеся после своей смены. Их мгновенно поразила электрический тысячевольтовый разряд, и в итоге один человек получил не совместимую с жизнью травму, а еще трое серьезно обгорели. Акифьев до сих пор помнит обугленного мужчину, на котором сторела не только вся одежда, но и кожа. Когда его вынесли из зоны огня, он был еще жив, но через несколько дней все равно умер в больнице...

Виктор и Александр Акифьевы дослужились до руководящих должностей – один из них стал начальником ПЧ-32, другой - начальником ПЧ-26. И сыновья одного из них в свою очередь тоже отдали дань почетной работе пожарного.

Что же касается основателя династии, Николая Акифьева, то он, женившись вскоре после своего приезда в Сызрань, поселился с семьей непосредственно при 24-й пожарной части, и потому его младший сын, которого он тоже назвал Николаем, вырос в прямом смысле это-

го слова на месте службы отца. Для Николая Акифьева-младшего примером в жизни были замечательные люди и настоящие профессионалы. И, конечно же, перед подростком, окончившим восемь классов средней школы, даже и не стояло проблемы выбора, куда же пойти учиться. Николай-младший уже с юных лет знал, что он будет пожарным, как и его отец.

Николай Николаевич Акифьев, окончив политехнический техникум и отслужив в армии, сразу же пришел на работу в свою родную и знакомую с детства 24-ю пожарную часть. Свой трудовой путь он начал со старшего пожарного, затем был командиром отделения и начальником караула. В 1998 года Николай перешел в службу пожаротушения в ОГПС-7. К нынешнему дню в его практике уже тоже скопилось немало интересных и опасных случаев.

В конце марта 2001 года вечером в диспетчерскую поступил звонок о том, что в районе управления механизации стоит сильный запах аммиака. Приехав к месту вызова, огнеборцы выяснили, что ядовитое вещество вытекало из железнодорожной цистерны, что стояла в тупике станции Предузловой, на расстоянии всего лишь 200 метров от жилых домов. Из разгерметизировавшейся горловины цистерны испарялся аммиак, облако которого сносилось ветром в сторону поселка Композиторов. При этом стоит отметить, что цистерну никто не охранял, хотя это и было предусмотрено инструкциями.

Ликвидацию этого ЧП пожарным пришлось взять на себя. Они эвакуировали жителей, а аварийную цистерну начали орошать водой, осаждая на землю аммиачное облако. Вскоре выяснили и причину этой аварии: оказалось, что утечка газа проходила через заглушку фланцевого соединения. Пожарные перекрыли эту заглушку и устранили течь.

В коллективе Николая Акифьева уважают за порядочность, общительность и профессионализм. О пожарной службе он говорит так: “Мне нравится оперативная работа, в другой роли я себя просто не вижу. Не бывает двух похожих пожаров, и каждый из них требует тщательной разведки, выбора решающего направления в начале тушения и, конечно же, теоретической подготовки”.

А без последней, как выясняется, настоящему огнеборцу-профессионалу сейчас просто невозможно нормально работать. Поэтому учебе пожарных бойцов в ОГПС-7 ныне уделяют большое внимание. А Николай Николаевич, съездив недавно “за опытом” в Санкт-Петербургскую академию, куда собирались пожарные со всей России, при-

ехал оттуда с сообщением: в Сызрани работа по подготовке кадров поставлена на более высоком уровне, чем в иных других городах страны. Здесь поддерживается на высоком уровне не только профессиональная подготовка личного состава, но и оснащенность подразделений техникой, средствами связи, да и бытовые условия в частях намного лучше.

Скоро, похоже, трудовая династия Акифьевых получит свое продолжение в сыне Николая Николаевича, которого он тоже назвал... Николаем. Мальчик уже сейчас с восхищением относится к работе отца и на вопрос: “Кем ты хочешь быть?”, отвечает однозначно: “Пожарным!”

Пожарный боец Клавдия Бездетко

Шел суровый 1941 год. Война забрала на фронт самых сильных и крепких мужчин Сызрани. В городской пожарной охране, как и во многих других жизненно важных службах, не хватало работников. И тогда в пожарную часть № 66 НПО “Ставропольнефть” пришла 18-летняя Клавдия Бездетко, заявившая с порога: “Я молодая и сильная. На пожаре могу выполнять любую работу”, девушку взяли не раздумывая. Мало того: когда начальник узнал, что она умеет обращаться с лошадьми, то сразу же поставил ее командиром отделения, штат которого состоял из одних только мужчин. И уже вскоре под руководством новой командирши, выносливой и смелой, но при этом красивой и весьма хрупкой на вид дивчины, отделение стало выезжать на тушение буровых установок, котельных и моторных будок. В основном ездили на повозке, запряженной лошадьми, поскольку в то тяжелое время пожарной техники не хватало.

Сложно ли быть женщиной-пожарным? Об этом Клава тогда как-то даже и не задумывалась. Ведь у нее была профессия, которая ей нравилась, и к тому же была ответственность за порученное дело. Но самое главное – осознание того, что от твоей работы зависит жизнь многих и многих людей. Ведь если во время схватки с огнем ты испугаешься, то из-за этого кто-нибудь может сгореть в огне или задохнуться в дыму.

И потом – рядом с Клавой в то время было немало и других женщин, простых бойцов пожарных частей. Своих же напарниц, пришедших в отделение вслед за ней, Клавдия до сих пор помнит по именам и фамилиям: Рая Мельникова и Камчина Пана. Втроем они работали на

пожаре не хуже мужчин. Очевидцы еще помнят, как в считанные секунды Клавдия и Рая добегали до горящей нефтекачалки с выдвижной 78-килограммовой лестницей на плече, а потом первыми вступали в схватку с огнем.

Однажды, в марте 1943 года, на заводе загорелся резервуар с серной кислотой. Уже потом выяснилось, что причиной пожара стало самовозгорание отложений серы на крышке люка. А сложность борьбы с пламенем в этой ситуации была не только в угрозе взрыва пятитонного резервуара, но еще и в том, что во время тушения из цистерны то и дело выплескивалась и разбрызгивалась во все стороны смертельно опасная для человека кислота. Тот пожар тушили почти сутки, и к утру следующего дня Клавдия вдруг обнаружила, что она бежит по снегу практически босиком. Оказалось, что кислотой почти начисто разъело ее валенки. Хорошо еще, что едкая жидкость так и не смогла добраться до тела девушки сквозь бушлат. В тот раз Клава лишь кое-как сумела добраться до дома: обувкой с нею поделились добрые люди...

Был в ее жизни и другой случай, когда боец пожарной охраны Бездетко едва не погибла. А дело было так: недалеко от железной дороги, в разгар лютых морозов, загорелся частный дом, причем пламя быстро охватило и окна, и двери деревянного строения. Прибывшая на пожар со своим отделением Клава попыталась было войти внутрь дома через крышу. Однако к тому моменту чердак был уже практически полностью разрушен, и она провалилась, повиснув на потолочных досках. Тогда ее спас огромный тулуп 56-го размера, который задержал девушку между брусьями и не дал ей упасть в бушующее пламя.

Пока она пыталась выбраться обратно, снизу ей уже начало жечь ноги. При этом рядом не оказалось никого из бойцов, поскольку подчиненные Клавдии в тот момент прокладывали к дому рукавную линию и не видели, что случилось с их командиром. Кто знает, что стало бы с ней дальше, если бы не сосед погорельцев, очень кстати заскочивший на чердак. Через пролом в крыше он стал кричать: "Ваша бабонька-то горит!" Тут-то на выручку Клаве и подоспели ее товарищи-пожарные.

В 1947 году Клавдию Андреевну назначили инспектором госпожнадзора по жилому сектору. И снова в этой работе она в полной мере проявила главную черту своего характера - ответственность. Ее участие было такой большой, что нередко из-за нехватки времени объекты ей приходилось проверять вечерами.

- Я переживала за жителей вверенного мне барачного поселка, как за своих родных. Скажу честно, я за них иногда даже молилась вечерами, чтоб не сгорели: ведь жилье-то на моем участке было сплошь деревянное и ветхое, и домишки стояли очень скученно. Порой в одной маленькой комнатухе проживали по 5-6 человек, и при этом под кроваткой грудного ребенка могли стоять канистры с бензином. Готовили в этих домах лишь исключительно на керосинках, да и грелись тоже с их помощью. Я ругала жильцов за столь откровенное пренебрежение как своей, и чужими жизнями, заставляла исправлять нарушения, да и штрафовала их от всей души. Я тогда не могла поступать иначе, потому что не раз видела последствия людской безответственности.

Например, я никогда не забуду безумные от страха глаза троих малышей, которые едва не погибли из-за беспечности собственной матери. Она, как и многие другие в ту трудную пору, “добывала” дефицитную для послевоенного времени соль, выпаривая ее из нефтяной воды. А так как выпаривание - процесс долгий, то женщина, уходя на работу, решила оставить печь топиться. Вскоре вода выкипела, а емкость с остатками нефти тут же вспыхнула. Хорошо еще, что пожарные успели приехать вовремя и вынесли детей из огня, а вот комната горе-хозяйки выгорела почти полностью.

Кстати, жильцы барачников тогда не обижались на сурового инспектора: они понимали, что она заботится о сохранности их жизней. Уже после того, как бараки были снесены, а жильцы расселены, они, встречая Клавдию в городе, постоянно звали ее в гости на чаек.

В сызранской пожарной охране Клавдия Бездетко проработала срок лет, уйдя на пенсию с должности старшего инженера противопожарной профилактической команды РМЗ, имея множество благодарностей от руководства и три медали. Она считает себя по-настоящему счастливым человеком. Ведь в ее жизни была любимая работа и любимая семья. Вместе с мужем Михаилом Яковлевичем они воспитали двоих сыновей, а теперь нянчат внуков. Что еще надо человеку на старости лет?

Сегодня, в 79-летнем возрасте, эта женщина все еще полна огня, оптимизма и юмора. Добрая энергия так и светится в ее глазах, и она без остатка делится ею с окружающими. Такая вот она, женщина-пожарный Клавдия Бездетко.

Крепкие Ореховы

“Не ходите, сынки, вы в пожарные”, - то ли в шутку, то ли всерьез говорил сыновьям Егор Артамонович Орехов, - а то девчонки над вами смеяться будут. Уж больно грязными у нас бывают лица после работы”. Однако потомки оказались непослушными: так же, как и сам Егор Артамонович, трое его сыновей и трое внуков выбрали для себя профессию пожарного.

Начало этой пожарной династии положил уроженец Тамбовской области Егор Артамонович Орехов, отец шестерых сыновей и четырех дочерей. Армейскую службу он проходил на Украине, где был старшиной в пожарной команде. В 1937 году, после демобилизации, Орехов был назначен начальником пожарной охраны в городе Шепетовке. Но тут началась война, и Орехова забрали на фронт, где он получил тяжелое ранение под Курском. Из армии после этого его списали подчитую, и в конце войны Егор Орехов оказался в Ставрополе-на-Волге, где к тому времени уже обосновались его старшие братья, приехавшие сюда в эвакуацию.

Вот так Егор Артамонович и прожил четверть века в городе на Волге, пока не подросли его сыновья – Владимир и Николай, которые в начале 70-х практически одновременно пришли служить в 36-ю военную полицию на запущенном незадолго до того “АвтоВАЗе”. Начинали они с рядовых бойцов, затем оба стали начальниками караулов. Их коллеги вспоминают, что братья Ореховы были отчаянными парнями. Иногда они даже без КИПа (изолирующего противогаза) ходили в разведку, чтобы лучше оценить обстановку на пожаре. Ожоги, удары током, обморожения – все было в их огненной биографии. Вскоре Николай окончил пожарно-техническое училище и в 1987 году перешел на работу пожарным инспектором на ТЭЦ в Сызрани. А в 1990 году его перевели в городской штаб пожаротушения, где он шесть лет прослужил помощником начальника дежурной смены.

Тем временем его брат Владимир получил диплом Высшей школы МВД в Москве и стал начальником ПЧ-48 (санаторий “Волжский Утес”), а затем и замполитом Сызранского отряда. С 1983 по 2000 годы он проработал начальником 7-го отряда государственной противопожарной службы (ОГПС-7). В отставку Владимир Егорович Орехов ушел в должности полковника. Сегодня они с братом - ветераны пожарной охраны, однако ныне их энергии и задору могут позавидовать и молодые.

Бравый пожарный с заливчатскими усами, крепкого телосложения, словно сошедший с лубочной картинки - это майор в отставке Николай Егорович Орехов. Он по сей день прекрасно помнит свое первое "боевое крещение" - пожар на главном конвейере ВАЗа. Тогда загорелось сразу более тридцати кубометров раскаленного машинного масла. Рабочие в панике бежали из цеха, и лишь пожарные шагнули навстречу бушующему пламени. Хотя Николай тогда был еще молодым, Как говорится, не обстрелянным бойцом, он не струсил, а вместе с товарищами принял деятельное участие в подавлении огня. Так что в тот день гамлетовский вопрос – быть или не быть ему пожарным – для Николая Орехова решился положительно.

Однажды он участвовал в тушении спецсклада. И тут произошло ЧП - на Николая с крыши сорвалась балка, сбив с головы каску и повредив противогаз. Тогда его от смерти спас командир отделения Анатолий Кокарев: в сплошном дыму он двадцать метров тащил потерявшего сознание товарища вдоль рукавной линии. В конце концов оба выбрались на свежий воздух.

Не раз от неминуемой смерти судьба уберегала и его брата Владимира. Первый раз это случилось еще в Тольятти. Здесь на учениях в пожарную машину, где сидел Орехов, неожиданно врезался грузовик. Потом был 1993 год, когда тушили насосную станцию на Сызранском НПЗ, а Владимир Орехов в самый напряженный момент вместе со своим звеном находился в подвале, в шести метрах под землей. Вроде бы ничто не предвещало беды, и тут вдруг Орехов, интуитивно почувствовав опасность, дал команду своим бойцам – всем немедленно покинуть помещение. Оказалось, что чутье его не обмануло: едва лишь последний пожарный выскочил из подвала, как в нем раздался взрыв скопившегося газа, а стены его рухнули.

Сейчас за плечами у каждого из братьев уже остались сотни пожаров. Были среди них и простые, и сложные, но это еще ни о чем не говорит. Даже при тушении довольно-таки банального возгорания может произойти что-то непредвиденное. Такие случаи, конечно же, ветераны запомнили на всю жизнь.

Н.Е. Орехов:

- Иногда вопрос жизни и смерти на пожаре решают считанные секунды. Например, лет десять назад загорелись две квартиры в многоэтажном доме на улице Комарова. В одной из них мать, обезумевшая от дыма и наступавшего на нее пламени, сумела выскочить на балкон

и уже хотела сбросить вниз, на руки собравшимся внизу людям, своего грудного ребенка, чтобы спасти ему жизнь. Однако в данной ситуации это вряд ли помогло - малыш наверняка бы разбился. К счастью, женщина не успела этого сделать, потому что мы с начальником штаба пожаротушения Алексеем Парамоновым буквально взлетели по лестнице на девятый этаж, пробрались сквозь огонь и подхватили уже теряющую сознание женщину и ее ребенка. Затем обоих мы вынесли на руках из горящего дома. И все же эмоциональное напряжение того дня оставило след на моем здоровье - уже вечером, после окончания тушения, у меня впервые в жизни стало плохо с сердцем.

В.Е. Орехов:

- Что мне запомнилось за годы службы? Однажды, в 1985 году, в Сызрани горел родильный дом. Так тогда от этого зрелища переволновались даже все мы, пожарные. Слава Богу, никто не пострадал. А из крупных происшествий запомнились, конечно же, пожары на "Пластике" в 1973 году и на мазутных ямах Сызранского НПЗ в 1992 году, когда здесь погибли пожарные Сергей Вотрин и Михаил Луценко. Я регулярно бываю на могилах своих товарищей, встречаюсь с матерью Сергея. В связи с этим у меня есть одна просьба к сослуживцам: как придет мой час, чтобы похоронили меня между ними. В одном строю я с ними был в этой жизни, рядом с ними хочу быть и после смерти.

Бывшего начальника в седьмом отряде сегодня вспоминают лишь исключительно добрым словом. Орехова здесь уважают до сих пор - за его хитрый прищур с улыбкой, за необычайную эмоциональность, за то, что он величал бойцов "сынками", а также за то, что если уж кто-то из подчиненных провинится, Орехов так "задаст перца", что мало не покажется.

Конечно же, любой человек запоминается своими делами. А Владимиром Ореховым за годы его руководства седьмым отрядом было сделано немало. В те годы проходила военизация всей пожарной охраны, а потом началось объединение всех городских частей. Тогда-то им и было в основном построено административное здание под названием ОГПС-7. Впрочем, строительством Орехов занимался и в буквальном смысле этого слова: в его бытность заложен первый камень пожарного депо в Юго-Западном районе Сызрани. А в администрации города, по признанию самого Владимира Егоровича, его называли не иначе, как "бунтарем" - и

все за нежелание идти на компромиссы в вопросах пожарной безопасности.

Дело Владимира и Николая продолжил и их младший брат - Петр Орехов. В свои 38 лет он, выпускник Московской академии ГПС, уже дослужился до подполковника и стал преподавателем этой же академии. Их 28-летний племянник Роман Кокунов ныне - уже капитан, он служит в аналитическом отделе Главного управления ГПС в Москве. Кстати, Кокунов начинал свою пожарную карьеру тоже в Сызрани, в ПЧ-60. Подрастает и новое поколение огнеборцев из этой династии: сейчас еще один племянник Ореховых, Алексей Лопухов, является курсантом Ивановского пожарно-технического училища.

В ОГПС-7 сегодня служит еще один продолжатель все той же династии, внук Егора Артамоновича - 28-летний Алексей Орехов. Он выпускник Ульяновского училища связи, и уже три года проработал начальником ЦППС. А в 1998 году парень попросил перевести его на "живую работу" - в штаб пожаротушения. Искренность этого желания подтверждало хотя бы то, что он с майорской должности ушел на капитанскую. В деле Алексей уже зарекомендовал себя смелым, решительным и уравновешенным человеком и отличным специалистом. А своим профессионализмом он еще раз доказал, что любовь к огненной работе у Ореховых - в крови.

- Сбылось ли хоть раз "пророчество" Егора Артамоновича, - спросила я Николая Орехова. - Смеялись ли когда-нибудь девчонки над пожарными Ореховыми?

- Да, порой у нас вид и вправду бывает неприглядный, - с улыбкой отвечал тот. - В мокрой брезентовой куртке, стоящей колом на морозе, и в пожарной каске каждый из нас, наверное, и впрямь походит на Буратино. Но девчонки, вопреки всем "предсказаниям" отца, нас, наоборот, всегда любили и нами восхищались. Мы с братом женились по любви, и до сих пор живем со своими половинами душа в душу.

Женам братьев Ореховых в их жизни всегда требовалось долго-терпение: ведь они вместе с мужьями стойко переносили все тяготы их сложной военной службы. Кто же лучше, чем эти женщины, знает, сколько физических и моральных сил забирали у этих мужчин каждый их выезд по тревоге? Они всю жизнь гордились своими мужьями-героями - и одновременно всегда переживали за них, как только те мчались на очередной пожар. Они и до сих пор ими гордятся и за них переживают...

Профессионал Виктор Матиевский

Полковник внутренней службы Виктор Анатольевич Матиевский был назначен начальником ОГПС-7 два года назад. Заступая на должность, новый руководитель обозначил первостепенные задачи и проблемы: продолжение строительства нового пожарного депо в Юго-Западном районе, укрепление трудовой дисциплины и решение кадрового вопроса. И за время своего пребывания на руководящем посту В.А. Матиевский уже сумел доказать, что слов на ветер он не бросает. Сегодня все перечисленные выше вопросы уже решены. В течение последнего года при поддержке администрации Сызрани вся система коммуникаций депо была оснащена современным оборудованием.

За 23 года огненной службы Виктору Анатольевичу приходилось участвовать в ликвидации многих сотен пожаров. При этом Виктор Анатольевич, вообще-то очень сдержанный в эмоциях, в беседе мне все же признался, что он, несмотря на огромный опыт работы в пожарной охране, все-таки не стал равнодушным к человеческим страданиям и тем более к смерти. Ведь каждый погибший в огне - это боль не только его родственников, но и пожарных, которые по какой-либо причине не сумели сохранить ему жизнь.

- Прошло уже десять лет, но из моей памяти до сих пор никак не может уйти один трагический случай, - говорит Матиевский. - Тогда на пожаре погибли двое мальчиков - 5 и 6 лет. Нас вызвали очень поздно, и потому этих малышей мы просто не успели спасти. А они не сумели выйти из горящего дома, и здесь задохнулись. И у меня до сих пор стоит перед глазами эта страшная картина: черный от копоти пол в квартире, а не нем - белые следы от детских ручек и ножек. Это мальчишки в сплошном дыму ползали по полу на четвереньках, пытаясь найти спасительный выход, но так и не нашли...

Матиевский принимал участие в ликвидации всех крупнейших сызранских пожаров последней четверти XX века. Он хорошо помнит страшную катастрофу с многочисленными человеческими жертвами в поселке Машинистов в 1980 году, а также трагические происшествия на мазутных ямах Сызранского НПЗ 20 и 28 мая 1992 года. Так пришло к нему осознание простой истины, что каждый пожар - это испытание человека, выбравшего делом своей жизни огненную профессию, его проверка на прочность.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Личный № _____

A-151846

Матчицкий

Виктор

Анатольевич

ВНЕШНЕГО

Восковые или спеченные записки	Дата и номер Постановления Сената Министерства (СММ). ОСРР. Дата и № приказа по личному составу и веб-приказ	Восковые или спеченные записки	Дата и номер Постановления Сената Министерства (СММ). ОСРР. Дата и № приказа по личному составу и веб-приказ
Министерство Специальных операций	Ф.И.О. АИВР СССР ЗНА от 31.08.90	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл. 31.8.90	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл. 31.8.90
Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.	отдел: <u>записки</u> АИВР СССР ЗНА от 31.08.90	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.
Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.	отдел: <u>записки</u> АИВР СССР ЗНА от 31.08.90	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.	Присоединено к: <u>записки</u> Будала УИИ Куд. обл.

12. Проходил службу в Советской Армии, Военно-Морском Флоте, войсках МВД и органов КГБ, МВД и милиции.

В каком государстве он жил	По какому приказу (указу и т.д.)	Достоинство	Место, учреждение, ведомство, предприятие, фирма, группа людей, флот или корпус, флот или авиация	Мед. приказ № и дата приказа
16.V.	15.X.	помощник		
1916	1916	КНИ	6/с 22673	
15.X.	23.V.	стрелок,		
1916	1918	помощник	6/с 32872	
		кам. отс. №2		

данено е в вистото Билато
 Молдешко С.П. №12-5444
 Инспектор РК УАР К/О
 заместител заместител
 3.12.78г. *Григор* *Григор*
 Командир РК-уч *Григор*
 Офицер буржуазен *Григор*
 от Букурещ *Григор*
 данено е в вистото Билато
 Молдешко С.П. №12-5444
 Инспектор РК УАР К/О
 заместител заместител
 3.12.78г. *Григор* *Григор*
 Командир РК-уч *Григор*
 Офицер буржуазен *Григор*
 от Букурещ *Григор*
 данено е в вистото Билато
 Молдешко С.П. №12-5444
 Инспектор РК УАР К/О
 заместител заместител
 3.12.78г. *Григор* *Григор*
 Командир РК-уч *Григор*
 Офицер буржуазен *Григор*
 от Букурещ *Григор*

[illegible]

1698	1702	Helen	L. E. H. Gump	Sp. 1004.
1704	1703	Pamela	Y.H.R. D. W. H. C. C.	Am. 16.02.
			R. L. H. H. H. H.	

12. Призванные службы в Советской Армии, Военно-Морском Флоте, войсках МВД, в органах КГБ, МВД и милиции

С. даты исполнения (числа, в.ч. мин)	В. даты исполн. (числа, в.ч. мин)	Должность	Число, наименование, наименование присл. исполн. долж. или долж. присл. исполн. долж.	Мед. справка по в. или по болезни
			Приобретена медицинская книжка вместе с книжкой 1-го разряда медицинской	В.ч. 1938 N 382 9 07 1938

1. 1920
 2. 1921
 3. 1922
 4. 1923
 5. 1924
 6. 1925
 7. 1926
 8. 1927
 9. 1928
 10. 1929
 11. 1930
 12. 1931
 13. 1932
 14. 1933
 15. 1934
 16. 1935
 17. 1936
 18. 1937
 19. 1938
 20. 1939
 21. 1940
 22. 1941
 23. 1942
 24. 1943
 25. 1944
 26. 1945
 27. 1946
 28. 1947
 29. 1948
 30. 1949
 31. 1950
 32. 1951
 33. 1952
 34. 1953
 35. 1954
 36. 1955
 37. 1956
 38. 1957
 39. 1958
 40. 1959
 41. 1960
 42. 1961
 43. 1962
 44. 1963
 45. 1964
 46. 1965
 47. 1966
 48. 1967
 49. 1968
 50. 1969
 51. 1970
 52. 1971
 53. 1972
 54. 1973
 55. 1974
 56. 1975
 57. 1976
 58. 1977
 59. 1978
 60. 1979
 61. 1980
 62. 1981
 63. 1982
 64. 1983
 65. 1984
 66. 1985
 67. 1986
 68. 1987
 69. 1988
 70. 1989
 71. 1990
 72. 1991
 73. 1992
 74. 1993
 75. 1994
 76. 1995
 77. 1996
 78. 1997
 79. 1998
 80. 1999
 81. 2000
 82. 2001
 83. 2002
 84. 2003
 85. 2004
 86. 2005
 87. 2006
 88. 2007
 89. 2008
 90. 2009
 91. 2010
 92. 2011
 93. 2012
 94. 2013
 95. 2014
 96. 2015
 97. 2016
 98. 2017
 99. 2018
 100. 2019
 101. 2020
 102. 2021
 103. 2022
 104. 2023
 105. 2024
 106. 2025
 107. 2026
 108. 2027
 109. 2028
 110. 2029
 111. 2030
 112. 2031
 113. 2032
 114. 2033
 115. 2034
 116. 2035
 117. 2036
 118. 2037
 119. 2038
 120. 2039
 121. 2040
 122. 2041
 123. 2042
 124. 2043
 125. 2044
 126. 2045
 127. 2046
 128. 2047
 129. 2048
 130. 2049
 131. 2050
 132. 2051
 133. 2052
 134. 2053
 135. 2054
 136. 2055
 137. 2056
 138. 2057
 139. 2058
 140. 2059
 141. 2060
 142. 2061
 143. 2062
 144. 2063
 145. 2064
 146. 2065
 147. 2066
 148. 2067
 149. 2068
 150. 2069
 151. 2070
 152. 2071
 153. 2072
 154. 2073
 155. 2074
 156. 2075
 157. 2076
 158. 2077
 159. 2078
 160. 2079
 161. 2080
 162. 2081
 163. 2082
 164. 2083
 165. 2084
 166. 2085
 167. 2086
 168. 2087
 169. 2088
 170. 2089
 171. 2090
 172. 2091
 173. 2092
 174. 2093
 175. 2094
 176. 2095
 177. 2096
 178. 2097
 179. 2098
 180. 2099
 181. 2100
 182. 2101
 183. 2102
 184. 2103
 185. 2104
 186. 2105
 187. 2106
 188. 2107
 189. 2108
 190. 2109
 191. 2110
 192. 2111
 193. 2112
 194. 2113
 195. 2114
 196. 2115
 197. 2116
 198. 2117
 199. 2118
 200. 2119
 201. 2120
 202. 2121
 203. 2122
 204. 2123
 205. 2124
 206. 2125
 207. 2126
 208. 2127
 209. 2128
 210. 2129
 211. 2130
 212. 2131
 213. 2132
 214. 2133
 215. 2134
 216. 2135
 217. 2136
 218. 2137
 219. 2138
 220. 2139
 221. 2140

Учитывая эти обстоятельства, для обеспечения
поддержки от суммы вклада, для обеспечения
капитала и для обеспечения материальных
стоимости в размере 25% с 01.04.1990.

График работы бригады "Трудовые
посылы" 1999 г.

64.03	НЕСОШЛИ	Успех при приходе	10.03.2001
2000		Приход по приходу	10.03.2001

Запало в его память и огненное происшествие 1985 года, случившееся в одном из цехов завода “Сельмаш”. Здесь пожарные сражались с огнем более пяти часов, причем ситуация осложнялась острой нехваткой воды, необходимой для тушения. Огнеборцам даже пришлось прокладывать рукавную линию до Волги, чтобы с помощью насосной станции бесперебойно подавать воду в очаг пожара.

А Виктор Матиевский в то время был начальником ПЧ-17, и он с бойцами находился на крыше горящего предприятия. В задачу его подразделения входило недопущение огня в соседние цеха. Трудность же работы на этом участке заключалась в том, что внизу, в охваченном огнем громадном помещении, горели отходы лакокрасочного производства, и поэтому обволакивающий огнеборцев дым был очень ядовитым и едким. Все бойцы тогда работали в стареньких КИПах (изолирующих противогазах), которые, конечно же, даже нельзя и сравнивать с современными драйгерами. К сожалению, после пятичасовой борьбы с огнем огромный цех, в котором и начался пожар, сгорел полностью, но поскольку Матиевский с поставленной ему задачей справился успешно, другие цеха предприятия пожарным все-таки удалось отстоять.

Служивцы Виктора Анатольевича отмечают, что он даже в самых сложных ситуациях никогда не теряет самообладания. Это у него проявилось, например, во время пожара 1996 года, случившегося близ поселка Сердовино (рядом с военной базой), когда бегущую по сухой траве огненную волну бойцам Матиевского удалось остановить буквально в 20 метрах от склада боеприпасов.

А годом раньше похожая история произошла около Сызранского НПЗ, где на обширной территории загорелась промасленная трава. Поначалу ничто не предвещало беды, но тут вдруг ветер внезапно поменял направление – и огонь по сухой траве пошел прямо на резервуары с нефтепродуктами. Виктор Матиевский, который тогда был заместителем начальника ОГПС-7, на этот пожар сорвался прямо с рабочего совещания. К месту происшествия он прибыл, в чем был, то есть в белой рубашке и без противогаза. Несмотря на это, Виктор не стал терять драгоценные секунды: он схватил пожарный ствол и ринулся прямо в огонь. Следом за ним один за дру-

гим тут же пошли и бойцы дежурного подразделения. Одним словом, и в этот раз пожарные вновь победили огненную стихию. Лишь потом, когда схватка с огнем была уже позади, Матиевский вдруг заметил, что в пылу этой борьбы он получил ожоги рук и глаз. Славу Богу, что врачи в этом случае тоже оказались на высоте...

Пожарных не зря называют бойцами. Настоящий боец - это гораздо больше, чем просто должность, это - натура. А Матиевский всегда был бойцом - смелым и решительным. Эти свои качества полковник в полной мере проявил и после того, как он стал начальником седьмого отряда государственной противопожарной службы.

“Разгильдяям и бездельникам - не место в нашем коллективе”. Так звучала одна из главных задач, поставленных Матиевским во главу угла при его вступлении в должность. И сейчас, проводя твердую, можно даже сказать, жесткую политику в вопросах профессионализма и дисциплины, начальник ОГПС-7 требует, чтобы все без исключения его подчиненные были ответственны за порученное им дело - от бойца до заместителей начальника отряда. Кстати, на одном из своих публичных выступлений глава города Сызрани В.Г. Янин отметил, что в вопросах дисциплины и порядка, которые сегодня подняты до уровня Президента России, с сызранских пожарных вполне можно брать пример.

Справедливости ради стоит отметить, что поблажек Виктор Анатольевич не делает никому, в том числе и самому себе, а также своим сыновьям - Алексею и Павлу. Они оба - выпускники Екатеринбургского филиала Московской пожарно-технической академии, и сегодня служат инспекторами ГПН в ПЧ-85. И бывает, что с сыновей отец спрашивает порой гораздо строже, чем с прочих своих подчиненных.

- По своему характеру я максималист, - говорит Виктор Матиевский, - и потому я ставлю перед собой только самые высокие цели. Хочу добиться такого же отношения к делу и от всего личного состава, и тогда наш отряд поднимется на еще большую высоту.

С этой жизненной позицией начальника согласны все сотрудники пожарной охраны Сызрани.

В целом в пожарном гарнизоне этого города вопрос дисциплины в течение минувших лет был поставлен серьезно и непреклонно. Одних нерадивых сотрудников увольняли, а другие уходили сами. Всего же

за последние два года личный состав отряда сменился на 80 процентов. Обновились и руководящие кадры, и сегодня на младших и средних командных должностях в ОГПС-7 служат не просто добросовестные, но и энергичные молодые офицеры.

Кстати, Виктор Анатольевич справился не только с наведением дисциплины в отряде, но и с задачей подбора кадров в пожарные части, за два года уменьшив некомплект работников с 75 до 48 процентов. Умение видеть перспективу, заботиться не только о сегодняшнем дне, готовить себе достойную смену - вот что полковник Матиевский считает главным в подборе людей на ключевые посты и вообще в кадровой политике. Согласитесь, что на наведение столь кардинального порядка в своем хозяйстве способен только волевой руководитель. И потому сегодня смело можно сказать: в сызранской пожарной охране работают только лучшие из лучших. Одним словом - профессионалы.

Н.В. Мигненко

Глава 11

Пожарная часть семьи Храмовых

В пожарном деле, как ни в одном другом, очень сильны традиции. Может быть, поэтому династии огнеборцев порой насчитывают не один десяток человек. Пример тому – семья самарских пожарных Храмовых.

- В пожарную охрану я попал благодаря отцу Константину Тимофеевичу, - вспоминает Владимир Константинович Храмов, начальник ПЧ-9. – Сам он был армейским старшиной. Родился в 1919 году, а в 1938-м, когда ему исполнилось девятнадцать, отца призвали в армию. Там он получил профессию “механик танка”, в мае 1941 года благополучно демобилизовался, а уже в июне началась война.

Константин Тимофеевич Храмов воевал под Ельней, на Курской дуге, потерял два своих экипажа, а сам чудом остался жив. За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны он был награжден орденами “Красной Звезды” и “Отечественной войны” двух степеней, медалями “За отвагу”, “За оборону Москвы”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов”. А в июне 1946 года brave старшина вернулся домой и сразу же устроился на работу. Сначала он был личным водителем командующего войск ПриВО Василенко, а затем стал водить машину начальника УГПС Самарской области Николая Иосифовича Кириленко.

- Отец был очень серьезным человеком, - вспоминает Владимир Константинович, - нам, сыновьям, он не прощал никаких серьезных ошибок. Мы, три пацана, боялись его послушаться, и стояли перед ним чуть ли не по стойке “смирно”. И не дай бог нам задержаться на улице хоть на минуту сверх оговоренного времени... От нас он требовал исполнительности, потому что сам был очень исполнительным человеком. Кириленко до сих пор вспоминает, каким подтянутым буквально каждый день приходил мой отец на работу: сапоги начищены до зеркального блеска, гимнастерка отутюжена так, что ни одной складочки.

Именно Николай Иосифович и посоветовал Храмову отправить сына в пожарную охрану.

- За это я ему очень благодарен, - говорит Владимир Константинович. - Ведь если бы не Кириленко, то в этой профессии не было бы не

то что меня, но даже моих отца и мамы (Зоя Петровна Храмова тоже работала пожарным, только в ПЧ-53 по охране завода имени М.В. Фрунзе). – А так 1 октября 2002 года исполнилось ровно 34 года, как я начал нести службу в пожарной охране. Из действующих самарских огнеборцев у меня выслуги лет больше всех.

Основам профессии Владимир Храмов учился в Ивановском пожарно-техническом училище. Закончил он его в 1971 году, после чего, получив звание лейтенанта, был распределен в Куйбышев. До августа 1972 года Храмов работал начальником караула в ПЧ-12.

- Первое время, - вспоминает Владимир Константинович, - я никак не мог научиться держать себя в руках при тушении пожаров. Я волновался, суетился, даже вокруг машины бегал. А спокойствию меня научили командиры отделений, пожарные старой, еще военной закалки. Они останавливали меня - и сами руководили тушением. А я набирался от них опыта.

Но первый свой пожар Храмов помнит до сих пор.

- В майские праздники загорелись сарай на улице Панова, - рассказывает Владимир Константинович. – В одном из них хранились кислородные баллоны, и в какой-то момент они начали взрываться. А кругом зевак полно: и дети, и взрослые... Моя задача – не только пожар потушить, но и не допустить, чтобы люди пострадали, а тут взрывы – один, второй, третий... Бойцы сразу же на землю легли, а я пытался людей отогнать. Взял мегафон, объяснил ситуацию. А зеваки с места не двигаются: глаза у всех огромные, на взрывы им интересно смотреть. Я шумел, кричал, ругался... И вдруг – хлопок, а дальше – немое кино. Минут пять-десять я вообще ничего не слышал, но понимал, что людей надо спасать. Бросился к “скорой”, по радиостанции доложил ситуацию и попросил подослать милицию, чтобы народ разогнать. Уже потом, анализируя происшедшее, я понял, что там, на месте происшествия, впервые почувствовал ответственность за жизни людей.

Владимиру Константиновичу довелось испытать на себе и взрыв нефтяного резервуара:

- Помню, как 10 октября 1980 года загорелась станция переливания нефти в Серноводске. Главный инженер уверил нас, что там работает дренаж, и потому пожар можно затушить водой. Но, как оказалось, дренаж не работал, вода постепенно скапливалась на дне резервуара, под слоем нефти. В конце концов нефть прогрелась, вода закипела - и выбросила всю пылающую массу наружу. Пять тысяч тонн

нефти “выскочило” из стальной емкости, как бомба из пушечного ствола, и огненные брызги разлетелись вокруг в радиусе двух-трех километров. Меня эта горячая лава настигла тогда, когда я стоял на лестнице почти у верхней кромки резервуара. Мне тогда очень повезло, потому что прорыв произошел справа от меня, и горящая нефть обошла стороной и меня, и моих бойцов...

Во время работы Храмова в ПЧ-12 пожаротушение в городе осуществляли всего 18 человек: начальник караула части, оперативный дежурный, старший диспетчер, экипаж цистерны – 6 человек, и расчет насоса – 9 человек.

- Тогда целый год я по ночам диспетчера подменял, - вспоминает Владимир Константинович. – Садился за пульт и четыре часа принимал все звонки по “01”. Иногда приходилось работать и за радистку.

Одно из ярких впечатлений от службы в этой части – металлическая труба, по которой, выезжая на вызов, со второго этажа спускались вниз пожарные.

- Бывало у нас и так, - рассказывает Храмов, - ночью, полусонный, бежишь к этой трубе, спускаешься вниз, а отойти не успеваешь – так тебе на шею потом весь личный состав садится. Свалка, на карачках потом от трубы отползаем, шея болит... А что делать – на пожаре шевелиться надо быстрее.

В 1972 году Храмова назначили заместителем начальника СВПЧ-5 Кировского района (сейчас это ПЧ-5 на пересечении улиц Каховской и Свободы). Там Владимир Константинович проработал восемь лет, а затем он еще семь лет занимал пост начальника этой же части. Храмов охранял от пожаров и завод имени Фрунзе, а затем был начальником отделения подготовки УГПС. После этого, в апреле 1993 года, Храмов перешел на должность руководителя ПЧ-9 Промышленного района.

В 1995 году его пожарная часть переехала из старого полуразвалившегося здания в новое, современное, оснащенное по последнему слову пожарной техники. До этого ПЧ-9 была типичным советским долгостроем: ее фундамент заливали дождем и заносило снегом целых пятнадцать лет. Ко времени переезда у Владимира Константиновича уже был взрослый сын. А о своей семье Храмов рассказывает так:

- С Александрой, моей женой, мы познакомились в 1969 году, когда я еще в Иваново учился. Саша приехала туда по комсомольскому на-

бору и работала на комбинате ленторовнищей. Встретились мы с ней в парке Степаново, разговорились, проводил до дома. Дружили два года, а в 1971 году решили пожениться.

Ради семейной жизни Александре Павловне пришлось оставить карьеру. Коммунистка, она работала в бригаде Героя Социалистического труда Голубевой, да и сама в скором времени должна была получить это звание. В Иваново Александре давали двухкомнатную квартиру, но она не захотела оставлять Владимира. А тот рвался в Куйбышев, на свою малую родину – здесь его ждали отец, мать и двое братьев.

В 1972 году в семье Храмовых родился сын Алексей, в 1976 году – дочь Алла. Алеша был еще совсем маленький, когда Александра Павловна вышла на работу, устроившись кассиром в пожарную часть. Она проработала в пожарной охране 5 лет бухгалтером ОВПО-5.

Став взрослыми, дети Храмовых тоже решили пойти по стопам родителей. Алла сейчас – радиотелефонистка, а свою службу она начинала в ПЧ-8 на Красной Глинке.

- Мне даже учиться этому делу не пришлось, - рассказывает Алла Владимировна. – Просто эту работу я знаю с самого детства. Ведь долгое время мы жили на втором этаже пожарной части, и я видела, как принимаются вызовы, как выезжают машины... А потому я стажировалась всего десять дней, после чего сразу же пошла работать в караул.

Чуть позже Алла перешла на ту же должность в ПЧ-9, где она и работает по сей день.

- Я ничуть не жалею, что выбрала для себя эту специальность, - говорит Алла. – Муж меня понимает: он тоже работал пожарным в ПЧ-46.

А вот Алексей Владимирович Храмов поднялся по служебной лестнице гораздо выше. Сейчас он уже майор внутренней службы, и занимает должность начальника отдела государственного пожарного надзора УГПС МЧС России по Самарской области.

- В двенадцать лет Леша заявлял мне: “Я тоже буду пожарным”, - вот как вспоминает о решении сына Владимир Константинович. - А все потому, что он с самого детства видел, как мы боремся с огнем: я его не раз с собой на тушение брал. Закрывал его в машине, а он оттуда наблюдал, как мы работаем.

- А я помню, - добавляет Алла, - милицейский мотоцикл, который был

у нас в пожарной части. Так мы на нем на пожары ездили: папа за рулем, а я в коляске. Годика четыре мне тогда было. А вообще-то мы с самого детства рвались на эти пожары, очень интересно все там для нас было.

- Но вдруг лет в семнадцать Леша заявил мне: “Я летчиком буду”, - замечает Владимир Константинович. – У него тогда вся комната была модельками самолетов увешана - наверное, больше трехсот их было. Два года я его уговаривал не идти в летное училище: ведь тогда шла война в Афганистане, и мне, конечно же, очень не хотелось, чтобы мой единственный сын попал в эту “горячую точку”. Но его любовь к самолетам была настолько велика, что в 1989 году, когда Алексей все-таки поехал сдавать экзамены в Ленинградскую высшую пожарно-техническую школу МВД СССР, Кировский военкомат уже зачислил его в летный полк, который базировался в Рождествено.

Но в тот год Алексей в Куйбышев не вернулся. Он без труда сдал вступительные экзамены в Высшую пожарную школу и был зачислен слушателем. Через пять лет он закончил ее с отличием. Между прочим, за весь XX век таких выпускников в этом учебном заведении было всего трое. С тех пор фамилия Алексея Храмова выбита бронзовыми буквами на стене холла СПбВПОТШ МВД России. Естественно, что перед выпуском на парня так и посыпались заманчивые предложения о трудоустройстве. Его звали и в пожарную академию, и в адъюнктуры Москвы и Ленинграда, предлагали остаться в своем родном училище, но...

- Я все-таки вернулся в Самару, и главным образом из-за того, что у меня здесь есть свой дом, семья и много друзей, - так определил Алексей свой выбор.

Некоторое время после возвращения домой выпускник-отличник проработал инженером-инспектором информационно-аналитического отдела аппарата областного УГПС.

- Мне очень повезло, что моим начальником тогда был Геннадий Георгиевич Погорелов, - продолжает Алексей Владимирович. – Именно он научил меня правильно анализировать пожароопасную обстановку - и тут же вырабатывать правильные решения по ее стабилизации.

В 1995 году Храмов стал дознавателем в отделении дознания ОГПН УГПС. Потом он стал продвигаться по службе: был старшим дознавателем, начальником отделения дознания, а в 1998 году его назначили на должность начальника отдела государственного пожарного надзора УГПС. С того момента он вплотную занимается организацией

пожарно-профилактической работы. Основные функции этого отдела – разработка мероприятий пожарной безопасности, контроль за их исполнением и организация работ государственных инспекторов пожарных частей.

- Мне нравится моя работа, - рассказывает Алексей. – А особое удовлетворение испытываешь, когда после анализа обстановки понимаешь, что предложенные тобой мероприятия действительно помогли сохранить жизнь людям и уменьшить количество пожаров. (Между прочим, в Самарской области с 1995 года действительно идет улучшение пожароопасной обстановки по всем показателям). Кроме того, Алексеем Храмовым к нынешнему дню разработан ряд методических пособий для работы пожарных частей.

Кстати, со временем Алексею удалось переманить в пожарную охрану и свою жену. Ныне Светлана Владимировна Храмова – радиотелефонист ПЧ-3.

Сейчас династия Храмовых-пожарных насчитывает в своих рядах 16 человек. Кроме перечисленных выше сотрудников, в этой службе ранее работали прапрадед мужа Аллы Владимировны, который во время революции был начальником пожарной охраны города Москвы, а потом уже прадед работал в пожарной части, охранявшей московские Сокольники. Средний брат Владимира Константиновича, Михаил, служил техником 5-го отряда военизированной пожарной охраны, младший брат Владимира Константиновича, Александр, был пожарным ПЧ-46. Сын среднего брата, Андрей, сейчас работает инженером-инспектором ОГПН, сын младшего брата, Павел, ныне служит водителем ПЧ-9, а муж двоюродной сестры Владимира Константиновича, Александр Николаевич Колотухин работал начальником отдела пожарной охраны объектов УГПС.

- Когда устраиваешься на работу в пожарную охрану, - объясняет этот феномен Алексей Храмов, - обязательно нужно пройти психофизиологический отбор. При этом проверяют, насколько ты готов к этой огненной работе не только физически, но и психически. И вполне возможно, что в нашей семье собрались люди с одинаковым внутренним миром, которых просто тянет друг к другу. Вот почему так много Храмовых работает в самарской пожарной охране. И вполне возможно, что когда-нибудь в нашем городе появится пожарная часть, где все (или почти все) сотрудники будут носить эту славную фамилию.

И.А. Аракчеева

Глава 12

Семь печатей на пожарных тайнах (Работа испытательной пожарной лаборатории УГПС)

Из всех стихий, катаклизмов и несчастий, которые преследуют человека с незапамятных времен, самыми катастрофическими всегда были и остаются пожары. Оно и понятно: ведь эта неуправляемая стихия в считанные минуты может уничтожить все то, что цивилизация создавала десятилетиями, а затем хранила веками. Порой даже войны не наносят человеку такого вреда и ущерба, как огненная стихия. Именно поэтому, наверное, народ и создал выражение “уничтожить огнем и мечом”, и при этом на первое место среди разрушительных сил он поставил все-таки огонь...

Куйбышевское “ноу-хау”

Простые обыватели привыкли думать, что во время пожара самое главное – как можно скорее потушить огонь, чтобы он не превратил в пепелище все то, что так дорого нам на этой земле. Это все так, но справиться с пламенем – только одна из задач современной пожарной службы. Когда с пепелища уходят бойцы с водяными стволами и брезентовыми рукавами, им на смену почти сразу же приходят другие люди в пожарной форме. Их главная цель – установить причину трагедии, из-за которой стали возможны огромные материальные потери, а то и гибель людей. Или, может быть, первопричиной возгорания стал чей-то злой умысел? Вот на эти и другие вопросы как раз и отвечают сотрудники испытательной пожарной лаборатории (ИПЛ) УГПС МЧС Самарской области.

История создания этой лаборатории уходит своими корнями в далекие 50-е годы прошлого века. На первых порах это была даже еще и не лаборатория, а пожарно-испытательная станция (ПИС), работой которой руководил Щербаков. Уже вскоре, в связи с увеличением объема исследований, название подразделения немного изменили: оно стало именоваться пожарно-технической станцией (ПТС).

На первых порах здесь работало всего пять человек: начальник службы, два инженера и двое водителей. За долгие годы работы на

станции поменялось несколько руководителей, каждый из которых приложил немало сил и стараний для того, чтобы это подразделение обрело такое влияние, авторитет и известность, какое оно имеет в наши дни. В числе тех, кто изначально создавал структуру ПТС - В.Ф. Шабанин, Н.А. Смирнов, М.В. Медведев, В.К. Король.

Долгие годы “рекордсменом” по продолжительности своего пребывания на посту руководителя этой службы оставался подполковник Евгений Григорьевич Красиков, который оставался “у руля” ПТС с 1971 по 1984 годы. Именно в его бытность пожарно-техническая станция была преобразована в испытательную пожарную лабораторию, которая сегодня находится рядом с пожарной частью № 1 на улице Пролетарской, 74, прекрасно известной каждому жителю Самары. И сейчас “рекорд” кандидата технических наук Е.Г. Красикова уже превзошел его ученик - Валерий Валентинович Фрыгин. С 1988 года и по наши дни нестигаемый подполковник несет на своих плечах всю ответственность за многогранную работу коллектива ИПЛ. Правда, если раньше в штатном расписании лаборатории было 17 человек, то теперь, после сокращения, в команде Валерия Фрыгина осталось лишь 11 единомышленников.

История этого подразделения сегодня насчитывает уже без малого шесть десятилетий. За это время сотрудники лаборатории сумели вписать сотни золотых страниц в научные разработки, ГОСТы, технические рекомендации, должностные инструкции и правила пожарной безопасности. Все эти документы, несмотря на весьма солидный возраст, остаются актуальными и обязательными и в наши дни. А если заглянуть в архивы, то многое из того, чем полвека назад приходилось заниматься сотрудникам ПТС, нам сейчас может показаться не просто очень далеким, но даже забавным.

Так, в начале 50-х годов на пожарно-испытательной станции проводился целый комплекс исследований по созданию огнезащитных кровлей. Для этого ее сотрудники рубили солому, смешивали её с глиной, а потом сушили и поджигали. Эти опыты по поиску оптимально огнестойких покрытий становятся понятными, если учесть, что в послевоенные годы в каждой деревне стояло огромное количество изб, сплошь покрытых соломой. В селах того времени дома “под шифером”, а уж тем более “под железом” были великой редкостью. Старожилы еще помнят, как после войны каждый год по городам и весям ходили пого-

рельцы с сумой: в ту пору огонь частенько оставлял на месте улиц и даже целых деревень одни только черные головешки...

Революционным прорывом к масштабным научным исследованиям стало открытие на базе Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода пожарно-испытательного полигона. Это уникальное подразделение занимало 12 гектаров территории, скрытой от посторонних глаз высоким бетонным забором. На просторах огромной державы, именуемой СССР, в те годы больше не было ни одной такой базы, которую получили в свое распоряжение для исследовательских работ сотрудники Куйбышевской ПТС.

А главной достопримечательностью полигона тогда был огромный резервуар вместимостью три тысячи кубометров, вкопанный в землю. На этом объекте впервые в отечественной практике стали проводиться опыты по тушению нефтепродуктов. Начинали с химической пены, а потом перешли на воздушно-механическую пену, применение которой в то время было настоящим “ноу-хау” в пожаротушении союзного масштаба. Здесь же испытывали новые конструкции пенных генераторов. О значимости и актуальности проводимых разработок можно было судить хотя бы по тому, что сюда для изучения передового опыта постоянно приезжали делегации из всех стран тогдашнего СЭВ (Совета экономической взаимопомощи). Куйбышевские исследователи учили уму-разуму и болгарских, и чешских, и венгерских пожарных, и огнеборцев ГДР. Даже с далекой Кубы сюда не раз приезжали на стажировку! В те годы у нас не было никаких секретов от коллег из стран социалистического содружества...

Высокие технологии плюс смекалка

На четвертый десяток лет перевалил срок службы в этом ведомстве у заместителя начальника ИПЛ Александра Аркадьевича Пасова. Он пришел сюда в 1971 году, сразу же после окончания нефтетехнологического факультета Куйбышевского политехнического института. И сразу, словно в омут головой, он окунулся в работу, о смысле и значении которой тогда предпочтительнее было молчать. Ведь все исследования и разработки ИПЛ в то время носили научно-прикладной характер, и в основном были связаны со стратегическими задачами развития народных отраслей хозяйства.

К примеру, четыре года подряд группа куйбышевских пожарных специалистов под руководством Е.Г. Красикова и А.А. Пасова совме-

стно со специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института пожарной охраны (ВНИИПО) занималась исследованиями тактики тушения пожаров на открытых технологических установках предприятий нефтехимии. Опыты проводили не только в Новокуйбышевске и на предприятиях Подмоскovie, но и в Баку. Результатом их работы стала книга рекомендаций по всему комплексу профилактики и пожаротушения на открытых технологических установках предприятий нефтехимии СССР.

Большая научно-исследовательская работа была проделана и на ТоАЗ, в технологическом цикле которого, как известно, задействованы изотермические резервуары по хранению сжиженного аммиака. Даже из школьной программы мы знаем, что сжиженный аммиак относится к группе сильнодействующих ядовитых веществ. Так вот, в циклах химического производства ТоАЗа единовременные запасы этого токсичного соединения, бывает, превышают 10 тысяч кубических метров. Надо ли говорить, что в таких условиях даже самая незначительная авария или выброс этого газа в атмосферу могут иметь необратимые последствия не только для жителей Тольятти и нашей области, но и для многих других регионов России! Ведь, по расчетным данным, ядовитое облако при определенном направлении ветра в считанные часы может “доплыть” аж до самой Москвы. Сейчас Александр Аркадьевич может без утайки говорить об исследованиях той далекой поры. Разработанные им и Красиковым рекомендации по предотвращению чрезвычайных ситуаций на химических производствах сегодня актуальны, как никогда.

В ИПЛ до сих пор помнят, как здорово пришлось “попотеть” ее сотрудникам, чтобы выработать согласованные рекомендации по противопожарной защите ударного объекта 80-х годов – Поволжского свиного комплекса. Это градообразующее предприятие на 108 тысяч голов свиней строилось практически “на голом месте”, по типовому проекту германских специалистов. В те годы качественные строительные материалы были большим дефицитом. Поэтому требовалась недюжинная смекалка, чтобы в рекордно короткие сроки, но с хорошим качеством, как того требовала партия, построить и сдать объект в эксплуатацию. А чтобы понять, какое значение этой новостройке в то время придавало наше областное руководство, достаточно привести лишь один пример: для того, чтобы сотрудники ИПЛ смогли попасть в

гибридный центр свинокомплекса, им потребовалось получить специальное разрешение в Куйбышевском обкоме КПСС.

Впрочем, вскоре выяснилось, что пожарные “месили грязь” на объекте вовсе не ради праздного любопытства. Оказалось, что проектировщики решили выполнить покрытие кровли свинокомплекса из облегченного пенополиуретана. Между тем это вещество (в документах его называли “вспененным пенопластом”) очень горюче и огнеопасно, и к тому же при горении оно выделяет крайне токсичные газы. И хотя в то время никакого другого подходящего материала для кровли у строителей просто не было, пожарно-техническая комиссия в тот момент так и не дала “добро” на открытие комплекса с покрытием из пенополиуретана.

Но одними лишь запретительными мерами ИПЛ не стала ограничиваться: после долгих испытаний специалисты лаборатории все-таки придумали, как нейтрализовать огнеопасные свойства этого материала. В итоге они выдали строителям свинокомплекса следующую рекомендацию: нужно соорудить защитную несгораемую броню по периметру всей кровли. При этом самой надежной и практически дармовой засыпкой оказались отходы фосфорного производства. Их из Толятки на ударную стройку завезли бесплатно.

На этом объекте у пожарных было много и других хлопот: например, при испытании кабельных тоннелей. Почти всегда строители и руководящие органы шли им навстречу, и вроде бы уже готовые строения и сооружения переделывались в соответствии с нормами безопасности. Только один-единственный раз в высоких кабинетах остались недовольны работой специалистов ИПЛ – когда те подготовили обоснование по созданию объектовой пожарной части на свинокомплексе. Между тем такое требование никак не вписывалось в лозунг того времени: “Больше, лучше, с меньшими затратами!”. Однако огнеборцы все же сумели доказать власть имущим еще одну простую истину – о том, что скупой платит дважды. Объектовую пожарную часть на свинокомплексе все-таки сформировали. И потому крупных пожаров на этом объекте – тьфу, тьфу! – пока еще ни разу не было.

Они уже давно заслужили звания докторов наук

В ИПЛ сложилась давняя традиция – все самые серьезные разработки и исследования проводить совместно с ведущими специалистами ВНИИПО, Проектно-технического института пожарно-технических средств и пожаротушения РФ, Академии ГПС, МГТУ имени Бау-

мана и учеными ряда самарских вузов. Проще говоря, все идеи и замыслы вузовских и академических ученых, которые “в сыром” виде появляются на свет, доводит до ума творческий коллектив испытательной пожарной лаборатории Самарского УГПС.

Если бы кто-то из сотрудников ИПЛ решил сделать себе научную карьеру, это ни для кого из них не составило бы большого труда. Здесь все хорошо помнят, как после ухода на пенсию защитил кандидатскую диссертацию бывший начальник ИПЛ Е.Г. Красиков. Почему он сделал это именно в предпенсионном возрасте? Да потому что раньше ему было просто некогда: работы много. Как некогда сегодня и тем, кто остался работать в лаборатории после его увольнения в запас.

Приведу простой пример. Известный специалист ВНИИПО, профессор Г.И. Смелков, в свое время работал над докторской диссертацией по теме “Противопожарная защита электрооборудования животноводческих помещений”. Самым “узким” местом в накопленном им базовом материале оставались исследования по электровводу в эти самые животноводческие помещения. Инженеры-электрики знают, что такой ввод - самый уязвимый участок любых электросетей, так как именно здесь, на месте сгиба проводов, чаще всего и происходят короткие замыкания, и поэтому в случае неправильного монтажа проводка “искрит”, от чего и случаются пожары. Таких примеров в практике работы самарских исследователей набралась не одна дюжина.

После тщательного изучения и обобщения материалы для московского профессора отправили в столицу. И надо же было такому случиться, что папка с документами каким-то загадочным образом попала на стол ответственного чиновника Главного управления пожарной охраны СССР. Ознакомившись с ее содержанием, чиновник вознегодовал - и устроил нашим землякам разнос по полной программе. Пришлось работникам ИПЛ писать объяснительную по поводу того, что это не местечковая самодеятельность и не инициатива снизу. Ведь высокий чиновник не знал, что работа проводилась ими по просьбе профессора Смелкова, чей авторитет в области пожарной безопасности электроустановок является непререкаемым не только в России, но и в СССР! Впрочем, после того, как Г.И. Смелков блестяще защитил докторскую диссертацию, о “грозе” старались больше не вспоминать. А вскоре после этого вышел в свет нормативный документ, изменивший существовавшую ранее практику ведения нормативной документации по электрооборудованию животноводческих помещений.

Никто до сих пор не задумывался и не вел подсчетов, каким же оказывается экономический эффект от разработок с участием ИПЛ, которые в течение десятилетий обогащали казну нашей страны. В 70-х годах, когда по всему СССР началось крупномасштабное строительство панельных домов, самые большие проблемы у строителей и архитекторов были с электропроводкой. Возводились целые серии домов, где провода “хоронили” в бетон, то есть заливали их массой раствора. Это и неудобно, и опасно. Потом стали упаковывать проводку в металлические трубы. В этом случае к существовавшим ранее минусам добавился еще один – очень дорого! Вот тогда-то и получили наши земляки задание Госстроя СССР на новый способ монтажа электропроводки в крупнопанельных зданиях, над которым надо было поломать голову.

Вместе с сотрудниками ИПЛ проблему решали также и разработчики Всероссийского НИИ “Промэлектромонтаж” во главе с ведущим ученым в этой области С.Г. Поповым, а еще и главные специалисты ВНИИгигиены СССР. Вскоре соломоново решение было найдено: электропроводку стали “прятать” не в металлические, а в пластмассовые трубы. При этом “рецептура” изготовления таких труб тоже была выбрана не сразу. Вместе с нашими земляками над поиском оптимального решения работали технологи Ижевского завода пластмассовых труб. Эти исследования продолжались пять лет. Творческая группа ИПЛ, работу которой возглавляли Валерий Фрыгин и Александр Пасов, самостоятельно изготовили опытную установку, которая послужила основой для разработок Госстандарта по испытаниям и монтажу электропроводов, электропроходов и распределительных коробок в строительстве зданий. Таких примеров в рабочем пакете испытательной пожарной лаборатории великое множество.

“Вулкан” почти не виден

Если бы эта встреча состоялась десятью годами раньше, у Валерия Фрыгина могли бы быть неприятности и объяснения с компетентными органами. Зато теперь, когда времена “железного занавеса” канули в Лету, он с открытостью русского человека был очень рад принять у себя в кабинете гостя из далекой Италии – Джованни Марио Бардони.

Он с Фрыгиным почти одного возраста, да и тема разговора обоим была близка и понятна. Хозяин кабинета служит в испытательной пожарной лаборатории УГПС Самарской области вот уже 23 года, и приезжий венецианец тоже “неравнодушен” к огненной стихии – он всю

жизнь занимается производством пожарно-технического вооружения и оборудования. Фирма Бардони ныне ведет дела по всему свету, захватив рынки Франции, Голландии, Бразилии, Бельгии и ряда других стран. Когда миллиардер узнал о разработках своего русского коллеги, он долго цокал языком, эмоционально жестикулировал, и без конца повторял: “Неправильно вы живете! Не умеете торговать!”

По мнению Джованни, живи Валерий Фрыгин в какой-либо европейской стране, то он давно уже стал бы таким же магнатом, как и он сам. Но в России всегда на первом месте была политика. А про человека, будь он хоть семи пядей во лбу, власти обычно вспоминают в последнюю очередь.

Российский подполковник Фрыгин никогда не жил в роскоши и чужому богатству тоже никогда не завидовал. Но ему приятно осознавать, что команда его коллег-бессеребренников, находящихся на государственной службе, может “утереть нос” таким вот толстосумам, которые “делают погоду” на мировом рынке торговли пожарно-техническим оборудованием.

Наши огнетушители, выпускаемые на ООО “Тольяттинский завод противопожарного оборудования “Щит” Всероссийского добровольного пожарного общества, по своим свойствам превосходит зарубежные аналоги. Об этом авторитетно заявляет Валерий Валентинович. А особую зависть у итальянца вызвали наши устройства импульсного пожаротушения “Вулкан-1” и “Вулкан-4”. У этой разработки очень долгая, то есть вполне российская история, правда, со счастливым финалом.

Еще молоденьким лейтенантом Фрыгин познакомился со “звездой” импульсного пожаротушения профессором Владимиром Дмитриевичем Захматовым. Для огнеборцев России он навсегда останется основоположником нового направления в борьбе с огнем – импульсного порошкового тушения. Знаменитый профессор часто приезжал в командировки на Новокуйбышевский испытательный полигон, чтобы проверить свои детища во всех аварийных режимах. Заметив профессиональное любопытство молодого офицера, учёный однажды разоткровенничался с Фрыгиным:

- То, что я изобретаю, нравится всем, кроме меня. Уж очень много порошка “уходит” из очага пожара, теряется зря. А как изменить направление струи – ума не приложу. Может быть, ты своими молодыми мозгами скумекаешь, а?

Этот разговор с профессором и проблема усовершенствования по-

рошковых огнетушителей сопровождали Валерия Фрыгина почти десять лет. И однажды его осенило: а что, если струям придать турбулентность, то есть их закрутить? Идея Фрыгина понравилась ученым НИИ специального машиностроения МГТУ имени Баумана и НПО ЗАО “Спецэнергомеханика”. Плодом их общих усилий стали огнетушители с грозным названием “Вулкан”, которые даже в опытных образцах обладали такими качествами, о которых пожарные даже и не мечтали. По техническим характеристикам их надежность составляла 99,99 процента! Но тут-то и накатила наша “российская специфика”: изобретение на долгие годы засекретили, и использовали его только в ракетных войсках.

Между тем “Вулканом”, как выяснилось, очень интересовались американцы, которые хотели приобрести патент на изготовление. Но наше государство, о чем мы прекрасно знаем, часто ведет себя, словно собака на сене. В итоге получилось как всегда: последние шесть лет “Вулканы” выпускаются лишь на базе самарского завода “Авиакор”. При этом бывший заместитель начальника ИПЛ и друг Фрыгина Валерий Корчак теперь работает на этом производстве. Зарплата у него гораздо выше, чем у бывшего шефа. А Фрыгин хранит в рабочем столе патент на “Вулкан”... Это обстоятельство очень удивило гостя из Италии. Но начальник ИПЛ невозмутим и спокоен: нам-де, людям в погонах, заниматься бизнесом по уставу не положено. Наукой – пожалуйста!

Самым сердечным “Спасибо!” и крепким рукопожатием отблагодарил Фрыгина начальник УГПС МЧС Самарской области Михаил Орлов за то, что на выставке “Эврика-2000”, проходившей в Бельгии, газоаэрозольный огнетушитель был удостоен золотой медали и диплома в номинации “Инновации в области техники”. А недавно эта новинка была удостоена диплома первой степени еще и в Париже - за продвижение на рынок экологически чистых разработок, не приносящих вреда окружающей среде. Это изобретение – плод совместного труда руководства ИПЛ, ученых Самарского государственного технического университета и специалистов ТЗПО “Щит”.

Цена вопроса

Но научные разработки – это скорее хобби подполковника Фрыгина. А вот повседневная жизнь возглавляемого им подразделения состоит в прямом смысле этого слова из бесконечных тревог и срочных

выездов на место происшествия. До предела “ужатый” сокращениями, коллектив ИПЛ ежедневно дежурит в четыре смены. Если кто-то заболел, то для остальных это просто беда: двойная нагрузка на каждого человека становится тройной. Здесь праздничными считают не красные листки календаря, а те редкие дни, когда не надо мчаться по тревоге не место трагедии.

Впрочем, коллектив лаборатории на свою судьбу не в обиде. А своего начальника сотрудники ИПЛ очень даже ценят. Благодаря настойчивости Фрыгина все офицеры, занимающие капитанские должности, ныне уже носят звание майора, а прапорщики ходят в погонах с тремя звездочками. Эти звездочки подчиненным начальник ИПЛ “выбил” у руководства за героическое участие его сослуживцев в тушении пожара здания областного УВД.

Мало кто знает о том, что на месте того пожара у начальника ИПЛ и одного из командиров штаба ГО дело едва не дошло до рукоприкладства. Причиной стала та непонятная торопливость, с которой стремились снести стены сгоревшего здания. Чтобы хотя бы на время остановить разрушителей, Фрыгин приказал своим людям встать в оконных проемах: ему надо было во что бы то ни стало сохранить очаг пожара. А где находился этот очаг, Валерий Валентинович видел своими глазами уже в первые же минуты трагедии. Только благодаря вмешательству прокурора Самарской области А.Ф. Ефремова конфликт удалось уладить, а все вещдоки были сохранены и изъяты с места происшествия.

В “горячих” буднях сотрудников ИПЛ порой происходят и не такие казусы, о которых они потом долго помнят. Так, во время пожара в церкви на улице Черемшанской в Самаре у Фрыгина произошел конфликт с сотрудниками милиции. Что ими двигало, непонятно, но только милиционеры явно старались “замять” дело, представив его в отчетах как заурядную “бытовуху”, а не криминальный пожар. Мол, сторож церкви сам спяну упал и разбил себе голову. Но иппэловцы к тому времени уже располагали другими фактами: сторож был богобоязненным человеком, а спиртного даже в рот не брал. И свидетели незадолго до пожара видели машину отца Фёдора. Где она сейчас? А где сам батюшка? И к тому же сейф в церкви оказался раскуроченным...

Начальник ИПЛ позвонил в прокуратуру района: нужна помощь! Пока следственная группа вместе со специалистами ИПЛ работала в

церкви, отбирая вещдоки, Фрыгин вдруг заметил незнакомца, почему-то без спроса сующего нос в развороченный сейф. Выведенный из себя бестолковостью “ментов”, подполковник дал волю “великому и могучему русскому языку”, разразившись непечатными выражениями в адрес незнакомца. “Успокойтесь, пожалуйста, - деликатно прозвучало в ответ. – Я – прокурор Кировского района!” Одним словом, с этого момента следствие пошло в нужном направлении, и в ходе его прокуратура выявила-таки убийц церковного сторожа.

Очень сложно, если не сказать хуже, представители властей отнеслись к действиям работников испытательной пожарной лаборатории во время расследования причин пожара, случившегося в колонии № 5 в поселке Кряж в 1987 году. Эта трагедия произошла глубокой зимней ночью, когда в закрытых железными дверями камерах задохнулись в дыму осужденные. Уже с рассветом на окраину города прибыло высокое начальство из МВД, ответственные работники аппарата ЦК КПСС. В раскаленной до предела обстановке нервного ожидания работали только сотрудники ИПЛ. Все ждали заключения о причинах возгорания. Руководство колонии, разумеется, падеялось, что причины трагедии можно будет списать на неисправность электропроводки. В этом случае “разбор полетов” мог закончиться без увольнений и снятия погон. Однако благодаря исследованиям Фрыгина правда все-таки выплыла наружу, и для руководства УИТУ она оказалась очень неприятной.

Как выяснилось, в ту морозную ночь в комнате контролеров работал самодельный нагревательный прибор – “козел”. Прикорнув на рассвете, кто-то из дежурных, видимо, незаметно задел обогреватель ногой. А пол в этой тесной комнатенке был покрыт толстым слоем нитролака. Вот он-то и вспыхнул от спирали электрообогревателя, словно порох...

В итоге в камерах ШИЗО, превратившихся в настоящие душегубки, задохнулось 32 осужденных колонии. Камеры же здесь не смогли вовремя открыть потому, что в то время их двери закрывались и открывались только с пульта дежурного. Между тем проводка электрозамков в момент пожара быстро сгорела, а резервного электропитания система не имела. В результате система закрытия дверей под названием “Примула” после этого случая была запрещена по всей стране.

Все знают, насколько “велико” ныне денежное довольствие офице-

ров внутренней службы. Но ведь бывают же награды за изобретения, за всякую экономию средств, за спасение погибающих, наконец. И если команда Фрыгина уже помогла стране сэкономить миллионы, то возникает законный вопрос: как же в таком случае материально вознаградить его самого?

Как выяснилось, денежные премии в течение своей карьеры Валерий Валентинович все-таки получал. Один раз – 60 рублей, когда во время пожара в доме на проспекте Масленникова в Самаре он лично спас из огня пятерых детей и восьмерых женщин. Потом он получал премии еще несколько раз, но при этом самая большая сумма составила... 75 рублей. Это случилось после того, как он спас из огня всего лишь одного человека, но тот, как потом выяснилось, был высоким милицейским начальником...

Т.А. Пархачева

Глава 13

Сквозь огонь – не ради славы (Самарское отделение Всероссийского добровольного пожарного общества)

В 2002 году Всероссийское добровольное пожарное общество (ВДПО) отметило свой 110-летний юбилей. На рынке противопожарных работ и услуг эта общественная организация ныне занимает одно из ведущих мест. Основными целями и задачами ВДПО, на основе которых по кирпичику складывались вековые традиции, являются следующие: объединение граждан для участия в решении задач в области пожарной безопасности; представление и защита законных прав и интересов членов общества.

За свою долгую историю организация не единожды претерпевала реформы и преобразования. В существующем виде работа ВДПО вновь была воссоздана в 1960-м году.

Страница истории

“...Считаю нужным вновь предложить начальникам губерний, по ведомству которых возникли затруднения со стороны городских обществ в устройстве общественных пожарных команд, чтобы они дали обществам надлежащие разъяснения.

В заключение считаю не излишним присовокупить, что общественные пожарные команды могут принести действительную пользу в том случае, когда граждане сами добровольно изъявляют готовность принять на себя эту повинность в деле сохранения своего имущества от уничтожения огнем. Поручая настоящее важное дело для особенной личной заботливости Вашего Превосходительства, прошу о принятых мерах, какие будут приняты для предположенной цели, доставить в свое время сведения Министерству”.

Это строки из письма управляющего министерства внутренних дел статс-секретаря Валуева в адрес начальников губерний, которое датировано маем 1861 года. Документ красноречиво свидетельствует о том, что исполнительная власть в России исстари заботилась о помощи профессиональным пожарным со стороны общественных добровольных организаций.

В 1893 году стараниями одного из приближенных царя графа А.Д. Шереметева было создано Соединенное Российское пожарное обще-

ство с резиденцией главного совета в Санкт-Петербурге. Его сразу же взяли под свое покровительство члены царской фамилии. В 1898 году Российское пожарное общество стало Императорским. Его почетным председателем до самой своей смерти в 1909 году был Великий князь Владимир Александрович. Вместе с венценосной супругой Великой княгиней Марией Павловной он организовал работу Всероссийской передвижной пожарной выставки прямо на борту баржи, названной пожарной ладьей “Первенец”.

Когда 1 августа 1898 года ладья тронулась в путь по Неве, Ладожскому каналу, Шексне, Каме и Волге, то она регулярно останавливалась у прибрежных городов и сел. Успех акции превзошел все ожидания. За время путешествия ладья сделала 116 остановок, а посетило ее более 118 тысяч человек. Правда, судя по документам, “Первенец” так и не дошел до Самары. Но людская молва расточала столь много восторгов по поводу этого события, что самарские губернские власти не пожелали оставаться в стороне от доброго начинания. Поэтому с 1898-го года в нашем городе тоже была создана такая организация, и с того времени Самара вошла в перечень городов России, где существуют старейшие местные отделения пожарных обществ, вольных пожарных команд и дружин, когда-то входивших в состав Императорского Российского пожарного общества.

За огнетушителем – в ВДПО

Много воды утекло с той далекой поры. Не один и не два, а добрый десяток раз менялись названия добровольных организаций, помогающих профессиональным пожарным умирять огненные стихии. Не единожды поменялось и государственное устройство в нашей стране. Но добровольные пожарные общества пронесли через все испытания и бережно сохранили свою главную традицию: повсеместно создавать пожарные дружины и руководить их работой, организовывать обучение дружинников, вести пропаганду пожарно-технических знаний среди населения, и особенно – среди молодежи.

В разговоре с нами председатель президиума Всероссийского добровольного пожарного общества Геннадий Петрович Тесленко рассказал, что в настоящее время в составе ВДПО работает 74 региональные организации. В республиках, краях и областях они выполняют работы в области пожарной безопасности: поставку пожарно-технической продукции, огнезащитную обработку стораемых конструкций, ре-

монт и зарядку всех типов огнетушителей, изготовление первичных средств пожаротушения, пожарных щитов, искрогасителей, ящиков для пожарных рукавов и другого оборудования пожарно-технического назначения. Для выполнения этих работ и услуг региональные организации имеют соответствующие производственные базы и квалифицированных рабочих, которые проходят обучение на учебно-курсовом комбинате ВДПО.

Геннадий Петрович особо подчеркнул, что в составе Всероссийского добровольного пожарного общества работает Тольяттинский завод противопожарного оборудования “Щит”, который производит всю гамму порошковых и углекислотных огнетушителей, а также другое пожарно-техническое оборудование. Поставка этих огнетушителей осуществляется через центральный Совет ВДПО по ценам, ниже заводских.

Председатель президиума Самарского областного Совета ВДПО Анатолий Логачев рассказал, что при советской власти обществам в производственной деятельности разрешалась различная специализация. В зависимости от временного фактора это были или артели трубочистов и водовозов, или кузницы. На смену им пришли производственные мастерские, производственные комбинаты, специализированные ремонтно-строительные управления и другие предприятия. Все доходы от прибыли направлялись на улучшение и развитие пожарного дела, содержание добровольных пожарных дружин, организацию и экипировку юношеских пожарных команд, издание плакатов и брошюр противопожарной тематики.

Для тысяч учащихся школ, детских домов и интернатов соревнования в отрядах ДЮП стали настоящей школой воспитания характера и мужества. А многие ребята после финальных соревнований приходили в Самарский Совет ВДПО...за рекомендациями для поступления в высшие военные училища и академию противопожарной службы.

Трудности преодолены

С начала 90-х годов ВДПО стало испытывать большие трудности. Социально-экономический кризис в стране резко ограничил их деятельность. Он коснулся как противопожарного производства, так и профилактической организационно-массовой работы среди населения. Согласно далеко не полным данным, в России в одночасье распалось

около 30 тысяч дружин в сельской местности и более 100 тысяч на промышленных и других предприятиях.

Социальные потрясения не обошли стороной и Самарское добровольное пожарное общество. Но у руководителей предприятия ООО “Рубин”, организованного на базе Куйбышевского специализированного ремонтно-строительного управления противопожарных работ, хватило и мудрости и стратегического мышления. В этот сложный период коллектив сумел мобилизовать все свои силы для решения главных задач: не снижать темпов производственной деятельности и сохранить областную организацию ДПО со всеми ее традициями.

Анатолий Логачев считает, что удержаться на плаву, а со временем – и занять прочное положение на рынке услуг “Рубину” во многом помогли старые друзья-пожарные. В трудные перестроечные годы неоценимую помощь общественной организации оказал тогдашний начальник УГПС УВД Самарской области Анатолий Карпов (ныне начальник фонда пожарной безопасности области), и его заместитель Александр Жарков, который еще совсем недавно руководил областным УГПС. Ныне добровольцев постоянно опекает нынешний “главный пожарный губернии” Михаил Орлов, а также вся его команда профессионалов. Общими усилиями им удалось сохранить все 10 участков ДПО – в Пестравке, Приволжье, Хворостянке, Безенчуке и других районах губернии.

Делом чести посчитали в “Рубине” и сохранение сборных спортивных команд – мужской и юношеской по пожарно-прикладному спорту. Их финансирование и экипировка участников - все это осуществляется за счет прибыли от хозяйственной деятельности ООО “Рубин”. Не без гордости мне здесь рассказали о том, что по итогам соревнований нынешнего года двое молодых самарских спортсменов включены в состав сборной России. И этот пример – далеко не единичный. Так что слава Самарской организации ДПО прирастает победами!

Особая гордость сотрудников “Рубина” - центр противопожарной пропаганды и агитации, который в народе называют просто пожарным музеем. Это здание построили они сами на собственные средства. В экспонатах отражены наиболее драматичные эпизоды из истории борьбы с пожарами - как в России, так и в Самарской области.

Т.А. Пархачева

Глава 14

Священную память хранят обо всем (Пожарно-техническая выставка центра противопожарной пропаганды и общественных связей УГПС)

“Первое место занимал отдел специальный пожарный...”

Из истории известно, что первая Всероссийская пожарная выставка состоялась 23 мая 1892 года в Михайловском манеже Санкт-Петербурга. В то время журнал “Пожарный” в № 7 так описывал ее содержание:

“Выставка была разделена на 11 отделов. По числу экспонентов первое место между ними занимал отдел специально пожарный (58 экспонатов), потом строительный, часть которого находилась на дворе, сигнализации, литературы и статистики, огнегасителей, лестниц и спасательных приборов, вольных пожарных команд, водоснабжения, рукавов и предметов резиновых и асбестовых, освещения и смазочных материалов и санитарный экспонент. Общее число экспонатов, значащихся на выставке под отдельными номерами, было 156.

Некоторые из них, как-то: С.-Петербургское пожарное депо, Ульяновская и Высоковская пожарные команды графа Шереметева, Стрельненская пожарная команда князя Львова, торговый дом Густава Листа – занимали более или менее обширные, совершенно отдельные помещения. У входа в манеж была воздвигнута роскошная арка, вся убранная пожарными касками, топорами, флагами и зеленью и наверху увенчанная государственным гербом; к каждой ее стороне примыкало по башенке-беседке с группами флагов и атрибутов пожарного дела...

Громадные окна направо и налево от входа служили дверями в сад, где находились огнеупорные и нескораемые постройки строительного отдела; к этим временным дверям вели красиво задрапированные красной и синей материями лестницы. Прямо против арки располагалось С.-Петербургское пожарное депо, с каланчою в центре своего помещения. Каланча представляла подобие настоящей, имела внутри винтовую лестницу, а наверху ее выкинутыми различные пожарные сигналы: шары, кресты и фонари; снаружи она была украшена касками, топорами, подковами и форменной обмундировкой пожарных служите-

лей. Вокруг каланчи располагались всевозможные пожарные принадлежности и инструменты в виде труб, насосов, бочек, чанов, выдвижных лестниц и войлочных щитов, изготовленных в мастерских депо. Кроме богатого своего содержания, пожарное депо отличалось и красивым внешним видом...

Вправо от арки, немного впереди пожарного депо, находился отдел торгового дома “Густав Лист”. Все экспонаты этого дома помещались в особом павильоне, украшенном куполом. Г. Лист выставил массу предметов, замечательных по своей практической конструкции и относительно недорогой цене...

Слева от пожарного депо, у самой стенки, между оркестром и Людвигсбергским акционерным обществом, помещалась скромная, но очень “дельная” выставка города Херсона и известного неустомимого труженика пожарного дела, херсонского брандмейстера К.И. Безсонова. За пожарным депо находился красивый, постоянно бьющий фонтан, а за ним павильон Ульяновской и Высоковской пожарных команд графа Шереметева. Вправо от этого павильона, у стены, приютилась Варшавская пожарная команда. Ее экспонатами были: пожарная труба на четырехколесном ходе, пожарная железная бочка на таком же ходе, особое приспособление для снятия пожарного мешка из окна и некоторые мелкие пожарные принадлежности, из которых заслуживали внимание приспособления для снятия мешка и валик для выталкивания из труб веников; кстати сказать, употребление и того и другого очень просто. За павильоном графа Шереметева находилась декорация Стрельнинской пожарной команды князя А.Д. Львова в виде фасада пожарного здания с каланчой, на которой был выкинут красный флаг. Этой декорацией и завершалась выставка, ибо к помещению князя примыкал уже буфет”.

К современным пожарно-техническим выставкам (ПТВ) и музеям предъявляются высокие требования. Они решают целый комплекс задач, главными из которых являются: пропаганда пожарно-технических знаний; популяризация пожарного дела и профессии пожарного; распространение достижений науки, техники и передового опыта в области предупреждения и тушения пожаров, спасения людей и тому подобное; сбор, хранение, изучение материалов истории, традиций пожарной охраны.

Статистика показывает, что интерес и степень информированности населения по вопросам пожарной безопасности очень невелика.

Посещение ПТВ порой коренным образом меняет представление людей об этих проблемах. Однако выставки в течение года посещает в среднем лишь 10-15 тысяч человек, что, безусловно, значительно повлиять на население области не может. Следовательно, выставки ставят перед собой реальные цели: воздействовать главным образом на такие категории населения, от которых больше всего зависит пожарная безопасность общества. Конечно же, в такой ситуации основными посетителями выставок являются дети, разум и чувства которых, словно губка, способны впитать самые азы противопожарной безопасности.

Именно эти цели преследовали руководители УПО УВД Куйбышевского облисполкома, выдвигая идею создания пожарно-технической выставки. Необходимость ее организации диктовалась самой жизнью. Ведь всем известно, что Куйбышевская, а ныне Самарская область в течение XX века с каждым годом все сильнее и сильнее насыщалась множеством всевозможных предприятий и производств, на которых и поныне используются технологические процессы, отличающиеся повышенной пожаро- и взрывоопасностью. Да и часто возникающие пожары на объектах сельского хозяйства и в быту требовали принятия более квалифицированных мер по пропаганде противопожарных знаний.

Как строилась экспозиция

В 60-х годах первоначальные экспозиции выставки представлялись для всеобщего обозрения в центральных парках культуры и отдыха, как составная часть областных сельскохозяйственных выставок, отражающих организацию противопожарной защиты в сельской местности. Ежегодно за два месяца работы выставки павильон посещало более шести тысяч тружеников села, в том числе руководителей совхозов и колхозов, бригадиров, механизаторов, рабочих и колхозников.

В связи с большой популярностью подобных экспозиций у руководства УПО постепенно формировалась мысль о создании постоянно действующей выставки, подобной тем, которые к тому моменту уже появились в Москве, Ленинграде и Свердловске. Одним словом, идея создания такой экспозиции вынашивалась несколько лет. В конце концов начальник УПО Куйбышевской области Николай Иосифович Кириленко поручил воплотить в жизнь эту идею своему заместителю Анатолию Константиновичу Карпову.

Нужно сказать, что ее созданию предшествовала большая подготовительная, организационная и практическая работа, как со стороны аппарата управления, так и по линии отдельных частей пожарной охраны. В это время при УПО УВД был создан организационный совет, в который вошли начальники отделов и отделений: начальник ОГПН Н.А. Потапов, начальник ОПТ Г.П. Панков, начальник НТО Н.А. Смирнов, начальник отделения пропаганды А.И. Федорин, начальник ИПЛ Е.Г. Красиков. Задача перед ними была поставлена не из легких. Все понимали, что выставка должна будет отличаться от уже существующих по содержанию и интерьеру экспозиций.

Огромную помощь в создании центра пропаганды противопожарного дела в этот период оказало отделение Всероссийского добровольного пожарного общества Куйбышевской области. Руководство ВДПО любезно согласилось разместить будущую выставку в пристрое к административному двухэтажному зданию на улице Революционной, 111, в Куйбышеве, где в то время размещалось правление областной организации ВДПО. Рабочий проект по размещению выставки в этом помещении был утвержден под № 111 в марте 1974 года. Далее пошла кропотливая работа по поиску экспозиционных идей, материальных средств и творческих личностей, способных воплотить задуманное в конкретной экспозиции.

Анатолий Константинович лично занимался поисками исторических материалов в архивах города, в отделе редких книг областной научной библиотеки. Сотрудники отдела пожарной техники УПО Г.А. Куколкин и О.Л. Ковязин занимались организацией строительно-монтажных работ. В результате к 1985 году капитальное строительство в здании было закончено, и началось декоративно-художественное оформление экспозиции выставки. Приказ начальника УПО № 231 от 22 ноября 1985 года окончательно определил сроки подготовки макетов экспозиций.

Членам оргкомитета по оформлению выставки для обмена опытом создания экспозиций пожарно-технических выставок не раз приходилось выезжать в командировки в Ленинград, Уфу и Свердловск. Большую работу по сбору архивных фотоматериалов в этот подготовительный период провели работники испытательной пожарной лаборатории УПО. Очень помог авторам экспозиции Куйбышевский Дом художников, который предоставил им работы известного живописца Станислава Федорова на противопожарную тематику. Ленинградские художни-

ки и мастера макетного дела проектировали и изготавливали диорамы и скульптурные композиции, воссоздающие отдельные эпизоды из работы огнеборцев. Одновременно Куйбышевская студия кинохроники передала в дар УПО более тридцати документальных кинофильмов на противопожарную тематику.

Торжественное открытие выставки состоялось в день празднования образования советской пожарной охраны 17 апреля 1990 года. На открытии присутствовали первые лица области и города, руководящий состав Главного управления ГПС МВД и УВД Куйбышевской области. Дружина юных пожарных Куйбышева под руководством инструктора ВДПО по работе с ДЮП Л.И. Медведевой открыла торжество праздничным приветствием. Символическую ленточку перерезали начальник УВД области генерал-майор Г.А. Данков и начальник УПО А.К. Карпов.

С того момента более десяти лет выставку возглавлял уже находящийся в тот момент в запасе ветеран пожарной службы и МВД Н.И. Кириленко. А когда в 2002 году пожарно-техническая выставка Самарского УГПС вошла в состав центра противопожарной пропаганды и общественных связей управления, Николай Иосифович стал возглавлять свой “боевой” коллектив уже в качестве старшего методиста. Кроме Кириленко, ныне в нем работают также экскурсовод Любовь Ивановна Медведева и методист Зинаида Александровна Гмирянская.

Здесь пожары разложены по полочкам

Что же сейчас могут увидеть посетители выставки в ее экспозиции? Об этом стоит рассказать поподробнее. Конечно же, из нее в первую очередь можно узнать о том, как работает служба по борьбе с огнем.

Пожар... От чего же он чаще всего происходит? Как предотвратить его? Как потушить? Здесь посетители как раз и получают ответ на эти и многие другие вопросы. К тому же специалисты считают, что посещение выставки полностью изменяет представления людей о проблеме пожарной безопасности. А подлинные экспонаты, диорамы, фотодокументы и стенды, размещенные в трех залах, наглядно рассказывают о развитии пожарной охраны в нашей стране и Самарской области, знакомят с современной пожарной техникой, приборами пожаротушения, радиосвязью, противопожарной автоматикой, фрагмен-

тами противопожарной защиты высотных жилых домов и общественных зданий.

Знакомство с выставкой начинается с карты области, на которой по мановению руки экскурсовода загораются огоньками нитки газо- и нефтепроводов, нефтехранилища и НПЗ, предприятия нефтехимии и прочие взрывоопасные объекты. Уже здесь ты невольно понимаешь, до какой же степени насыщена Самарская губерния опасными производствами. Далее мы знакомимся с портретами пожарных Чернобыля, погибших при выполнении своего долга и посмертно отмеченных наградами Родины. Рядом возвышаются полотна, автор которых - известный российский художник Станислав Федоров. Из этих рам на нас смотрят прославленные огнеборцы Самарского гарнизона.

В первом зале экспозиции разместилась объемная диорама, рассказывающая об одном из крупнейших самарских пожаров XIX века, во время которого наш город выгорел дотла. Подобное в Самаре случилось не раз - в частности, в 1848 и в 1850 годах. Только после таких катастрофических случаев в губернском центре был организован первый пожарный обоз.

Здесь же мы увидим макет довольно известного в России здания Самарского академического театра драмы. Перед посетителями макет автоматически раскрывается и знакомит их с чудесами пожарной безопасности, которыми театр оснащен в наши дни. Система была испытана во время реального пожара в 1993 году, когда во время новогоднего спектакля из-за слишком близко расположенного костра с настоящим, а не бутафорским пламенем неожиданно для всех вспыхнули театральные декорации. В считанные мгновения насосы подали воду в очаг пожара, семитонный огнеупорный занавес моментально отсек зрительный зал от охваченной огнем сцены, а мощные вентиляторы выдули остатки дыма на улицу. Ни один человек не пострадал, а театру были нанесен лишь минимальный ущерб.

Однако главная тема экспозиции – это, конечно же, история взаимодействия людей и огня, а также история противоборства человека с огненной стихией, вырвавшейся из-под его контроля. Эта тема проходит “красной нитью” через всю экспозицию выставки. Стенды с экспонатами и фотографиями рассказывают о причинах и местах возникновения пожаров, о мерах их предупреждения и профилактики. Здесь же посетители видят весьма впечатляющую диораму “Квартира до и после пожара”. Почти вживую на макете происходит и возгорание квар-

тиры - зритель наблюдает, что остается от празднично убранной комнаты после разгула коварного пламени. А соседний раздел посвящен "Службе-01", и здесь показана автоматическая схема прохождения сигнала о пожаре по телефонной сети.

Во втором зале музея представлена история пожарной техники: рукавная катушка с ручным насосом вековой давности, огнетушители разных лет выпуска, пожарное обмундирование, брандспойты, макеты пожарных машин, катеров, пеноподъемников и так далее. Пожарные автомобили в XX веке претерпели весьма разительные изменения - начиная от автотележки на 30 ведер 1926 года выпуска до нынешнего мощного ЗИЛа. Здесь же на действующих макетах можно ознакомиться с первичными средствами пожаротушения и с современными автоматическими установками углекислотного тушения. А рядом расположен уголок экспозиции, посвященный пожарно-прикладному спорту, где рассказывается о достижениях самарских спортсменов за последние десятилетия.

Еще более впечатляет диорама в третьем зале, рассказывающая об одном из самых трагических происшествий в истории нашей губернии - о пожаре, случившемся 4 июля 1948 года на нефтехранилище на стрелке реки Самары. Это событие вошло в историю мирового пожаротушения, поскольку до того момента огнеборцы еще ни разу не сталкивались с такими крупными выбросами горящей нефти из резервуаров. Этот пожар унес жизни девятнадцати офицеров и бойцов пожарной охраны.

Еще в экспозиции третьего зала находится макет диспетчерского пульта с воспроизведением записи реального звонка и последующей тревогой. А неподалеку от него располагается кинозал со специальной фильмотекой, которая насчитывает более 60 короткометражных фильмов на противопожарную тематику. Их демонстрацией сопровождаются все экскурсии, а также лекции и семинары по пожарно-техническим проблемам. Экскурсии проводятся с заранее скомплектованными группами. Частыми гостями выставки бывают школьники, студенты, служащие из различных учреждений города и области.

Сотрудники выставки не только демонстрируют экспонаты, но и ведут противопожарную пропаганду. Ежегодно выставку посещают до 16 тысяч человек, причем за день здесь иногда проводится до 4-5 экскурсий, а в течение года их число порой доходит до 600. Кстати, заявки на экскурсии часто поступают за месяц-полтора вперед.

Отрадно, что при этом нашу выставку знают и в других регионах России. За время своего существования она уже стала крепким связующим звеном между жителями области и работниками противопожарной службы. Во многом известность пожарно-технической выставки растет благодаря общим усилиям сотрудников центра противопожарной пропаганды УГПС и инспекторского состава подразделений ГПС области. С подачи центра выставку регулярно посещают, а затем освещают ее работу многие областные и городские газеты - "Самарские известия", "Право", "Будни", "Жизнь", "Пульс Поволжья", а также журналы "Служба спасения" и "Пожарное дело". Сюжеты о выставке не раз показывали в своих программах местные телерадиокомпании "Скат", "РИО", "Орион" и другие.

Кроме общих вопросов пожарной безопасности для населения, работники пожарно-технической выставки прививают специалистам различных отраслей промышленности глубокие по предупреждению пожаров в технологических процессах на объектах и рабочих местах. Накопленный годами огромный практический опыт самарских огнеборцев ныне умело используют методисты выставки для обучения противопожарным навыкам сталеваров, станкостроители, монтажников, специалистов нефтехимического и аэрокосмического комплекса, строителей и автомобилистов, военных, сотрудников правоохранительных органов.

Двери выставочных экспозиций всегда открыты для граждан, желающих расширить свой кругозор и обучиться основным правилам пожарной безопасности. Экскурсионное время - 1 час, но даже за это короткое время здешние сотрудники всегда готовы провести экскурсию с рассказом о наиболее крупных пожарах, произошедших в Самарской области, с кратким инструктажем о мерах пожарной безопасности и показом кинофильма.

В.В. Дзнеладзе

Глава 15

Спорт, рожденный в огне

Самарские спортсмены – в числе первых

В ноябре 2002 года спортивная общественность России, специалисты, тренеры, спортсмены, все, кто стоял у истоков развития пожарно-прикладного спорта, отметили 65-летний юбилей современного спорта профессиональных пожарных. Такой спорт появился в нашей стране неспроста. О том, что огнеборец должен быть ловким, смелым, быстрым, решительным и сообразительным, ни у кого не вызывает и тени сомнения. Ведь при поступлении на службу кандидату в пожарные приходится проходить жесткий медицинский отбор, сравнимый разве что с отбором в космонавты. А уже потом противопожарная служба почти ежедневно экзаменует избравшего ее человека по его физическим и умственным возможностям, а это и есть условия для развития массового спорта в повседневной деятельности пожарных.

Спортивные достижения сотрудников противопожарной службы Самарской области является образцом развития спортивных традиций для многих регионов Российской Федерации. Взять хотя бы тот факт, что ныне здравствующие ветераны пожарной службы, бывшие начальники управления пожарной охраны Куйбышевской области Николай Иосифович Кириленко (начальник УПО с 1963 по 1987 годы) и Анатолий Константинович Карпов (начальник УПО с 1987 по 1997 годы) в свое время были разрядниками в таких видах спорта, как лыжи, легкая атлетика и бокс. Впрочем, и их подчиненные в большинстве своем тоже были не только первоклассными специалистами пожарного дела, но и прекрасными атлетами.

Офицеры и рядовые пожарные нашей области не раз стояли на самых высоких ступеньках пьедесталов почета на соревнованиях различных уровней и по различным видам спорта. В 90-е годы знамя самарской пожарной охраны высоко держало “великолепное трио” – члены сборной команды области по служебному многоборью. Среди них – мастер спорта международного класса, член сборной команды СССР по военно-прикладному многоборью, шестикратный чемпион России, двукратный обладатель Кубка СССР Сергей Алексеевич Росликов; мастер спорта, член сборной СССР по морскому многоборью, многократный призер чемпионатов России и СССР Александр Григо-

рьевич Соколов; мастер спорта, многократный призер и победитель чемпионатов МВД и зональных соревнований по служебному многоборью Константин Петрович Домнин. Эта команда на протяжении десяти лет прочно занимала призовые места на российских и всесоюзных соревнованиях. Кроме них, успешно выступал на соревнованиях различного уровня и мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса по гирям, член сборной команды России и Куйбышевской области, бронзовый призер чемпионата мира, победитель Спартакиады народов СССР, чемпион РСФСР, призер Чемпионатов СССР и РСФСР, инспектор ОГПС-12 Михаил Алексеевич Бибииков.

Долгое время не давали покоя соперникам на спортивных соревнованиях и другие куйбышевские пожарные. Это мастера спорта СССР по биатлону, победители и призеры республиканских и зональных соревнований, члены сборной команды ЦС “Динамо”, области, участники международных соревнований, дважды обладатели кубка ГУПО МВД СССР, чемпионы области Валерий Иванович Буйлин, Владимир Иванович Зимин, Виктор Петрович Малыгин, Николай Григорьевич Кукушкин.

Невозможно было догнать на снежных трассах наших мастеров спорта СССР по лыжным гонкам, чемпионов облсовета “Динамо”, призеров чемпионатов СССР, зональных соревнований, участников марафонских пробегов, членов сборной команды области Владимира Николаевича Мелякина, Виталия Михайловича Губина, Германа Кривова, Сергея Туголукова.

Большее значение развитию спорта среди пожарных уделяет нынешний начальник УГПС Самарской области, полковник внутренней службы Михаил Иванович Орлов, а также весь аппарат управления. Спортсмены-пожарные ежегодно участвуют в соревнованиях областного, российского и международного масштаба. Сборные команды КФК-2 (УГПС) принимают участие в соревнованиях Спартакиады Самарской региональной организации ОГО ВФСО “Динамо” по программе: лыжные гонки, волейбол, гиревой спорт, мини-футбол, легкая атлетика, легкоатлетический кросс, стрельба из табельного оружия – пистолета Макарова, “полиатлон” - служебное троеборье (стрельба из ПМ 3+10, плавание на 50 метров, бег на 1000 метров). По итогам Спартакиады “Динамо” КФК-2 (УГПС) неоднократно занимал первые места.

Успешно продолжают славные традиции прошлого нынешний при-

зер чемпионата МВД РФ по лыжным гонкам и служебному двоеборью Павел Сидоров, чемпион ЦС “Динамо”, призер чемпионата России по лыжным гонкам Елена Бородина. Особое внимание в УГПС ныне уделяется развитию спорта среди молодого поколения огнеборцев. Под непосредственным руководством начальника ОСО, представителя УГПС полковника внутренней службы В.И. Исаева и организатора-участника майора внутренней службы В.В. Дзнеладзе команда молодых сотрудников ГПС Самарской области три года подряд (1999-2001 годы) завоевывала кубок фестиваля молодых сотрудников силовых структур, проводимый под эгидой администрации Самарской области и облГУВД.

Среди спортсменов-пожарных Самары есть также гиревики, волейболисты, легкоатлеты, гимнасты, стрелки, и так далее. Это Сергей Здобнухин, Юрий Лебединский, Константин Глинкин, Елена Бородина, Анна Дементьева, Константин Изжеуров, Наталья Денисова, Сергей Бушуев, Сергей Фомин, Ольга Санягина, Светлана Ларина, Константин Юдаков, Валерий Тернавский, Максим Кучин, Александр Агафонов, Олег Минин, Олег Козлов, Вячеслав Васильев и другие. Все они буквально творили чудеса на полях спортивных состязаний. В наш век современных технологий в пожарной охране по-прежнему поддерживается высокий уровень спортивно-массовой работы, но при этом пожарно-прикладному спорту, как профессиональному виду, уделяется главное внимание.

Мировая и российская история пожарно-прикладного спорта

Пожарно-прикладной спорт абсолютно профессионален, так как каждый из видов пожарного многоборья непосредственно связан с выполнением упражнений, содержащих элементы реальной боевой подготовки пожарных, а все технические средства взяты из арсенала пожарно-технического вооружения.

Пожарно-прикладной спорт еще сравнительно молод - его история берет свое начало в 1937 году, когда впервые состоялись состязания работников пожарной охраны НКВД СССР. В программе тех соревнований были следующие виды единоборств: подъем по штурмовой лестнице на четвертый этаж учебной башни; установка выдвижной трехколенной лестницы и подъем по ней на третий этаж учебной башни; преодоление 100-метровой полосы препятствий; пожарная эстафета 6

х 100 метров с тушением горящей жидкости (командный вид), а также боевое развертывание (командный вид) с целью тушения условного пожара. Кроме того, тогда в программу были включены гимнастика, легкая атлетика и стрельба. Впрочем, уже со следующего года эти три вида спорта были исключены из соревнований.

Основоположниками создания и развития пожарно-прикладного спорта в нашей стране явились ответственные работники оперативно-го отдела ГУПО НКВД, Центрального и местных советов общества “Динамо”. С годами ППС претерпел некоторые изменения. Так, менялись снаряды, уточнялись условия выполнения отдельных упражнений. Например, до 1948 года пожарная эстафета состояла из шести этапов по 100 метров каждый. В эстафету входили: 1-й этап - бег 100 метров; 2-й этап - преодоление домика; 3-й этап - преодоление малого забора (высота 2 метра); 4-й этап - прокладка рукавной линии с присоединением к разветвлению, “мышеловка” (проползание на расстояние 10 метров под планками, укрепленными на высоте 50 см от земли); 5-й этап - преодоление бума с переноской двух огнетушителей, а затем - тушение горящей жидкости; 6-й этап - преодоление большого забора (высота 3,5 метра) при помощи лестницы-палки.

После войны пожарно-прикладной спорт в нашей стране стал массовым видом спортивных состязаний, которым по сей день с увлечением занимаются не только в пожарных частях, но и во многих коллективах физкультуры. Тогда же в стране началось проведение массовых соревнований на первенство районов, городов, областей, республик, добровольных спортивных обществ и госучреждений. Стали организовываться чемпионаты обществ “Динамо” и “Локомотив”, а также Вооруженных сил СССР и Министерства угольной промышленности СССР. Оно и неудивительно – ведь именно эти ведомства имеют в своей структуре пожарные подразделения.

Бурному развитию ППС способствовало введение в 1959 году ведомственной спортивной квалификации. Но наиболее значимым для этого вида спорта событием стало включение ППС в единую всесоюзную спортивную классификацию. Решение об этом было принято Союзом спортивных обществ и организаций СССР в 1963 году. Отныне спортсмены-пожарные получили право иметь спортивные разряды и звания по пожарно-прикладному спорту вплоть до звания “Мастер спорта СССР”. Другой значительной вехой в развитии ППС явилось образование в 1964 году Федерации пожарно-прикладного

спорта СССР. С ее созданием этот спорт поднялся на качественно новую ступень своего развития. В лице собственной федерации спорт приобрел единый информационный, аналитический и управленческий центр, по плечу которому стало решение многих перспективных задач развития ППС.

Первый чемпионат СССР по пожарно-прикладному спорту состоялся в 1965 году в Ленинграде. С 1966 года становится регулярным проведение ежегодных чемпионатов спортивных обществ и ведомств. В том же, 1966 году, сборная команда СССР впервые участвовала в показательных соревнованиях в Югославии. С того времени пожарно-прикладной спорт в нашей стране окончательно принял современные черты. Были утверждены окончательная расстановка снарядов и виды упражнений.

В феврале 1968 года решением федерации для спортсменов были введены пластиковые каски, во время соревнований им разрешили носить облегченную боевую одежду, а затем был разработан и утвержден проект металлической штурмовой лестницы. Утверждены звания “Чемпион СССР” в соревнованиях по штурму учебной башни и по преодолению 100-метровой полосы препятствий с вручением победителям малой золотой медали.

Кроме того, 1968 год считается годом выхода советских спортсменов-пожарных на международную арену. На первых четырех крупных международных турнирах (1968 год - Ленинград; 1969 год - Бухарест; 1970 год - Варшава; 1971 год - Будапешт) советские прикладники четырежды одержали четыре победы, заняв на каждом из них первые общекомандные места. Это было только начало большого триумфального шествия наших сильнейших спортсменов по спортивным аренам Европы. В 80-е годы наши сильнейшие спортсмены выигрывали практически все официальные старты как внутри страны, так и за рубежом. Сборная команда общества “Динамо” фактически обрела статус сборной команды Советского Союза по пожарно-прикладному спорту, что давало ей право официально представлять нашу страну на международной арене.

В конце 60-х и начале 70-х годов в ППС, так же, как и во многих других видах спорта, в СССР был отмечен рост внимания к развитию юношеских секций. Как и всякий другой спортивный вид, ППС всегда черпал от подрастающего поколения свои резервы. Что же касается пожарной службы, то здесь, помимо общих задач укрепления здоровья молодежи, привлечения ее к регулярным занятиям спортом, ППС так-

же обеспечивает и раннюю профессиональную ориентацию потенциальных работников пожарной охраны. Немного позже через организации ВДПО на местах и общество “Динамо” был введен комплексный зачет результатов взрослых и юношей на внутренних соревнованиях в стране, что заставило региональные федерации ППС уделять больше внимания юношескому спорту. Неудивительно, что за минувшие 30 лет федерация ППС подготовила из числа молодежи более 400 тысяч спортсменов-разрядников, 4238 мастеров спорта, более 50 тысяч кандидатов в мастера спорта, 389 чемпионов страны среди юношей.

С момента начала самых первых соревнований и по сей день пожарная охрана постоянно заботится о создании спортивной базы для ППС. Для достижения спортсменами высоких спортивных результатов необходим круглогодичный цикл учебно-тренировочной работы, который возможен только в крытых специализированных спорткомплексах. Первый такой комплекс был построен в Ростове-на-Дону в 1970 году, а спустя 20 лет в стране функционировали уже 93 подобного рода sportsооружения, не говоря уже о плоскостных специализированных стадионах. К концу XX века в России для занятий ППС имелось более 170 таких стадионов, на которых можно проводить соревнования самого высокого уровня. К последним приобретениям отечественного пожарно-прикладного спорта можно отнести завершение в 1999 году строительства в Москве на Центральном стадионе “Динамо” современного спорткомплекса для занятий ППС с учебной башней и четырьмя дорожками.

Возвращаясь к событиям тридцатилетней давности, нужно отметить, что в 1971 году в единой всесоюзной спортивной классификации появились нормативные требования к спортсменам, претендующим на звание “Мастер спорта международного класса”. С 1973 года Международный технический комитет по предотвращению и тушению пожаров (КТИФ) принял решение о регулярном проведении (один раз в четыре года) международных соревнований на Кубок КТИФ, иными словами - неофициальных чемпионатов Европы. С тех пор наши спортсмены занимают ведущие позиции в международном пожарном спорте. Достаточно привести результаты выступлений нашей сборной:

1973 г.	г. Брно (ЧССР)	1 место
1977 г.	г. Тренто (Италия)	1 место
1981 г.	г. Беблингер (Германия)	2 место

1985 г.	г. Феклабрук (Австрия)	1 место
1989 г.	г. Варшава (ПНР)	1 место
1993 г.	г. Берлин (Германия)	1 место
1997 г.	г. Хернинг (Дания)	1 место
2001 г.	г. Хельсинки (Финляндия)	3 место

Начиная с 1993 года, сборная команда России (на правах правопреемницы сборной СССР) достойно приняла эстафету победных выступлений: за это время в РФ подготовлено 126 мастеров спорта международного класса, 86 рекордсменов международных соревнований, 109 неоднократных победителей различных международных турниров. Кроме того, широкое развитие ППС в стране в 80-х годах имело огромное значение для дальнейшего повышения уровня боевой подготовленности личного состава пожарной охраны. Лучшие результаты являются своего рода “маяками” для всего личного состава пожарной охраны страны, стимулируя общий уровень подготовленности профессионалов.

В 1988 году по инициативе пожарных Украины ГУПО МВД СССР и ЦС “Динамо” приняли решение проводить ежегодные соревнования по пожарно-прикладному спорту под названием “Мемориал пожарных-героев Чернобыля”. Первый турнир состоялся в городе Вишневом (Киевская область) летом 1988 года. Соревнования эти проводятся и по сей день. Правда, начиная с 1992 года они приобрели статус международного турнира, организуемого Федерацией Украины, но на нем, тем не менее, успешно выступают и российские спортсмены. А с 1994 года аналогичный мемориал проводится и в Москве под руководством УГПС Москвы и Федерации ППС России. К настоящему времени состоялось уже три турнира (в 1994, 1996 и 1999 годах), в которых приняло участие значительное количество спортсменов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В 1991 году сложила свои полномочия Федерация пожарно-прикладного спорта СССР. На смену ей в качестве правопреемницы пришла Федерация пожарно-прикладного спорта России, которая с 1993 года получила статус юридического лица - самостоятельной общественной организации. Именно с этого момента начинается своего рода новый отсчет времени для всего российского пожарного спорта.

Сборная России по ППС на протяжении уже четырех Олимпийских циклов по-прежнему является сильнейшей в Европе. На чемпионатах

России 1989-2002 годов наиболее успешно выступают сборные команды Санкт-Петербурга, Свердловской, Тюменской, Московской, Самарской, Омской, Оренбургской, Челябинской, Нижегородской, Ростовской, Волгоградской областей и Республики Татарстан.

Руководство федерации ППС России (Е.А. Серебренников, В.Т. Кишкурно, М.М. Верзилин, ответственный секретарь В.А. Григорьев) и тренерский совет (С.А. Столяров, В.А. Кобцев, С.Ф. Костенко) ныне прилагают все усилия для того, чтобы в наступившем тысячелетии прикладной спорт профессиональных пожарных не останавливался в своем развитии, а постоянно развивался и совершенствовался. Российские спортсмены-пожарные сделают все от них зависящее, чтобы по линии ППС наша страна продолжала занимать лидирующие позиции в мире.

Но на этом преобразование пожарно-прикладного спорта в нашей стране не остановилось. После того, как с 1 января 2002 года пожарная служба была переведена из МВД в структуру МЧС России, на зимнем чемпионате России, который проходил в начале 2002 года в Омске, было принято решение о преобразовании ППС в спорт пожарных и спасателей. В сентябре 2002 года в Москве на стадионе "Динамо" состоится первый чемпионат мира среди пожарных и спасателей, в котором приняли участие представители 22 стран. На этом турнире команда России, возглавляемая тренерами П.А. Калинин, В.А. Водневым и С.В. Возмиловым, заняла второе общекомандное место, пропустив вперед лишь сборную Белоруссии.

История развития пожарно-прикладного спорта в Самарской области

Развитие пожарной техники в далекие 40-е годы требовало существенного изменения приемов работы с пожарно-техническим вооружением. Занятия на скорость выполнения отдельных нормативов в отделениях, караулах, частях постепенно приобретают характер соревнований. Так возник и стал развиваться пожарно-прикладной спорт в Куйбышеве послевоенного времени.

Его быстрому распространению в коллективах и укреплению материальной базы способствовали проведенные еще в 1939-1940 годах всесоюзные заочные соревнования, в которые включились и подразделения Куйбышевской области. Стали активнее проводиться заня-

тия на учебных башнях и стадионах. Бойцы и командиры упражнялись в спасании и самоспасании из окон многоэтажных зданий, в работе на штурмовых лестницах.

В 1945 году впервые были разработаны правила соревнований по пожарно-прикладному спорту. Первенство разыгрывалось в следующих упражнениях: подъем по штурмовой лестнице на четвертый этаж учебной башни; преодоление 100-метровой полосы с препятствиями; установка выдвижной трехколенной лестницы в окно третьего этажа и подъем по ней; пожарная эстафета из шести 100-метровых этапов; боевое развертывание подразделений. Устанавливалось звание чемпиона по двоеборью, которое определялось по сумме двух видов: 100-метровой полосы с препятствиями и подъему по учебной башне в окно четвертого этажа с помощью штурмовой лестницы.

В 50-е годы пожарно-прикладной спорт в Куйбышеве стал развиваться быстрыми темпами. Команда наших прикладников стала участвовать в соревнованиях между городами и республиками Советского Союза. Появились сильные спортсмены: Адам Баканов, Виктор Локтионов, Бочаров, чьи выступления на соревнованиях стали привлекать все больше и больше пожарных, желающих опробовать себя в этом виде спорта.

Особенно большой толчок развитию пожарно-прикладного спорта в Куйбышеве дали проводившиеся в 1959 году 12-е Всесоюзные соревнования, в которых приняли участие все сильнейшие коллективы страны. Команда города Куйбышева, хотя в общем зачете и не показала высоких результатов, тем не менее в отдельных видах стала призером. Так, в пожарной эстафете наши спортсмены заняли второе место, пропустив вперед только будущих призеров страны – команду Харьковского пожарно-технического училища.

В 60-е годы после переезда в Куйбышев из Харькова мастера спорта Геннадия Яшина команда нашей области заявила о себе как о сильном коллективе и стала принимать участие в зональных и всероссийских соревнованиях. Куйбышевские спортсмены стали больше уделять времени тренировочному процессу, отработке нормативов, повышению общефизической подготовки. Определился и основной состав сборной, в которую вошли: Яшин, Мордвинов, Котов, Ступников, Маров, Иванов, Понимасов. Появились и спортсмены-лидеры.

Так, Геннадий Яшин быстро стал членом сборной команды России. Выступая на матчевой встрече в Ленинграде в 1966 году, он ус-

становил рекорд в подъеме на учебную башню в окно четвертого этажа с результатом 16,3 секунды. В паре с Евгением Понимасовым он неоднократно становился победителем и призером зональных и всероссийских соревнований в подъеме по выдвижной лестнице. За большие успехи в пожарно-прикладном спорте в 1969 году Геннадий Яшин получил звание “Почетный мастер спорта СССР”.

В конце 60-х годов произошло резкое омоложение в сборной команде Куйбышевской области, в которую вошли Г. Яшин, И. Крупин, Б. Фуфыгин, В. Кабанов, А. Табаков, Л. Синельников. Результаты команды тут же начали быстро расти. Многие спортсмены-прикладники стали выполнять нормативы кандидата в мастера спорта и мастера спорта. Стало больше спортивных стартов. Сборная команда из Куйбышева стала гораздо чаще появляться среди сильнейших коллективов России на всероссийских соревнованиях.

В 1972 году в Куйбышеве проходили зональные соревнования чемпионата РСФСР. Сборная команда Куйбышевской области тогда выступила успешно, заняв в общем зачете второе место, и поэтому получила право участвовать в финале чемпионата России в Брянске. В том году успех нашей команде принесли Г. Яшин, И. Крупин, А. Корольков, В. Суслин, А. Ловецкий. В частности, Геннадием Яшиным были показаны высокие результаты в штурме учебной башни - 16,1 секунды, а в соревнованиях с выдвижной лестницей тот же Яшин в паре с Крупинным победили с результатом 15,2 секунды. Затем команда прикладников Куйбышевской области стала призером и в эстафете.

Введенная в действие учебная башня на стадионе “Динамо” в Куйбышеве способствовала дальнейшему развитию пожарно-прикладного спорта в нашем городе. Стала меняться и методика тренировок. До 1975 года занятия куйбышевской команды проводились только в летнее время, но с приходом сюда спортсмена-тренера Николая Юрчука из Ивановского пожарно-технического училища тренировки стали проходить и зимой. В том же году наша сборная команда на зональных соревнованиях в Ульяновске снова стала призером, заявив тем самым о себе как об одном из сильнейших коллективов РСФСР.

В 1976 году в молодой коллектив, сформированный Николаем Юрчуком, входили Анатолий Дудин, Олег Борисов, Александр Немчинов, Борис Чемирис, Stanisлав Назаров. В таком составе команда Куйбышевской области приняла участие в зональных соревнованиях на первенство России в Костроме, где завоевала второе место, пропус-

тив вперед сильный коллектив из Татарии. Победа в этом турнире открыла дорогу для участия в финале чемпионата РСФСР в Горьком. Тогда в личном первенстве отличился Николай Юрчук, выигравший два вида программы. В соревнованиях на 100-метровой полосе его результат был 17,2 секунды, а в штурме учебной башни в окно четвертого этажа - 15,0 секунды. По итогам этого турнира Юрчуку было присвоено звание мастера спорта СССР.

На чемпионате РСФСР в Горьком наша команда выступала в том же составе, а для усиления в нее был включен Валерий Баканов, выпускник Ивановского пожарно-технического училища 1976 года. Тогда впервые в истории пожарно-прикладного спорта Куйбышевской области наша команда вошла в десятку сильнейших и заняла общее шестое место. Этот успех стимулировал спортсменов-прикладников к совершенствованию своего мастерства. Объем тренировок увеличился, нагрузки выросли. Результаты не заставили себя долго ждать. На зональных соревнованиях в 1977 году в Туле куйбышевская команда в составе Н. Юрчука, В. Баканова, А. Дудина, А. Кондрашова, В. Широга, С. Назарова, О. Борисова, А. Немчинова и Б. Чемириса заняла первое место.

Сначала на чемпионате России по ППС 1978 года в Подольске Московской области, а затем на таком же чемпионате в 1979 году в Грозном наша команда вела упорную борьбу с признанными лидерами - командами Московской, Ростовской, Омской, Свердловской и Горьковской областей и Ивановского пожарно-технического училища. В итоге куйбышевцы сумели дважды подряд добиться третьего общекомандного места.

В этот период в нашем городе появились и первые чемпионы по ППС в личном первенстве. В частности, Валерий Баканов стал победителем в соревнованиях на 100-метровой полосе с препятствиями, да плюс к тому еще и в двоеборье. Он же в паре с Анатолием Кондрашовым завоевал победу по подъему по выдвижной лестнице. Призерами на 100-метровой полосе и подъеме по штурмовой лестнице стали также Н. Юрчук, С. Назаров, В. Широга, В. Дорофеев.

В 1978 году на чемпионате РСФСР в Подольске команда прикладников Куйбышевской области в составе С. Назарова, Б. Чемириса, Н. Юрчука и В. Баканова стала призером в боевом развертывании, а в эстафете 4 x 100 метров - победителем. Все наши спортсмены получили звания мастера спорта СССР, а Николай Юрчук и Валерий Баканов вошли в сборную команду России, в составе которой затем ус-

пешно покоряли вершины пожарно-прикладного спорта на чемпионатах СССР и международных соревнованиях.

У самарцев все впереди

Руководители областного управления пожарной охраны Николай Иосифович Кириленко и пришедший после него Анатолий Константинович Карпов всегда стремились создать в нашей области наилучшие условия для того, чтобы пожарно-прикладной спорт развивался, а не стоял на месте. За время их пребывания на руководящих постах были построены учебные башни в городах Самаре, Тольятти, Сызрани, Новокуйбышевске, после чего здесь ежегодно проходили соревнования различного уровня. Кроме того, были построены крытые манежи в Новокуйбышевске и Сызрани. Увеличилось число разрядников, возросло количество судей высокой квалификации. Начальник областного УПО А.К. Карпов за активное участие в развитии пожарно-прикладного спорта был избран вице-президентом Федерации ППС, а в дальнейшем - ее почетным членом.

Пожарно-прикладным спортом у нас стали заниматься и совсем молодые ребята которые на юношеских чемпионатах России не раз одерживали победы. Так, на Всесоюзных юношеских соревнованиях, которые прошли в Куйбышеве в 1991 году, юные пожарные Куйбышевской области И. Юрчук, М. Ржевский, Д. Король и В. Каширин, в то время уже входившие в состав сборной России, установили рекорд РСФСР в пожарной эстафете.

В 1988 году на чемпионате РСФСР в Воронеже сборная команда Куйбышевской области в комплексном зачете (взрослые и юноши) впервые в своей истории завоевала звание чемпиона России. Такого успеха добились В. Баканов, А. Кузнецов, В. Дорофеев, В. Семашкин, С. Каторгин, М. Кузькин, М. Саландин, а также юноши А. Луконин, И. Юрчук, А. Пронин, В. Жихарев, М. Ржевский. Появилась новая молодая волна спортсменов-прикладников, которые продолжили славные традиции побед на различных соревнованиях.

В 1991 году сборная команда Самарской области выиграла все соревнования, в которых принимала участие: зимний и летний чемпионаты России и зональные соревнования Кубка России. Чемпионами стали В. Семашкин, А. Кузнецов, С. Каторгин, В. Дорофеев, А. Вершков, И. Чауков, Г. Кузькин, а также юноши И. Юрчук, А. Пронин, М. Ржевский, Д. Король, В. Каширин, М. Симонов.

В то время в составе сборной России все чаще стали появляться “прикладники” из Самарской области. В частности, А. Вершков и И. Чауков утвердили себя не только на российских стадионах, но и на зарубежных турнирах. Эти парни неоднократно становились победителями международных соревнований, за что им обоим было присвоено звание мастеров спорта международного класса.

В 1993 году на чемпионате России в Йошкар-Оле произошло событие, которого до этого в пожарно-прикладном спорте еще ни разу не было. Впервые за всю историю ППС один и тот же участник состязаний победил во всех видах индивидуальной программы: на 100-метровой полосе с препятствиями, в подъеме по штурмовой лестнице, в двоеборье, а также вместе с товарищами по команде в пожарной эстафете. Спортсменом-героем стал Александр Вершков, лидер сборной команды Самарской области по ППС.

В 1996 году на зимнем чемпионате МВД России в Чебоксарах, а также на летнем чемпионате России в Ижевске в 1997 году наша спортивная пара в соревнованиях по подъему по трехколенной выдвижной лестнице И. Чауков и А. Вершков сумела дважды установить рекордное время. До 2001 года оставался незабываемым рекорд среди юношей старшей возрастной группы в подъеме по штурмовое лестнице в окно третьего этажа учебной башни, установленный Игорем Юрчуком на зональных соревнованиях 1991 года в Волгограде. На чемпионате России в 1997 году в Ижевске сборная команда юношей Самарской области в составе Дмитрия Халько, Петра Афанасьева, Алексея Шабашева и Ивана Кузнецова установила рекорд России в пожарной эстафете 4 x 100 метров.

Здесь же, в Ижевске, самарские юноши стали победителями в отдельных видах соревнований, в том числе Д. Халько - в преодолении 100-метровой полосы с препятствиями, а Ю. Жданов - в подъеме по штурмовой лестнице. Бывшие спортсмены-прикладники, закончив выступления в большом спорте, впоследствии стали умелыми руководителями личного состава государственной противопожарной службы. Адам Баканов возглавлял одно из крупнейших подразделений области - отряд по охране химического завода в Тольятти. После его ухода на заслуженный отдых, на его место выдвинули другого прикладника - Валерия Баканова. Геннадий Яшин до ухода в отставку, долгие годы возглавлял третью группу штаба пожаротушения областного управления пожарной охраны. Сын Адама Афанасьевича Бака-

нова - Валерий, ныне работает начальником дежурной смены службы пожаротушения Тольятти. В. Дорофеев, В. Семашкин, А. Дудин, М. Саландин работали на различных должностях в службе пожаротушения городов Самары и Тольятти. Николай Юрчук около 15 лет тренировал взрослую, а затем и юношескую сборные команды Куйбышевской области по ППС.

С 1985 года сборную команду области возглавил Борис Чемирис. За эти годы наш спортивный коллектив не только не стал статистом в рамках чемпионата России, а, наоборот, грозным соперником таких сильнейших команд по ППС, как сборные Московской области, Екатеринбургского ПТУ и другие. На протяжении 1990-1996 годов самарцы неизменно боролись за самые высокие места на чемпионатах России, в том числе три раза занимали первое место, а еще четыре раза становились вторыми.

Ежегодно в рамках областных соревнований “Школа безопасности” проводится комбинированная пожарная эстафета среди учащихся 8-х и 10-х классов. Турнир проводится в два этапа: на первом - соревнования среди школ внутри районов и городов области, а на втором - финальные соревнования среди победителей первого этапа. Каждый этап тоже состоит из двух частей: практической (эстафетный бег по комбинированной пожарной полосе с препятствиями) и теоретической (ответы на вопросы сотрудника госпожнадзора). Кроме того, в Самаре ежегодно проводятся юношеские соревнования по пожарно-прикладному спорту среди команд районов города.

Среди профессиональных подразделений ГПС Самарской области ежегодно проводятся соревнования по пожарно-строевой подготовке. Районы области разделены на четыре зоны, внутри которых определяются победители. В программе соревнований – преодоление 100-метровой полосы с препятствиями, боевое развертывание отделения с установкой автоцистерны на водоем и подачей двух стволов “Б”, комбинированная пожарная эстафета 4 x 100 метров. А еще в Самарской области в рамках ежегодной спартакиады коллектива физической культуры № 2 (УГПС) проводятся соревнования по пожарно-прикладному спорту среди команд подразделений 1 и 2 групп. Подразделения ГПС распределены по двум группам в зависимости от их численности.

На плановой основе проходит подготовку сборная команда Самарского отделения федерации пожарно-прикладного спорта России.

Спортсмены проводят сборовую подготовку перед каждым соревнованием, входящими в календарный план федерации ППС РФ. А в Новокуйбышевске ежегодно проводятся всероссийские соревнования, посвященные памяти С.А. Язовского, погибшего при тушении пожара.

По итогам десятилетия лучшим спортсменом-прикладником России по рейтингу федерации ППС РФ признан Александр Вершков, а другой самарец - Игорь Чауков занял четвертую позицию.

Тренер сборной Самарской области Борис Иванович Чемирис - член тренерского совета федерации ППС России. Он подготовил двух мастеров спорта международного класса и более десятка мастеров спорта. Сергей Александрович Каторгин работает тренером сборной команды юношей с 1996 года, и за это время он подготовил трех чемпионов России и трех призеров чемпионатов России.

Не успели отгреметь фанфары чемпионата России по ППС 1996 года, радушными хозяевами которого были самарцы во главе с начальником Самарского УГПС А.К. Карповым, как Главное управление ГПС снова оказало доверие нашему городу: чемпионат России 2001 года опять запланировали провести на самарской земле. Полгода пожарные Самарской области прилагали огромные усилия по улучшению материально-технической базы соревнований. В ходе подготовки были изысканы средства на капитальный ремонт стадионов "Динамо" и "Заря", где полностью заменили покрытия беговых дорожек, к европейским стандартам подогнали конструктивные характеристики спортивных снарядов и учебной башни, полностью обновили экипировку сборной команды Самарской области и судейского состава. Неудивительно, что качественная техническая подготовка соревнований проявилась в уровне достигнутых результатов.

Во время чемпионата было установлено семь рекордов России, полностью выполнена насыщенная культурная программа. Представители команд и спортсмены были в восторге от качественной организации мероприятий самарцами - хозяевами чемпионата. В итоге прошедший в августе 2001 года турнир показал, что у самарских спортсменов ныне есть все возможности для достижения рекордных высот в профессиональном спорте пожарных.

В.В. Дзнеладзе

Глава 16

Некоторые советы-заповеди ветерана пожарной службы **А.Д. Тамарова** бойцу пожарной службы (Авторская запись 1989 года в редакционной обработке)

Программа подготовки личного состава пожарной охраны МВД строится так, чтобы знания и практические навыки охватывали все аспекты практической работы по предупреждению и тушению пожаров. Тем не менее, предусмотреть любую мелочь в таком деле бывает очень трудно. Вот почему я попытаюсь выразить мой собственный опыт, а также опыт других ветеранов пожарной охраны в виде своеобразных советов-заповедей бойцу пожарной службы.

Я уверен, что накопленные ветеранами знания и претворение их в практические дела поможет молодым огнеборцам нашей области посмотреть на выполнение своих функциональных обязанностей с позиций требований времени. Дело в том, что роль и значение человеческого фактора в пожарной охране из года в год будет возрастать. Поэтому пожарный, выполняя свой профессиональный долг, обязан работать упорно, настойчиво и с душой, не давать места равнодушию и безверию, бесхарактерности и лени в мыслях и действиях.

Не останавливайтесь перед трудностями, не теряйтесь при неудачах, а осмысливайте свои неудачи и устраняйте их причины, шаг за шагом двигайте вперед доверенное вам дело, будьте лично причастны к выполнению больших задач, поставленных перед пожарной охраной в деле надежной защиты народного достояния и жизни человека от огня.

Вот эти советы-заповеди.

- Всегда помни, что в инструкциях всего не напишешь. Настоящий пожарный должен знать намного больше, чем предписывают эти документы.

- Не забывай, что пожарный автомобиль - не безостановочный вездеход, а поэтому, если какая-нибудь операция не получается с первой попытки, не старайтесь её выполнить простым повторением.

- Терпение, способность взять свои эмоции в руки - качества, которые вам нужно выработать.

- Веди радиообмен без “воды”, не сочиняй, а записывай и наговаривай только то, что видишь и чувствуешь.

- Прибывай к месту пожара и туши его быстро, всегда помни – каждый твой выезд дорого стоит людям.

- Героем можешь ты не быть, но высококвалифицированным пожарным быть обязан.

- Самая сложная из многочисленных обязанностей командира отделения, начальника караула и других старших начальников - быть руководителем тушения пожара.

- Командир всегда виден на пожаре. Его распоряжения должны быть чётки, лаконичны и целенаправленны. И он, как смелый и отважный человек, несмотря на риск, в трудную минуту должен быть готов прийти на помощь своим подчиненным.

- В жизни, а тем более в боевой работе, всегда есть место подвигу.

- Время - решающий фактор в борьбе с огнем: упустишь его – потом уже не наверстаешь никогда.

- Высокие результаты в борьбе с огнем достигаются не числом пожарных, а их умением.

- Помни: прежде чем учить других, надо уметь это делать самому.

- Выше пост - строже спрос. Только трудом человек красив и славен, а без полной самоотдачи успеха в борьбе с огнем не видать.

- Дорожи своим делом, ибо отсюда начинается путь к трудовым успехам.

- Славен пожарный, ставший лучшим по профессии в части, отряде и гарнизоне пожарной охраны, но трижды славен тот, кто сделал таким мастером своего ученика, товарища.

- Пожарному мало иметь глубокие знания и прочные навыки в практической работе по избранной профессии. Он должен научиться мыслить и думать по-новому с тем, чтобы всё намеченное было выполнено быстро и с наименьшими затратами сил и средств.

- Если вы мечтаете о профессии героической, требующей смелости и риска, сопряженной с опасностью, вставайте в ряды огнеборцев.

- Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня.

ня. Вот принцип, который должен последовательно выдерживаться в каждом коллективе пожарных.

- Измеряй свой рабочий день добросовестной работой. Помни: чем большим будет у тебя объем ежедневной работы, тем быстрее ты освоишь тонкости профессии огнеборца и достигнешь уровня классного специалиста.

- Помни: дисциплина - понятие емкое и многогранное. Оно включает в себя и уставной порядок, и внешнюю подтянутость, и аккуратность, и строжайшее соблюдение этических норм во взаимоотношениях с товарищами по работе и в быту.

- Госпожнадзор – главная служба пожарной охраны. Профилактика пожаров – основное, магистральное направление всей нашей деятельности.

- Работник госпожнадзора всегда должен стоять на страже закона. Ему предоставлены большие права, и это обязывает его проявлять в работе принципиальность и настойчивость, высокую компетентность и непримиримость ко всякому отступлению от закона.

- Главное для инспектора госпожнадзора - высокое качество работы и конкретный конечный результат. Просчеты госпожнадзора отражаются не только на бумаге: это реальные пожары, это погибшие в огне люди и материальные ценности. А ущерб от пожаров возрастает многократно, если на упущения профилактической службы накладываются неорганизованность и нераспорядительность службы пожаротушения.

Главное, что должно характеризовать кадры начальствующего состава пожарной службы:

Первое – профессионализм, то есть знание пожарного дела.

Второе - трудолюбие.

Третье - пример бесстрашия.

Четвертое - близость к подчиненным, забота о каждом из них.

Это и есть настоящие кадры командного состава пожарной охраны. Это её гордость и сила. За такими командирами пожарные, не страшась, пойдут хоть в огонь, хоть в воду, и огонь будет побежден.

Когда-то Н.К. Крупская говорила: “Только когда профессия ему по душе, когда у человека есть интерес к тому делу, которое он делает, когда он влюблен, что называется, в свою работу, - тогда только он

может максимально повысить напряженность своего труда без переутомления, только тогда может дать ценное в своей области труда”.

И далее слова В.В. Маяковского:

“Увидел недостатки -

про себя не таи.

Недостатки товарища -

недостатки твои.

Дружбу - так

понимать нужно:

Общие недостатки

исправим дружно”.

Пожарный! Всегда помни эти замечательные слова большого поэта. Они помогут вам быстрее избавиться от недостатков и добиваться высоких показателей в службе и повышении боевой готовности твоей части, твоего отряда и всего гарнизона пожарной охраны.

5 января 1989 года.

А.Д. Тамаров

Глава 17

Чтобы в лес не заглядывал “красный петух”

Недавно департамент леса России отметил юбилей - 205-летие со дня своего образования. За долгую историю это ведомство не раз подвергалось реформированию. Но на протяжении двух веков и вплоть до сегодняшнего дня остается неоспоримой одна и та же главная истина: лес – основное богатство и гордость нашей державы. Эта великая ценность обретает особую значимость ещё и потому, что сотни тысяч гектаров леса появились на просторах нашей страны благодаря стараниям рук человеческих. Так было и на территории Самарского края...

Сегодня каждый мало-мальски образованный человек знает, что леса – это легкие планеты. И чем больше их будет на нашей земле, тем чище воздух. Но как живут сегодня самарские леса? Не покушается ли на них пресловутый “красный петух”? Какие проблемы тревожат людей, которые дни и ночи несут свою бессменную вахту по охране и защите лесного фонда? Об этом мы беседуем с начальником Самарского управления лесами Н.Н. Безугловым.

- Общая территория лесного фонда Самарской губернии ныне составляет почти 546 тысяч гектаров, - говорит Николай Николаевич. – Из них площадь лесов - 484,6 тысячи гектаров. На первый взгляд цифры кажутся очень впечатляющими: сотни тысяч! Но на самом деле завидовать здесь особо нечему: ведь наша область расположена в малолесистой зоне, и потому территория гослесфонда составляет всего лишь 12,6 процента от ее общей площади. Между тем, по общепринятым нормативам “зеленые друзья” должны занимать треть территории в том или ином регионе. Но при этом я хотел бы особо подчеркнуть, что доля искусственных посадок здесь намного выше – 16 процентов. Значит, каждый шестой гектар леса у нас выращен и выпестован руками человека, хотя, поверьте, делать это ой как непросто. Ведь мы живем в зоне рискованного земледелия, и растить лес в нашей степной зоне гораздо сложнее, чем в Воронежской, Пензенской области, или в Подмосковье, где климатические условия намного благоприятнее. Но, как говорится, чем труднее задача, тем дороже результат.

В нашем ведомстве ныне работает около трех тысяч человек. И каждый из них – от помощника лесничего, до мастера леса и директора лесхоза знает, что в нашем регионе, насыщенном химическими, неф-

техимическими, нефтеперерабатывающими и другими экологически вредными производствами забота о сохранении и приумножении лесного богатства — одна из самых главных.

Все знают, что для лесов нет врага страшнее, чем пожар. Известно, что восстановление деревьев на горях порой растягивается на два-три столетия. В “мертвой зоне” уже больше не поют птицы, нет никакой дичи. Так неужели такое большое зло, как лесные пожары, никто и никогда не сможет одолеть?

Этот вопрос я задавала многим специалистам Самарского управления лесами, и все они об этой проблеме просто не могли говорить равнодушно. Да это и понятно: ведь огонь буквально в считанные часы может уничтожить с лица земли все, что создавалось и оберегалось целыми поколениями лесоводов. Особенно страшно, как рассказывают очевидцы, наблюдать за пожаром в лесах хвойных пород: сосны и ели вспыхивают мгновенно и горят, как огромные факелы, рассыпая окрест потрескивающий огненный фейерверк.

Как свидетельствуют источники, самыми крупными пожарами, вошедшими в историю послереволюционной губернии, были пожары в Федоровском лесничестве Ставропольского уезда в 1920-1921-м годах. Тогда с географической карты навсегда исчезло более трех тысяч гектаров соснового леса. Старожилы рассказывают, что это были вековые, могучие деревья. Между тем большинство местных жителей этого уголка Заволжья в буквальном смысле кормились лесом. В здешних сосняках было много грибов, ягод, да и дичи, в том числе и диковинная для этих мест живность — сохатые и кабаны, куницы и горностаи, глухари и даже тетерева...

Возникновение катастрофических по размерам лесных пожаров в те годы, как водится, увязывалось со злым умыслом вредителей, препятствующих развитию и процветанию молодой Советской республики. В наши годы, к счастью, политика властей в этом смысле изменилась, а вот поверхностное, потребительское отношение людей к нашему общему богатству, к сожалению, осталось прежним. И об этом ныне приходится только сожалеть.

Многочисленные экспертизы и расследования на пепелищах, как правило, убеждают в том, что умышленных поджогов леса, как правило, не бывает. Но вот те, кто любит отдохнуть и развлечься на лоне природы, довольно часто оставляют после себя непотушенные сигареты и не залитые водой костры. Часто причиной возникновения ог-

ненной стихии может стать и искра от неисправного глушителя автомобиля. Вот такое отношение людей к лесу можно назвать лишь беспечностью, а то и халатностью. Но эта халатность нам всем слишком дорого обходится: ведь на борьбу с её последствиями тратятся миллионы и миллионы рублей. И потому неудивительно, что когда я поинтересовалась у главного специалиста отдела охраны и защиты леса Николая Михайловича Рыжова, кого больше всего надо бояться в лесу, он, не задумываясь, ответил: “Человека...”

Самая полная статистика пожаров за последние 40 лет собрана в рукописной книге заслуженного лесовода России Ивана Михайловича Шабалина, которая называется “Лесное справочное дело”. Свои исследования и дневниковые записи ветеран ведет с 1961 года. Из таблицы, составленной по годам, можно проследить, что больше всего пожаров, переходящих в верховые, в нашей области было в самые засушливые сезоны: 1972, 1975, 1981, 1996, 1998 годы. Лето 2001 года хотя и было дождливым, но лесов от пожаров наша губерния тогда потеряла почти столько же, сколько и в сухом в 1975 году. Тогда огонь “слизал” с лица земли 440 гектаров куйбышевского леса, а самый первый год третьего тысячелетия унес в небытие лишь немного меньше - 432 гектара. Причем в 2001 году на площади в 312,5 гектаров пожары были самые страшные – верховые...

Особенно пожароопасной в течение многих лет была и остается обстановка в лесных насаждениях близ кладбища “Рубежное”. Здесь когда-то вперемешку посадили сосну и тополь. А потом оказалось, что почти все высаженные тополя - “женского пола”. Неудивительно, что во время цветения деревьев тополиный пух скапливается среди этих посадок, наметая целые “сугробы” пушистой пыли, а подростки, отдыхающие в здешних летних лагерях, как правило, любят наблюдать за огненными дорожками из тополиного пуха. Только вот загасить эти дорожки они успевают далеко не всегда...

Память И.М. Шабалина сохранила много удивительных историй, связанных с тушением пожаров. Например, в крайне засушливом 1972 году самарских пожарных и лесоводов часто привлекали на помощь коллеги из Марийской АССР. Так вот, во время тушения одного из пожаров, бушевавших близ Йошкар-Олы, Иван Михайлович наблюдал такую картину: спасаясь от огня, победно шествующего по лесу, люди зашли в озеро. А чтобы уберечь головы от падающих сверху искр и горящих веток, они надевали на себя ведра, которыми только

что носили воду для тушения огня. Эта картина, как из старинного фильма, до сих пор стоит у него перед глазами.

Самые большие потери от лесных пожаров наша губерния понесла в 1996 году, когда выгорело 2146,2 гектара леса. А двумя годами позже, в 1998 году, Ивану Михайловичу в составе группы специалистов пришлось участвовать в самых настоящих боевых действиях в сражении с огненной стихией в поселке Прибрежный Красноглинского района. Шабалину навсегда врезалось в память, как в тот июльский день они “при полном параде” прибыли на областное совещание лесничих, которое как раз началось в Красноярском районе. Мероприятие шло своим чередом, как вдруг поступило сообщение: “Пожар!” Все повскакали со своих мест и помчались к выходу. До места происшествия добрались всего за несколько минут, схватили лопаты и начали забрасывать огонь. Никто даже не вспомнил о том, что на начальнике управления – генеральский мундир, а рядом орудуют подручными средствами его заместители в полковничьих погонах. Не до чинов и регалий им было в тот момент, и о парадной одежде не думалось. Про нее вспомнили только тогда, когда на подмогу прибыли курсанты Ставропольского училища.

Специалисты Самарского управления лесами благодарны губернским властям за поддержку. В разные годы они принимали целевые программы по охране лесов от пожаров, в соответствии с которыми выделялись средства из областного бюджета на приобретение противопожарных мероприятий. Был принят такой документ и на период 2001–2005 годов. Он уже реализуется: в частности, только в 2002 году на выделенные средства приобретены пять патрульных автомашин, два трактора, девять радиостанций и другое противопожарное оборудование. За счет собственных средств лесхозов и районных бюджетов в полном объеме выполнены основные предупредительно-профилактические мероприятия, запланированные на 2002 год.

В целях повышения эффективности работы по предупреждению и тушению лесных пожаров заключены соглашения о взаимодействии с главным управлением ГО и ЧС, УГПС МЧС Самарской области, главным управлением природных ресурсов по Самарской области, Средневолжским УВД на транспорте и другими структурами. Совместные усилия уже приносят свои плоды: в 2002 году за нарушение правил пожарной безопасности было оштрафовано около 3200 человек на сумму 36.536 рублей. На 12 виновников пожаров направлены материалы в

следственные органы. Эти и другие мероприятия позволили более оперативно вести борьбу с лесными пожарами и нарушениями правил поведения в лесных массивах.

Если столичные власти не балуют самарских лесоводов своим вниманием и заботой, то к губернатору К.А. Титову у них особое отношение. Специальным постановлением “О мерах по охране лесов от пожаров, защите их от вредителей и болезней в 2002-м году” губернатор выделил главному управлению МПР России по Самарской области 2,5 миллиона рублей. Все эти средства пущены в дело: приобретена новая противопожарная техника, радиостанции, трактора, лесопожарные и патрульные автомашины.

...В истории России не раз были такие времена, когда работникам леса приходилось трудиться в непростых условиях. Но никогда не было такого времени, чтобы хранители лесных богатств выглядели беспомощными, или изменяли интересам своего дела. За все два столетия существования своей службы они ни разу не запятнали чистой зелени своих мундиров. Хочется верить, что так будет всегда, и что о проблемах лесоводов обязательно услышат “наверху”.

Т.А. Пархачева

Раздел 2

СИЛЬНЕЕ ПЛАМЕНИ

Глава 1

“Город пылал целые сутки...” (Пожар в Сызрани 5 июля 1906 года)

“Пожарная команда крайне нерасторопна...”

“...Огонь переходил с дома на дом, и через несколько часов над пепелищем возвышалась только соборная колокольня... Люди добились до Волги ползком, многие бросались в воду, надеясь найти облегчение от мучительной боли. Весь берег был переполнен беглецами... Пытавшиеся приблизиться к городу в ужасе бежали обратно, ужаснувшись количеству обугленных трупов на улицах. Тут же лежали трупы лошадей, домашней птицы, собак...” Так русский общественно-политический журнал “Нива” описывал катастрофический по размерам пожар, который 5 июля (по старому стилю) 1906 года практически полностью стер с лица земли город Сызрань.

Для катастрофических пожаров в городах в то время было множество причин: и острая нехватка воды в городах и селах, и примитивность пожарной техники, но самое главное - недостатки в уличной планировке. В начале прошлого века это в полной мере относилось не только к Сызрани, но и к Самаре, а также к подавляющему большинству других российских городов.

Например, в Сызрани в 1906 году каменных домов было немного, и почти во всех из них располагались официальные государственные или культовые учреждения. Конечно же, в большинстве своем каменные здания тогда располагались в центре города. А вот на своих окраинах Сызрань и в начале XX века оставалась почти сплошь деревянной и больше напоминала деревню, чем город. В примыкающих к Волге кварталах, застроенных безо всякой планировки, традиционно селился самый бедный люд, и здесь почти везде лепились друг к другу маленькие домишки в два окна. Многие из них были крыты даже не досками, а соломой, причем дома соединяли самые обыкновенные деревенские плетни.

По данным исследователей, сызранская пожарная охрана того времени была немногочисленна и плохо организована. Во время пожаров регулярно выяснилось, что пожарная команда приезжала на место происшествия вообще без запасов воды для тушения, потому что никто не удосужился заранее съездить на реку и наполнить бочки. В под-

тверждение этого можно привести отчет симбирского губернатора (а до 1930 года Сызрань относилась к Симбирской губернии), посетившего город за несколько лет до описываемых событий.

Вот что он писал: “Из числа трех машин, входящих в пожарный обоз, одна оказалась самой старой конструкции и должна по-настоящему поступить в музей древностей, а не находиться в городском полицейском управлении. При испытании действия этой машины рукав лопнул, и вода разлилась по улице. Пожарная команда крайне нерасторопна и находится в полном беспорядке. Багры разбираются очень долго, и раздвижная лестница лишь с большим трудом после долгих усилий могла быть поставлена, что явно доказывает полное неумение команды обращаться с нею. Ведра оказались помятыми, брезенты порванными, лошади молоды, совсем не съезжены. Лица же, управляющие ими, совсем не умеют править”.

Катастрофа глазами очевидцев

Июнь и начало июля 1906 года в Среднем Поволжье выдались довольно жаркими. Как свидетельствует городская хроника того времени, днем температура воздуха в течение нескольких недель достигала 30 и более градусов, а дождей почти не было. Неудивительно, что к началу июля в городе стояла пыльная и знойная сушь, когда все деревянные строения насквозь были прожарены палящим солнцем и горячим воздухом. Одним словом, от жары окраинные кварталы Сызрани стали похожи на бочку с порохом, которая словно бы ждала, кто же поднесет к ней зажженную свечу. И непоправимое в конце концов случилось...

С чего же начался пожар в тот трагический день, окончательно установить так и не удалось. По общепринятой версии, первое возгорание случилось рано утром в Закрымзе в результате неосторожной варки варенья в одном из домов Ильинской слободы. В частности, из летописи Ильинской церкви следует, что “пожар начался в доме некоего Малышева, жителя Ильинской слободы от неосторожного обращения с огнем (кажется, при варке варенья)”. Так или иначе, но есть и другие свидетельства того, что общегородская катастрофа в тот день началась, в общем-то, с пустяка. И если принять версию, что все произошло именно “от костра при варке варенья”, то получается, что в какой-то момент обыватели за огнем просто не углядели, и пламя быстро перекинулось на расположенные поблизости деревянные стро-

ения. После этого незадачливые “кашевары” так и не смогли своими силами потушить бушующее пламя. В итоге уже через час огненная стихия перекинулась на жилые дома, а затем - и на территорию соседних домовладений.

Тут в дело вмешался сильный ветер, который, словно какой-то злой волшебник, перебросил всю огромную массу пламени из гибнущей Закрымзы в центр города. Ближе к обеду ветер превратился в настоящий ураган, который стал разносить горящие головешки на огромные пространства. А поскольку ветер был переменчив, то уже к середине дня Сызрань пылала почти одновременно со всех концов. Насколько силен был этот ураган, можно себе представить хотя бы из того, что пароход, шедший по Волге по направлению к Сызрани, уже на расстоянии 25 верст от города стало осыпать головешками, горячей щепой и искрами.

Раздуваемое ветром пламя всего лишь за три-пять минут с треском пожирало одноэтажные жилые лачуги, и их жильцы в лучшем случае лишь успевали выскочить из своего дома на улицу в том, в чем были. Ничего из своего имущества спасти им обычно не удавалось. Зрелище было страшным и величественным, и многие обыватели от ужаса сходили с ума. В конце концов, по свидетельству очевидцев, город превратился в сплошное море огня. Люди с дикими воплями бежали по улицам в поисках спасения, но со всех сторон их снова и снова встречала стена бушующего пламени. По рассказу очевидца катастрофы Ивана Ивановича Труханова, зарево сызранского пожара было видно за 90 верст от Сызрани - у города Хвалынска, что находится ниже ее по течению Волги.

В итоге в Сызрани погибли все, кто не смог уйти из города - в первую очередь обитатели больниц, богаделен и приютов, престарелые и убогие, а также арестанты. Одни из них погибли от огня, другие задохнулись, спрятавшись в подвалах. Не сумели спастись даже те, кто пытался отсидеться в противопожарных резервуарах на Соборной и Кузнецкой площадях (ныне площадь имени В.И. Ленина). Эти несчастные попросту сварились в кипятке, в который очень быстро превратилась вода в этих не слишком больших емкостях.

А далее в журнале “Нива” об этом пожаре сказано следующее: “Самый страшный момент настал, когда огонь подобрался к артиллерийским пороховым погребам. Взрывы пороха, грохот разрывающихся снарядов, треск ружейных пуль были последним салютом погибав-

шей Сызрани... Ужаснее всего было то, что очевидцы не могли оказать пострадавшим никакой медицинской помощи... За рекой Крымзой пожар лишил людей выхода, и многие погибли”.

Большинство погибших опознать не удалось

В общей сложности 5 июля 1906 года Сызрань горела около суток, причем центр города был уничтожен огнем всего лишь за шесть часов. Последствия пожара оказались катастрофическими: за короткое время 45-тысячный город почти полностью исчез с лица земли.

Всего в Сызрани в тот день сгорело около 5500 строений, в том числе почти все здания, принадлежавшие городу - уездная больница, публичная библиотека, основанная в 1873 году, городская гимназия, реальное училище, городское казначейство, а также здания почты и телеграфа. В двухэтажной уездной тюрьме, что тогда располагалось между Спасской башней и берегом реки, задохнулись в дыму или сгорели заживо все заключенные.

Сильно пострадали и местные коммерсанты, поскольку огонь уничтожил здание, где располагалось отделение Волжско-Камского банка, а также все мельницы, продовольственные склады и более 100 вагонов с пшеницей, находящиеся на железнодорожной станции и прилегающих к ней путях. Не пощадил огонь и некоторые культовые и религиозные сооружения: в пламени сгинули один из православных монастырей и семь церквей, в том числе Никольский единоверческий храм, построенный в 1859 году. Общие убытки от пожара в ценах того времени составили примерно 18 миллионов рублей.

Уцелевшими после трагедии остались только некоторые городские окраины - Новая линия (ныне улица Рабочая и примыкающие к ней кварталы), район Засызрана, вокзалы, пристани, кладбища, дачные постройки вдоль берега реки Воложки, Казанский собор и несколько других храмов, а также Вознесенский и Сретенский монастыри.

Что же касается числа людей, сгинувших в бушующем пламени, то тут данные расходятся. В том месяце на официальный учет в полиции были приняты сведения лишь о 100 с небольшим сгоревших сызранцев, тела которых были найдены на пепелищах и впоследствии опознаны. Однако нигде не говорилось, что после пожара в уничтоженном городе было найдено огромное число трупов людей, установить личности которых затем так и не представилось возможным. Кроме того, по данным губернской полиции, по крайней мере несколь-

ко сотен горожан во время катастрофы просто пропали без вести — от них не нашли не то что обгоревших тел, но даже фрагментов костей. Поэтому сейчас предполагается, что в сызранском пожаре 1906 года погибло по меньшей мере 900, а то и более 1000 человек. Кстати, потом выяснилось, что более сотни горожан было убито мародерами уже после пожара...

Поджог или провокация?

Сразу же после сызранской катастрофы одно за другим стали появляться предположения, что пожар такой силы и с такими последствиями не мог быть простой случайностью. Высказывались мнения, что здесь не обошлось без происков радикально настроенных политических группировок или террористических групп, которые значительно активизировались в период первой русской революции 1905-1907 годов.

Например, одна из версий гласила, что город подожгли царские агенты, чтобы заглушить набиравшее в Сызрани в то время силу социал-демократическое движение. Дело в том, что в начале XX века Сызрань был одним из самых активных большевистских центров в Симбирской губернии. Одним из доказательств данной версии является архивный документ - письмо М.Т. Елизарова, родственника В.И. Ленина, направленное к сызранцам и бестужевцам (оно в сокращенном варианте было напечатано в газете "Сызранское утро" в 1917 году). Так вот, Елизаров, вспоминая о сызранских событиях июля 1906 года, писал следующее: "Царские слуги сожгли город Сызрань, черная сотня восторжествовала, и пришлось всем поборникам света идти в подполье".

А еще эту версию подтверждают и воспоминания очевидца пожара, сызранца Георгия Кононовича Захватава (записи были представлены его внучкой Верой Александровной Козьяковой): "Старушка, мать Юдиных, варила в тот день в таганке варенье. Во двор вошел неизвестный мужчина и попросил воды. Старушка направилась в дом, оставив его одного. Принесла воды, он напился и ушел, но спустя некоторое время загорелся сарай, а затем и дом. Возможно, в отсутствие хозяйки гость перенес из таганки горячие угли под сарай. Подобные случаи будто бы были в тот день и в других кварталах города... В общем, складывалось такое впечатление, что город подожгли почти одновременно в нескольких местах...

Жара в тот день стояла несносная, но ветра с утра не было. Большинство сызранцев сначала не придавало особого значения пожару - ведь он походил на все остальные, которые тушились своевременно... Но тут неожиданно выяснилось, что водопроводные колодцы дают лишь тоненькую струйку воды - главная магистраль, открывающая напор воды в колодцах, оказалась запертой (!?) за чертой города, в запасном бассейне на раменской дороге. Огонь наряду с пожарной командой тушило все население города. Воду таскали в бочках из Сызранки и Крымзы". А в подтверждение своей версии автор привел еще один пример: хотя он вместе с толпой помогал тушить мельницу, она тем временем разгоралась все сильнее и сильнее, словно кто-то вместо воды поливал ее керосином...

По другой версии, в тот день город подожгли не кто иные, как сами социал-демократы, желавшие вызвать в городе беспорядки и тем самым скомпрометировать местные власти. Газета "Сызранское утро" в своем номере от 24 октября 1907 года писала следующее: "Возникли слухи, что город жгут студенты и молодежь, устраивавшие митинги и забастовки. Тут под влиянием слухов и паники с криком: "Бей поджигателей" жители стали избивать всех, кого принимали за таковых. Толпа с кольями и палками зверски убила послушника монастыря и телеграфиста, воспитанника школы заезжего артиста. Толпа видела в каждом интеллигентном лице своего врага - поджигателя..." Позже был суд, и 16 человек получили различные виды наказания (это были в основном находившиеся в Сызрани на заработках крестьяне).

А вот что по этому поводу в сентябре 1906 года писал журнал "Пожарное дело": "За несколько дней до случившегося на тему поджога уже распространялись слухи и анонимки со стороны рабочих и грузчиков поволжских пристаней и смежных железных дорог". Здесь камнем преткновения, толкнувшим поджигателей на это преступление, назывались в первую очередь постоянная экономическая кабала, в которую коммерсанты загнали рабочих, а также недоразумения с работодателями.

Однако даже с учетом этих документов и свидетельств наиболее правдоподобной все же представляется версия о случайном характере сызранского пожара 1906 года. Согласитесь: как бы ни велико было желание власть предержащих разгромить большевистский центр, или, наоборот революционно настроенной молодежи "насолить" властям, вряд ли они стали ради этих сиюминутных целей приносить в жертву

целый город, где жили в том числе и сами поджигатели, и их родственники. Впрочем, политика – вещь непредсказуемая, а поведение политических авантюристов – тем более. В этом человечество не раз смогло убедиться в течение минувшего XX века...

Город, восставший из пепла

Российское правительство оказало некоторую помощь населению сгоревшего города. Решением министерств внутренних дел и земледелия сызранцам выделили довольно крупную по тем временам денежную сумму. Сюда также прислали партию консервированных продуктов, а горожанам разрешили бесплатный отпуск леса для строительства новых домов. Через некоторое время помощь жителям Сызрани стала поступать уже со всей России и даже из-за ее пределов.

Сразу же после пожара был создан временный комитет помощи погорельцам, немедленно начавший сбор пожертвований на нужды города и пострадавших. В числе жертвователей оказался даже российский император Николай II, который внес в фонд помощи погорельцам 33 тысячи рублей. Самарцы ежедневно присылали в Сызрань хлеб и мясо на 10 тысяч человек. Много средств для пострадавших собрали жители Кузнецка. Артисты Ставрополя дали благотворительный концерт в пользу погорельцев. В город прибыл санитарный поезд, который заменил сгоревшую больницу. И даже пассажиры проходивших по Волге пароходов тоже стремились отдать погорельцам всю свою запасную одежду - настолько их поражало увиденное.

В пожаре существенно пострадало здание Сызранской городской Думы, и поэтому ее экстренное заседание под председательством городского головы Максимилиана Чернухина состоялось в доме бывшего городского головы С. Чурина. Гласные Думы (по-нынешнему – депутаты) обсуждали чрезвычайную ситуацию с 8 по 10 июля 1906 года. На заседании были приняты решения об оказании материальной помощи пострадавшим, а для восстановления города депутаты создали строительную комиссию под председательством М. Чернухина. Депутаты постановили, что отныне на улице Большой (ныне улица Советская), центральной улице Сызрани, будут возводиться только каменные дома.

Кроме того, было решено больше внимания уделяться озеленению города, так как во время пожара было замечено, что кроны лиственных деревьев замедляют распространение огня. В связи с этим на

бывшей Базарной площади Сызрани вскоре был разбит сквер (ныне сад имени В.И. Ленина), а в районе Закрымзы превращена в парк Торговая Щепалинская площадь (ныне площадь имени Тимирязева). Появился сиреневый сад также и на территории сызранского кремля.

Одновременно власти начали строительство некоторых сооружений, призванных усилить пожарную безопасность города. В частности, в некоторых местах были установлены бетонные водохранилища, и одновременно в городе приступили к возведению нового здания пожарной части. А пока оно строилось, городской голова М. Чернухин предоставил для городской пожарной команды часть своего дома и флигель. Позже он пожертвовал участок принадлежащей ему земли на улице Большой, 43 для строительства конюшен и сараев пожарной части. В итоге уже вскоре после пожара 1906 года сызранские власти сумели заново восстановить пожарный обоз. В него входил линейный ход, который вывозился тройкой лошадей, а на нем размещался ручной насос, рукава, стволы и другой инвентарь.

Тем временем на склоне реки Крымзы погорельцы начали возводить временные строения и землянки, и за короткое время здесь возник целый жилой поселок, который называли Молдавкой. Уже к концу лета Сызрань была заполнена тысячами пришлых рабочих со всей Симбирской губернии, стремившихся подзаработать на восстановлении города.

Уездная больница была восстановлена на средства Красного креста в 1907 году, и ныне на ее месте, на улице Советской, располагается станция скорой помощи. В 1910 году была восстановлена городская публичная библиотека. В целом же для более-менее полного восстановления Сызрани после катастрофы 1906 года властям и жителям города понадобилось более пяти лет.

В.В. Ерофеев, Н.В. Мигненко

Глава 2

Их смерть была государственной тайной (Пожар на заводе № 15 в Чапаевске 7 июля 1943 года)

Это была одна из “обычных” трагедий той тяжелой военной эпохи, каковых в глубоком советском тылу случалось предостаточно. В то время, когда на фронте ежедневно гибли десятки тысяч людей, смерть одиннадцати бойцов пожарной охраны так и осталась практически незамеченной. Более того: имена погибших были на долгое время засекречены, как, впрочем, и все остальные сведения, касающиеся закрытого оборонного предприятия № 15. Так в те годы назывался завод по производству тротила города Чапаевска, ныне - АО “Полимер”.

...В те жаркие в буквальном смысле этого слова июльские дни 1943 года еще только разворачивались грандиозные события на Курской дуге. Вермахт уже получил тяжелейшее поражение от советских войск под Сталинградом, но его сила еще не была окончательно сломлена. Еще впереди было величайшее в истории войн танковое сражение под Прохоровкой, но бронированные армады двух крупнейших армий мира уже готовились сойтись на поле боя, что называется, лицом к лицу. В этих условиях фронт требовал от оборонных заводов все больше и больше оружия и боеприпасов, и потому тротильные производства на закрытых предприятиях в тылу советских войск работали с огромным напряжением.

Завод № 15 маленького города Чапаевска, что находится в заволжской степи в 60 километрах от Самары (в военные годы - Куйбышева), в течение всего XX века был основным поставщиком боеприпасов и взрывчатых веществ для российской армии. Во время Великой Отечественной войны завод снабжал тротилом Центральный, Западный, Юго-Западный и Южный фронты. Как и на любом взрывоопасном производстве, здесь соблюдались повышенные меры безопасности, которые многократно усиливались обстановкой тотального взаимного недоверия и подозрительности и напряженностью на фронтах.

Ветераны “Полимера” вспоминают, что в военное время попасть в НКВД можно было всего лишь за случайно забытый в кармане коробок спичек, если его вдруг у тебя обнаруживали при обыске на проходной. После этого человеку обычно “шили дело” за попытку

диверсионного акта. Даже если удавалось доказать, что спички ты оставил в кармане по чистой случайности, наказанием за такую забывчивость могли быть немедленное снятие “брони” и отправка на фронт. А иных даже за более мелкие прегрешения быстро отправляли по этапу в лагерь.

В такой ситуации можно себе представить, какие были настроения в Чапаевске и Куйбышеве 7 июля 1943 года, когда в 23 часа 07 минут по местному времени страшный взрыв на 15-м заводе практически полностью уничтожил 258-ю мастерскую сушки в седьмом цехе. Спецсообщение об этом происшествии из областного управления НКВД на имя заместителя начальника НКГБ Кобулова было отправлено шифротелеграммой 8 июля в 3 часа 52 минуты ночи.

Яркую вспышку в те роковые мгновения можно было наблюдать даже из Куйбышева. Очевидцы вспоминают, что поздним вечером того дня над Волгой, если смотреть из областного центра в юго-западном направлении, внезапно выросло огромное оранжево-белое облако. Тот, кто был более информирован и имел отношение к оборонным производствам, для себя сразу же определил: где-то в Чапаевске произошел взрыв. И вскоре слухи о трагедии на тротиловом заводе уже ползли по городу. Но в то время, разумеется, ни о каком официальном сообщении о подлинном положении дел в Чапаевске не могло быть и речи.

Однако куйбышевцы уже знали, что дыма без огня не бывает. Вскоре слухи о катастрофе подтвердились другими наблюдениями: во многие куйбышевские детсады и детдома привезли большое количество ребятшек из Чапаевска. Правда, их вывезли из этого города больше для страховки, но людская молва тут же раздула это событие до невероятных размеров. Мол, если масштабы бедствия были не столь уж значительными, то зачем властям понадобилось эвакуировать из этого маленького городка детские учреждения?

Но что же на самом деле произошло в Чапаевске в тот жаркий июльский вечер? Все местные жители, как, впрочем, и многие куйбышевцы, конечно же, знали, что на 15-м заводе производятся боеприпасы. Хотя в открытую болтать по этому поводу никто не осмеливался. Люди откровенно боялись, что повсюду расставлены “глаза и уши” местных отделов и управлений НКВД. И не дай Бог, чтобы кто-нибудь “настучал” на тебя, что ты прилюдно обмолвился о предназначении завода - тогда трибунала не избежать.

Сейчас можно как угодно комментировать порядки и нравы того времени, однако очевидно одно: изготовление тротила несовместимо с малейшим появлением огня, и все меры противопожарной безопасности на этом предприятии были вполне оправданы. Однако в тот страшный вечер 7 июля 1943 года, несмотря на жесточайшие акции предосторожности, в мастерской № 258 седьмого цеха, где велась сушка выплавленного тротила, все-таки произошло загорание. Забегая вперед, следует сказать: несмотря на все усилия НКВД, точную причину трагедии на 15-м заводе в то время выяснить так и не удалось.

Восстановленная по крупицам картина происшествия выглядит так. Сначала по неустановленной причине (возможно, это было какое-то технологическое нарушение) загорелся жидкий расплав смертоносно-го тротилового месива. Кстати, все специалисты знают, что горение этого вещества далеко не всегда вызывает взрыв - для этого дополнительно нужна еще и сила детонации.

Вечером 7 июля тротил в 258-й мастерской горел довольно-таки долго: по оценкам экспертов, не менее десяти минут. Когда появился огонь, то первым его заметил рабочий Черкасов. Он моментально нажал на пожарный извещатель и попытался включить автономную систему пожаротушения. Но она почему-то не сработала. Тогда Черкасову не оставалось ничего другого, как вызвать пожарную команду, а самому укрыться за земляным валом.

Пожарные сразу же поспешили к месту возгорания, которое было хорошо видно по столбу черного дыма. Во главе с начальником отдельного военизированного пожарного отряда НКВД заводов №№ 15 и 309 воентехником первого ранга спецслужбы М.А. Фадеевым к горящей мастерской прибыло еще десять огнеборцев. Водяными стволами им удалось довольно быстро сбить открытое пламя. Однако угроза взрыва к тому моменту отнюдь не исчезла, о чем огнеборцы хорошо знали: ведь тротил - это такое вещество, которое после устранения открытого огня образует на поверхности твердую корку. Под ней же по-прежнему таится мощная сила, которая легко может вырваться наружу вследствие высокой температуры самого расплава. Порой этой корочке бывает достаточно порваться, чтобы в детонирующую реакцию вступила вся масса взрывчатого вещества. Это и случилось в заводской мастерской в тот трагический вечер.

По рассказам очевидцев страшного зрелища удалось восстановить

картину происшествия. После тревожного сообщения к месту возгорания без промедления прибыл директор 15-го завода И.П. Крысин. Он хорошо видел, как работали пожарные с водяными стволами, как им удалось сбить пламя, после чего в дверной проем 258-й мастерской, в самую гущу оранжево-ядовитого дыма, пошел начальник отряда Михаил Фадеев, приказав своим подчиненным следовать за ним. Хотя Крысин пытался остановить пожарных, напомнив им об опасности взрыва, Фадеев ему ответил: “А что же делать? Это наш долг - рисковать жизнью и до конца устранить опасность пожара”.

Это были его последние слова, которые слышали немногочисленные оставшиеся в живых свидетели трагедии. Едва боевой отряд скрылся внутри мастерской, мощнейший взрыв разнес на части все здание. Директор завода и его немногочисленные сопровождающие уцелели только потому, что успели укрыться за земляной обваловкой цеха.

Вот что вспоминает о тех событиях старший сержант Ф.П. Симин, служивший в отдельном военизированном пожарном отряде Чапаевска с 1941 по 1977 годы:

- Я сразу же после взрыва побежал туда. Картина была ужасная. Дым - сразу и не разберешься, где что. Все задыхались... С погибшим Иваном Антохиным в Чапаевск мы попали после эвакуации из Брянска. А там у него жена и дочка остались. Он все время говорил, что вот, мол, война кончится, уеду к своим. Очень тосковал, скучал по ним. Так вот и не доехал. Нашел я его мертвого, без руки. Филиппова тоже обнаружили разорванного на части, рядом с производственной канализацией. Неподалеку нашли и сильно изуродованного Степана Богачева. Он не должен был дежурить, его попросил товарищ подменить, так как тому нужно было детей привезти... И вот надо же, что значит судьба - подменил, а сам погиб...

Кстати, лишь в перестроечные времена, и только благодаря наступившей эпохе гласности, стараниями руководства пожарной службы Чапаевска удалось отыскать очевидцев трагедии и восстановить фамилии погибших. В этих поисках участвовали заместитель начальника отдельного военизированного пожарного отряда № 11 Ф.Я. Насыров, а также другие жители Чапаевска, служившие в те военные годы в пожарных частях и командах. Кроме уже упоминавшегося выше старшего сержанта Ф.П. Симины, это также подполковник И.Д. Самойлов, майор Г.Н. Здоров, старшина А.С. Радаев, супруга одного из пожарных М.Е.

Грачева-Гаранина. Не все они на момент взрыва находились вблизи завода, но у каждого из них была достоверная информация о катастрофе, и в итоге своими воспоминаниями они дали возможность воспроизвести картину происшедшего до мельчайших подробностей.

Лишь в начале 90-х годов по инициативе ветеранов пожарной службы на месте братской могилы на городском кладбище Чапаевска был установлен памятник, на котором золотыми буквами выбили имена одиннадцати героев-огнеборцев военного времени.

Вот полный список погибших на 15-м заводе в тот роковой вечер:

Антохин Иван Алексеевич, 1910 года рождения, пожарный отряда, рядовой спецслужбы;

Богачев Степан Федорович, 1911 года рождения, заместитель командира отделения отряда, младший сержант спецслужбы;

Драновский Максим Иудович, 1905 года рождения, помощник начальника отряда, воентехник первого ранга спецслужбы;

Журавлев Павел Михайлович, 1912 года рождения, заместитель командира отделения отряда, младший сержант спецслужбы;

Рожков Павел Николаевич, 1907 года рождения, начальник второй военизированной команды отряда, техник-лейтенант спецслужбы;

Романов Василий Иванович, 1914 года рождения, командир отделения отряда, сержант спецслужбы;

Савельев Василий Иванович, 1914 года рождения, пожарный отряда, рядовой спецслужбы;

Фадеев Михаил Афанасьевич, 1902 года рождения, начальник отдельного военизированного пожарного отряда НКВД заводов №№ 15 и 309, воентехник первого ранга спецслужбы;

Филиппов Семен Васильевич, 1903 года рождения, инспектор второй военизированной пожарной команды отряда, воентехник второго ранга спецслужбы;

Чиндин Николай Петрович, 1900 года рождения, начальник караула отряда, старшина спецслужбы;

Шилов Петр Федорович, 1920 года рождения, пожарный отряда, рядовой спецслужбы.

Но чем же закончилась эта трагическая история? Уже на второй день после пожара и катастрофического взрыва завод перешел на казарменное положение. А это означало, что все начальники цехов, механики и энергетики не имели права покидать завод ни под каким предлогом.

Но это еще не все: вскоре последовал приказ наркомата боеприпасов СССР о введении на 15-м заводе города Чапаевска военного положения. Весь руководящий состав предприятия был тотчас же представлен к присвоению воинских званий. В итоге директор завода И.П. Крысин и его главный инженер В.А. Ухинов получили звания инженер-полковника, а все остальные начальники разных уровней - от техника-лейтенанта до инженер-майора.

А вот для простых рабочих введение военного положения обернулось в первую очередь ужесточением правил внутреннего трудового распорядка. В частности, в качестве одной из мер дисциплинарного воздействия на заводе была устроена гауптвахта.

И, разумеется, уже на другой день после трагедии началось выяснение ее причин. Следующим утром в кабинете директора завода И.П. Крысина состоялся первый “разбор полетов”. На срочное и секретное совещание съехалось высокое руководство: начальник горотдела НКВД Катков, секретарь горкома ВКП (б) Чибисов и председатель военного трибунала Абызов.

В соответствии с духом того времени, одной из главных версий в расследовании причин взрыва стало предположение, что пожар на заводе возник в результате вражеской диверсии. Поэтому уже в первые часы следствия в отношении троих человек было выдвинуто обвинение во вредительской деятельности. Обвиняемыми стали начальник 258-й мастерской, где начался пожар, заместитель начальника седьмого цеха по технике безопасности и... рабочий Черкасов (как вы помните, именно он первым сообщил о пожаре).

Расследование оказалось коротким: уже через день после трагедии на заводе № 15 состоялось закрытое заседание военного трибунала. Чрезвычайная тройка во главе с ее председателем полковником Абызовым, фактически проштамповав заранее заготовленное обвинительное заключение, приговорила двух перечисленных выше начальников к длительным срокам лишения свободы. Но они, можно сказать, еще легко отделались: ведь рабочий Черкасов получил высшую меру наказания - видимо, в качестве “благодарности” за проявленную бдительность. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

И лишь в конце лета 1943 года, после следующего взрыва на заводе № 15, случившегося 10 октября, было составлено официальное заключение о причинах обеих трагедий. Как следует из этого документа, с фрагментами которого автору этих строк разрешили познакомиться

в закрытом архиве, "...загорание и взрыв 7 июля стали возможны из-за грубейших нарушений технологии производства тротила – сушильная ванна работала без термометра, а температура в ванне регулировалась "на глазок". Кроме того, ванна не чистилась длительное время, из-за чего на ее стенках образовались наслоения продукта, что также способствовало нерегулируемому повышению температуры расплава".

Ни до, ни после той июльской трагедии 1943 года никто особо не стремился принимать во внимание, что тротильное производство само по себе является крайне опасным, и чуть ли не любое отклонение в ходе сложных химических реакций может привести к непредсказуемым последствиям. А ведь в те годы в условиях жесткого планирования, которые сочетались с атмосферой всеобщей подозрительности, не то что сокращение поставок боеприпасов фронту, но даже небольшая временная задержка в таких поставках для любого руководителя могли стать причиной его обвинения во вредительстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно, что по этой и другим причинам на заводе старались "гнать план", порой пренебрегая всем - и нормами безопасности, и человеческими жизнями.

Неудивительно, что пожары и взрывы на одном лишь 15-м заводе Чапаевска как в те далекие годы, так и в последующие десятилетия происходили с ужасающей регулярностью. Как следствие, не менее регулярно в ходе таких происшествий гибли и пожарные, которые по долгу службы первыми шли на борьбу с огненной стихией.

В частности, 18 августа 1937 года при тушении пожара и последовавшего за ним взрыва в 440-й мастерской 15-го завода погиб начальник смены ОВПО НКВД, сержант спецслужбы Дмитрий Архипович Логинов. А 16 февраля 1944 года взрыв в 244-й мастерской этого же предприятия унес жизни еще троих пожарных: помощника командира отделения, младшего сержанта спецслужбы Федора Дмитриевича Зюзяева, а также рядовых спецслужбы Дмитрия Терентьевича Грозова и Павла Федоровича Долматова. Похожая трагедия случилась и 4 августа 1958 года, когда в результате взрыва в мастерской № 455 погиб пожарный ВПК-2, ефрейтор внутренней службы Николай Иванович Паутов.

Это - еще далеко не все трагические происшествия, случившиеся на чапаевском заводе "Полимер" только за вторую половину двадцатого столетия.

В.В. Ерофеев

Глава 3

Сильнее пламени

(Пожар на стрелке реки Самары в Куйбышеве 4 июля 1948 года)

Каждый год в один и тот же летний день у входа в городское кладбище Самары собирается множество красных пожарных машин и людей в форме. Спустя некоторое время кладбище и окрестности оглашают траурные звуки пожарных сирен. Так самарские пожарные чтят память девятнадцати своих товарищей, которые в конце далеких сороковых годов ценой своей жизни спасли наш город от огненного шквала.

Удар небесного электричества

В тот роковой день, 4 июля 1948 года, над городом с самого расцвета нависали тяжелые тучи. Временами они проливались на землю мелким дождем, а с началом светлого времени дня в ненастном небе то тут, то там стали мелькать яркие сполохи молний. Вот как раз это атмосферное электричество и стало причиной трагедии, невиданной ранее для нашего города.

Как рассказывали очевидцы, кульминация стихии пришлась примерно на 10 часов утра. В это время грозовые облака накатили непосредственно на центральную часть Куйбышева, дождь лил как из ведра, а молнии в небе сверкали почти непрерывно. А в 10 часов 25 минут многие горожане вдруг увидели, как с неба слетел сильнейший электрический разряд и ударил прямо в резервуар № 18 с сырой нефтью, стоящий на перевалочной базе «Главнефтеснаба», на берегу реки Самары, примерно в том месте, где сейчас заканчиваются подъездные железнодорожные пути речного порта. Находящаяся в резервуаре нефть тут же вспыхнула ярким пламенем, и буквально за несколько секунд огромная емкость превратилась в один гигантский факел.

Но охрана нефтебазы и куйбышевские пожарные тоже отреагировали на происшествие с молниеносной оперативностью. Огонь еще не успел охватить весь резервуар, как на пульт дежурного УПО поступило сообщение от дежурного с наблюдательной вышки о пожаре на нефтебазе. А в 10 часов 28 минут, то есть всего три минуты спустя после удара небесного электричества, дежурный караул пожарной команды

нефтебазы уже подавал ствол на охлаждение резервуара № 17, что располагался по соседству с горящим. Другие же бойцы в это время заканчивали прокладку рукавной линии от пеноаккумулятора к охваченному огнем резервуару № 18.

Однако в первые, решающие мгновения пожара силы человека и стихии все-таки оказались неравными. Несмотря на охлаждение, уже через 5-7 минут после приезда огнеборцев от мощного теплового излучения ярким пламенем загорелись еще два соседних резервуара - №№ 17 и 16. В первом из них также находилась сырая нефть, а во втором - пиролизный керосин. Забегая вперед, следует сказать, что в тот день это была отнюдь не последняя победа торжествующего пламени: около 14 часов 40 минут, после нефтяного выброса, вспыхнул еще один резервуар - № 19, в котором хранилась солярка. В итоге к середине дня пламя, захватившее сразу четыре стальные конструкции, слилось в единое пылающее море, угрожавшее перекинуться на остальной город и испепелить в считанные часы.

В то время стрелка реки Самары, где находилась также и нефтебаза, была застроена очень плотно, причем в основном одноэтажными деревянными домишками. Непосредственно к нефтебазе примыкал жилой поселок Щепновка, ныне уже не существующий, причем расстояние от резервуаров до ближайших строений поселка не превышало 70-80 метров. Неудивительно, что в середине дня, когда после нефтяного выброса на Щепновку перекинулся огонь с нефтебазы, сильный ветер сразу же понес его от дома к дому. Лишь благодаря героическим усилиям пожарных пламя по цепочке деревянных строений так и не смогло добраться до многочисленных официальных учреждений, до больших городских зданий и промышленных объектов, которыми до сих пор насыщен Самарский район областного центра.

Еще одна трудность в организации тушения пожара на нефтебазе в 1948 году заключалась в том, что тогда в ее окрестностях не были вовремя устроены удобные места для подъезда автомобилей непосредственно к урезу воды Волги и Самары. Единственный ближайший спуск к берегу, у которого можно было установить водозаборы, в то время находился на расстоянии 800 метров от нефтебазы, в районе плашкоутного моста через реку Самару. Нынешнего стационарного автомобильного моста через нее тогда еще не было – его построили только в 1954 году.

Встали на пути стихии

Своего наибольшего напряжения ситуация на нефтебазе достигла только через несколько часов после рокового удара молнии. А в самом начале пожара, в 10 часов 35 минут, к месту происшествия первыми прибыли шесть автомашин из 1-й и 2-й городских пожарных команд во главе с начальником ОВПК-1 капитаном М.П. Макаровым. Общая численность участников тушения в этот момент составила 55 человек. При этом вместе с дежурными караулами на горящую нефтебазу в этот момент приехали также многие свободные от несения службы офицеры областного УПО Куйбышевской области, и в их числе - оперативный дежурный по управлению капитан С.И. Тельки. Сергей Иванович в тот момент еще не знал, что это воскресенье будет последним днем в его жизни и первым шагом на пути в бессмертие.

Еще в первый год Великой Отечественной войны он для продолжения огненной службы прибыл в Куйбышев из сражающейся Одессы, где также был пожарным. Его грудь уже тогда украшала медаль “За отвагу”, которой Сергей Иванович был награжден за борьбу с пожарами в осажденной фашистами Одессе. После приезда в Куйбышев Тельки был сразу же назначен начальником ОВПК-18, а уже вскоре после этого – оперативным дежурным областного УПО. И хотя к моменту пожара на перевалочной нефтебазе он работал в нашем городе уже седьмой год, все равно Сергей Иванович со своей семьей до сих пор проживал в маленькой комнате при ОВПК-1. В тот роковой день, как уже говорилось, у него был выходной, и как раз утром офицер собирался съездить на дачу к своей малолетней дочке Галине. Но едва лишь услышав сигнал тревоги, он, не раздумывая, прыгнул на подножку пожарного автомобиля и вместе с расчетом в числе первых прибыл на пылающую нефтебазу.

Как уже говорилось, к тому моменту здесь уже горели резервуары № 17 и 18, заполненные сырой нефтью, а еще через минуту вспыхнул и резервуар № 16 с пиролизным керосином. Тут же капитан Тельки, как старший по должности, до прибытия оперативного дежурного УПО принял руководство тушением пожара на себя. Не медля ни секунды, он приказал объявить по городу пожарную тревогу № 4, то есть высшей категории опасности. Одновременно на стрелку реки Самары по его распоряжению были вызваны дополнительные автоцистерны с пенообразователем, автонасосы ОВПК-1 установлены на гидранты, а четыре ствола “А” поданы на охлаждение стенок резервуара № 19 с

соляровым маслом. А еще по его распоряжению немедленно была начата эвакуация персонала, женщин и детей из родильного дома, что был расположен на противоположном берегу Самары, на территории нынешнего Куйбышевского района, в опасной близости от места пожара. Дальнейшие события показали правильность такого решения: выбросы горящей нефти из резервуаров на нефтебазе вполне могли достать до родильного дома...

По сигналу “Пожар № 4” со всей Куйбышевской области на место происшествия стали спешно собираться все наличные силы пожарных, и уже в 10 часов 40 минут сюда прибыли подразделения ОВПК-3, ОВПК-4 и ОВПК-18 – в общей сложности пять пожарных отделений, две автоцистерны и три автонасоса.

Через несколько минут после них на место происшествия прибыли заместитель начальника УПО по оперативной работе подполковник В.М. Глубников и оперативный дежурный УПО старший техник-лейтенант М.И. Колыхалов, а в 11 часов 15 минут – и начальник областного управления пожарной охраны полковник К.К. Иванов. Опытным пожарным офицерам было достаточно всего нескольких секунд, чтобы мгновенно оценить обстановку и понять: самое трудное в сегодняшней борьбе с огненной стихией еще впереди. Интуиция их не подвела: через несколько часов в ходе тушения этого пожара на берегу реки разыгралась одна из самых страшных в истории нашей области трагедия, унесшая жизни нескольких десятков человек.

Чиновничья волокита способствовала пожару

Чтобы в полной мере оценить ту обстановку, с которой в тот день пришлось столкнуться пожарным, стоит ознакомиться с официальной справкой 1948 года о Куйбышевской перевалочной нефтебазе “Главнефтеснаба”, где сказано следующее.

“Нефтебаза специализируется на хранении темных и светлых нефтепродуктов и проводит с ними перевалочные операции. В момент начала пожара на территории нефтебазы находились 33 наземных металлических резервуара емкостью от 2400 до 5000 тонн каждый, установленные тремя группами. Между резервуарами открыто уложена система сливных и наливных трубопроводов.

Первая группа состояла из девяти конструкций, в которых хранились светлые нефтепродукты. Общая емкость этой группы резервуа-

ров – 17430 тонн. Вторая группа состояла из 17 емкостей, при этом в пяти из них находились светлые, а в 12 резервуарах – темные нефтепродукты. Общая емкость резервуаров этой группы - 57019 тонн. Третья группа состояла из семи резервуаров общей емкостью 23140 тонн, в которых хранились темные нефтепродукты.

Общая емкость резервуаров Куйбышевской нефтебазы к этой дате составляла 97589 тонн. В день пожара в 29 металлических емкостях нефтебазы хранилось в общей сложности 63968 тонн нефтепродуктов, из них: керосина – 23952 тонн, сырой нефти – 5233 тонн, темных нефтепродуктов – 34783 тонн.

Загоревшийся первым резервуар № 18 с сырой нефтью имел емкость 4420 тонн, высоту 12,2 метров, диаметр – 23,3 метра. В нем в момент начала пожара было 4256 тонн сырой нефти. В других стальных емкостях, загоревшихся позже, в это же время находилось: в резервуаре № 16 – 445 тонн керосина, в резервуаре № 17 – 977 тонн сырой нефти, в резервуаре № 19 – 3740 тонн солярового масла. Их полная емкость также составляла от 4100 до 5000 тонн.

Кроме того, в прочих емкостях, расположенных в непосредственной близости от горящих резервуаров также находились нефтепродукты: № 20 был заполнен 736 тоннами мазута, № 23 – 2839 тоннами дизельного топлива. В резервуарах №№ 21 и 22 в момент пожара никаких нефтепродуктов не было.

Поскольку Куйбышевская перевалочная нефтебаза была построена еще в дореволюционное время, ныне действующим противопожарным и техническим нормам она не соответствует. В частности, пространственные разрывы между резервуарами внутри групп непосредственно перед пожаром не превышали 2,5 метров (в отдельных случаях - 10 метров). Хотя резервуары и были оборудованы двумя стационарными пеносливками, при этом некоторые резервуары и их группы не имели обваловки, крыши резервуаров не герметизировались, и к тому же они стояли на деревянных стропилах с такой же деревянной обрешеткой. Кроме того, служебные и хозяйственные здания базы (мастерские, контора, материальный склад и так далее) размещается среди резервуаров на расстоянии всего лишь от 17 до 34 метров от их стенок.

Нефтебаза имеет местный производственно-противопожарный водопровод низкого давления диаметром 125 мм с десятью надземными гидрантами. На территории первой группы резервуаров водопро-

вод кольцевой, а у второй и третьей групп – тупиковый, с диаметром магистралей 150-200 мм.

В момент пожара нефтебаза охранялась стрелками ВОХР и была обеспечена профессиональной пожарной командой (ППК). В пожарном депо нефтебазы установлен телефонный коммутатор, соединенный с ГТС. В коммутатор были включены местные телефоны из отделов и цехов базы. Однако прямая телефонная связь между ППК нефтебазы и районной ОВПК-1 с 1 апреля 1948 года не работала, в связи с чем у охраны не было возможности вызвать пожарных из города по линии “01”. Пожарной сигнализации, предусмотренной инструкцией “Главнефтеснаба”, в момент начала пожара на объекте также не было.

В распоряжении ППК имеется автонасос ПМГ-1, который, кроме табельного вооружения, был оснащен переносным пеносливом. Объект оборудован первичными средствами пожаротушения. Штат личного состава ППК – 23 человека, дежурный караул ППК состоял из 7 человек. Из стационарных средств борьбы с огнем на нефтебазе к моменту пожара имелись две станции пенотушения. В каждой из которых было установлено по два пеноаккумулятора емкостью на 550 килограммов пенопорошка, а всего в день пожара на объекте был запас в 7500 килограммов пенопорошка. Одна из этих станций размещалась в помещении пожарного депо, а вторая – неподалеку от резервуара № 17. Однако на протяжении нескольких последних лет эта станция не работала.

Ближайшая пожарная часть ОВПК № 1 дислоцируется на расстоянии двух километров от объекта. ОВПК-1 оборудована наблюдательной вышкой, дежурный которой в момент возгорания сообщил на пульт “01” о пожаре на нефтебазе. В боевом расчете ОВПК № 1 находится автоцистерна и два автонасоса ПМЗ-1, а также приданное ей дежурное отделение курсантов школы по подготовке сержантского состава для частей ВПО”.

Стихия переходит в наступление

Глядя на торжество огненной стихии, заместитель начальника управления пожарной охраны В.М. Глубников с замиранием сердца вспомнил, как в течение двух последних лет первые руководители УПО Куйбышевской области, в том числе и он сам, регулярно скандалили с представителями “Главнефтеснаба”. Московское ведомство недопу-

стимо медленно строило пенную реактивную станцию на своей нефтебазе, постоянно ссылаясь при этом на послевоенные трудности. Между тем этот важнейший объект по плану должен был введен в эксплуатацию еще в 1947 году, потому что объемы нефтепродуктов, хранящихся на базе, уже тогда достигли критических размеров. Несмотря на это, эффективных средств пожаротушения здесь долгое время было явно недостаточно, но управленцы по-прежнему волокитили строительство пенной станции. Неудивительно, что в конце концов на нефтебазе и случилась та страшная трагедия, которая рано или поздно должна была случиться...

Сразу же после того, как по городу объявили пожарную тревогу № 4, о происшествии на нефтебазе были поставлены в известность первые городские и областные советские и партийные руководители. Но пока в обкоме и горкоме КПСС совещались, УПО продолжало наращивать свои силы в районе бедствия. В 11 часов 05 минут на место происшествия прибыли еще семь пожарных автомашин с общей численностью экипажей 62 человека, по железнодорожной ветке со станции Куйбышев подъехал специальный пожарный поезд, а со стороны реки подошел пожарный пароход «Чапаевец». Еще через полчаса на помощь огнеборцам сюда же прибыл совместный отряд работников нефтебазы и речного флота, а еще через некоторое время - около 50 курсантов подготовительной авиационно-морской школы. По приказу начальника областного управления МВД было предписано срочно прибыть на место пожара всем свободным от несения службы в тот день сотрудникам пожарной охраны и милиции. В итоге к 14 часам 4 июля со стихией на стрелке рек Волги и Самары боролись в общей сложности около 300 человек.

Однако мощности насосной станции нефтебазы не хватало - слабосильная помпа смогла подавать в очаг пожара всего 70 кубометров воды в минуту. Этого едва-едва хватало только на то, чтобы охлаждать емкости, расположенные по соседству с горящими резервуарами. Хорошо еще, что примерно к 14 часам к пылающей нефтебазе подошли два парома, на которых были установлены пять насосов. После этого в пламя стали подавать еще 150 кубометров воды ежеминутно. И тогда штаб пожаротушения решил попробовать сбить пламя хотя бы на резервуаре № 16, в котором к тому моменту из первоначальных 445 тонн продукции оставалось несгоревшими лишь около 120 тонн.

На горящую емкость влезли бойцы с четырьмя стволами, дающими так называемую воздушно-механическую пену. Удивительное дело: в результате мощной пенной атаки примерно к 14 часам 10 минутам пламя на шестнадцатом резервуаре исчезло. Однако уже вскоре выяснилось, что огнеборцы слишком рано праздновали хотя бы частичную победу над стихией, поскольку пламя по-прежнему не хотело отступать. Всего лишь через 10 минут после их первого временного успеха от сильного теплового излучения, идущего от соседней горячей емкости с сырой нефтью, злополучный резервуар № 16 загорелся снова, еще через 10 минут он был вновь потушен, но буквально через пять минут вспыхнул опять. Возможно, борьба людей с огнем с переменным преимуществом продолжалась бы еще долго, но как раз после этой последней вспышки стихия вдруг перешла в решительное наступление на человека. В этот момент ситуация на нефтебазе неожиданно и очень быстро стала обостряться.

Как вспоминали потом очевидцы, именно в эти мгновения события в эпицентре пожара неслись в столь стремительном темпе, что все они в общей сложности заняли не более 15-20 секунд. Однако для десятков людей в брезентовых робах, стоящих в тот момент лицом к лицу с огненной стихией, эти секунды показались вечностью. Сначала работавшие около пылающих резервуаров бойцы слышали нарастающий гул, который тут же перешел в глухие, но явственные удары, доносящиеся откуда-то изнутри горящих стальных конструкций. А в следующую долю секунды в пылающем резервуаре № 18 закипела перегревшаяся нефть, которая через горловину хлынула в сторону пока еще не захваченного огнем резервуара № 19.

Уже через мгновение этой охлаждаемой емкости достиг раскаленный поток, и по нему, словно по проторенной дорожке, с торжествующим ревом промчался яростный огонь, тут же завладевший еще одним отвоеванным у человека плацдармом. Именно в этот страшный миг, когда не только резервуары №№ 16, 17, 18 и 19, но и все залитое нефтью пространство вокруг них слились в одну сплошную пылающую лавину, огненная трагедия достигла своей кульминации. Стрелки на циферблате в этот миг показывали 14 часов 40 минут.

Горели земля, вода и небо

Вряд ли кто-нибудь после тех трагических событий подсчитывал, сколько тысяч кубометров воды было вылитو за день в один только

резервуар № 16, не говоря уже о прочих. А поскольку вода тяжелее любых нефтяных углеводородов, то вся она опустилась на самое дно пылающих емкостей. Постепенно нефтепродукты выгорели, и огонь, опускаясь все ниже и ниже, в конце концов достиг водного слоя.

Что же именно произошло дальше, понятно любому школьнику. От высокой температуры вода под слоем нефти быстро разогрелась до кипения - и паровая подушка, постепенно набрав силу, в один прекрасный момент с силой подбросила вверх все содержимое резервуара № 17 вместе с его громадной стальной крышкой. Вслед за этим по всему берегу реки и прилегающим к нефтебазе городским кварталам со скоростью курьерского поезда понеслась огненная волна, которая накрыла собой все, что только встретилось на ее пути. Кроме того, следом за огненным шквалом все побережье Самары и Волги заволокла густая белая пелена, похожая на дымовое облако. Именно поэтому многие очевидцы говорили, что в самый пик пожара на базе взорвался нефтяной резервуар. Однако они ошибались: на самом деле сразу же после выброса горящего содержимого злополучной емкости нефтебазу окутал вовсе не дым, а тысячи кубометров перегретого пара, скопившегося в резервуаре № 17.

Самое страшное, что в зоне сплошного огня в тот момент оказалось до полусотни человек, причем не только участвовавшие в тушении, но и многие любопытствующие, сумевшие проникнуть сквозь милицейское оцепление, чтобы посмотреть на пожар. Спасти их или хоть как-то им помочь в той ситуации было невозможно: в сплошном огненном море горело все, что находилось на расстоянии 60 метров от нефтебазы в сторону города, и на расстоянии 100 метров - в сторону реки. На отдельных участках пылающий выброс даже достиг противоположного берега реки Самары, задев своим огненным языком несколько человек. При этом многие очевидцы тогда рассказывали, что в момент катастрофы пылала не только земля, но и сама река, поскольку по поверхности воды разлилась нефтяная пленка. Понятно, что бушующее на воде пламя свело почти к нулю шанс остаться в живых даже тем людям, которые в момент выброса бросились с паромов в реку...

Вот как вспоминает об этих страшных секундах ветеран куйбышевской пожарной охраны, майор внутренней службы, ныне покойный А.Д. Тамаров: "Сначала мы увидели, как задрожало верхнее перекрытие стальной конструкции, а затем, через какие-то доли секун-

ды, из резервуара пылающим столбом вылетела вверх раскаленная добела масса, словно вскипевшее молоко у забывчивой хозяйки. Сила выброса была столь велика, что пламя над стальной конструкцией поднялось вертикально в небо на высоту 80-100 метров. А когда выброшенная из резервуара горящая нефть снова хлынула сверху на землю, она устремилась под уклон к реке Самаре. Огненный смерч бушевал со страшной силой, море огня ежесекундно расширялось во все стороны, и особенно быстро - по направлению к поселку Щепновка и расположенным за ним жилым кварталам Самарского района областного центра.

Вокруг нас горело и плавилось все, что могло гореть, в том числе и на противоположном берегу Самары, куда тоже сумел достать пылающий выброс. Хотя я находился на расстоянии нескольких сотен метров от нефтебазы, в тот момент я буквально всей кожей почувствовал, как от еще невиданного до этого напора огня гудела и содрогалась сама земля. Оглушительный треск и шум пожара все нарастали, а тучи черного и едкого дыма быстро заслонили собой июльское жаркое солнце...”

Не спасала даже вода

Первыми в бушующем пламени погибли те пожарные подразделения, что вели борьбу с огнем в непосредственной близости от вскипевшего резервуара. Среди них – отделение ОВПК-18 в полном составе во главе с его командиром сержантом Я.Ф. Ледовским, а также группа бойцов из отделений ОВПК-1, ОВПК-2 и ОВПК-7, командование которой с самого начала пожара принял на себя капитан С.И. Тельки.

Почти в полном составе погибли и пожарные, которые в момент выброса находились на баржах и паромах, откуда подавалась вода в очаг пожара. Среди них оказалась и 24-летняя Р.И. Куликова, техник-лейтенант внутренней службы, заместитель начальника ОВПК-4. В то время она была единственной в стране женщиной, дослужившаяся до столь высокой офицерской должности в пожарной охране. В свое время, после получения среднего образования, Раиса успешно закончила Свердловскую пожарно-техническую школу, а затем в звании младшего лейтенанта была направлена в распоряжение УМВД Куйбышевской области для продолжения службы. Здесь она была назначена на должность заместителя начальника ОВПК-1, вступила в ряды ВКП (б), и вскоре получила очередное звание техник-лейтенант. По-

жарное дело знала отлично, была хорошей спортсменкой, разрядницей по плаванию, стройной, подтянутой и жизнерадостной девушкой. Как говорили в то время, среди личного состава части и в гарнизоне пожарной охраны заслуженно пользовалась авторитетом. К сожалению, до самого последнего, двадцать четвертого года своей жизни Раиса Куликова так и не успела обзавестись семьей...

В то трагическое утро 4 июля 1948 года Куликова во главе дежурного караула ОВПК-4 в числе первых прибыла на место пожара. Когда в 14 часов 40 минут неожиданно для всех произошел выброс горячей нефти, и огненный смерч накрыл баржу с насосами, на которой она несла боевую вахту вместе со своими бойцами, Раиса, на которой мгновенно запылала форменная одежда, сразу же получила сильнейший ожог головы и рук. Вместе с другими пожарными она тут же бросилась в воду, рассчитывая доплыть до берега. В обычных условиях для нее, опытной пловчихи, дистанция в 200-300 метров не вызвала бы никаких затруднений. Однако в тот момент вся поверхность реки вокруг баржи из-за разлива нефти стала сплошным пылающим покрывалом, а Куликова уже и без того почти теряла сознание от страшных ожогов. Тем не менее девушка в поисках спасения все равно продолжала плыть среди этого огненного моря, и даже сумела под водой сбросить с себя боевую одежду. Она почти доплыла до чистой воды, но вот на то, чтобы добраться до берега, сил у нее уже не хватило. Бездыханное обгоревшее тело лейтенанта Куликовой обнаружили в воде уже после того, как стихия была побеждена.

К сожалению, в тот день это были далеко не единственные жертвы огненной катастрофы. Уже потом, когда огнеборцам удалось справиться с бешеным пламенем, на месте трагедии нашли обгоревшие останки 35 человек, в том числе четверых офицеров-пожарных и 15 рядовых и сержантов пожарных команд. Шестеро погибших были работниками нефтебазы и речного флота, а десять оставшихся, как записано в официальных документах, принадлежали к числу «членов семей сотрудников речного пароходства и нефтебазы». Шестеро пострадавших были госпитализированы с тяжелыми ожогами, в том числе двое пожарных - капитан Парфенов и сержант Анисимов. Еще девять человек получили ожоги средней и легкой степени тяжести, в том числе и несколько огнеборцев. Однако все легкораненые от госпитализации отказались: разве время болеть пожарному, когда погибло столько твоих товарищей?

Несмотря на столь массовую трагедию, огнеборцы перегруппировали свои ряды, после чего борьба с разбушевавшимся пламенем продолжилась. К тому же во второй половине дня на место происшествия стали подтягиваться дополнительные силы пожаротушения. В частности, во второй половине дня в Куйбышев подъехали пожарные поезда со станций Кинель и Чапаевск, а вечером – из Сызрани и Ульяновска. В период с 16 часов 30 минут до 18 часов 10 минут к месту пожара в общей сложности прибыли девять пожарных команд из Безымянского гарнизона, из Ставрополя и других районов области. Хотя в 19 часов 50 минут из резервуара № 17 произошел второй выброс горячей нефти, по силе он оказался гораздо слабее первого, да и огнеборцы уже были готовы к такому явлению. Чуть позже на том же объекте были отмечены еще два слабых выброса, но и они никак не изменили обстановки на пожаре.

Во второй половине дня в ситуацию вмешалось руководство Куйбышевского обкома КПСС, которое было обеспокоено масштабами постигшего город бедствия. По решению обкома в Куйбышеве с 16 часов 30 минут 4 июля стала действовать специальная комиссия по мобилизации всех необходимых дополнительных сил и средств для ликвидации пожара.

Комиссию возглавил председатель Куйбышевского горисполкома П.В. Сурин, и еще в нее вошли второй секретарь горкома КПСС т. Ефремов, начальник областного управления МВД т. Галкин, начальник областного управления МГБ т. Каверзнев и начальника УПО Куйбышевского облисполкома т. Иванов. Комиссия немедленно направила на тушение пожара на нефтебазе 200 военнослужащих из войск Куйбышевского гарнизона, мобилизовала на ликвидацию бедствия паромы и пароходы, на борту которых устанавливались пожарные автомобили. Кроме того, по решению комиссии было организовано питание личного состава пожарных команд прямо на месте их работы.

Глубокой ночью около 3 часов утра, в Куйбышев специальным авиарейсом из Москвы на пожар прибыла группа ответственных работников МВД СССР, в том числе заместитель начальника ГУПС МВД СССР генерал-майор А.В. Ермилов и заместитель начальника отдела ГУПС инженер-полковник Г.М. Мамиконянц, а также первые руководители “Главнефтеснаба” СССР. Ознакомившись с обстановкой на пожаре, московские коллеги признали правильными все решения куй-

бышевских пожарных и предложили начальнику УПО полковнику К.К. Иванову продолжать руководить тушением.

Огненную стихию удалось укротить лишь на следующий день, когда к месту происшествия подтянулись резервы пожаротушения не только со всей области, но и из некоторых соседних регионов. Окончательно пожар на перевалочной нефтебазе был ликвидирован только к 10 часам 10 минутам утра 5 июля 1948 года.

Пожар, каких еще не бывало

Еще около двух недель на бывшей нефтебазе разбирали завалы и разыскивали останки погибших. Расследованием причин трагедии занималась правительственная комиссия, но результаты ее работы, как всегда практиковалось в то время, так и не были обнародованы. Говорили лишь, что почти сразу же после окончания расследования полетели головы в руководстве “Главнефтеснаба” СССР, по вине которого затянули сдачу в эксплуатацию пенной реактивной станции. Пострадал кое-кто и из советско-партийного руководства Куйбышева.

После ликвидации пожара настало время подводить печальные итоги случившегося. Все специалисты сходились во мнении, что трагедий такого масштаба в Самаре-Куйбышеве за весь советский период его истории не было ни разу. Впрочем, и с выбросом гигантского объема нефтепродуктов из горящей емкости под действием вскипевшей воды в своей практике пожарные СССР до этого тоже ни разу не сталкивались. Наука того времени тоже еще не успела изучить это грозное явление, поскольку столь крупные металлоконструкции для хранения нефтепродуктов в СССР начали строить только перед войной. Как это часто бывает, куйбышевский пожар как раз и стал дополнительным стимулом для ученых, которые были поставлены перед необходимостью разработать научно обоснованные рекомендации для предупреждения подобных пожаров на нефтехранилищах, а также предложить пожарным безопасные для личного состава способы тушения гигантских резервуаров с нефтепродуктами.

Эта катастрофа нанесла немалый ущерб городу Куйбышеву. Не говоря уже об ужасной гибели 35 человек, с лица земли практически полностью оказалась стертой та самая злополучная перевалочная нефтебаза, где полностью сгорели четыре резервуара с 7964 тоннами нефтепродуктов, здания конторы, мастерской, материального склада, насосной станции и приемо-сдаточного пункта, все подсобные помеще-

ния, и, наконец, так и оставшаяся недостроенной пенная реактивная станция. На реке Самаре пламя целиком уничтожило два парома, повредило буксирный пароход “Саратовец” и плавучую насосную установку, а на берегу сожгло семь пожарных автомобилей из 3,4,7,13 и 18-й ОВПК с полным техническим вооружением и рукавами, пожарную автоцистерну и грузовую машину управления пожарной охраны. Пламенем была уничтожена и большая часть прилегающего к нефтебазе поселка Щепновка. Сильно пострадал и речной порт: огнем были выведены из строя около 200 метров железнодорожных подъездных путей, стоящая на них железнодорожная цистерна и практически все прилегающие к ним инженерные коммуникации. Общий убыток от пожара составил 1346619 рублей (в ценах того времени).

Специалистами была дана высокая оценка действий куйбышевских огнеборцев и руководителей тушения пожара во время ликвидации невиданного для города огненного бедствия. В частности, в совместном заключении ГУПО и “Главнефтеснаба” о причинах и последствиях пожара на перевалочной нефтебазе от 6 июля 1948 года было записано следующее: “Расстановка сил и средств пожаротушения, как в начале пожара, так и после выброса нефти признана вполне правильной, действия личного состава отличными, а ряда работников – героическими... После создавшейся тяжелой обстановки вследствие выброса нефти, значительной потери в людях и технике, выхода из строя водопровода, организация пожаротушения оставалась на высоком уровне, что обеспечило локализацию огня в пределах только четырех резервуаров”.

Аналогичная оценка организации пожаротушения и действиям пожарных частей гарнизона содержится и в постановлении бюро Куйбышевского обкома ВКП (б) от 12 мая 1948 года “О пожаре на перевалочной нефтебазе в г. Куйбышеве” (протокол № 21): “Бюро обкома ВКП (б) отмечает исключительную самоотверженность бойцов и командиров пожарной охраны УМВД Куйбышевской области, работников пароходства, нефтебазы и других предприятий и учреждений, проявленную ими в тушении пожара, благодаря чему очаг пожара был ликвидирован в течение суток и большая часть нефтехранилищ и нефтепродуктов базы сохранена. Бюро обкома ВКП (б) отмечает высокую оперативность и организаторскую работу комиссии и особо умелую организацию и руководство пожаротушением со стороны начальника УПО УМВД Иванова К.К., благодаря чему в сложной обстановке и при значительной потере в людях и технике организация пожаро-

тушения оставалась на высоком уровне. Секретарь обкома ВКП (б) А. Пузанов”.

Вечная им память

Останки погибших в период тушения пожара девятнадцати бойцов и командиров частей аппарата пожарной охраны были захоронены в братской могиле на городском центральном кладбище. Похороны были проведены организованно, с воинскими почестями, при огромном стечении народа. Пожарные Куйбышевского гарнизона и жители нашего города отдали почести и дань великого уважения бесстрашным огнеборцам, которые благодаря своему мужеству и самоотверженности в тяжелой борьбе отстояли от огня огромный город с его людьми, промышленными объектами, учреждениями и жильем. Куйбышевская земля приняла бесстрашных воинов в свои объятия под зеленый наряд деревьев.

В своем решении от 8 июля 1948 года героическую работу своих пожарных отметил также и исполком городского Совета народных депутатов. Исполком постановил, что на братской могиле девятнадцати огнеборцев будет установлен памятник с оградой, для чего из городского бюджета было ассигновано 10 тысяч рублей (в ценах того времени). Вскоре все строительные работы по сооружению мемориала были выполнены сотрудниками УМВД по Куйбышевской области, и на городском кладбище в торжественной обстановке был открыт памятник, который стоит здесь по сей день.

В клубах и красных уголках частей, в которых служили погибшие пожарные, в их честь были установлены мемориальные доски. А уже в конце восьмидесятых годов, к 40-летия подвига куйбышевских пожарных, их имена были помещены на мемориальной доске на стене школы № 57 Куйбышевского района, что стоит неподалеку от места той огненной трагедии 1948 года.

Ниже приводятся полный список имен и фамилий тех девятнадцати героев, которые в тот день ценой своей жизни спасли наш город от разгула стихии. Даты рождения у них разные, а дата смерти у всех одна.

Долгий Иван Константинович, 1911 года рождения, заместитель начальника ОВПК-2, младший техник-лейтенант спецслужбы;

Ерилин Григорий Васильевич, 1919 года рождения, пожарный ОВПК-18 4-го ГПЗ, сержант внутренней службы;

Ильин Михаил Петрович, 1913 года рождения, пожарный ОВПК-18 4-го ГПЗ, ефрейтор внутренней службы;

Коробов Петр Васильевич, 1904 года рождения, инспектор ИПО Дзержинского района г. Куйбышева, старшина внутренней службы;

Кузин Андрей Сергеевич, 1912 года рождения, пожарный ОВПК-7, ефрейтор внутренней службы;

Куликова Раиса Ивановна, 1924 года рождения, заместитель начальника ОВПК-4, техник-лейтенант внутренней службы;

Ледовский Яков Фролович, 1914 года рождения, командир отделения ОВПК-18 4-го ГПЗ, сержант внутренней службы;

Марченко Григорий Исаакович, 1911 года рождения, помощник командира отделения ОВПК-4, младший сержант;

Панков Петр Васильевич, 1926 года рождения, пожарный ОВПК-18 4-го ГПЗ, рядовой внутренней службы;

Паршин Иван Гаврилович, 1924 года рождения, пожарный ОВПК-2, ефрейтор внутренней службы;

Рузанов Петр Иванович, 1918 года рождения, заместитель командира отделения ОВПК-7, ефрейтор внутренней службы;

Солдаткин Павел Емельянович, 1902 года рождения, пожарный ОВПК-3, рядовой внутренней службы;

Степаненко Гаврил Андреевич, 1916 года рождения, заместитель командира отделения ВГПК-7, рядовой внутренней службы;

Сюренко Яков Андреевич, 1914 года рождения, инспектор профилактики СВПК завода № 42 г. Куйбышева, техник-лейтенант внутренней службы;

Тельки Сергей Иванович, 1919 года рождения, оперативный дежурный УПО УМВД Куйбышевского облисполкома, капитан внутренней службы;

Тисленко Федор Никифорович, 1910 года рождения, пожарный СВПК-7, старшина внутренней службы;

Фомин Василий Григорьевич, 1925 года рождения, водитель ОВПК-13, сержант внутренней службы;

Харитонов Владимир Степанович, 1903 года рождения, помощник инструктора профилактики ОВПК-18 4-го ГПЗ, сержант внутренней службы;

Хохлов Устин Васильевич, 1914 года рождения, водитель ОВПК-18 4-го ГПЗ, старший сержант внутренней службы.

Вечная им память.

В.В. Ерофеев

Глава 4

Огненный фонтан под Красным Ярм (Пожар на нефтяной скважине у села Киндяково 27 ноября – 23 декабря 1955 года)

Этот страшный по силе огненный факел разрезал серое небо под Куйбышевом в конце ноября ныне далекого 1955 года. По рассказам старожилов, в то утро жители соседнего с нефтепромыслом села Киндяково в ужасе искали спасения в открытой степи, до смерти напуганные мощным взрывом и взметнувшимся вслед за ним столбом яростного пламени, тут же затмившим тусклое зимнее солнце.

Простым колхозникам было от чего пугаться: ведь до того ноябрьского дня никто из жителей Куйбышевской области ни разу не видел пожара на нефтяной скважине...

“Черное золото” потребовало жертв

«Министру внутренних дел РСФСР тов. Стаханову Н.П.

Строго секретно. Спецсообщение. Передать по «ВЧ».

В 8 часов 30 минут местного времени 27 ноября с.г. на буровой № 1 треста «Нефтеразведка» объединения «Куйбышевнефть» в Красноярском районе, в 2 километрах от деревни Киндяково, в результате прорыва газов произошел взрыв и пожар. Шесть рабочих бригады бурильщиков получили незначительные ожоги лица. Буровая со всем оборудованием сгорела. На устье скважины остались два превентера, на них лежит ротор и остался конец квадрата с вертлюком. Столб горящего газа и нефти имеет диаметр до 8 метров, высоту 45-60 метров.

27 ноября из Куйбышева на место пожара были высланы силы пожарных команд для ограничения распространения огня по поверхности земли и создания зоны безопасности для деревни Киндяково.

На 30 ноября на месте пожара обстановка следующая. Изменений в характере горения, в размерах горящего столба газа и нефти, равно как и угрозы населенным пунктам нет. Из-за медлительности руководства объединения «Куйбышевнефть» в стягивании на место пожара землеройных и других механизмов, согласованные подготовительные мероприятия осуществляются крайне медленно... Необходимая пожарная автотехника, рукава, стволы, защитные приспособления в

ВПО Куйбышева подготовлены. Организована тренировка выделенного на пожаротушение личного состава ВПО...

И.о. начальника управления МВД Куйбышевской области полковник Паутов.

30 ноября 1955 года».

Это было время, когда страна еще только-только привыкала к новому для себя географическому понятию «Второе Баку». Так с легкой руки геологов-теоретиков советские люди стали называть вновь открытый обширный нефтеносный район, расположенный между Волгой и Уралом.

Но одновременно с началом освоения нефтяных залежей «Второго Баку» куйбышевские огнеборцы столкнулись с новым, неизвестным им ранее видом пожаров, возникающих после воспламенения нефтегазовых скважин. До сих пор опыт тушения таких мощных источников огня был только у пожарных Закавказья. А вот в Куйбышевской области самой первой нефтяной скважиной, на которой случилась огненная авария и затем пришлось работать огнеборцам, оказалась именно Киндяковская.

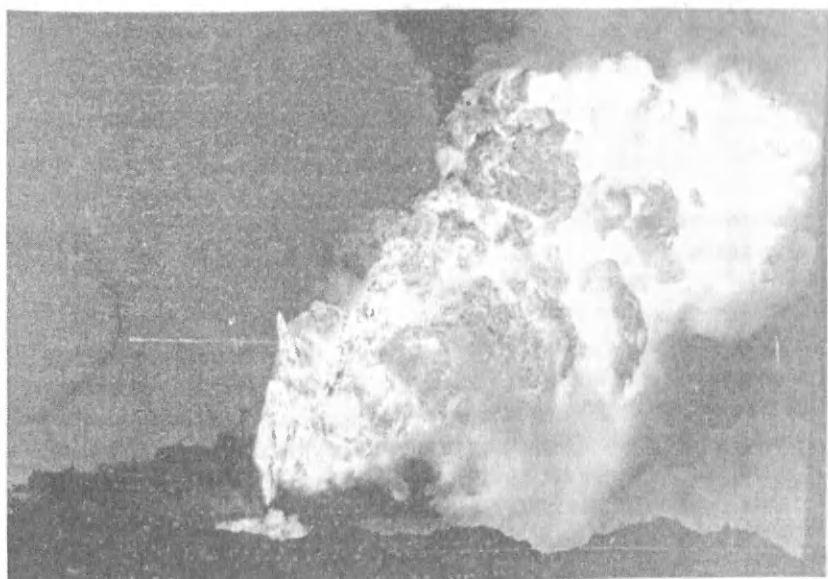
Специалисты считают, что пожары на нефтегазовых месторождениях обычно происходят по нескольким причинам. Конечно же, зачастую они случаются из-за характерного для нас разгильдяйства. Однако в те первые годы освоения «Второго Баку» гораздо больше «проколов» было допущено по причине недостаточной изученности горногеологических условий Куйбышевского Заволжья, а также из-за отсутствия у добытчиков «черного золота» необходимого опыта разведки, бурения и последующей эксплуатации таких крупных месторождений нефти и газа.

На пути ко «Второму Баку»

Первая промышленная нефть Самарской (в то время - Куйбышевской) области была получена 3 июня 1936 года на буровой N 8 в Сызранском районе, после десяти с половиной месяцев бурения. Бригада нефтяников во главе с мастером А.А. Аванесовым на глубине 683,7 метра вскрыла нефтеносный горизонт в отложениях карбона. Когда 1 октября 1936 года определили дебит этой скважины, то оказалось, что в сутки она дает всего полторы тонны нефти. Зато в ноябре 1937 года из соседней скважины № 10 в том же Сызранском районе пошла нефть с дебитом уже 60 тонн в сутки.

Подготовка техники к боевому развертыванию. 9 часов утра.

Снимок с артпозиции. 60 м от очага пожара

Передать по "вч"

М О С К В А. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР

генерал-лейтенанту тов. СТАХАНОВУ Н.П.

В 8 часов 30 минут местного времени 27 ноября на буровой № 1 треста нефтеразведка об"единения "Куйбышев-нефть" в Красноярском районе, в 2 километрах от деревни Киядяковна в результате прорыва газов произошел взрыв и пожар. Шесть рабочих бригады буровщиков получили незначительные ожоги лица. Буровая со всем оборудованием сгорела. На устье скважины остались два превентора, на них лежит ротор и остался конец квадрата с вертлюгом.

Столб горящего газа и нефти имеет диаметр до 8 метров, высоту 45-60 метров.

27 ноября из Куйбышева на место пожара были направлены силы пожарных команд для ограничения распространения огня по поверхности земли и создания безопасности для деревни Киядяковна.

На 30 ноября на месте пожара обстановка следующая:

Изменений в характере горения, в размерах горящего столба газа и нефти, равно как и угрозы населенным пунктам нет.

Из-за медлительности руководства об"единения "Куйбышев-нефть" в стигивании на место пожара землеройных и других механизмов, согласованные подготовительные мероприятия осуществляются крайне медленно. Сделан котлован водоема на 2200 кубометров, к заливу которого из производственного водопровода буровой приступили сегодня. Рытье второго водоема не начато. Не приступили еще и к оборудованию амбара для отвода нефти.

Выписка из спецсообщения . 30 ноября 1955 г.

УП. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОКРУГ Ф О Н Т А Н А:

1. Очистить территорию от всех сгораемых материалов в радиусе не менее 100 метров от скважины.

2. Все подступы к скважине очистить от ненужных трубопроводов и другого оборудования, не используемого для тушения пожара.

3. Установить запретную зону по границе гребенок у пожара, в которую не допускать лиц, не участвующих в тушении пожара. Исполняет пожарная охрана МВД.

4. Во время атаки и тушения взрывом убрать весь автотранспорт и механизмы за пределы запретной зоны на 300 метров от скважины. Выполняет объединение Кубышевнефть по указанию пож. охраны.

5. Укрытие личного состава ВПО МВД, занятого у скважины и рабочих, производится согласно особой инструкции.

6. Резервные насосы установить в зависимости от обстановки на ближайшие водоемы для подачи не менее 6 стволов литер "А".

7. Выделить бойцов для тренировочных работ по подаче заряда, прокладки рельсов и т.д. не менее 16 чел. и двух офицеров.

8. Для оцепления запретной зоны в радиусе 300 метров выставить солдат в составе не менее одного взвода. Выставляет охрану УМВД.

УШ. Дополнительные работы, которые должны быть выполнены до начала подготовки к тушению пожара надземным взрывом.

1. Заложить две 8" дренажные трубы с отводами, засыпать их бутовым камнем (10 куб.м.) и поверху камнями земли. Дренажные трубы устраиваются с целью прекращения очагов горения у устья скважины.

2. 8 дюймовый трубопровод от стационарных насосов закольцевать вокруг скважины с установкой задвижек в начале каждого ответвления к гидромониторам.

СОГЛАСОВАНО:

Руководитель тушения пожара

(АВТЕШЬЕВ)
"20" декабря 1955 года.

Начальник объединения
"Кубышевнефть" -

(МУРАВЛЕВКО)
"20" декабря 1955 года.

Выписка из плана подготовки и тушения пожара нефтяного фонтана надземным взрывом (на 21-22 декабря 1955 г.)

Но самые мощные запасы нефти «Второго Баку» были обнаружены в более глубоких слоях - в отложениях девонской системы. 1 июня 1944 года на буровой № 41 в Яблоневом овраге Жигулей на глубине 1522,1 метра бригада мастера В.А. Ракова открыла первое в СССР месторождение девонской нефти. Суточный дебит этой скважины составлял уже 500 тонн высококачественного «черного золота».

Уже в послевоенные годы девонскую нефть обнаружили и в Заволжье. В середине 50-х годов в бассейнах рек Сок и Большой Кинель нефтедобытчиками был заложен целый ряд скважин на девон, а 3 августа 1955 года на 38-й буровой, неподалеку от поселка Тимашево Кинель-Черкасского района, бригада мастера Ш.М. Кильдеева впервые в Заволжье вскрыла девонские отложения. Так началась эксплуатация Мухановского месторождения нефти, которое и поныне остается крупнейшим в нашей области. В те же годы рядом с Мухановским месторождением возник город нефтяников Отрадный.

Всего же в течение 1955-1957 годов на территории нашего края геологи открыли 24 новых месторождения нефти и газа. В итоге уже к концу 1958 года Куйбышевская область по количеству добываемой нефти обогнала Баку и вышла на третье место в СССР после Татарии и Башкирии. В те годы до открытия еще больших по размерам месторождений нефти в Западной Сибири оставалось еще целых 10 лет.

Мечты о премии до добра не довели

Буровая № 1 на берегу реки Сок у села Киндяково была заложена 7 октября 1955 года. Предполагалось, что нефть в этой точке земной коры залегает на глубине примерно 2300 метров. Однако уже 21 ноября, когда буровой инструмент достиг 1535-метровой отметки, из устья скважины началось интенсивное выделение газа. Специалисты сразу же поняли: нефтяной пласт совсем близко. Дальнейшие события показали их правоту: прорыв нефти из пласта в ствол скважины случился, когда буровой инструмент достиг отметки 1577 метров.

Руководители участка и буровой № 1 в те часы, видимо, уже мечтали, как через неделю, от силы через две у села Киндяково в небо ударит нефтяной фонтан - и еще одна скважина «Второго Баку» начнет давать стране «черное золото». Что же касается рядовых членов бригады, то каждому из них такой фонтан обычно приносил солидную премию, нуждающимся - новую квартиру, а особо отличившимся - медаль или даже орден на грудь...

Видимо, эти «розовые мечты» самым роковым образом повлияли не только на настроения бурильщиков, но и в целом на обстановку и трудовую дисциплину на буровой № 1. Так или иначе, но вместо того, чтобы усилить бдительность на участке производства работ и ввести повышенные меры пожарной безопасности, здесь, как впоследствии отметила государственная комиссия по расследованию причин аварии, даже в самые напряженные часы сплошь царили расслабленность и благодушие.

Достаточно сказать, что 24 ноября, когда скважина произвела очередной газовый выброс, из Ставрополя на буровую № 1 была направлена пожарная машина с боевым расчетом, чтобы с этого момента неотлучно дежурить на взрывоопасном объекте. Однако начальнику нефтепромыслового управления В.В. Рехвиашвили почему-то не понравилась активность пожарных: они, например, потребовали, чтобы буровики убрали все разливы мазута вокруг буровой. Узнав об этом, Рехвиашвили тут же распорядился, чтобы огнеборцы отправлялись обратно в Ставрополь и не мешали нефтяникам работать. В результате утром 26 ноября, всего за сутки до аварии, пожарный расчет вернулся на свою базу.

Госкомиссия также вскрыла многочисленные технологические просчеты, допущенные бурильщиками в самый ответственный момент проходки, когда, по всем показателям, из скважины вот-вот должна была ударить нефть. Например, в акте расследования в качестве одной из главных причин аварии назван несвоевременный завоз на буровую нужного количества... самой обычной глины. Именно эта мелочь тут же повлекла за собой далеко идущие последствия: оказалось, что глинистый раствор, который закачивался в скважину после 20 ноября, имел гораздо меньшую плотность, чем предусмотрено нормативами. А нефтяники знают, что стенки скважины, которые омываются глинистым раствором, из-за этого технологического нарушения не получают необходимой прочности.

Вот почему утром 27 ноября грунт в скважине не выдержал напора нефтяных газов. Как было записано в акте технического расследования, “из скважины выбросило разгазированный раствор, и при этом выходявшие из раствора нефть в смеси с нефтяным газом заполнили помещение насосной и территорию вокруг буровой”. Это произошло 27 ноября 1955 года в 8 часов 10 минут утра, и вслед за газовым выбросом на буровой тут же начался пожар. В результате от высокой тем-

пературы внутри горящего фонтана очень быстро расплавились металлические конструкции вышки, и уже вскоре она рухнула, закрыв обломками устье скважины. Кроме того, оплавленными и обгоревшими металлоконструкциями вышки и разрушенным буровым оборудованием была завалена и вся площадка вокруг скважины, что в дальнейшем сильно осложнило работу пожарных расчетов.

Пьянство на работе – причина пожара

Но не только технологические упущения стали причиной возникновения огненного факела у села Киндяково. Уже позже, при проведении расследования, госкомиссия обнаружила грубые нарушения производственной дисциплины на буровой № 1 в дни, предшествующие пожару. Вот что об этом записано в приказе по Главку Миннефтепрома СССР от 29 декабря 1955 года: «Несмотря на появление значительного количества газа... буровой мастер т. Романов, начальник разведки т. Хоботько и специально присланный на разведку главный инженер конторы бурения т. Цапенко беспечно отнеслись к состоянию скважины. Главный инженер... не только не мобилизовал коллектив на принятие мер предосторожности и усиления контроля, а, наоборот, отпустил по домам начальника разведки, мастера буровой и лаборантку, следящую за качеством глинистого раствора, а также сам не появлялся на буровой с вечера 26 ноября и до начала аварийного выброса...»

Расследование... показало низкое состояние трудовой дисциплины в Красноярской нефтеразведке. Мастер т. Романов допускал на работу бурильщиков в пьяном виде и сам неоднократно бывал пьян. К сигналам техника-лаборанта по глинистым растворам относился пренебрежительно. В оборудовании устья скважины допустил элементарные отступления от принятых норм...»

Вполне возможно, что перечисленные выше дисциплинарные нарушения так и остались бы незамеченными, если бы в конце концов не случилось трагедии. Последнее же звено в длинную цепочку «проколов», как всегда, внес «стрелочник». Им оказался молодой рабочий Ямщиков, который по воле судьбы дежурил на буровой № 1 в ту роковую ночь. Он-то ранним утром и попытался бороться один на один с вырвавшейся из-под земли стихией, но в отсутствие начальства и более опытных товарищей (как мы помним, они той ночью предпочли не сидеть в холодной каптерке, а спать дома в мягкой постели) парень попросту не знал, что ему делать - и в результате «наломал дров»...

Вот что сказано о его действиях в приказе по Главку Миннефтепрома СССР: «Вахтенный бурильщик т. Ямщиков допустил грубейшие нарушения правил бурения, оставив квадрат в интервале превентеров, чем исключил возможность использования противовыбросовой арматуры, допустил размораживание пневматического управления, тем самым во время выброса не обеспечив подъем инструмента и закрытие превентера. Одновременно с этим во время выброса проявил растерянность, в результате чего поздно были выключены дизели, что повлекло за собой взрыв и загорание фонтана...»

Торжество огненного смерча

Благодаря тому, что контора нефтеразведки была оборудована рацией, сигнал о пожаре на буровой поступил в областное управление пожарной охраны уже в 8 часов 20 минут через пожарную часть Красноярского района. В оперативном журнале Куйбышевского УПО об этом есть такая запись: “В 8 часов 22 минуты высланы: автоцистерна с боевым расчетом из Красного Яра (расстояние до буровой 8 км), 5 оперативных отделений, рукавный ход и автомобиль связи из Куйбышевского гарнизона. В 8 часов 30 минут дополнительно направлены 3 отделения из Ставрополя, из ОВПК “Куйбышевгидрострой” и “Ставропольнефть” (расстояние до буровой – 60 км). На буровую № 1 выехал начальник отдела службы и подготовки УПО подполковник Глубников В.М.”

Однако еще до прибытия подразделений огнеборцев огонь быстро распространился на деревянное общежитие рабочих размером 18 на 6 метров, что находилось в 90 метров от скважины. Несмотря на довольно-таки приличное расстояние, от мощного теплового излучения постройка вспыхнула буквально за считанные минуты и целиком сгорела еще до приезда пожарных. При этом шестеро рабочих-нефтяников, хотя и успели выскочить наружу, все же получили ожоги различной степени тяжести, а из своих вещей они не смогли спасти почти ничего. В целом же тепловое излучение огненного фонтана оказалось настолько мощным, что поджигало валежник и другие остатки растительности по склонам соседних оврагов, расположенных порой за сотнями метров от огня.

Уже потом специалисты объединения “Куйбышевнефть” определили, что во время пожара Киндяковская скважина фонтанировала с давлением 35-40 атмосфер при внутреннем пластовом давлении порядка 180-190 атмосфер. Горящая нефть рвалась из-под земли наружу

с оглушающим ревом и грохотом, который, по свидетельствам очевидцев, напоминал звук близкого водопада или реактивного истребителя на взлете. При этом тяжелые нефтяные фракции, не успевшие сгореть в факеле фонтана, в виде капелек выпадали на землю в радиусе до 250 метров от факела по направлению ветра. Эта выпавшую нефть то и дело загоралась от теплового излучения фонтана, способствуя тем самым расширению очага пожара.

Но и это еще не все опасности, которые исходили от вырвавшегося наружу огненного дракона. Часть горящего продукта стекала вниз по склону, в сторону реки Сок, а несгоревшая нефть, достигнув дна соседнего оврага, накапливалась в его русле, образуя постепенно растущее черное озеро. При этом селу Киндяково, расположенному всего в 2,5 километрах от буровой, угрожали не только ревущее пламя и растекающаяся нефть, но и регулярно повторяющиеся выбросы пластовых газов. Было очевидно, что в случае бокового прорыва скважины под действием ветра газовое облако обязательно прошло бы через эту деревню...

Неудивительно, что самые первые пожарные расчеты, прибывшие на место происшествия, тут же смогли убедиться, что имеющимися у них силами с ревущим столбом пламени справиться будет невозможно. Тем не менее огнеборцы в первую очередь потушили горящие пятна нефти, которую взрывом разметало на сотни метров вокруг. Это было сделано вовремя, потому что в некоторых местах огненные ручейки, сумевшие уйти в соседний овраг, по его руслу уже устремились в сторону Киндяково.

Лето посреди зимы

На другой день на месте происшествия побывали первые руководители объединения «Куйбышевнефть», управления МВД по Куйбышевской области, областного управления пожарной охраны, а также представители облисполкома и обкома КПСС. На экстренном совещании, прошедшем в кабинете у начальника объединения «Куйбышевнефть» В.И. Муравленко, был утвержден план тушения пожара на нефтепромысле. Согласно плану, пламя на скважине предполагалось подавить мощными водяными струями, подаваемыми из нескольких десятков лафетных стволов и гидромониторов. Для этого силами «Куйбышевнефти» вокруг горящей буровой срочно стали рыть два котлована для воды емкостью по 5000 кубометров каждый.

Вот как описывал события тех лет участник тушения горячей скважины, ветеран пожарной охраны, майор внутренней службы, ныне покойный А.Д. Тамаров: “Зима 1955-1956 годов с самого начала была многоснежной и суровой. Уже в ноябре ночные морозы доходили до 30 градусов, а как раз накануне аварии в течение нескольких дней шел густой снег. Поэтому перед тем, как направить из Куйбышева на место происшествия машины с личным составом, со специальной техникой и оборудованием, необходимыми для тушения сложного пожара, с помощью дорожной снегоочистительной техники в течение двух дней через сугробы прокладывалась магистраль длиной 57 километров, по которой и должна двигаться пожарная колонна.

Снега по обеим сторонам проложенной магистрали было так много, что колонна пожарных машин порой двигалась словно бы в тоннеле. Высокие нескончаемые холмы сплошного снега на некоторых участках полностью закрывали для водителей боковой обзор.

Но гораздо больше мне запомнилось другое зрелище. Наша колонна еще не добралась до Красного Яра, а высоко над горизонтом стало уже отчетливо видно ярко-рыжее зарево, постепенно растущее и закрывающее собой половину небо. Потом мы увидели, что по мере приближения к горячей буровой снежный покров заметно уменьшался, а в километре от ревущего фонтана из-под снега уже были видны замерзшие земляные кочки после осенней пахоты. К моменту нашего прибытия в радиусе километра от горячей скважины снеговой покров исчез почти полностью. Нас всех оглушил шум и гул бурлящего огненного фонтана, который нарастал по мере приближения к нему, причем в воздухе ощущалось заметное потепление. Когда же после 30-тиградусного мороза мы, наконец, вступили на теплую, а местами и вовсе горячую землю, то в некоторых местах заметили пробивающиеся наружу зеленые травинки. Такой оказалась сила теплового излучения, идущего со стороны пылающего нефтяного факела”.

Но перед тем, как начать укрощение огненного фонтана, нужно было очистить устье скважины от остатков разрушенных буровых механизмов. Для растаскивания оборудования из зоны огня применялись длинные шестидюймовые трубы с крючками и якорями, которые цепляли за металлоконструкции, а затем тракторами растаскивали в стороны от скважины. В общей сложности в расчистке территории вокруг буровой и в тушении огненного факела объединение “Куйбышев-нефть” задействовало до 300 рабочих и инженеров разных специаль-

ностей, а также 12 тракторов, три подъемника, четыре автокрана, четыре экскаватора, восемь бульдозеров и 20 автомашин. Ввиду того, что значительная часть подготовительных работ проводилась на расстоянии всего лишь 10-20 метров от горящего фонтана, при очень высокой температуре, работающую технику и людей приходилось защищать мощными водяными струями.

Кроме того, к работе по расчистке устья скважины руководство управления пожарной охраны подключило артиллерийские подразделения ПриВО, и военные справились с ней вполне успешно. Вот что об этом в тот же день было доложено в Москву:

«Срочно. Секретно. Передать по «ВЧ».

Министру внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанту Стаханову Н.П.

Доношу, что на газонефтяном пожаре буровой № 1 «Куйбышев-нефть» обстановка на 5 декабря следующая.

Вследствие того, что квадрат сбит артиллерийским выстрелом, а ротор с помощью тяги четырех тракторов убран с превентера, огненный фонтан определился в виде мощной струи, с давлением у основания порядка 35 атмосфер. Высота горящего факела достигает 60-70 метров...

Все основные подготовительные работы к тушению пожара заканчиваются 6 декабря. В тот же день или 7-го декабря будет произведена попытка тушения пожара мощными водяными струями, к чему части ВПО Куйбышева также подготовку закончили...

Начальник управления МВД по Куйбышевской области полковник Граков.

5 декабря 1955 года».

Вода не смогла справиться с огнем

Два пожарных водоема по шесть тысяч кубометров каждый были вырыты и заполнены водой из реки Сок к утру 6 декабря. Быстрее работу закончить было довольно трудно: мешали уже упоминавшиеся 30-градусные морозы, зачастую сопровождавшиеся метелями. Из-за ледяной стужи то и дело выходили из строя насосы, закачивающие воду в котлованы, и регулярно перемерзали проложенные прямо по земле 150-миллиметровые трубы. Несмотря на это, 6 декабря на огненный нефтяной фонтан была предпринята первая атака.

На месте пожара были сосредоточены крупные силы и средства: 26 оперативных отделений пожарных из Куйбышева, по два оператив-

ных отделения из “Куйбышевгидростроя” и “Ставропольнефти”, а также три специальных пожарных подразделения (звенья газодымозащитной службы, отделение связи и так далее). Пожар был разбит на четыре боевых участка, которыми командовали капитан Краснокутский, капитан Сакмаркин, старший лейтенант Лозинский и капитан Крутов.

Ровно в 16 часов по команде руководителя штаба в горящее устье скважины одновременно ударили мощные водяные струи из 10 лафетных и 18 ручных стволов. Бойцы пожарной службы направляли воду в пламя из специально оборудованных машин, кабины которых были закрыты асбестовыми щитами и накидками. Несмотря на это, из-за высокой температуры воздуха люди даже в защитных костюмах не могли подобраться к очагу пожара ближе чем на 10-20 метров.

Тяжелым был выход огнеборцев на боевые позиции, в зону высокой температуры, где, несмотря на асбестовую защиту, на пожарных порой загоралась боевая одежда. Поэтому пожарных первого эшелона прикрывали водяной завесой, которую с помощью мощных струй создавала цепочка бойцов второй линии, расположившаяся в некотором отдалении от огненного фонтана.

Самое серьезное испытание, естественно, выпало на долю тех, кто находился на передовой, кто работал с лафетными и ручными стволами непосредственно возле устья скважины. Однако даже под водной завесой многие бойцы здесь не выдерживали больше 10-15 минут – ведь они работали буквально на грани потери сознания от нестерпимого жара. Поэтому пожарные, разбившись на группы, периодически сменяли друг друга в огненном аду. Как только кто-либо из них выходил из огня, он обычно тут же снимал шлем и спешил напиться воды. Никто их не спрашивал: “Ну, как там?” Все понимали, что там жарко – действительно, как в аду.

Однако все их усилия оказались напрасными: даже после нескольких часов «водных процедур» пламя на нефтяной скважине так и не удалось погасить. К 1 часу 30 минутам ночи вода в бассейнах кончилась, и тушение пришлось прекратить.

Ко второй водной атаке на огненный фонтан штаб пожаротушения готовился четыре дня. Вблизи аварийной буровой были выкопан и наполнен водой из реки Сок еще один котлован емкостью 1500 кубометров. Кроме того, на место происшествия пригнали дополнительную технику. У скважины были смонтированы два гидромонитора, в которые вода подавалась стационарными насосами, а для сокращения числа

выкидных рукавов дополнительно были проложены три магистрали диаметром по шесть дюймов и общей протяженностью 700 метров.

В итоге 10 декабря в 12 часов в устье скважины ударили водяные струи не только из 15 лафетных и 10 ручных стволов, но также из гидромониторов. Благодаря им в отдельные моменты участникам тушения казалось, что победа совсем близко: из устья скважины шел уже не огонь, а обильный пар, благодаря чему появлялась надежда на отрыв пламени от нефтегазовой струи. Однако все это было лишь иллюзией: как только выходящая из-под земли нефть вновь соприкасалась с языками пламени, окружавшими фонтан внутри земляной обваловки, или же с раскаленным железом, горение начиналось снова. И в этот раз более чем трехчасовая борьба с огнем так и не дала никаких результатов. То же самое повторилось и 18 декабря, когда бушующее на нефтепромысле пламя в течение полутора часов безрезультатно поливали из лафетных и ручных стволов и гидромониторов. Огненная стихия и в третий раз вышла победителем в схватке с человеком.

Нефть предлагали тушить... нефтью

Несмотря на то, что все сообщения из Куйбышева в Москву о пожаре на буровой в Красноярском районе и о борьбе с ним шли по линии «ВЧ» и под грифом «Секретно», скрыть гигантский факел от жителей области было попросту невозможно. Сразу же после аварии и воспламенения нефтегазового фонтана специалисты сообщили представителям власти, что ликвидация пожара, скорее всего, займет несколько недель, а возможно - и месяцев. В результате обком партии, поколебавшись, дал «добро» средствам массовой информации на регулярные сообщения о ходе тушения горящей скважины.

После первых же статей в «Волжской коммуне» в различные советские и партийные инстанции потоком пошли письма, в которых граждане вносили собственные предложения по борьбе с пожаром на нефтепромысле. Все подобные проекты передавались в объединение «Куйбышевнефть», руководству которого пришлось создавать специальную комиссию по изучению писем трудящихся. Конечно же, далеко не все из них оказались серьезными и технически грамотными, но даже после тщательного отсеивания комиссия в течение нескольких дней рассмотрела около 60 предложений.

Проекты были разными: от вполне реальных до совершенно фантастических. В частности, поступило много проектов, суть которых зак-

лючалась в одном и том же: соорудить на устье скважины огромную пробку. А в качестве такой «затычки» предлагалась, например, гигантская стальная или железобетонная плита размером 50 на 50 метров и толщиной до 10 метров, которую, по мысли автора, нужно было собрать рядом со скважиной, а затем с помощью тракторной тяги накрыть ею огненный факел. Все подобные проекты комиссией были отвергнуты из-за непомерно больших сроков сооружения «затычки» при весьма сомнительном конечном результате.

Самый же фантастичный проект тушения пожара выглядел так: его автор предлагал путем строительства высоких стенок вокруг горящей скважины образовать на месте пожара резервуар глубиной до 6 метров, а затем заполнить его... сырой нефтью. При этом автор полагал, что огненный фонтан не сможет пробить шестиметровый нефтяной слой и непременно «упадет». А горящую на поверхности нефть в закрытом резервуаре затем можно будет довольно легко потушить пеной...

Составителям этого и других подобных предложений были направлены вежливые ответы из объединения «Куйбышевнефть», что их проекты рассмотрены, но они, к сожалению, не имеют практического значения.

К делу приступили взрывники

После неудачных попыток подавления огненного фонтана водяными струями было решено организовать его тушение с помощью надземного взрыва. Этот метод борьбы с пылающими газовыми и газонефтяными фонтанами в те годы считался наиболее эффективным. Взрыв производился у самого основания факела – между устьем скважины и пламенем. При этом образующаяся ударная волна разрывала струю огня, и под ее воздействием пламя отрывалось от горючей смеси, как бы отбрасываясь наверх. Для организации таких работ в начале декабря 1955 года в Куйбышев прибыл автор взрывного метода ликвидации пожаров на газовых и газонефтяных месторождениях, старейший работник советской пожарной охраны, доктор технических наук, инженер-полковник Граздан Мушегович Мамиконянц.

Еще в начале 20-х годов он стал одним из организаторов современной пожарной службы на Бакинских нефтепромыслах, и тогда же начал разрабатывать собственный оригинальный метод тушения нефтяных и газовых факелов. В результате 7 апреля 1931 года по предло-

женному Мамиконянцем плану впервые в отечественной практике при помощи взрыва был остановлен пожар на газовом месторождении под Майкопом, не прекращавшийся в течение восьми с половиной месяцев. За эту работу пятеро работников пожарной охраны, в том числе и Мамиконянец, в числе первых в нашей стране были удостоены высшей награды СССР – учрежденного всего за год до этого ордена Ленина.

В дальнейшем Граздан Мушегович сосредоточился в основном на научной и преподавательской работе. Он воспитывал молодых офицеров в Высшей пожарной академии, читал лекции в московских и других вузах, но в то же время не раз бывал руководителем и непосредственным участником тушения многих сложных пожаров на нефтепромыслах в нашей стране и за рубежом, а также написал монографию «Тушение нефтяных открытых фонтанов». В общей сложности заслуги ученого в пожарном деле были оценены двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, несколькими медалями СССР, а также орденами и медалями социалистических стран. Граздан Мушегович Мамиконянец умер в 1976 году, прожив 85 лет, причем он активно работал до самого последнего момента своей жизни.

К 20 декабря 1955 года на уровне МВД РСФСР и Миннефтепрома СССР был утвержден разработанный Мамиконянцем план тушения пожара на буровой № 1 с помощью направленного взрыва. При этом перед четвертой, решающей атакой неподалеку от пожарища нефтяники вырыли третий водоем емкостью 1500 кубометров, а около него установили стационарный насос, от которого был проложен трубопровод для гидромонитора. На первом водоеме поставили дополнительные насосы, а для отвода нефти от устья скважины проложили три трубопровода диаметром 150 мм.

Кроме того, рабочие в защитных костюмах и под прикрытием водяных струй в течение нескольких дней соорудили около скважины земляную насыпь длиной около 70 метров, на которую уложили звенья рельсовых путей. По этим рельсам в огонь должна была пойти тележка с укусиной, а на крюк к ней предполагалось подвесить тротильный заряд. А чтобы от высокой температуры заряд не взорвался раньше времени, его со всех сторон надежно укрыли асбестовыми щитами и накидками. В асбест также завернули и электрические провода, которые шли от пускового механизма к взрывателю.

Четвертую атаку решено было произвести ранним морозным ут-

ром 23 декабря, когда солнце еще не встало. Перед этим Мамиконянц объяснил руководителям штаба пожаротушения, почему подобные работы он рекомендует всегда проводить на рассвете. Оказывается, именно в это время суток перед взрывом легче всего бывает определить направление ветра, а после взрыва – оценить состояние уже укрошенного фонтана и немедленно принять меры, чтобы он не вспыхнул снова. Выслушав все аргументы профессора-взрывника, руководители борьбы с огнем, а с ними – и рядовые пожарные сразу же поверили, что уже вскоре пожар будет укрошен, и что готовящаяся четвертая атака на пылающий нефтегазовый фонтан будет последней и решающей.

В ночь на 23 декабря в районе горячей нефтяной скважины опять разыгралась метель, а столбик термометра упал ниже 30-градусной отметки. Несмотря на мороз, в полосе шириной несколько сот метров вокруг ревающего пламени зима ощущалось очень слабо: снега почти не было, из-под земли бодро пробивалась зеленая травка, а холодный ветер, дующий с периферии пожара к его центру, под воздействием мощного теплового излучения моментально согревался. К тому же из-за яркого пламени даже после полуночи вокруг было светло, как днем.

Огненного зверя укротил тротилловый заряд

Инженер-полковник Мамиконянц, к тому моменту назначенный руководителем взрывных работ, в 0 часов 50 минут провел последнее совещание перед решающим штурмом, после чего дал распоряжение на развертывание вокруг пылающей скважины всех необходимых сил и средств. Перед проведением четвертой атаки на огонь зона пожара была разбита на два сектора и шесть боевых участков. Для подкатывания тележки с зарядом к фонтану из числа пожарных-добровольцев была сформирована особая группа из 16 рядовых и сержантов под руководством двоих опытных офицеров. Согласно плану, для охлаждения территории вокруг фонтана и создания водяной завесы над добровольцами пожарные подготовили 8 лафетных стволов и 16 ручных стволов “А”. Еще пять стволов “Б” были поставлены во второе кольцо вокруг зоны огня - для защиты ствольщиков первой линии.

Охлаждение подступов к горящему фонтану началось в 1 час 40 минут, а к двум часам ночи у скважины работали уже все имеющиеся лафетные и ручные стволы, а также четыре гидромонитора. Около 3

часов 30 минут ночи инженер-полковник Мамиконянц лично осмотрел территорию вокруг скважины и еще не разрушенное оборудование бывшей буровой, после чего сделал вывод, что в результате обильного полива все объекты уже достаточно охладились. Можно было приступать непосредственно к взрывным работам, а пока в целях экономии воды были отключены гидромониторы. Дальнейшее охлаждение зоны пожара продолжалось лишь лафетными и ручными стволами.

В 4 часа 30 минут начался самый ответственный этап тушения - подготовка к взрыву. На видных местах были вывешены красные флажки, а всех непосредственно не занятых в операции людей и лишнюю технику отвели за пределы 300-метровой запретной зоны. Непосредственно перед взрывом из зоны огня ушли и ствольщики, в течение нескольких часов охлаждавшие скважину.

В 5 часов 45 минут утра Мамиконянц дал команду пожарным, и специально тренировавшееся в течение нескольких дней подразделение добровольцев стремительно покатило тележку с зарядом прямо в огненный ад. Разогнав смертоносную «посылку», примерно за 50 метров до устья скважины бойцы быстро укрылись в специально приготовленном для этого окопчике. А когда двигавшаяся по инерции тележка скрылась в пламени, техник-подрывник повернул рукоятку пускового механизма.

Мощный взрыв тротилового заряда весом в 320 килограммов в долю секунду оторвал пламя от нефтегазовой струи. В то же мгновение в устье скважины со всех сторон вновь ударили струи воды из восьми лафетных и 27 ручных стволов, а также из четырех гидромониторов. К тому моменту охлаждавшиеся в течение нескольких часов стенки скважины еще не успели как следует нагреться снова, и в итоге огню так и не удалось снова накинуться на легкую добычу - бьющую из-под земли сырую нефть.

Вот как об этих незабываемых мгновениях вспоминал ветеран пожарной охраны А.Д. Тамаров: “Едва в предрассветном небе погасли последние сполохи пламени, как над местом тяжелого многодневного сражения с рвущимся из-под земли огненным зверем, перекрывая рев фонтанирующей нефти, раздалось мощное троекратное “Ура!”. Это кричали сотни куйбышевских пожарных и рабочих объединения “Куйбышевнефть”, которые приветствовали свою долгожданную победу над стихией.

Но когда погасло зарево и стих грохочущий гул огненного фонтана,

жаркое лето, словно в сказке, в считанные минуты вдруг обернулось лютой зимой с тридцатиградусным морозом. Ледяной холод в мгновение ока накинута и на склон примыкавшего к буровой оврага, по обеим сторонам которого за минувшие горячие недели успел появиться сплошной зеленый ковер густой травы. Уже через час-другой на месте этого летнего островка возвышались снежные сугробы, нанесенные непрекращающейся метелью.

А на бойцах пожарной службы сразу же после укрощения нефтяного пламени и возвращения зимы в считанные минуты обледели и боевая одежда, и снаряжение. Из-за толстой ледяной корки многие огнеборцы без помощи своих товарищей не смогли даже переодеться. Кроме того, быстро стали смерзаться выкидные пожарные рукава. В результате смертельно уставшим пожарным, еще не пришедшим в себя после тяжелой бессонной работы в экстремальных условиях, нужно было в быстром темпе убирать многие километры брезентовых рукавов. С этой работой мы окончательно справились, лишь когда совсем рассвело. И тут продолжавшаяся несколько дней подряд метель неожиданно прекратилась, облака расступились, и на небосклон, будто в награду укротителям огненной стихии, впервые за все время нашей битвы с неистовым пламенем во всей своей красе вдруг сообразовали-ло выкатиться яркое солнышко”.

Однако другие бойцы пожарной службы в эти самые минуты все еще продолжали поливать ледяной водой уже потушенную нефтяную скважину, чтобы не дать уже укрощенному огню ни малейшего шанса на возрождение из пепла. Лишь к 8 часам 30 минутам утра, на исходе третьего часа непрерывного охлаждения скважины после взрыва, всем наконец-то стало ясно, что на этот раз людям удалось справиться с огненным зверем. В общей сложности нефтегазовый пожар на берегу реки Сок бушевал в течение 26 суток.

Пожарным - ордена, а бурильщиков - под суд

В ходе тушения нефтегазового пожара у села Киндяково отличился почти весь личный состав УПО Куйбышевской области, сотрудники учебного центра ВПО, но больше всего - бойцы 6,7,16, 27 и 28 ОВПК Куйбышевского гарнизона.

Большая группа отважных пожарных была поощрена в приказах МВД СССР, Министерства нефтяной промышленности СССР, начальников ГУПО МВД СССР и УМВД Куйбышевской области. А семеро

наиболее отличившихся в эти огненные дни работников УПО Куйбышевской области за проявленные мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1956 года были награждены государственными наградами – орденами и медалями СССР. Среди них - оперативные дежурные УПО Крутов и Сакмаркин, командиры отделений Ершов, Гуленко, Прокопов, Лычев, а также рядовой Родин.

Что же касается объединения “Куйбышевнефть”, то для него итоги этой аварии оказались очень печальными. Полностью сгорела буровая № 1 со всем ее оборудованием, а также временная деревянная постройка, где располагалось общежитие рабочих. Огнем было уничтожено и огромное количество “черного золота” - ведь суточный дебит скважины, согласно расчетам, во время аварии составлял более тысячи тонн при давлении на ее выходе 10-15 атмосфер. Убыток от пожара составил 340 000 рублей – огромные по тем временам деньги.

Разумеется, после успешного завершения операции по борьбе с огненным фонтаном тут же начались поиски виновных в этом происшествии. Собственно, искать их долго не пришлось: и без того было ясно, что авария случилась исключительно из-за просчетов бурильщиков. В результате уже 29 декабря 1955 года появился упоминавшийся выше приказ по главку Миннефтепрома СССР, в котором, в частности, было записано следующее:

«...за грубейшее нарушение технологической и трудовой дисциплины... снять с работы бурового мастера т. Романова, бурильщика т. Ямщикова и главного инженера конторы бурения т. Цапенко. Материалы об их преступной деятельности, связанные с аварией на буровой № 1, передать в следственные органы... Начальника Красноярской разведки т. Хоботько, за необеспечение на разведке необходимой производственной и технологической дисциплины, с работы снять». Другие же руководители конторы бурения и нефтепромыслового управления отделались только выговорами и предупреждениями.

Что же касается потушенной нефтегазовой скважины у села Киндяково, то лишь к 15 января 1956 года, через 23 дня после ликвидации пожара, все работы по перекрытию бьющего из-под земли фонтана были закончены, а буровая скважина № 1 надежно перекрыта. Почему же нефтяники так долго не могли устранить последствия аварии? Оказывается, при расчистке территории вокруг скважины после начала пожара был сорван фланец с буровой трубы, и установить какое-

либо перекрывающее скважину оборудование стало делом крайне затруднительным. Но самое главное - в скважине остался буровой инструмент и остатки арматуры, сильно покореженные высокой температурой. В результате после тщательного изучения ситуации на участке комиссия объединения «Куйбышевнефть» признала дальнейшую эксплуатацию скважины невозможной, а ее устье в итоге было наглухо перекрыто бетонной пробкой.

Конечно же, через некоторое время на основе этой скважины все-таки заработал новый нефтепромысел, а рядом с ним уже в конце 50-х годов возник поселок нефтяников, получивший название Мирный. Но это уже совсем другая история.

В.В. Ерофеев

Глава 5

В ночь на двадцатое сентября (Пожар в поселке Машинистов - пригороде Сызрани 20 сентября 1980 года)

Цена роковой ошибки

Ночь на 20 сентября 1980 года на “железке” под Сызранью была совершенно обычной. Посвистывали локомотивы, лязгали вагоны, а команды дежурных разносились далеко над спящим городом. Кое-где на засыпающих улицах светились одинокие окна, редкие прохожие спешили домой, и никто в мире не знал, что страшный, многоголовый огненный зверь уже притаился за порогами домов тихого поселка Машинистов, чтобы через секунду взорвать его многоликим горем...

Причиной трагедии стала оплошность работников сортировочной горки. В ту ночь здесь, как всегда, сновали вагоны: один туда, другой сюда. И пропановая цистерна, такая же, как и тысячи других, тоже должна была встать на свое новое место, и оттянуть её на нужный путь надо было с помощью локомотива. Но в тот раз этого сделано не было: то ли поблизости не оказалось маневрового тепловоза, то ли машинисту было лень его гнать, то ли диспетчер подумал, что если каждую цистерну локомотивом спускать, то план уж никак не выполнишь и премиальных не получишь... Одним словом, дежурный по горке в отношении пропановой цистерны дал команду: “Спустить с горки самоходом”. Уже потом следствие установило, что такую же команду он давал не только в тот роковой вечер, но и вчера, и месяц, и год назад. До этого все “сходило с рук”, но вот в ночь на 20 сентября не сошло...

Каждый день мы нарушаем правила техники безопасности и... ничего не происходит. Привыкаем. Наверное, если бы в ту ночь кто-нибудь из железнодорожников сказал: “Что же это мы, ребята, делаем? Ведь нарушаем!”, то его бы как минимум засмеяли, а может быть, и отматерили: дескать, выискался тут такой больно умный. Но не зря говорят, что раз в сто лет и грабли стреляют. Что же касается цистерн, заполненных пропаном, то они, к сожалению, терпят аварии гораздо чаще.

В тот вечер прямо перед злополучными цистернами с горки спустили мазутовые ковши, которые ощутимо замаслили вагонозамедлители

- стационарные устройства для торможения вагонов. Сразу же после них прошел пустой вагон, который с грохотом и лязгом остановился на автосцепке. Но следом за ним уже шла тяжелая цистерна, полная пропана, весом более 18 тонн. Дежурный перед ней тоже включил вагонозамедлители, но из-за проклятого мазута их силы трения для такой массы оказалось недостаточно. Цистерна даже не замедлила свой ход, а покатилась дальше с совершенно недопустимой скоростью. Правда, рядом оказался башмачник, который с приближением цистерны прицелился, привычно сунул башмак под накатывавшиеся колеса и отскочил в сторону. Но тут он с ужасом увидел, что цистерна, вместо того, чтобы встать, куда ей положено, не останавливаясь, повела башмак дальше - и въехала в зад стоящего вагона. При этом автосцепка легко проткнула толстое тело огромной стальной емкости, и из пробоины в бок цистерны потоком хлынул сжиженный газ...

В этот момент теоретически еще можно было бы предотвратить катастрофу. Это наверняка было бы сделано, если бы на аварийном участке оказались до предела дисциплинированные железнодорожники, которые сразу сообщили бы об утечке во все компетентные органы и в пожарную службу, выставили бы оцепление вокруг места происшествия, и одновременно предупредили бы жителей всех окрестных жилых кварталов, чтобы те не зажигали в домах света, не курили, не топили бы печи, и вообще на время бы уехали из опасного места. Однако таких дисциплинированных работников, как мы знаем, на железной дороге в ту пору не нашлось. Поэтому роковая ошибка диспетчера железнодорожной горки практически стала началом конца поселка Машинистов.

Людей накрыл огненный шквал

Вместо того, чтобы бежать и бить тревогу, башмачник, единственный свидетель столкновения, не только никого не предупредил об аварии, но и вовсе сбежал с места происшествия, прекрасно понимая, что от утечки газа ничего хорошего ждать не приходится. Тем временем опасная жидкость быстро превращалась в легкую, невидимую простым глазом дымку, от которой на траву лег как бы белый иней. Тут подул полуночный ветерок, который погнал газ из разбитой цистерны прямо на спящий поселок Машинистов, прилегающий вплотную к "железке".

Возможно, кое-кто в тот момент и увидел окутавший поселок стран-

ный синий туман, но что он мог сделать в такой ситуации, даже если он и почувствовал запах газа? А для образовавшейся воздушно-газовой смеси в эти роковые мгновения нужен был лишь какой-нибудь крохотный огонек, чтобы все вокруг в доли секунды превратилось в огромное облако яростного пламени. И, конечно же, такая искорка в конце концов нашлась. Вряд ли мы теперь узнаем, кто же именно в одном из домов поселка зажег ту роковую спичку, закуривая сигарету на свежем воздухе, или, может быть, всего лишь включил свет на веранде. Спичка это была или электрическая искра, сейчас уже неважно...

Когда в поселке Машинистов раздался мощнейший взрыв, а следом за ним до неба взметнулось бешеное пламя, на железнодорожной горке и в ее окрестностях все вдруг затряслось и загудело. Справедливости ради стоит сказать, что в этой ситуации начальник дежурной смены, то есть главный виновник случившегося, немедленно принялся куда-то звонить, кому-то докладывать – одним словом, он что-то пытался сделать. Потом дежурный лишь сидел в своей “стекляшке” и с диким ужасом смотрел на пожар, не двигаясь, как парализованный, не в силах что-либо предпринять...

Это был объемный взрыв – страшная реальность XX века. Он происходит, когда срабатывает не один лишь точечный заряд взрывчатого вещества определенной массы, а одновременно взрывается весь огромный объем горючего газа, который в смеси с воздухом образует словно бы единую бомбу гигантских размеров. И когда над поселком Машинистов взорвался сам воздух, на его месте поднялось громадное огненное зарево. А поскольку это была пятница, да еще начало золотой осени, то к жителям поселка с ночевкой приехало немало гостей и родственников. В общей сложности во дворах стояло более десятка машин, и у каждой из них в баке находился запас бензина. К тому же в каждом доме этого поселка стояли баллоны с газом, а у многих даже не один. По этим и другим причинам охватившее поселок пламя в считанные минуты приобрело столь разрушительную силу, что горело и плавилось все, что могло – дома, деревья, земля, асфальт, живое человеческое тело...

Кто-то из жильцов поселка в беспамятстве выбрасывался на улицу – и здесь мгновенно сгорал, словно мотылек в пламени гигантской свечи. Кто-то, обезумев от страха, лез в погреб, думая, что в мире началась ядерная война. Многие люди задыхались от нестерпимого жара в своих постелях, так до конца и не проснувшись, умерев в сча-

стливым неведении и не испытав в итоге невыносимой боли от полученных ожогов. Им по-настоящему завидовали многие из выживших, но страшно обгоревших. Впрочем, после той катастрофы люди все равно ежедневно продолжали умирать в ожоговом центре, некоторые даже на десятые сутки после случившегося, перенеся нечеловеческие страдания и мучения.

“В момент взрыва погибла вся моя семья...”

В ту страшную ночь в поселке Машинистов, небольшом пригороде Сызрани, сгорело в общей сложности 44 дома. Непосредственно во время пожара, а также от ожогов в последующие дни погибло более 80 человек. У каждой из жертв этого чудовищного происшествия - своя история, своя трагедия...

Ю.И. Сомова незадолго до трагедии привезла домой внуков. Когда за окном вдруг вспыхнул пожар, она не растерялась, а завернула детей в одеяло и выбросила их через окно на улицу. Впоследствии детей подобрала прибывшие пожарные, которые и вынесли их из огня. А вот сама их бабушка Юля погибла, так же, как и один из ее внуков, которого она не успела спасти. Уже потом от мальчика нашли лишь кусочек ремня, а от бабушки - только осколок перстня...

Когда вокруг рвануло, столяр НГЧ-3 Б.Ф. Заика, старый фронтовик, тотчас же вспомнил свои фронтовые будни. Поскольку в тот момент немислимо было даже выйти на улицу, ветеран и его жена завернулись в мокрые одеяла. По-пластунски они поползли между деревьями своего садика, словно прячась от вражеских “зажигалок”, и в конце концов все-таки сумели выползти из зоны смерти.

У жительницы поселка Машинистов Г.И. Мочалкиной (в девичестве Селиверстовой) буквально на руках умерли ее родители, сильно обгоревшие в том ночном пожаре. Они прожили вместе 50 лет и умерли в один и тот же день, всего лишь с промежутком в один час. В общей же сложности у Мочалкиной в ночь на 20 сентября погибло 15 родственников.

Почти все без исключения очевидцы трагедии, вспоминая тот страшный пожар, и сегодня не могут сдержать слез.

Валерий Русинов:

- После вечерней смены мы с другом поехали на машине домой. Был уже второй час ночи, и как раз на повороте в поселок мы въехали в облако тумана. Сразу же заглохла машина, и мы почувствовали

запах газа. А потом нам в глаза ударил столб огня высотой, как мне показалось, до самого неба. Тут же на нас пошла волна огня высотой метра два. На меня дохнуло жутким жаром, я выскочил из машины и что есть силы помчался по дороге. Удалось отбежать примерно метров сто, но стена огня все время катилась позади, постепенно приближаясь ко мне и поджаривая спину. Вскоре на мне уже горели брюки и рубашка, и тут я понял, что вряд ли смогу уйти от этой огненной волны.

В конце концов пламя меня все-таки догнало и окружило со всех сторон. Я уже не бежал, а едва брел среди огня, теряя сознание. Уже потом я узнал, что у меня было обожжено 45 процентов поверхности кожи. Тем не менее, когда мне все-таки удалось выбраться на свободное от огня пространство, у меня еще хватило сил раздеться, потому что вся моя одежда расплавилась и тлела, после чего я залез на дерево. Тут следом за мной на дорогу вдруг выскочила женщина в одной сплавившейся сорочке, и у неё были страшные глаза, переполненные болью и страданиями. В больницу нас двоих отвез нас проезжавший мимо водитель.

А у моего друга Славы Кадочникова в поселке Машинистов осталась вся семья – жена и двое детей. Сам же он в ту ночь находился на работе. Уже потом он узнал, что в момент начала пожара его жена сумела вывести одного ребенка на улицу, а затем бросилась обратно в дом за вторым. Огненная волна накрыла ее, когда она наклонилась над детской кроваткой. От той же волны погибла не только она с сыном на руках, но и тот его ребенок, которого она успела вывести из дома.

Сергей Селиверстов:

- Это было, как в кино про Змея Горыныча - громадные языки пламени. А накануне к нам домой приехали родственники из Тулы. Наш дом выходил на пути. Когда вокруг все загорелось, я выскочил на кухню, на мощность всю пустил воду, а потом передал тестю полуторагодовалого сына. Роман, племянник из Тулы, в это время пошел в туалет. Когда грохнуло, он в горячах забежал на кухню, и на него было страшно смотреть из-за ожогов. Мать вывела мальчика на улицу, но он тут же упал и умер.

Никто не понимал, что происходит: то ли война началась, то ли взорвалось что-то. Все выбежали на улицу. Вокруг плавился асфальт, и вскоре я уже не мог идти, а только еле-еле полз. Вот так я дополз на

знакомого таксиста, после чего потерял сознание. Очнулся я уже в Куйбышеве, в ожоговом центре. Пролежал здесь целый год. Своим родным я писал письма, но, как потом оказалось, они были адресованы мертвым. Уже потом я узнал, что у меня во время пожара сгорела беременная жена, сын, отец и дед.

Сначала боль от ожогов была вообще невыносимой. Представьте себе, что два раза в день с тебя, с живого, снимают кожу – вот такие у меня были ощущения. Обгоревшая кожа – это как раскрытый нерв, даже дуновение воздуха – будто напильник по ране, а уж если меняют бинт... Даже фашистам не пожелал бы испытать такое.

И даже если не было перевязок, все равно меня изводила постоянная боль. А потом врач пришел и говорит мне: “Все, это предел, я больше не могу колоть тебя наркотиками. Если ты не хочешь стать наркоманом, лучше пей”. И я стал пить – спирт, водку или коньяк, все равно что. На перевязках я орал песни, иначе не мог выдержать, а после перевязки вмазывал 150 граммов спирта, закусывал – и минут через пять отключался.

У меня было 75 процентов ожогов кожи, и я выжил только благодаря поддержке друзей и родственников. Меня обманывали все, но это был обман во благо, он давал мне силы. Когда через год я вернулся в Сызрань, то мой друг, Володя Костромитин, мне сказал: “Тяжелее всего было не выдать себя... Ты передавал приветы моим, а я после того пожара остался совсем один – всех похоронил...” Оказалось, что в момент взрыва Володя был на работе, а когда пришел домой, узнал, что сгорела вся его семья – жена и двое маленьких детей. Уже потом он уехал в Казахстан, где женился, но, видимо, и здесь не было покоя его душе. Однажды у него остановилось сердце, и он умер.

Когда меня наконец выписали, то из Куйбышева меня привез мой шурин, таксист Володя Сомов. Стояла зима. По дороге я все расспрашивал, как там родные, а он все больше отмалчивался. Подъезжая к Сызрани, он внезапно завернул на Батракское кладбище. После лечения я плохо ходил, и поэтому еле-еле вышел из машины... и тут все увидел. Кресты! Со знакомыми, такими родными фамилиями. Я буквально полз от одной могилы к другой, и у каждого нового креста все новое и новое горе обрушивалось на меня. Оказалось, что из Селиверстовых в живых остались только я да мой сынишка. Он весь этот год мотался то у родных, то у друзей, и за это время пять садилов сменил. Вся наша династия (15 человек) почти целиком сгорела. Все погибли

в один час, буквально в один миг. Если бы об этом в больнице я узнал – ни за что бы не выжил.

Надежда Николаевна Субботкина, работник “Скорой помощи”:

- В ту ночь мы были на выезде на Монастырской горе, как вдруг получили срочный вызов: “Всем бригадам в поселок Машинистов!” В городе оставили только одну бригаду для самых срочных вызовов. Приехав, мы увидели, что в поселке горит сам воздух. Это было очень страшно: я видела, как люди выпрыгивают из окон и падают, обожженные, в самое пламя. А по улицам в шоковом состоянии бежали другие обгоревшие люди, и они кричали нам: “Возьмите моего сына, мою дочь!!!” Мы брали помногу, сразу человек по восемь, в первую очередь стариков и детей. На многих кожа висела клочьями, как чулки, волосы у всех были обгоревшие, скрученные. Пока ехали, мы оказывали потерпевшим самую первую помощь, а также вкалывали обезболивающее, в основном наркотики, и накладывали повязки.

Часто пострадавшие не могли говорить. Тогда приходилось спрашивать у окружающих их имена и фамилии. Затем мы записывали все это на листочке и подкладывали его под бинт. Лишь под утро мы закончили эвакуацию всех пострадавших и переключились на санчасти. Для особо тяжелых вызывали санитарную авиацию и увозили их вертолетами в Куйбышев и Тольятти.

“Мы увидели огромное зарево...”

Все потерпевшие и очевидцы происшествия в ту ночь отмечали четкость работы городских спасательных служб. Самоотверженно, на пределе своих сил, тогда работали и пожарные, и “скорая помощь”. О “скорой” уже было сказано выше, а вот что касается пожарных, то все подразделения огнеборцев города во главе с исполняющим обязанности помощника начальника отряда капитаном В.И. Колокольцевым после получения тревожного сообщения прибыли в поселок Машинистов буквально в считанные минуты. По области в ту ночь была объявлена пожарная тревога “номер три” – высокой опасности. До восьми часов утра бойцы работали без подмены, да и потом все они оставались в строю. Как свидетельствует “Исторический формуляр” ОГПС-7, пожарные действовали смело и решительно, проявляя образцы героизма, не щадя себя.

В пожарных частях Сызрани до сих пор служат бойцы и офицеры, которые принимали участие в тушении пожара в поселке Машинистов

в ночь на 20 сентября 1980 года. Вот свидетельства некоторых из них.

Сергей Баракин, пожарный. В то время ему был 21 год, и он служил командиром отделения 2-й пожарной части:

- Нас подняли по тревоге, и мы сразу выехали из своей пожарной части. Когда проезжали по улице Рабочей, мы увидели огромное зарево над поселком Машинистов. К моменту нашего приезда штаб пожаротушения уже был на месте. Мы получили команду, поставили гидрант и начали тушить то, что только еще начинало гореть. Дома, горевшие внутри порядков, тушить уже было бесполезно - к ним даже пробраться было нельзя. Вскоре на бронетранспортерах приехала милиция. Нас поставили между пожаром и станцией, чтобы отсекать огонь, потому что там, на путях, были емкости с горючим. Если бы пожар переметнулся на станцию, то даже трудно представить, что бы там тогда было.

Многие из пожарных запомнили такой поразительный факт: среди сгоревших дотла домов один почему-то остался почти нетронутым. Говорили, что его хозяин в первые же минуты пожара схватил икону "Неопалимая купина" и несколько раз обежал с нею вокруг дома. Но тут возможно и другое: это жилище уберегли от пожара высокий фундамент на кирпичной основе и живая изгородь из зарослей сирени, что окружала этот дом. Впрочем, многие до сих пор верят, что и дом, и его хозяина в ту страшную ночь сумела спасти лишь Божественная сила...

На следующий день пожар был потушен, и начались раскопки. Потом я ушел в армию, а мать за меня получила премию 20 рублей. Она очень переживала за меня в ту ночь, много раз звонила диспетчеру, а та отвечала ей: "Ваш сын на выезде".

Олег Витальевич Першенков, пожарный:

- Я тогда служил начальником караула 1-й пожарной части, и в ту ночь как раз дежурил. Как и всех сызранских пожарных, после полуночи нас подняли по тревоге, и по пути мы узнали, что горит поселок Машинистов. Когда мы еще только подъезжали к поселку, я увидел, как из дома выскочил парень, на котором горела одежда. Он тут же бросился в воду, а вода уже кипела.

Горел весь квартал площадью 100 на 100 метров, и тушить его можно было только по периметру. Лезть же внутрь квартала было просто невозможно - каждый дом сгорал за какие-то минуты. Даже в брезентухе, в каске, весь облитый водой, пожарный не мог подойти к огню

ближе, чем на пять метров. Мы были вынуждены лишь отсекалть огонь, не давали пламени выйти из поселка. Пожарные части расположились по его периметру, а наш “Урал” стоял на дороге, довольно далеко от огня. Несмотря на это, на нем все равно пузырилась краска, хотя в дополнение ко всему мы регулярно обливали его водой.

Над некоторыми домами пламя было высотой метров двадцать – с семиэтажный дом. В гаражах поселка сгорело много машин, у многих из них взрывались бензобаки. Страшно было, когда в сарае или в каком-нибудь доме взрывались газовые баллоны. Некоторые из баллонов при этом взлетали высоко над крышей, словно ракеты, а некоторые оглушительно взрывались, как бомбы. При каждом таком взрыве мы прятались под машину. К счастью, из пожарных тогда никто не пострадал.

Уже потом, около четырех часов, мы поехали на улицу Красную. Там горели сараи, а рядом с ними на железнодорожной линии стояли составы с бензином. Видимо, пожарные сюда долго не приезжали, потому что сараи горели очень сильно, и была опасность, что от них загорятся вагоны. Эти сараи мы тушили примерно до 8-9 часов утра, а потом нас опять перебросили на поселок Машинистов, и здесь мы пробыли уже до самого вечера. Под утро к поселку подошли два пожарных поезда, которые стали защищать от огня железнодорожную горку. К тому времени здесь уже работало 15-20 пожарных машин.

В течение этих суток нас кормили в кафе, а потом дали по пачке папирос, сигарет тогда ни у кого не было. Да и папирос тоже хватило ненадолго. Мы же все были мокрыми: только закуришь - и опять в воду. Еще запомнилось, что на этом пожаре было очень тяжело работать чисто физически, потому что здесь очень жарило даже вдалеке от пожарища, не говоря уже о том, как нам становилось, когда подходили поближе. Из-за того, что многие пытались это сделать, на них начинала тлеть брезентовая форма. А раскаленный брезент натирает кожу чуть ли не до крови.

Вообще-то сам пожар здесь продолжался только часа три, а потом здесь уже только тлело. Но в самом начале среди тех местных жителей, кто остался жив, была настоящая паника, главным образом потому, что пожарных машин в эти первые здесь было мало. Один мужик выскочил из дома - и чуть ли не набросился на нас с кулаками. Мол, почему вы тушите не мой сарай, а соседский дом?!

Уже потом, когда стало утихать огненное море, в полусгоревших

домах мы ломали полы и завалинки, и все эти пространства заливали водой. Дело в том, что туда обычно засыпают опилки, а они водой не проливаются. Если мы прекращали лить воду, уже вскоре опилки высыхали - и пожар разгорался вновь.

Кстати, за участие в тушении этого пожара нам всем потом дали премию - по 20 рублей.

На том месте сейчас растут березки

После тушения пожара погорельцев из поселка Машинистов сосредоточили на сборном пункте Сызранского военкомата. Там же для них организовали питание, а потом раздавали талоны на бесплатные обеды в любой столовой. Многие выскочили из горящих домов, в чем были, и им нужна была хоть какая-то одежда. Этот вопрос тоже удалось решить довольно быстро. На помощь пострадавшим почти сразу же пришел весь город: заводы, предприятия и организации помогали им деньгами, а простые граждане приносили еду, белье и теплые вещи.

А еще для десятков, если не сотен обожженных и обгоревших срочно потребовалось много донорской крови. Надо сказать, что сызранцы сразу же горячо откликнулись на эту огненную трагедию. Уже через несколько минут после обращения к жителям города, которое штаб гражданской обороны в три часа ночи передал по радиотрансляционной сети, на станцию переливания крови пришло более 1700 человек. В первый день медики приняли кровь от 600 доноров - от каждого по 250 граммов живительной жидкости. И в последующие дни поток желающих сдать кровь не иссякал.

Из медицинской практики известно, что только для одного тяжелого больного нужно столько крови, сколько можно одновременно взять от 20 доноров. В целом же для полного курса лечения каждого обожженного необходимы услуги как минимум 200 доноров. И это количество крови сызранцы сдали для своих пострадавших земляков в течение последующих нескольких суток. Жертвам катастрофы существенно помогли и областные власти: например, в Сызрань за короткое время переправили почти весь областной запас облепихового масла, которое в то время было в страшном дефиците.

А потом был суд над виновниками катастрофы. Но здесь, как считает народ, наказали только "стрелочников". На скамье подсудимых оказался молодой парень, тот самый дежурный начальник смены, который в момент взрыва на горке едва не лишился рассудка. Ему и

нерадивому составителю поездов дали по 6 лет лишения свободы, а трусливому башмачнику, сбежавшему с места происшествия - 3 года.

Бывший начальник дежурной смены еще год после приговора сидел в Сызранской тюрьме. Потом он провел год на зоне в Тольятти, затем его перевели на “химию” в Сызрани, пока, наконец, он не получил условно-досрочное освобождение. Отсидев положенное, парень вернулся на железную дорогу, где почти сразу же стал мастером. Сейчас этот человек - начальник производственного цеха УПТК. Жизнь его вроде бы нормализовалась, но та огненная ночь все еще по-прежнему с ним.

Что же касается бывшего составителя поездов, то он уже больше не вернулся на железную дорогу, а теперь живет в деревне. А вот бывший башмачник, попав в тюрьму, получил здесь дополнительный срок, а потом и вовсе сгинул.

Сегодня на месте той жуткой трагедии растут молодые березки. Их здесь высадили почти сразу же после пожара. А все погибшие в огне в ту ужасную ночь ныне похоронены на Батракском кладбище, многие - в братских могилах.

Н.В. Мигненко

Глава 6

Огнеопасный каучук

(Пожар на заводе “Синтезкаучук” в Тольятти 22 сентября 1981 года)

Семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы предписывал построить в Куйбышевском экономическом районе сразу 33 крупных промышленных предприятий, в том числе завод по производству синтетического каучука в Ставрополе-на-Волге. Однако при разработке грандиозных планов индустриализации нашего края, как потом стало очевидно, его авторы слишком мало внимания уделяли проблеме безопасности людей в условиях взрыво- и пожароопасного производства. В итоге при авариях и технологических катастрофах на наших химических заводах только за вторую половину XX века погибли сотни рабочих и служащих.

Секретная авария

Еще в начале 90-х годов даже перечень этих чрезвычайных происшествий на промышленных предприятиях имел гриф “Секретно”. Между тем многие тольяттинцы помнят, что одна из крупнейших катастроф в истории их города случилась в 1981 году на тольяттинском заводе “Синтезкаучук”. Вот что говорилось о ней в секретном документе, направленном сразу после ликвидации аварии в Министерство внутренних дел СССР.

“Спецсообщение. Секретно.

Начальнику ГУПО МВД СССР генерал-лейтенанту внутренней службы тов. Обухову Ф.В., г. Москва.

22 сентября 1981 года в 18 часов 06 минут произошла производственная авария со взрывом и последующим пожаром в здании цехов ИП-5 и ИП-6 Тольяттинского производственного объединения “Синтезкаучук”. Диспетчер ЦППС г. Тольятти выслала пожарные подразделения гарнизона к месту взрыва по автоматическому вызову № 2...

Одновременно с дежурным караулом на завод выехал штаб пожаротушения города, оперативный дежурный по ОВПО-4 и начальник штаба пожаротушения подполковник внутренней службы Баканов А.А.

В пути следования по внешним признакам т. Баканов объявил в 18 часов 09 минут вызов № 3 и сбор личного состава, свободного от несения службы и введение в боевой расчет резервной техники.

К прибытию первых пожарных подразделений в 18 часов 09 минут были разрушены и охвачены огнем производственные помещения дегазации, наружная установка цеха ИП-5 и эстакады с трубопроводами. Из разрушенных аппаратов и трубопроводов, эстакад с южной и северной сторон цеха ИП-5-6 истекал и горел газ. Постоянно существовала угроза повторных взрывов технологических аппаратов и оборудования на наружной установке и распространения пожара на сушильные агрегаты, отделение полимеризации и другие производственные цеха...

Благодаря умелому руководству, мужеству и самоотверженности, проявленным работниками пожарной охраны, рабочими и служащими в 22 часа пожар был локализован, а в 4 часа утра 23 сентября ликвидирован. Основное оборудование цехов ИП-5 и ИП-6 спасено, авария не получила дальнейшего развития.

Начальник УВД Куйбышевского облисполкома генерал-майор милиции В.Ф. Шарапов”.

Коварный изопентан

Что же произошло на тольяттинском заводе тем сентябрьским вечером? Для того, чтобы понять это понять, нужно для начала немного освежить в памяти школьный курс органической химии, и в первую очередь вспомнить, что же собой представляет синтетический каучук.

На языке индейцев южноамериканского племени тупи-гуарани слово “каучук” означает “слезы дерева”. Так аборигены тропических лесов еще сотни лет назад называли застывший сок гевеи, одного из наиболее известных природных каучуконосов. И лишь гораздо позже, когда с каучуком познакомились европейцы, они догадались при нагревании добавлять к нему серу – и в результате получилась ныне хорошо всем известная резина.

В этом материале Россия остро нуждалась еще с начала XX века, то есть с самого старта эпохи бурной индустриализации страны. Ведь уже в то время у нас появились первые автомобильные и авиационные производства, которые никак не могли обойтись без резины. Однако в силу климатических условий теплолюбивое дерево гевея у нас расти никак не хотело. Именно поэтому еще в 20-х годах XX века русский химик С.В. Лебедев начал работать над проблемой получения искусственного каучука. В 1932 году он впервые в мире смог получить этот материал из обычного картофеля, и тогда же в

О П И С А Н И Е

боевых действий личного состава пожарных подразделений Кузбывшевской области по ликвидации последствий технологической аварии, происшедшей в цехе ИП-5-6 производственного объединения "Синтез каучук" Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, расположенного в г.Тольятти Кузбывшевской области.

22 сентября 1981 года в 18 часов 06 минут произошел взрыв в отделении дегазации цеха ИП-5-6 производственного объединения "Синтез каучук".

В производственные помещения цеха ИП-5 и 6 входят три отделения: полимеризации, дегазации, выделение и сушка каучука и наружная установка. Производственные помещения цеха одноэтажные высотой 22 м, бытовые и подсобные помещения 3-х этажные. Стены здания кирпичные, несущие конструкции железобетонные, покрытия легкообъемлемые. Каждое отделение разделено между собой противопожарными стенами. Длина цеха 295 м, ширина 54 м, наружная установка соответственно 55 и 30 м.

Цех ИП-5 и 6 представляет собой производство по выработке изопренового каучука. В технологическом процессе производства применяются пожароопасные и токсичные легковоспламеняющиеся жидкости - изопрен, изопентан, толуол, метанол и др. Общий объем продуктов в цехе - 2000 куб.м. По пожарной опасности цех относится к категории "А" и "В".

Вентиляция корпуса приточно-вытяжная с 36 кратным обменом воздуха. Освещение электрическое взрывозащищенного исполнения. Наружная установка. Наружная установка отделения полимеризации и дегазации защищены 5-тью наружными лагунными установками. В отделениях цеха выполнена защитная блокировка, установлены приборы СВК-3м, оборудованные звуковой и световой сигнализацией.

До взрыва цех находился в нормальном технологическом режиме работы.

Дежурные караулы ВПЧ-27 и 28, охраняющие производственное объединение "Синтез каучук" выехали к месту аварии по взрыву. Диспетчер ЦППС г.Тольятти выслал пожарные подразделения гарнизона к месту взрыва по автоматическому вызову № 2. Одновременно с дежурным караулом ВПЧ-28 выехал на завод штаб пожаротушения города, оперативный дежурный по ОЯПО-4 и начальник штаба пожаротушения подполковник в.с. Баканов А.А. В пути следования...

*Выписка из описания ликвидации пожара на заводе
«Синтез каучук». г. Тольятти, 1981 г.*

- 2 -

... тов. Баканов по внешним признакам объявил в 18 часов 09 минут вызов № 3 и сбор личного состава свободного от несения служб и введении в боевой расчет резервной техники.

К месту пожара было направлено 17 основных отделений, насосная станция и рукавный ход, 68 человек личного состава и 11 человек начальствующего состава гарнизона. В 18 часов 14 минут радиотелефонист 4 отряда ВПО сообщил о взрыве на ЦПС г. Кузнецова. В 18 часов 15 минут к месту вызова было направлено дополнительно 6 пожарных автомобилей, 2 оперативные группы начальствующего состава ВПО во главе с начальствующими начальниками отделов, а также выехали начальник Управления полковник Кириленко и его заместитель полковник Иванчиков В.Н.. По распоряжению начальника ВПО был объявлен сбор начальствующего состава пожарной охраны области по сигналу "Сбор по 20".

К прибытию пожарных подразделений были разрушены и охвачены огнем производственные помещения дегазации на площади 1620 м², из разрушенных аппаратов и трубопроводов, эстакад с восточной стороны цеха ИП-5-6 истекал и горел газ. Создавались условия и возникала постоянная угроза повторных взрывов технологических аппаратов и оборудования на наружной установке, где в емкостях находилось около 250 м³ сжиженного газа и ЛВЖ, а также в отделениях полимеризации, сушки и упаковки каучука. В этих технологических помещениях находилось более 1000 м³ ЛВЖ. Из разорванного паропровода под давлением 16 атм с резким шумом выходил пар. Создались пожароопасные ситуации на других установках завода и объединения.

Оценивая обстановку по внешним признакам, начальник штаба пожаротушения подполковник в.с. Баканов А.А. разбил пожар на три боевых участка, назначив начальниками: НБУ-1 - зам.нач. штаба подполковника в.с. Ларионова А.И., НБУ-2 - И.О. начальника 4 отряда ВПО майора в.с. Луфигина Б.В., НБУ-3 - пом. начальника штаба майора в.с. Прорешкина В.Н. Начальником тыла назначен начальник тыла штаба пожаротушения - капитан в.с. Ермаков В.М. Начальникам боевых участков и личному составу пожарной охраны были поставлены конкретные задачи: по отысканию и спасению пострадавших проведение активной разведки, а также по защите и охлаждению технологического оборудования от воздействия высокой температуры и предотвращению распространения пожара в частности: БУ-1 - защита технологических аппаратов наружной установки, а также насосной и компрессорной цеха ИП-5, склада ...

Выписка из описания боевых действий
личного состава ВПЧ 27,28. 22 сентября

1981 г.
200

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Представляется к награждению медалью
«За отвагу на пожаре»

Звание, имя, отчество младший лейтенант
Будыгин Борис Васильевич
Именная должность и место работы заместитель начальника 4 ОБПО УПО УВД
Куйбышевского облисполкома
Возраст и место рождения 1946 год, Ульяновская область, Сурский район,
с. Бирюзово
Национальность и гражданство русский, гражданин СССР
Ветеранский номер член ВЛКСМ с 1975 года
Постоянный домашний адрес Куйбышевская область, г. Тольятти,
ул. механизаторов, дом № 31, кв. 43

ХАРАКТЕРИСТИКА

(описание совершаемого подвига)

24 сентября 1981 года в 18 часов 05 минут произошла производственная авария со взрывом и последующим пожаром в отделении дегазации № 11-5-6 Тольяттинского производственного объединения «Синтезлаучук». В результате взрыва произошло разрушение строительных конструкций и обрушение эстакады технологических трубопроводов. Вся наружная устьевая часть охвачена огнем, создавалась реальная угроза новых взрывов.

В создавшейся обстановке младший лейтенант Будыгин Б.В., проявив выдержку и самоотверженность, выполнил обязанности начальника участка на решающем направлении по защите технологического оборудования от термического воздействия температур. Своим личным примером, мужеством был примером для работающих подразделений. Спасение последующих взрывов емкостей и аппаратов были успешно ликвидированы.

Младший лейтенант Будыгин Б.В. достоин награждения медалью «За отвагу на пожаре».

Начальник УПО УВД Куйбышевского
облисполкома
Миховник В.И. 81
19 81 года

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Представляется к награждению медалью
«За отвагу на пожаре»

Звание, имя, отчество младший лейтенант
Галаган Николай Анатольевич
Именная должность и место работы пожарный ВПЧ-27 4-ОБПО УПО УВД Куйбышев-
ского облисполкома
Возраст и место рождения 1958 г., г. Куйбышев (Сам.)
Национальность и гражданство русский, гражданин СССР
Ветеранский номер член ВЛКСМ с 1974 года.
Постоянный домашний адрес Куйбышевская область, г. Тольятти, ул. Речной
д. 24.

ХАРАКТЕРИСТИКА

(описание совершаемого подвига)

22 сентября 1981 года в 18 часов 06 минут произошла производственная авария со взрывом и последующим пожаром в отделении № 11-5-6 Тольяттинского производственного объединения «Синтезлаучук». В результате взрыва произошло разрушение строительных конструкций и обрушение эстакады технологических трубопроводов. Огнем была охвачена вся наружная часть. К месту выезда в составе линейного караула ВПЧ-27 пожарной охраны явился младший лейтенант Галаган Н.А. проявив личную инициативу, мужество и выдержку, умело маневрируя стволом, работал в завалах, с риском для жизни, обеспечивая выполнение поставленной задачи по охлаждению аппаратов и конструкций, тем самым предотвратив распространение огня и возможность взрыва.

Младший лейтенант Галаган Н.А. достоин награждения медалью «За отвагу на пожаре».

Начальник УПО УВД Куйбышевского
облисполкома
Галаган В.И. 81
19 81 года

Галаган Н.А. 81
19 81 года

СССР стали проектировать и первые заводы по производству синтетического каучука.

Но уже вскоре после открытия в Поволжье крупных месторождений нефти выяснилось, что гораздо дешевле и проще получать этот полуфабрикат для производства резины не из ценных продуктов питания, а из некоторых компонентов легких нефтяных фракций – в частности, из изопрена. И вот в конце 50-х – начале 60-х годов в Ставрополе-на-Волге было построено предприятие по выпуску изопренового каучука.

На этом заводе каучук получают путем полимеризации изопрена в растворителе под названием изопентан, причем реакция идет в присутствии катализатора. Без растворителя здесь не обойтись: ведь изопрен в обычных условиях представляет собой бесцветную жидкость, которая начинает кипеть уже при температуре плюс 34 градуса. Это означает, что он будет испаряться прямо в вашей ладони, если вы вдруг зачерпнете изопрен пригоршней (но лучше все-таки так не делать, потому что он довольно токсичен).

То же самое произойдет, если вы откроете колбу с этим веществом, когда на дворе будет стоять жаркое лето. Жидкий изопрен буквально в течение нескольких минут превратится в газ. Но если вам дорога жизнь, не вздумайте в момент испарения зажечь спичку: пары изопрена в смеси с воздухом крайне взрывоопасны. Впрочем, не менее пожароопасен и его сосед по технологическому циклу – изопентан.

Из этого объяснения становится понятным, что в условиях гигантского производства даже малейшая утечка газообразных компонентов из герметичного оборудования легко может привести к катастрофе. Именно это и случилось на тольяттинском заводе “Синтезкаучук” вечером 22 сентября 1981 года.

Авария была “запланирована”

Два заводских цеха ИП-5 и ИП-6 в то время были размещены в одном производственном здании размером 260 на 54 метра и высотой 23 метра. На этом технологическом участке производство изопренового каучука марки СКИ-3 как раз и заканчивалась. В цехе ИП-5 готовилась изопентан-изопреновая смесь, которая внутри огромных автоклавов превращалась в конечный продукт этого завода. А в цехе ИП-6 полимеризат собирался в четырех емкостях объемом по 250 кубометров каждая. Из этих емкостей не вступившие в реакцию взрывоопасные газы непрерывно откачивались насосами в специаль-

ное отделение дегазации. А готовый каучук отсюда же поступал в другое отделение, где происходила его сушка и упаковка.

Понятно, что при создании этого взрыво- и пожароопасного производства проектировщики стремились по мере возможности сделать его как можно более устойчивым к огненной стихии. В частности, с этой целью в производственном здании цехов ИП-5 и ИП-6 несущие конструкции были выполнены из высокопрочного железобетона, а сам корпус противопожарными стенками разделен на три части. Кроме того, еще в процессе строительства здание оборудовали автоматической системой пожаротушения, защитной блокировкой, системами световой и звуковой сигнализации. Были здесь и другие конструктивные разработки, которые должны были препятствовать распространению пожара в случае, если непоправимое все-таки случится. Однако любой проектировщик знает: абсолютно все предусмотреть невозможно, и в первую очередь нельзя спрогнозировать ошибки персонала и внезапные выходы из строя оборудования.

Согласно официальным отчетам, только за 8 месяцев 1981 года служба госпожнадзора вынесла в отношении руководства завода "Синтезкаучук" и руководителей отдельных цехов и подразделений более 600 письменных предписаний об устранении нарушений правил пожарной безопасности. Предписания эти касались главным образом случаев эксплуатации неисправного оборудования и несоблюдения технологии производства. Однако были также вскрыты и факты курения персонала в неположенных местах, и другие случаи неосторожного обращения с открытым огнем, что в условиях пожароопасного производства порой бывает равносильно самоубийству.

Как раз по перечисленным выше причинам в течение первых восьми месяцев 1981 года на предприятии было зафиксировано не менее 11 весьма значительных аварийных ситуаций. В их числе - 6 фактов разгерметизации оборудования, сопровождавшегося разливом легко воспламеняющихся жидкостей без их загорания, и еще 5 подобных же фактов, когда из-за прорыва наружу газов и жидкостей загорание все-таки произошло. Однако во всех последних случаях начинающиеся пожары удавалось довольно быстро потушить. В целом же заводской персонал относился к подобным инцидентам как к неизбежному злу, без которого не может обойтись ни одно крупное химическое производство.

Очередная технологическая неисправность, случившаяся в отделении дегазации цеха ИП-6 вечером 22 сентября, тоже поначалу ни у

кого не вызывала особой тревоги. Правда, эксперты уже потом установили, что от момента прорыва одного из трубопроводов на дегазаторе третьей системы до момента обнаружения поломки прошло не менее 15 минут.

Рабочий цеха, почувствовавший запах газа и побежавший к мастеру доложить о неисправности, возможно, даже и не предполагал, что концентрация паров изопентана в отделении дегазации в тот момент уже достигла критической отметки. В каком именно аппарате на обширной территории цеха ИП-6 в 18 часов 06 минут проскочила коварная искра, экспертиза впоследствии так и не смогла установить, но именно в это мгновение все пространство технологического корпуса в буквальном смысле этого слова разорвал огненный смерч.

О погибших в сводках не было ни слова

Взрыв газовоздушной смеси в доли секунды почти полностью разрушил все производственное оборудование в отделении дегазации цеха ИП-6 на площади примерно 1600 квадратных метров. Целиком были уничтожены дегазаторы, технологические трубопроводы, примыкающие к отделению вспомогательные помещения и часть эстакад, предназначенных для погрузки готовой продукции.

Но самое страшное, что в результате взрыва из поврежденных аппаратов и трубопроводов прямо в очаг пожара хлынули десятки тонн легковоспламеняющихся жидкостей – ведь в технологических циклах этого производства, кроме изопрена и изопентана, применяются также толуол, метанол, бензол и им подобные горючие химические соединения. Согласно подсчетам, в момент катастрофы в охваченных пламенем цехах было не менее двух тысяч кубометров таких веществ, а также большое число емкостей со сжиженным газом. Именно по этой причине площадь возгорания стремительно росла. В результате растекания горячей жидкости по заводской территории уже через несколько минут после взрыва горело не только отделение дегазации, но и весь цех ИП-6.

Здесь есть еще одна деталь, о которой в то время в официальных сводках, подаваемых “наверх”, старались даже не упоминать. Имеются в виду люди, находившиеся в злополучном корпусе в момент взрыва. Между тем, согласно штатному расписанию, в то роковое мгновение в цехах ИП-5 и ИП-6 могло находиться свыше 70 человек.

Нужно отметить, что уже в самые первые минуты той схватки с огненной стихией руководство штаба пожаротушения потребовало от

руководства завода полный перечень всех работавших на охваченных пламенем производствах. Довольно быстро удалось установить, что 37 человек из этого списка живы и здоровы, а еще 22 получили травмы различной степени тяжести и нуждаются в медицинской помощи. В итоге четверо из пострадавших были госпитализированы с тяжелыми переломами и ожогами, а еще 18 человек, получивших относительно легкие ранения, от госпитализации отказались. А вот о судьбе еще 13 рабочих и служащих цехов ИП-5 и ИП-6 так ничего и не было известно до самого окончания борьбы с огнем и разбора завалов. Впоследствии обгоревшие тела или фрагменты тел некоторых из них были извлечены из-под обломков оборудования почти полностью уничтоженного огнем технологического корпуса. Однако от многих погибших вообще не осталось никаких следов, поскольку в самом центре страшного пожара, где плавилась даже высокопрочные металлические конструкции, температура пламени достигала полутора-двух тысяч градусов.

Пламя распространялось со скоростью ветра

Но вернемся к тому моменту, когда тревожный сигнал о чрезвычайном происшествии получила дежурная часть ВПЧ-27 и ВПЧ-28, которые дислоцировались непосредственно на заводе “Синтезкаучук”. Уже через три минуты после взрыва к месту аварии прибыли три заводские автоцистерны, насосно-рукавной автомобиль и машина воздушно-пенного тушения. Почти одновременного к предприятию прибыл и начальник городского штаба пожаротушения подполковник А.А. Баканов, который, едва увидев рвущееся из корпуса громадное пламя, приказал немедленно вызвать подмогу из городских частей и объявить по Куйбышевской области пожарную тревогу № 3 – высокой опасности. В течение последующих 10 минут у пылающего корпуса собрались уже 17 пожарных подразделений, в которые в общей сложности входило около 80 огнеборцев.

Дальнейшая хроника битвы с огнем на “Синтезкаучуке”, выраженная сухим языком официальных отчетов, выглядит следующим образом. В 18 часов 10 минут принявший на себя руководство тушением пожара А.А. Баканов создал на горящем объекте три боевых участка. Первый из них возглавил его заместитель А.И. Ларионов, бойцы которого повели борьбу с огнем на наружных установках северной стороны цеха ИП-5. Два других участка наступали на пламя со стороны соседних производств, куда стихия могла перекинуться в любой

момент. Эти участки возглавили майор Б.В. Фуфыгин и майор В.П. Прорешкин. А немного позже развитие ситуации показало, что для успеха операции по подавлению пожара нужен еще и четвертый боевой участок, который расположили на уцелевшем фрагменте крыши цеха ИП-6. Его возглавил лейтенант М.С. Подуев.

В 18 часов 14 минут сообщение о пожаре № 3 на территории завода “Синтезкаучук” по радиотелефонной связи поступило на центральный диспетчерский пульт областного управления пожарной охраны. Уже в 18 часов 15 минут из Куйбышева в Тольятти были направлены 6 пожарных расчетов на автомобилях, оборудованных установками пеногашения, а следом за ними на место происшествия выехали начальник УПО полковник Н.И. Кириленко и его заместители В.Н. Иванчиков и Г.Г. Погорелов. Одновременно по распоряжению Кириленко по всему региону был объявлен сбор начальствующего состава пожарной охраны области по сигналу “Сбор по 20”.

Тем временем огонь на “Синтезкаучуке” поглощал все новые и новые пространства. Примерно в 18 часов 15 минут штаб пожаротушения отметил, что площадь возгорания за счет растекания по территории пылающих жидкостей возросла до 2200 квадратных метров, а еще через 20 минут – до 2500 квадратных метров. Хотя к 18 часам 38 минутам воду непосредственно в очаг пожара подавали 7 лафетных стволов и более десятка стволов “А” и “Б” (общий расход воды – 200 литров в секунду), пламя все равно продолжало распространяться. К 18 часам 45 минутам на завод прибыл начальник пожарной охраны УВД Тольяттинского горисполкома подполковник А.А. Ефимов, который возглавил борьбу с огнем на боевых участках №3 и №4, а Баканов взял на себя руководство участками №1 и №2.

В 19 часов 18 минут, несмотря на отчаянные усилия пожарных, целиком обрушились еще державшиеся остатки цеха ИП-6. В результате в очаг пламени выплеснулось еще несколько сотен кубометров горючей жидкости. Пожар вспыхнул с новой силой, возникла прямая угроза обрушения цеха ИП-5 и переброса пламени на соседний цех ИП-4. Распространение огня не удавалось сдерживать даже с помощью стянутых со всех пожарных подразделений и предприятий Тольятти лафетных стволов и немногочисленных в то время установок пенотушения. В результате к 19 часам 25 минутам площадь горения увеличилась до 3100 квадратных метров, а из-за мощного теплового излучения возникла реальная угроза взрыва огромных емкостей с легко воспламеняющимися жидкостями, находящимися в соседних цехах.

Пожар продолжался десять часов

Ситуацию значительно облегчили дополнительные пожарные подразделения, начавшие подъезжать на “Синтезкаучук” из Куйбышева примерно начиная с 19 часов 30 минут. В 19 часов 35 минут на завод прибыл со своими заместителями начальник УПО УВД облисполкома Н.И. Кириленко, который тут же принял на себя руководство тушением пожара. Несколько стволов “А” были сразу же поданы на охлаждение перегревшихся резервуаров, а с помощью новых установок пенотушения растекание горящих нефтепродуктов по территории наконец-то было остановлено.

Около 20 часов на место трагедии стали прибывать первые руководители Тольятти и предприятия: председатель горисполкома С.И. Туркин, секретари горкома и райкома КПСС А.В. Бачурин и А.Д. Дубцов, генеральный директор производственного объединения “Синтезкаучук” Н.В. Абрамов. Немного позже здесь же появились и представители областного руководства – заместитель начальника УВД Куйбышевского облисполкома Н.И. Громов и заведующий отделом обкома КПСС А.С. Воронин.

Несмотря на некоторую стабилизацию в развитии пожара, к 20 часам 30 минутам по-прежнему сохранялась угроза обрушения цеха ИП-5 и воспламенения прилегающих производств, хотя у пылающего корпуса к тому моменту работали более десятка лафетных стволов и свыше 20 стволов “А” и “Б”, подававшие в очаг пожара до 400 литров воды в секунду. В этой ситуации образованный из первых лиц области и Тольятти оперативный штаб принял решение о мобилизации для борьбы с огнем дополнительных сил. В 20 часов 51 минуту через диспетчера центрального пульта областного управления пожарной охраны был объявлен общий сбор подразделений гражданской обороны Куйбышевской области и пожарных гарнизонов Чапаевска, Новокуйбышевска и Сызрани. Всем офицерам пожарной охраны, свободным от несения службы, было предписано немедленно прибыть в распоряжение своих частей и ждать дальнейших указаний.

Еще раньше о чрезвычайном происшествии в Тольятти по спецсвязи “ВЧ” было доложено в Москву. Заместитель начальника Главного управления пожарной охраны МВД СССР полковник И.Ф. Кимстач почти сразу же после этого тревожного сообщения выехал в аэропорт, а затем вылетел в Куйбышев рейсом 0 часов 50 минут. На месте катастрофы он был в 2 часа 50 минут ночи по местному времени, когда уже было объявлено о локализации пожара.

А тем временем концентрация сил и средств пожаротушения на заводе “Синтезкаучук” все нарастала. Стали прибывать первые подразделения из Сызрани, а чуть позже – из Новокуйбышевска и Чапаевска. В самый пиковый момент борьбы с огненной стихией на месте происшествия, согласно официальным отчетам, работало около 30 единиц специальной техники и 157 человек личного состава пожарной охраны, не считая более сотни человек заводского персонала, которые были заняты в основном на вспомогательных работах. В результате к 21 часу 25 минутам штаб пожаротушения констатировал, что общая площадь горения сократилась примерно до 1000 квадратных метров. В 22 часа было объявлено о локализации пожара. Это означало, что угроза дальнейшего распространения стихии по территории завода наконец-то отступила, и теперь в задачу огнеборцев входило лишь окончательное подавление пламени на руинах и в немногих оставшихся помещениях цехов ИП-5 и ИП-6.

О ликвидации пожара было объявлено только в 4 часа утра. К этому моменту большая часть оборудования и почти все конструкции цеха ИП-6 были уничтожены взрывом и высокой температурой пламени. Зато в цехе ИП-5 пожарным удалось отстоять от огня значительную часть производственных мощностей отделения полимеризации, а также почти все здешние строения и подсобные помещения. А благодаря своевременно поставленной водной завесе предотвращено воспламенение хранилищ с легковоспламеняющимися жидкостями в соседнем цехе ИП-4.

Виновные погибли в пламени

В течение нескольких дней после аварии заводчане и работники пожарной охраны разбирали завалы на месте сгоревшего цеха в поисках останков погибших людей. Как уже говорилось, нашли лишь незначительное количество разорванных взрывом и обгоревших тел работников цеха ИП-6. Опознать всех поименно по обугленным костям не представилось возможным, поэтому фамилии и должности всех погибших установили только через две недели методом исключения из официального списка персонала цеха. Их оказалось 13 человек. Хоронили найденные останки в закрытых гробах и без лишней огласки. На похоронах были только близкие родственники и чудом спасшиеся товарищи покойных.

Сегодня мы публикуем полный список жертв той страшной катастрофы на заводе “Синтезкаучук” 22 сентября 1981 года. Вот их имена.

Баландина Любовь Яковлевна, 1950 года рождения, аппаратчик.

Богачев Владимир Павлович, 1946 года рождения, начальник отделения дегазации цеха ИП-6.

Богданова Анна Ивановна, 1940 года рождения, аппаратчик.

Евдокимов Александр Иванович, 1951 года рождения, слесарь.

Костиков Николай Иванович, 1949 года рождения, слесарь.

Мельников Александр Александрович, 1957 года рождения, мастер отделения дегазации цеха ИП-6.

Неверова Татьяна Николаевна, 1949 года рождения, аппаратчик.

Павликов Александр Михайлович, 1956 года рождения, слесарь.

Сарычева Мария Ивановна, 1957 года рождения, аппаратчик.

Селиверстова Лилия Александровна, 1945 года рождения, начальник смены отделения дегазации.

Фомин Александр Дмитриевич, 1942 года рождения, начальник цеха ИП-6.

Хохлова Наталья Васильевна, 1956 года рождения, лаборантка.

Шадрин Евгений Григорьевич, 1937 года рождения, слесарь-чистильщик.

Кроме того, еще четверо работников завода в результате той аварии получили тяжелые травмы и были госпитализированы. В их числе:

Неклученко Виктор Алексеевич, 1949 года рождения, слесарь.

Репнякова Вера Ивановна, 1936 года рождения, аппаратчик.

Токмакова Вера Александровна, 1940 года рождения, аппаратчик.

Фролов Николай Васильевич, 1950 года рождения, слесарь.

Все эти пострадавшие прошли курс лечения и вскоре были выписаны из больницы. Однако Репнякова получила инвалидность 1-й группы, поскольку в момент аварии она получила открытую травму головы и перелом основания черепа, что относится к тяжким телесным повреждениям.

По факту взрыва и катастрофического по последствиям пожара на заводе “Синтезкаучук” прокуратурой Куйбышевской области было возбуждено уголовное дело. Однако вскоре после установления причин трагедии расследование по делу было прекращено, так как все лица, могущие быть виновниками несоблюдения технологической дисциплины, погибли во время аварии.

Что касается разрушенного цеха ИП-6, то на его полное восстановление заводу понадобилось более года. Сейчас это производство работает в прежнем режиме, и на его территории уже ничто не напоминает о трагедии 1981 года.

В.В. Ерофеев

Глава 7

Цена беспечности пилота – жизни пассажиров (Катастрофа самолета Ту-134 в аэропорту “Курумоч” 20 октября 1986 года)

Катастрофа в “Курумоче”

Приходится с сожалением констатировать, что авиакатастрофы стали печальной обыденностью нашего времени. Тревожные сообщения о падении очередного самолета или вертолета чуть ли не по два-три раза в неделю приходят то из одного, то из другого уголка земного шара. Правда, жертвами таких аварий обычно становятся только лишь члены экипажей, поскольку упавшие воздушные суда чаще всего оказываются или грузовыми, или военными. А вот серьезные летные инциденты с крупными пассажирскими самолетами даже в наше непростое время все-таки происходят достаточно редко. Тем не менее почти каждый такой случай для соответствующей страны обычно становится национальной трагедией, так как количество погибших в авиационных катастрофах с пассажирскими лайнерами всегда исчисляется десятками, а то и сотнями человек.

В советское время любая информация о летных происшествиях, особенно о тех, которые сопровождались многочисленными человеческими жертвами, в обязательном порядке носила строго закрытый характер. Именно поэтому мало кто из самарцев сейчас знает о крупнейшей в истории нашей области авиационной катастрофе, которая случилась в аэропорту “Курумоч” в первые перестроечные годы.

“СПЕЦСООБЩЕНИЕ. Председателю Совета Министров СССР тов. Рыжкову Н.И. Совершенно секретно.

20 октября 1986 года в 15 часов 58 минут по московскому времени в аэропорту Куйбышев потерпел катастрофу самолет ТУ-134 Грозненского авиаотряда Северо-Кавказского управления гражданской авиации, следовавший по маршруту “Свердловск-Грозный”. В момент происшествия на борту самолета находилось 85 пассажиров, в том числе 14 детей, и 8 членов экипажа.

Сразу же после аварийной посадки на борту самолета вспыхнул пожар. Аварийно-спасательной службой аэропорта и пожарными подразделениями г. Куйбышева пожар ликвидирован, спасено 16 человек

из числа пассажиров и экипажа, остальные спасшиеся покинули горящий самолет самостоятельно или были вынесены экипажем. Непосредственно в момент катастрофы погибло 53 пассажира и 5 членов экипажа, госпитализировано 28 человек. Впоследствии в больницах скончалось еще 11 человек. Для расследования причин катастрофы в аэропорт Куйбышев прибыла правительственная комиссия.

Председатель Куйбышевского облисполкома В.А. Погодин”.

...В тот октябрьский вечер 1986 года в аэропорту “Курумоч” погода стояла вполне летная - ясная и достаточно тихая (скорость ветра не превышала 2-3 метров в секунду). Одни самолеты взлетали, другие запрашивали посадку, и, казалось бы, ничто не предвещало беды. Никто еще не знал, что буквально через считанные минуты здесь произойдет страшная трагедия...

Примерно в 16 часов 40 минут по местному времени сообщил о своей готовности к приземлению, а затем начал заход к взлетно-посадочной полосе самолет ТУ-134, следовавший рейсом из Свердловска в Грозный с промежуточной посадкой в Куйбышеве. Никаких тревожных сообщений с борта “тушки” не поступало, и потому у диспетчера аэропорта вплоть до момента соприкосновения самолета с бетонным покрытием полосы не было никаких сомнений в том, что все системы крылатой машины работают штатно, а в кабине пилотов царит привычная предпосадочная обстановка. Иного диспетчер не мог и предполагать, потому что на счету командира корабля Александра Ключева и второго пилота Евгения Жирнова к тому времени были сотни часов налета и десятки рейсов, выполненных по этому маршруту в самых сложных метеорологических условиях.

Поэтому можно представить себе, что творилось в душе непосредственных свидетелей трагедии, на глазах которых произошла эта чудовищная катастрофа. По словам очевидцев, уже в тот момент, когда до соприкосновения переднего шасси лайнера со взлетно-посадочной полосой оставались считанные секунды, было достаточно хорошо заметно, что продольная ось самолета находится под слишком острым углом к бетонной поверхности, а сам он снижается слишком быстро для воздушных судов этого класса.

Бортпроводницы сгорели заживо

Возможно, что в последние мгновения перед посадкой эти несоответствия заметил и диспетчер, но что-либо поправить было уже не в

человеческих силах. “Тушка” коснулась бетонки не мягко, как это обычно бывает при посадке, а буквально врезалась в нее передней частью корпуса. Шасси от удара сломались почти сразу же, в результате чего самолет лег на брюхо, и его примерно метров триста по инерции тащило по полосе. В конце концов корпус “тушки” начал заваливаться по курсу вправо, и его стало выносить с бетона. А когда передняя часть самолета выехала на мягкий грунт за краем полосы, огромная машина как-то очень быстро перевернулась через правое крыло вверх колесами, после чего, наконец, остановилась.

Но пока текли эти невероятно долгие мгновения катастрофы, противостоящие друг другу силы инерции и земного тяготения со страшным хрустом и скрежетом кромсали и коржили металлическую “сигару” воздушной машины. В момент переворота почти целиком оторвалось и отлетело в сторону правое крыло самолета, а левое сложилось вдвое. К тому же при ударе о бетон корпус “тушки” переломился на две неравные части: огромная трещина прошла метрах в двадцати за кабиной пилотов. Из разрушенных топливных баков самолета на раскаленные турбины двигателей потоком хлынул авиационный керосин, тут же вспыхнувший гигантским факелом. При этом далеко за пределами аэропорта можно было слышать грохот от удара перевернувшегося самолета, а также похожий на взрыв мощный звук от одновременного воспламенения большого объема горючей жидкости.

Вспоминает Сергей Чурилов, в 1986 году – замполит роты полка патрульно-постовой службы УВД города Самары.

- Вечером 20 октября я находился на дежурстве в поселке Береза. Неожиданно со стороны аэропорта раздался сильный хлопок, а еще через полминуты затрещала рация: всем свободным машинам срочно прибыть на взлетно-посадочную полосу. Когда мы въехали на территорию аэропорта, увидели переломившийся на две части самолет, его оторванное и горящее крыло. Еще запомнилось, что из разлома в корпусе женщина протягивала ребенка, а из своей кабины выбрался летчик, немного отдышался - и снова полез в самолет. Вытащил кого-то на воздух – и снова внутрь, за пассажирами. Всего он спас несколько человек. Тем временем пожарные потушили все, что горело. А нас, прибывших по тревоге милиционеров, рассредоточили метрах в ста пятидесяти от разбившегося самолета и предупредили: за оцепление не пускать никого, кроме членов правительственной комиссии.

Больше всех повезло пассажирам, которые в момент трагедии ока-

зались в непосредственной близости от места разлома. Одна из спасшихся пассажирок впоследствии рассказывала, что в момент удара самолета о бетонную полосу она ничего не почувствовала – только услышала сильный шум, и все вокруг нее стало переворачиваться и падать. А потом она обнаружила под ногами большую дыру, куда без раздумий и прыгнула.

Следом за этой счастливицей через разлом на землю выбралось еще несколько человек, причем каждому из них удалось пройти сквозь эту страшную катастрофу только лишь с царапинами и с сильнейшим эмоциональным шоком. Показательно, что в экстремальной обстановке сознание людей как бы отключалось, и многие из них ничего не помнили вплоть до момента, когда опасность уже оказывалась позади. Например, одна из избежавших гибели женщин осознала себя только на краю летного поля, где ее остановил милиционер. Говорить в тот момент она не могла – только стучала зубами, будто от холода, хотя погода стояла довольно теплая...

Кстати, вслед за этими женщинами из горящего салона выбрался... мужчина в наручниках. Не обращая внимания на мечущихся в ужасе людей, он отбежал на безопасное расстояние от места трагедии, после чего минут 15-20 спокойно стоял на краю бетонной полосы, пока его не заметил кто-то из работников милиции. Оказывается, этим рейсом из Свердловска в Грозный этапировали особо опасного рецидивиста, задержанного на Урале за тяжкое преступление. Его конвоиры в катастрофе погибли сразу же, а вот преступник не получил ни единой царапины. Хотя в тот момент условия для побега были идеальными, скрываться рецидивист даже не собирался, а, наоборот, сам сдался милиции.

А еще пять или шесть пассажиров покинули горящий самолет через аварийный люк в хвостовом отсеке. Его удалось быстро открыть одному из мужчин, который разбирался в авиационной технике. Сразу же после опрокидывания самолета он бросился в заднюю часть корпуса, отдраил запасную дверь и вывел через нее несколько человек, и лишь когда в салоне стало невозможно дышать от дыма, вылез наружу сам.

Однако впоследствии правительственная комиссия установила, что именно этот распахнутый настежь аварийный выход как раз и стал невольной причиной смерти всех остальных пассажиров, не успевших добраться до свежего воздуха - и в итоге отравившихся токсичными про-

Самолет осмотрен на предмет определения
особенностей развития пожара

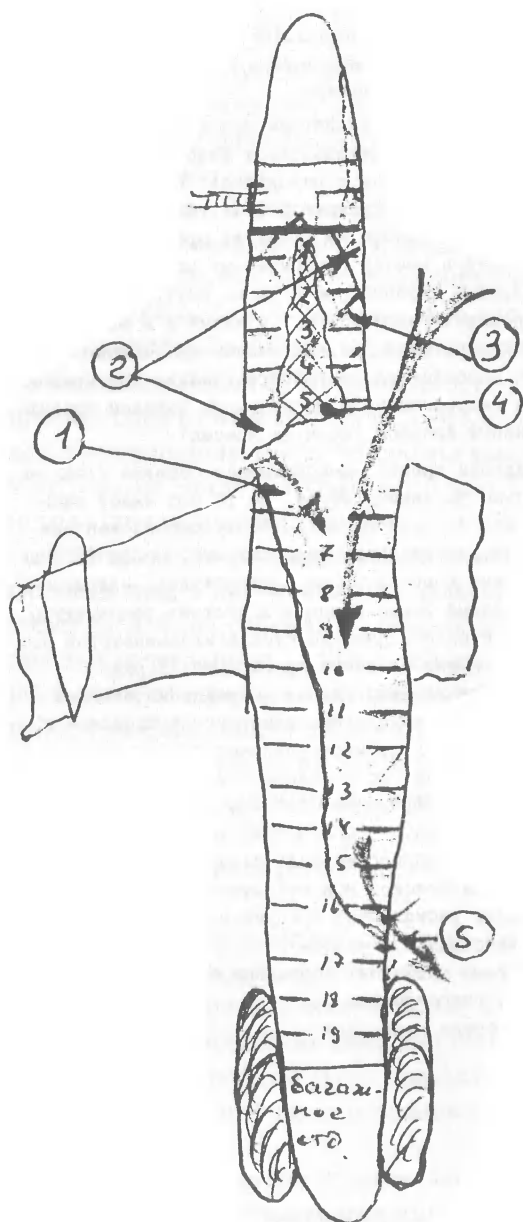
Наибольшему интенсивному огневому воздействию подвергалась внутренняя часть в 1 салоне самолета. О чем свидетельствует сквозной прогар в 1 салоне (правый борт). В этой части самолета находились: бак гидросистемы (маслянная смесь АМГ-10 топливо-загуститель 10%), баллон кислородной системы 90л, 30 атм. Обгорание копоти на фюзеляже правого борта (внешняя часть) до носовой части в местах ограниченных шпангоутами и ригелями свидетельствуют о интенсивном горении внутри первого салона. Обнаружен разрыв трубопроводов гидросистемы (у кухни и в месте разлома) и кислородопровода у штуцера баллона). Интенсивному горению и образованию высоких температур способствовала разгерметизация кислородной системы, разрыв трубопровода гидросистемы с последующим выходом продукта (АМГ-10) и горением магниевых сплавов (корпуса кресел)

2 салон. Нижняя часть сидений кресел, декоративная обшивка 2 салона выгорела по II ряд включительно по левому борту, по I6 ряд имеет лишь незначительные обгорания. После I6 ряда на левом борту расположен аварийный люк, который был открыт для эвакуации пассажирами. После I6 ряда конструкции самолета воздействию температур не подвергались. Иллюминаторы с внутренней стороны 2 салона имеют следы воздействия температуры по левому борту по 8 ряд включительно. Внешние стекла иллюминаторов по левому борту целые. Пол салона имеет сквозные прогары по II ряд. По правому борту 2 салона имеются незначительные повреждения обшивки кресел с 6 по 9 ряд. Степень повреждения огнем конструкций самолета и обшивки кресел равномерно уменьшается по мере удаления от места разлома самолета до открытого аварийного люка. Во 2 салоне в месте 6го ряда под обшивкой правого борта обнаружено повреждение системы дренажа топливных баков со следами вытекания топлива.

Распространению огня внутри салона способствовали следующие факторы:

- создание конвективных воздушных потоков при открытии аварийного люка, и как следствие этого движение раскаленных продуктов горения во внутрь 2 салона по левому борту (максимальный разлом).
- нарушение герметичности системы дренажных топливных баков, разрыв кислородопровода и трубопровода гидросистемы.
- горение магниевых сплавов в среде кислорода

Копия выписки из описания развития пожара

- 1 - разрыв системы дренажа топливных баков
- 2 - разрыв гидросистемы
- 3 - разрыв кислородопровода
- 4 - прогар I салона
- 5 - открытый аварийный люк II салона

Схема развития пожара на борту ТУ134 А. 20 октября 1986 г.

Место разлома фюзеляжа с правого борта

Вид второго салона

дуктами горения. Дело в том, что внутри открытой с двух сторон металлической “сигары” вспыхнувшее рядом с разломом авиационное топливо в считанные секунды создало эффект “печной трубы”. В результате в корпус разрушенной машины через громадную трещину стали засасываться пламя и дым, чтобы, пройдя через пассажирский салон, затем выйти наружу через открытый аварийный люк. Но поскольку внутренняя обшивка салона при горении выделяет фосген, синильную кислоту, хлористый водород, соединения мышьяка, диоксины и еще с десяток смертельно ядовитых для человека веществ, то у пассажиров, замешкавшихся во время аварии и потому вынужденных дышать этой адской смесью, шансов на спасение не было никаких...

Особенно страшная участь постигла троих бортпроводниц. В момент катастрофы они находились в своей каюте, и после переворачивания самолета в ней, по всей видимости, заклинило дверь. Так или иначе, но выбраться из этой ловушки девушки так и не смогли. А самое страшное, что под полом первого салона самолета, рядом с каютой бортпроводниц, хранился кислородный баллон, предназначенный для того, чтобы при экстремальных ситуациях подавать в пассажирский салон живительный газ. Но это обстоятельство для них стало роковым: во время аварии у баллона выбило штуцер, и, когда начался пожар, раскаленная струя кислорода ударила прямо в каюту бортпроводниц. А ведь еще из школьного курса химии мы знаем, что в чистом кислороде при тысячеградусной температуре горит все без исключения – и пластики, и металл, и живое тело. Так что после пожара на месте каюты нашли только фрагменты берцовых костей и черепов – все, что осталось от троих девушек...

Пожарные мчались быстрее огня

В 16 часов 59 минут от диспетчера пожарной части аэропорта “Курумоч” в СВПЧ-8 Красноглинского района Куйбышева поступило сообщение: “Нужна ваша помощь, горит самолет в аэропорту”. В 17 часов 00 минут с Красной Глинки, что находится в 25 километрах от “Курумоча”, к месту происшествия выехали три пожарных расчета. Они прибыли сюда через 20 минут, когда огня на обломках самолета нигде не было видно: из провала в фюзеляже шел только пар и слабый дым. Чуть позже к месту катастрофы прибыли и другие пожарные машины из Куйбышева – в общей сложности 18 единиц специальной техники.

К тому времени пламя уже было подавлено бойцами пожарной и аварийно-спасательной служб аэропорта, которые прибыли на место трагедии самыми первыми. При этом подразделения огнеборцев и спасателей в полном составе успели погрузиться в свои автомобили и буквально пролететь примерно километровое расстояние до горящего самолета всего за полторы минуты, что лучше любых нормативов, указанных в инструкциях. Однако в данном случае не помогли даже рекордные скорости: трагические события развивались столь стремительно, что к моменту прибытия спасателей в самолете уже горело все, что могло гореть, а большинство пассажиров погибло от удушья.

Уже потом правительственная комиссия, расследовавшая причины и развитие катастрофы, при реконструкции действий пожарных и спасателей в момент аварии восемнадцать (!) раз подряд заставляла те же самые подразделения грузиться в машины и мчаться к той же точке бетонной полосы. Все восемнадцать раз был показан один и тот же результат – полторы минуты. В результате комиссия была вынуждена признать, что в 69-ти человеческих смертях нет ни капли вины аэропортовских спасателей и пожарных. Этот вывод был сделан очень своевременно, потому что к тому моменту в Политбюро ЦК КПСС и в правительстве уже лежали коллективные жалобы родственников погибших. В этих письмах подавленные горем люди требовали привлечь к ответственности руководителей и бойцов спасательной и пожарной команд, которые в момент трагедии якобы действовали недостаточно оперативно и профессионально.

Правда, под горячую руку была строго наказана радиотелефонист СВПЧ-8 Татьяна Сулова. Как вы помните, тревожный сигнал из аэропорта сюда поступил в 16 часов 59 минут. Выслав в аэропорт дежурные караулы из своей пожарной части, телефонистка стала дозваниваться на центральный пульт областного управления пожарной охраны, чтобы сообщить о происшествии. Однако номер почему-то долго не набирался, и в результате Суловой удалось дозвониться только в 17 часов 04 минуты. При этом в запарке она вовремя не сообразила, что для срочной передачи сообщения можно воспользоваться рацией, которая работала без помех. Эту недогадливость руководство УПО УВД Куйбышевского облисполкома впоследствии и поставило ей в вину.

Задержка с сообщением на целых пять минут о столь крупной катастрофе и пожаре в аэропорту комиссией было расценено как серьезное служебное нарушение, и в результате нерасторопность телефони-

стки едва не стоила ей места работы. Впрочем, когда страсти немного поутихли, начальник УПО УВД Куйбышевского облисполкома А.К. Карпов по этому поводу издал приказ, в котором, в частности, говорилось следующее: “За несвоевременное сообщение о пожаре на ЦППС УПО радиотелефонист СВПЧ-8 рядовая внутренней службы Суслова Т.В. подлежит увольнению из органов МВД СССР, но, учитывая ее непродолжительный стаж работы (3 месяца), объявить ей строгий выговор”.

Секретная пленка

Так или иначе, но, несмотря на некоторые недочеты, в целом действия пожарных аэропорта и города Куйбышева были высоко оценены правительственной комиссией. В экстремальной ситуации они сделали все, что смогли, и даже сверх того. В итоге в 17 часов 44 минуты все очаги горения на разбившемся самолете были полностью ликвидированы. Еще через 10 минут на место происшествия прибыли начальник управления пожарной охраны полковник А.К. Карпов и штаб пожаротушения УПО, в составе которого находился инженер этой лаборатории, а ныне начальник испытательной пожарной лаборатории В.В. Фрыгин. Вот на этих-то вновь прибывших пожарных как раз и навалилась печальная обязанность - собирать обгоревшие трупы и их фрагменты.

- Не все могли без содрогания созерцать такую жуткую картину, - вспоминает Валерий Фрыгин. – Многих от вида трупов и тошнотворного запаха горелого мяса сразу выворачивало. При этом в салоне стоял такой удушливый запах от сгоревшей обшивки, что работать можно было только в противогазе. Когда я нырнул в закопченный разлом корпуса, сразу же увидел висящих у меня над головой мертвых людей, пристегнутых ремнями. Ведь самолет-то в ходе падения перевернулся, и все кресла с пассажирами в результате оказались вверх ногами и как бы на потолке. Многие трупы были совсем без одежды, а другие - только без обуви. Все это с них или сорвало потоком воздуха или сгорело в пламени.

Вижу, на ремнях висит девочка и вроде бы шевелится – значит, она еще может оказаться живой. Я ее взял на руки и стал пробираться обратно к выходу. Тут увидел еще одного ребенка в синем комбинезоне, лежащего на полу – то есть на потолке, в тот момент ставшим полом. Там еще был воздух, и, значит, оставался шанс, что малыш

выживет. Я уже нагнулся к ребенку, когда сверху прямо на меня стали падать мертвые люди. Двое рухнули прямо на малыша – здоровые такие мужики. Видимо, удерживающие их ремни расплавились, и тела один за другим посыпались на спасателей. Детей я все же вытащил, однако спасти их так и не удалось.

Другие участники тушения и чудом выбравшиеся из горящего самолета пассажиры рассказывали, что людей одним из первых начал вытаскивать второй пилот погибшего ТУ-134 Евгений Жирнов. В тот момент обшивка еще горела, но летчик все равно смог вынести из огня и дыма несколько человек. Но когда он в очередной раз вытащил через пилотскую кабину потерявшую сознание женщину, то вдруг опустился на землю и успел сказать, что ему стало трудно дышать. Потом Жирнов потерял сознание. очевидцы рассказывают, что вскоре после этого санитары положили летчика на носилки и понесли, а он кричал в бреду, все рвался еще кого-то спасти. Через три дня Евгений Жирнов скончался в Березовской медсанчасти. По свидетельству родственников, когда пилота хоронили, его лицо было розовым, как у младенца. Между тем судебные медики знают, что такой кожа человека становится в результате фосгеновой интоксикации...

Как уже было сказано выше, с места происшествия наряду с Жирновым в куйбышевские больницы было отправлено 28 человек, из которых 11 впоследствии скончались. Умершие дополнили печальный список из 58 пассажиров рейса “Свердловск-Грозный”, погибших непосредственно во время катастрофы и в первые минуты после нее. Их обгоревшие и закопченные тела в течение всего вечера и половины ночи 20 октября вытаскивали из обгоревшего самолета работники аварийно-спасательной службы аэропорта и пожарные.

Вот что об этих жутких часах вспоминает Валерий Фрыгин:

- Я не только таскал трупы из самолета, но по долгу службы старался еще сделать как можно больше фотоснимков места происшествия. Я понимал, что они затем очень пригодятся при расследовании причин трагедии. Однако эта уникальная фотопленка чуть было не оказалась уничтоженной. Дело в том, что почти одновременно с нами на место катастрофы прибыли сотрудники КГБ. А в наступившей темноте форма пожарных и кагэбэшников выглядела довольно сходно, и, видимо, поэтому без особых препятствий со стороны сотрудников госбезопасности мне в течение 15-20 минут удалось отщелкать почти

целую пленку. Я снял и обгоревший самолет, и висящие на ремнях тела пассажиров, и погрузку трупов в машины.

Но вскоре кагэбэшники спохватились. Делая очередной кадр, я услышал у себя за спиной разговор: “Это что за фотограф тут ходит? На нашего он что-то не похож. Надо выяснить”. Я тут же понял: пленку надо спасти. Не мешкая ни минуты, я забежал за машину, быстро перемотал на начало почти полностью отснятую кассету и вынул ее из аппарата. Тут мимо как раз проходил один из знакомых мне бойцов пожарной охраны. Я отдал ему кассету и велел запрятать поглубже во внутренний карман, а вернуть попросил только мне лично и только по прибытии в Куйбышев.

Едва я вставил в аппарат новую пленку и сделал несколько кадров, как ко мне подошли сотрудники КГБ. Они проверили у меня документы, выслушали мои слова о том, что снимки будут нужны для следствия, но потом все-таки заставили открыть фотоаппарат и засветили пленку. Они объяснили, что разрешение на фотосъемку выдано только сотруднику их ведомства, в связи с чем предупредили меня, чтобы я со своим аппаратом около самолета больше не вертелся. Стало быть, если бы я тогда вовремя не сориентировался и не спрятал бы пленку, то снимки разбившегося в 1986 году лайнера сейчас вряд ли бы кто увидел.

А тем временем разборка останков самолета шла полным ходом. Трупов и их фрагментов было очень много. Тела сначала укладывали на землю около места происшествия, а потом грузили в кузова автомашин и отправляли в спешно выделенное большое помещение в аэропорту. Утром в этот траурный зал стали пускать родственников погибших – для опознания. Оперативно извещенные о катастрофе люди летели за останками родных и близких в основном из Чечено-Ингушской АССР, и лишь несколько человек были из Свердловска и других городов страны. В числе других из Грозного в Куйбышев для выполнения скорбной миссии в то утро прилетел и знаменитый танцор Махмуд Эсамбаев, у которого в авиакатастрофе погиб один из родственников. В тот же день специальным рейсом Аэрофлота тела жертв катастрофы были отправлены в столицу Чечено-Ингушетии.

Как уже было сказано, из 93 пассажиров и членов экипажа, находившихся на борту самолета в момент катастрофы, впоследствии в живых остались только 24, в том числе из 14 детей – лишь один маль-

чик, житель Грозного Арслан Паршоев. В том рейсе он летел вместе с отцом, который во время катастрофы вынес ребенка из горящего салона через пролом в корпусе, но сам погиб, когда вернулся обратно за кем-то из близких.

“Слепой” полет не получился

При разборе останков самолета были целыми и невредимыми найдены “черные ящики” крылатой машины. Именно эти хитроумные приборы и стали главным вещественным доказательством при расследовании причин беспрецедентной для Куйбышевской области авиакатастрофы. Уже примерно через две недели после трагедии правительственная комиссия получила в свои руки весомое доказательство того, что главным и единственным виновником гибели 69-ти человек стал... командир корабля, пилот первого класса Александр Ключев.

Суть его служебного проступка, в условиях полета моментально обернувшегося тяжким преступлением, на первый взгляд, звучит невероятно. Бесстрастная несгораемая проволока “черного ящика” с документальной точностью зафиксировала разговор первого пилота с другими членами экипажа, из которого следовало, что в момент приближения самолета к аэропорту Куйбышев тот... поспорил с коллегами, что посадит крылатую машину на бетонную полосу “вслепую”, по одним только показаниям приборов. Для этого Ключев закрыл обзорные окна кабины металлическими шторками, после чего и повел “тушку” к земле. Однако это был как раз тот случай, когда даже у опытного водителя, что называется, “дрогнула рука”...

В результате “выпендрежа” пилота самолет подошел к бетонке под слишком крутым углом наклона и с непомерно большой скоростью. Произведенные впоследствии расчеты показали, что его шасси ударились о взлетно-посадочную полосу с нагрузкой, в полтора раза превышающую их предел прочности, от чего они сразу же сломались. Все дальнейшее читателю уже известно...

Процесс по делу Александра Ключева проходил в Москве, в Верховном суде РСФСР, в закрытом для прессы и общественности режиме. Судебное следствие осложнилось тем, что первый пилот разбившегося лайнера в ходе рассмотрения дела изменил свои показания, данные им на предварительном следствии. Если на допросе у следователя Генеральной прокуратуры Ключев, припертый к стенке записями “черного ящика”, полностью признался в своем дурацком споре с

другими членами экипажа, то в ходе суда он выдвинул иную версию происшедшего. Летчик неожиданно сообщил суду, что непосредственно перед посадкой в самолете вдруг обнаружилась утечка топлива, а затем даже произошел отказ одного из двигателей.

Однако его новые показания не подтверждались другими материалами дела, в первую очередь данными технической экспертизы. В итоге Александр Ключев был признан виновным в преступлении, предусмотренном ч.1 ст. 85 УК РСФСР (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта), и был приговорен к максимальному сроку, предусмотренному этой статьей – к 15 годам лишения свободы. Правда, после ходатайств осужденного в Верховный суд СССР дело было пересмотрено, а срок заключения Ключеву сократили до 6 лет. По некоторым данным, после освобождения вплоть до 1994 года он жил в поселке Мехзавод, а затем уехал в Ульяновскую область.

В.В. Ерофеев

Глава 8

Газовая камера на Кряжской зоне (Пожар в учреждении УР-65/5 в поселке Кряж 26 января 1987 года)

У нашего народа есть поговорка, которая часто цитируется в прессе и в литературе, и потому ее знают все: “От сумы да от тюрьмы не зарекайся”. Менее известна другая поговорка на ту же тему: “В тюрьму можно войти и на своих ногах, но выйти из нее легче всего ногами вперед”. Правда, сложена она была в небезызвестные сталинские времена, когда от голода, болезней и непосильного труда зеки умирали десятками и сотнями тысяч.

Однако и в последующие годы в местах лишения свободы регулярно происходили инциденты с массовой гибелью заключенных, которые, кстати, на официальном юридическом языке до недавнего времени именовались не иначе, как “спецконтингент”. Однако об этих происшествиях мы до сих пор почти ничего не знаем - ведь в советские и даже в перестроечные времена на любой информации о таких событиях лежал гриф “Секретно”.

Трагедия была подготовлена давно

О трагическом происшествии, случившемся зимой 1987 года в колонии строгого режима № 5 на территории тогда еще Куйбышевской области, в то время не писала ни одна советская газета, несмотря на уже начинавшуюся эпоху гласности. Впрочем, это и неудивительно: гриф “Секретно” с этих материалов был снят лишь в середине 90-х годов.

“СПЕЦСООБЩЕНИЕ.

26 января 1987 года около 5 часов 20 минут утра из-за грубого нарушения правил пожарной безопасности при эксплуатации самодельного электронагревательного прибора произошел пожар в служебном помещении дежурного контролера войскового наряда в/ч 7407 в помещении камерного типа и штрафном изоляторе учреждения УР-65/5 строгого режима УВД Куйбышевского облисполкома. В результате пожара от отравления продуктами горения погибло 32 человека из числа спецконтингента и 8 человек госпитализировано. Проверку по факту пожара и массовой гибели осужденных ведет совместная ко-

миссия Министерства обороны СССР, МВД СССР, прокуратуры Приволжского военного округа...”

...Учреждение УР-65/5, в народе именуемое “пятеркой”, находится на окраине Самары, в поселке Кряж, на углу улиц Уральской и Утевской. Это обычная колония строгого режима на несколько тысяч заключенных, на территории которой, как и везде в подобных учреждениях, находятся жилая и промышленная зоны. Внутри каждой из этих территорий осужденные могут передвигаться относительно свободно, если вообще это слово можно отнести к “спецконтингенту”.

А еще на “пятерке”, как и в любой другой колонии строгого режима, есть корпус для нарушителей порядка содержания, где на втором и частично на первом этажах расположен штрафной изолятор (ШИЗО), а в оставшейся части первого этажа находятся помещения камерного типа (ПКТ). Сюда по решению начальника колонии на срок от 5 до 30 суток может попасть любой осужденный, уличенный в чем-либо недозволенном на зоне - например, в распитии спиртных напитков, в хранении или употреблении наркотиков, в участии в азартных играх, и так далее.

В январе 1987 года в ШИЗО на “пятерке” было 11 камер, а в ПКТ - 22 камеры. Вот именно в этом здании тем зимним утром и случилась трагедия, о которой бывшие зеки, в то время “отдыхавшие” на “пятерке”, до сих пор вспоминают с содроганием, потому что на месте погибших в принципе мог оказаться любой из них.

Как следует из официальных документов, здание ПКТ было построено в 1950 году хозспособом, то есть силами самих заключенных и безо всякого проекта. Тогда же все камеры оборудовали принудительной вытяжной вентиляцией, поскольку другого способа подачи воздуха в такие помещения в те годы не предусматривалось: не устраивать же, в самом деле, форточки на окнах для зеков-штрафников...

Примерно за год до происшествия к корпусу пристроили второй этаж. Разумеется, при строительстве здания и при его реконструкции никто особо и не думал над тем, чтобы обеспечить находящимся в камерах представителям спецконтингента какие-то гарантии безопасности, в первую очередь противопожарной.

Не соблюдались эти нормы и в процессе эксплуатации уже построенного и реконструированного здания. Конечно же, работники пожарной инспекции регулярно посещали учреждение и составляли акты о всевозможных грубых нарушениях, допускаемых как контролерами

учреждения, так и осужденными. Некоторые из этих предписаний выполнялись, но в основном они так и оставались неустраненными, из года в год переходя из одного акта о нарушениях правил пожарной безопасности в другой.

Последний раз перед трагедией пожарный инспектор побывал в корпусе ПКТ и ШИЗО пятой колонии в июне 1986 года. В составленном им акте в числе других нарушений было, в частности, указано, что в коридоре здания отсутствует естественное освещение, что пожарный кран не укомплектован пожарным рукавом, и что в коридоре на первом этаже в обход существующих инструкций построены деревянные сгораемые шкафы для вещей и одежды осужденных.

И уж совсем экзотически для мест лишения свободы выглядели такие требования пожарной инспекции, как необходимость устройства автоматической пожарной сигнализации в каждой из камер, как закупка для корпуса достаточного числа огнетушителей, и прочие. Уже потом станет ясно, что именно эти нарушения в ряду других обстоятельств как раз и стали причиной массовой гибели людей.

Виновником пожара оказался... “козел”

Раннее утро 26 января было темным и морозным. Ночью температура воздуха в городе опускалась до минус 25 градусов, и неудивительно, что из-за плохой работы системы отопления в пятой колонии мерзли не только зеки, но и сотрудники караульной службы. Поэтому в комнате контролеров днем и ночью был включен самодельный электронагревательный прибор, который в просторечии именуется “козел”.

В пятом часу утра дежурные контролеры корпуса ПКТ-ШИЗО прапорщики Александр Щукин и Андрей Комаров закончили, согласно инструкции, осмотр всего здания и отдельных его помещений. При этом Щукин был ответственным за помещения ПКТ, а Комаров – за ШИЗО. На вверенных им объектах по крайней мере до 5 часов 15 минут утра все выглядело тихим и спокойным. Все зеки-штрафники были на месте - в то утро, согласно документам, в камерах ПКТ и ШИЗО находилось 66 человек.

И в этот момент Щукин и Комаров допустили, пожалуй, самую значительную ошибку в своей жизни. По неофициальной версии, они оба ненадолго прилегли отдохнуть. А поскольку никаких лежанок в служебном помещении предусмотрено не было, один из контролеров улегся на сдвинутых вместе табуретах, а другой - на столе. Но в полудреме

Начальник УПО УВД
Куйбышевского облисполкома
полковник вн. службы
А. В. Мисин А. К. КАРПОВ
" *20* " *февраль* " 1987 г.

О П И С А Н И Е

пожара произошедшего в помещении камерного типа и
штрафного изолятора УР-65/5 УИТУ УВД Куйбышевского
облисполкома находящегося в г. Куйбышеве, пос. Кряж.

а) 26.01.87 года в 05 часов 16 мин. местного времени

б) 05 час. 20 мин. 5,8 кв.м.

в) 05 час. 45 мин. 11,8 кв.м

г) 07 час. 01 мин. 11,8 кв.м

д) 07 час. 10 мин. 11,8 кв.м

Грубое нарушение правил пожарной безопасности при эксплуатации
самодельного электронагревательного прибора. Контролеры ИТК-5
прапорщики Щукин А.М. и Комаров А.А.

в) тумба, стол, 2 табуретки, 4 шкафа для хранения спецодежды

а) общий 1224 руб. 70 коп. в том числе по: $S = 6,8 \text{ м}^2$

г) инвентарю 1224 руб. 70 коп.

Общая стоимость спасенного имущества (в рублях)

всего 36 тыс. руб. из них по:

а) зданиям (сооружениям) 22 тыс.руб.

б) машинам, оборудованию 11 тыс.руб.

в) товаро-материальным ценностям 3 тыс.рублей.

Здание помещений камерного типа (ПКТ) построено в 1950 году без
проекта хозяйспособом. Здание ПКТ, в основном, соответствует

действующим нормам, за исключением: в нарушение п.2.9. СНиП
П-2.80 в коридоре и входном тамбуре установлены стораемые шкафы
для хранения спец.одежды. В коридоре отсутствует естественное
освещение, внутренний лестничный марш металлический, не имеет
требуемого предела огнестойкости, наружные оконные проемы камер
ПКТ и ШИЗО не имеют форточек. Второй выход первого этажа ШИЗО
проходит через помещения душа ПКТ и не является эвакуационным.

*Выписка из описания произошедшего пожара в помещении
УР-65/5 УИТУ УВД Куйбышевского облисполкома. 1987 г.*

ни один них не заметил, как со стола на раскаленную спираль “козла” упал рукав старого ватника. Оба вскочили на ноги, лишь когда в помещении запахло едким дымом.

Однако впоследствии в официальном заключении правительственной комиссии прозвучала несколько иная версия происшедшего в “дежурке” в первые секунды пожара. В документе говорится, что в роковую минуту контролеры вовсе не дремали на стульях и столе, а “всего лишь” ненадолго (не более чем на 40–45 секунд) вышли из служебного помещения, хотя инструкции категорически им запрещают покидать “дежурку” вдвоем. А когда они вернулись, “козел” уже почему-то лежал на полу, и от его раскаленной спирали по полу волнами разбегалось пламя...

Вот что рассказал по этому поводу начальник испытательной пожарной лаборатории УГПС Самарской области подполковник внутренней службы Валерий Фрыгин, в 1987 году – инженер этой лаборатории:

- Уже потом, при расследовании причин трагедии, правительственная комиссия поставила перед нашей лабораторией задачу - установить конкретный источник загорания. И уже вскоре при проведении пожарно-технической экспертизы мы выяснили: если бы все дело свелось только к задымившемуся ватнику, то вряд ли последствия этого инцидента были бы столь катастрофическими. При этом мы специально не выясняли вопрос о том, что делали контролеры в самые первые секунды пожара – спали или просто ненадолго вышли из помещения. В данном случае для выяснения причин пожара это не суть важно. Главное тут другое: ведь если бы контролеры не потеряли контроля над обогревателем, то даже при воспламенении ватника от соприкосновения его с раскаленной спиралью трагедии наверняка бы не произошло.

Интуиция экспертов не подвела: они со всей очевидностью установили, что виной всему оказались именно безалаберность и разгильдяйство обоих прапорщиков. Ведь при дальнейших исследованиях выяснилось, что охранники, начав тушить задымившийся ватник, в сутолоке свалили на пол тот самый включенный в сеть электрический “козел”. А пол в дежурке, как оказалось, был покрыт несколькими слоями нитрокраски, которая воспламеняется от малейшего огонька, словно порох. В частности, во время проведенного пожарно-технического эксперимента точно такой же кусок пола с нитрокраской, выпиленный

в соседнем, уцелевшем помещении, от нагретой электрической спирали целиком вспыхнул в течение всего лишь 5-10 секунд...

Далее эксперты выяснили, что нитрокраску в служебных помещениях этой колонии применяли из сугубо практических соображений: на любой поверхности она очень быстро сохла. Однако в данном случае эта “практичность” сыграла со служивыми злую шутку. Пламя от упавшего “козла” так быстро разбежалось по полу и стенам “дежурки”, словно бы их облили бензином. Прапорщики едва-едва успели выскочить в коридор, а в служебном помещении уже пылала вся мебель, в том числе и стол, на котором стоял телефонный аппарат.

При этом следует отметить, что телефонные кабели оплавилась и перегорели в первые же секунды пожара, так что звонить на КПП колонии из этой комнаты стало невозможно. На часах, согласно показаниям дежурных, в тот момент было 5 часов 16 минут утра.

“В экстремальных условиях проявили растерянность...”

Кто-то из прапорщиков попытался залить огонь из единственного имеющегося в корпусе огнетушителя. Однако капризный аппарат, срок годности которого давно истек, лишь слегка кашлянул, выдал из отверстия небольшую пенную струю и тут же затих. Не удалось контролерам воспользоваться и гидрантом, потому что на нем, как уже было сказано выше, не было пожарного рукава.

Уже потом экспертиза установила, что Щукин и Комаров не менее 15 минут пытались погасить начавшийся пожар одними лишь подручными средствами. Лишь после того, как огонь вырвался в коридор и принялся пожирать стоящие здесь деревянные шкафы с одеждой, один из прапорщиков все-таки побежал на главный дежурный пост колонии, чтобы сообщить о пожаре. Но ведь для того, чтобы добраться до КПП, тоже понадобилось немало времени. Именно поэтому в акте правительственной комиссии впоследствии было записано: “Личный состав наряда из-за неподготовленности к действиям в экстремальных условиях проявил растерянность, не обеспечил эвакуацию осужденных, на 20 минут задержал сообщение о пожаре...”

Тем временем на горящий объект прибежал начальник наряда Петр Столяренко. Однако вместо тушения пламени он решил... проветрить помещения, для чего включил вытяжную вентиляцию во всем корпусе. Впоследствии он объяснял следствию, что он сделал это, чтобы к находящимся в камерах заключенным не попал дым от пожара. Одна-

ко эффект от этой “инициативы” получился прямо противоположный: поскольку вентилятор вытягивал воздух из камер наружу, в них по принципу противотяги через щели в дверях стали мощным потоком засасываться клубы дыма из пылающего коридора.

Уже потом сотрудники испытательной пожарной лаборатории составили акт о том, что для заполнения одной камеры дымом до концентрации, смертельной для человека, в тех условиях хватило от 5 до 10 минут, в то время как даже при полностью исправных замках системы “Примула” для эвакуации всех заключенных необходимо не менее 40-45 минут. Можно себе представить, что творилось в те мгновения в огненном тюремном аду, когда десятки людей, не имея ни малейшей возможности выбраться из запертых каменных мешков наружу, задыхались в ядовитом дыму...

Тем временем первый контролер сумел-таки добежать до главного поста. Когда он сообщил о происшествии дежурному помощнику начальника колонии (ДПНК) майору Александру Попову, на часах было уже 5 часов 40 минут. Еще пять минут ушло на разъяснение ситуации, на выяснение всех обстоятельств инцидента и на подъем по тревоге пожарной команды колонии. Официально этот отряд именуется “ведомственной пожарной охраной” (ОВПК), и такие отряды имеются во всех подобных учреждениях лишения свободы. В их состав обычно входят представители местного спецконтингента, за исключением начальника такой пожарной команды, который подбирается из числа вольнонаемных. А на “пятерке” в то время ОВПК состояла из 15 человек.

На двух пожарных машинах, имевшихся тогда в колонии, зеки-огнеборцы подъехали к корпусу ПКТ, быстро развернули рукава и принялись заливать очаг огня водой из автоцистерны. Рукав от второй машины перебросили в специальный водоем, что находился в 300 метрах от места происшествия. Однако этим действия пожарных колонии и ограничились: щедро поливая здание снаружи, они не могли войти внутрь корпуса и отпереть двери камер, потому что у них не было изолирующих противогазов, позволяющих работать в задымленных помещениях. Об этом и доложили на главный пост.

К тому времени майор Попов, по его словам, попытался из дежурного помещения разблокировать электромеханические запоры системы “Примула”, которые закрывали двери камер ПКТ и ЩИЗО. Однако система не сработала, поскольку электропроводка к тому времени уже сгорела, и замки оказались обесточенными. Попов уже примерно

представлял себе, каковы могут быть последствия для него лично, если во время пожара в корпусе ПКТ погибнут заключенные. Несмотря на это, он все еще медлил с докладом о происшествии “наверх”. И лишь когда ему сообщили, что “зоновские” огнеборцы без посторонней помощи не могут справиться с пламенем, он все-таки вынужден был позвонить в пожарную часть № 7 Куйбышевского района, которая, кстати сказать, располагается всего метрах в ста от “пятерки”, на той же улице Утевской. На часах в тот момент было 5 часов 59 минут.

Без указания “сверху” тушить нельзя

Дежурная телефонистка СВПЧ-7 после тревожного звонка немедленно направила в колонию два пожарных отделения и одновременно сообщила о происшествии на центральный пульт пожарной службы УВД облисполкома. В 6 часов 00 минут по городу была объявлена пожарная тревога № 2 - повышенной опасности. В помощь подразделениям СВПЧ-7 из других пожарных частей города в поселок Кряж устремились еще 12 специальных автомашин, большинство из которых прибыли к месту происшествия уже через несколько минут.

Однако тут же выяснилось, что никто из сотрудников охраны колонии огнеборцев не ждет. На своем посту в тот момент не оказалось и ДПНК майора Попова, который в тот момент бегал к горящему корпусу ПКТ-ШИЗО, хотя, согласно инструкции, должен был лично встречать пожарные машины на проходной учреждения, или хотя бы предупредить об их прибытии своих сотрудников. Так или иначе, но в отсутствие ДПНК войсковая охрана учреждения отказывалась открыть ворота, ссылаясь на свою неосведомленность, и даже угрожая пожарным оружием.

Лишь через 10 минут после прибытия первых машин на КПП появился майор Попов, но и он тоже... отказался пропускать пожарных в зону, ссылаясь на отсутствие указаний вышестоящего начальства. Когда ему напомнили о гибнущих в дыму людях, Попов в ответ потребовал, чтобы ему передали все имеющиеся в автомашинах противогазы, но при этом так и не смог ответить на вопрос, умеет ли кто-нибудь в колонии ими правильно пользоваться. За этими спорами прошло еще полчаса, и лишь в 6 часов 28 минут, когда, видимо, к ДПНК поступило распоряжение “сверху”, на территорию “пятерки” въехали красные машины городских пожарных частей.

По свидетельству участников тушения пожара, к моменту их прибытия к корпусу ПКТ-ШИЗО из дверей, окон и вентиляционных отверстий здания валил густой удушливый дым, а “дежурка” и коридор первого этажа по-прежнему горели открытым пламенем. В первую очередь в очаг пожара для разведки и спасения людей пошли бойцы подразделений газодымозащитной службы (ГДЗС), экипированные изолирующими противогазами, позволяющими подолгу находиться среди самого густого дыма. Однако вскоре выяснилось, что эвакуировать людей из объятых огнем и дымом здания они пока не в состоянии. Дело в том, что бойцам никак не удавалось вскрыть камеры, поскольку на них стояли двойные бронированные двери, оборудованные уже упоминавшейся запорной системой “Примула”.

Спасателям срочно требовались ключи от камер. Однако в тот момент в горящем помещении невозможно было найти те экземпляры ключей, которые всегда находились в распоряжении контролеров. Пока один из сотрудников колонии бегал на главный пост за запасными ключами, прошло еще полчаса. Лишь в 7 часов 05 минут огнеборцы и бойцы ГДЗС смогли открыть неподатливые двери и начали выносить наружу находившихся в камерах заключенных.

Из камер, находившихся ближе всего к комнате контролеров, спасатели один за другим выносили закопченные трупы, лица которых были искажены страшными гримасами смерти. Лишь когда начали открывать камеры в середине коридора, в них стали обнаруживаться заключенные со слабыми признаками жизни. Наконец, из некоторых самых дальних камер отдельные штрафники даже выходили своими ногами. Если бы огнеборцы не видели их своими глазами, то ни за что бы не поверили, что эти люди смогли остаться в живых после почти двухчасового пребывания в задымленной камере...

Пожарным особенно запомнились двое зеков, первый из которых после нескольких глотков свежего воздуха упал на колени и стал громко молиться и благодарить Всевышнего, что он остался жив в этом аду. Зато второй, отдышавшись, огласил тюремный двор отборным матом, причем самые ядреные слова он отпустил не только контролерам, спалившим помещение, но и в адрес... тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева. Мол, из-за его указов о борьбе с пьянством ни он, ни его родственники так и не смогут выпить за его чудесное спасение...

Пока из камер выносили и выводили пострадавших, огнеборцы

быстрыми и умелыми действиями укрощали пламя. Как следует из официального отчета, уже в 7 часов 01 минуту пожар был локализован, а в 7 часов 10 минут - полностью ликвидирован.

Преступление и наказание

Итог преступного разгильдяйства, нерасторопности и нерешительности работников “пятерки” оказался печален. По общему мнению, в то утро произошла нелепая трагедия, жертвами которой, согласно служебным документам, стали отнюдь не невинные ангелы, а скорее наоборот – люди, по суду официально признанные убийцами, насильниками и грабителями. Тем не менее нельзя не признать, что суды в свое время приговорили их лишь к тюремному заключению, но отнюдь не к смертной казни, тем более к такой страшной, как смерть в газовой камере. Всего же, как уже говорилось выше, из 66 заключенных-штрафников, находившихся в тот трагический день в камерах ПКТ и ШИЗО, от отравления ядовитыми продуктами горения скончались 32 человека.

Сегодня стоит привести полный перечень фамилий погибших в то страшное утро 26 января 1987 года. Заключенные ПКТ учреждения УР-65/5: О.Г. Агранович, П.Д. Александров, Н.Х. Аманов, Н.И. Андреев, А.И. Баранов, И.Н. Бухвалов, В.Д. Ваганов, А.Н. Выров, Р.А. Галиакберов, А.В. Горлин, В.Б. Гусев, Б.Д. Гусов, М.А. Козулев, С.Н. Колесников, С.А. Комаров, В.Ю. Кузнецов, А.И. Нуянзин, С.Н. Рыбаков, В.П. Семенов, С.П. Скрынников, А.В. Сысоев, Н.А. Трофимов, Ю.В. Цицулин. Заключенные ШИЗО учреждения УР-65/5: Ю.Е. Авачев, В.И. Аитов, О.В. Грядунов, А.А. Кайзеров, А.Ф. Костылев, А.Е. Лебакин, Н.И. Свечнов, В.И. Тарасов, Ю.А. Троценков.

Еще 8 зеков (Желаев, Зырянов, Громов, Батуев, Пупей, Шишилов и Явцев) попали на больничные койки в бессознательном состоянии, с диагнозом “острое ингаляционное отравление угарным газом”, но они все равно должны быть благодарны везению, поскольку медикам удалось спасти их всех. Остальные 26 проштрафившихся представителей спецконтингента, хотя официально и не были включены в число пострадавших в ходе этого происшествия, все равно получили ожоги верхних дыхательных путей различной степени тяжести, но довольствовались лишь лечением в местном медпункте.

Военная прокуратура Куйбышевского гарнизона в течение полугода после Кряжской трагедии расследовала уголовное дело, возбуж-

денное против бывших прапорщиков воинской части 7407 А.М. Щукина и А.А. Комарова. После этого дело поступило в военный трибунал Куйбышевского гарнизона, где оно рассматривалось под председательством капитана юстиции С.Г. Рубанова. Приговор по делу трибунал вынес 23 сентября 1987 года. Оба прапорщика были признаны виновными по пункту “в” ст. 260-1 УК РСФСР (халатное отношение к воинской службе, повлекшее тяжкие последствия). При этом Щукин был приговорен к 5, а Комаров – к 4 годам лишения свободы, оба – в колонии-поселении для лиц, совершивших преступление по неосторожности. Однако каждый из них пробыл в колонии чуть больше года, после чего бывшие прапорщики получили условно-досрочное освобождение.

Что же касается дежурного помощника начальника колонии майора А.Ф. Попова, то он по решению руководства УИТУ УВД Куйбышевского облисполкома был освобожден от занимаемой должности и переведен на работу в другую колонию. Говорят, там после года службы Попова вновь назначили на должность ДПНК...

В.В. Ерофеев

Глава 9

Пожар, который продолжался два года (Пожар 1987-1989 годов на Томыловском элеваторе)

Конец лета и осени 1987 года в Среднем Поволжье выдались дождливыми и ненастными. С самого начала августа в Куйбышеве не было ни одного сухого дня, и потому к началу сентября, то есть ко времени уборки корнеплодов, картофеля и масличных культур, в сельскохозяйственных областях сложилась крайне тяжелая обстановка. Из-за непрерывных дождей на картофельные и подсолнечные поля не могла пройти уборочная техника, и даже ручной сбор сельскохозяйственной продукции на раскисшем и вязком грунте был крайне затруднен.

Мокрая осень 1987 года

В этих условиях в сентябре-октябре 1987 года колхозы и совхозы области были вынуждены сдавать на хранение семена подсолнечника повышенной влажности. На элеваторах как раз для таких случаев предусмотрено сушильное оборудование: с его помощью изгоняется лишняя влага из принимаемой у аграриев продукции. Однако той роковой осенью по причине затяжных дождей элеваторные сушилки явно не справлялись со своей работой. В результате во многие государственные хранилища были засыпаны тысячи тонн семян подсолнечника с влажностью, вдвое-втрое превышающей установленные нормы.

Видимо, дождливой осенней порой 1987 года руководители элеваторов, замордованные, с одной стороны, необходимостью выполнять план по приемке выращенной продукции, а с другой – необычайно медленными темпами сушки поступающего из колхозов сырья, вольно или невольно были просто вынуждены закрывать глаза на многочисленные нарушения установленных стандартов.

К чему это в конце концов привело, легко мог догадаться любой хозяйственный крестьянин “допромышленной” эпохи. Ведь сотни и даже тысячи лет назад, когда еще и в помине не было элеваторов, любой мужик-хлебороб прекрасно знал, что мокрое зерно, сваленное в кучу, рано или поздно начнет само собой разогреваться. А нынешний специалист-агрохимик об этих процессах скажет так: в условиях повышенной влажности, сорности и масличности в семенах многих сельхоз-

культур (особенно подсолнечника) начинаются необратимые физико-химические реакции, сопровождающиеся выделением тепла и легко-воспламеняющихся газов – метана, водорода, окиси углерода и так далее. При этом тепла порой оказывается так много, что достаточно большое количество семян, да еще и запечатое в замкнутом пространстве, через некоторое время может самовозгореться, а выделяющиеся при реакции газы при этом обязательно взорвутся. Последствия часто оказываются катастрофическими...

Вот что было записано в отчете, составленном по итогам работы комиссии Министерства хлебопродуктов СССР в нашей области в 1988 году:

“На элеваторах Куйбышевской области в осенне-зимний период 1987-1988 годов сложилась крайне пожаро- и взрывоопасная ситуация. Причиной этого явились грубые нарушения технологии при приемке, сушке и хранении семян подсолнечника.

В частности, 17 октября 1987 года возник пожар на сушилке Неприкского элеватора, 8 ноября – в зерносушилке Куйбышевского элеватора, 9-го ноября – в зерносушилке Безенчукского элеватора, с 11 ноября по 1 декабря – пять пожаров в зерносушилках Кинельского хлебоприемного предприятия. При этом пожар на Безенчукском элеваторе вызвал взрыв пылевоздушных и газовоздушных смесей в рабочем здании, что привело к человеческим жертвам...

Особенно сложная обстановка сложилась на Томиловском элеваторе, где в период с декабря 1987 по февраль 1988 года произошло более 30 случаев самовозгорания семян подсолнечника, шесть из которых закончились взрывами с разрушением наружных конструктивных элементов и человеческими жертвами...”

Первым из числа таких трагических инцидентов стал пожар на элеваторе, что находится в райцентре Безенчук. Сюда сдавали свою продукцию на хранение не только хозяйства этого района, но и ряда соседних – Красноармейского, Приволжского, Хворостянского и других. Это было довольно новое для того времени предприятие: Безенчукский элеватор был спроектирован Куйбышевским институтом “Пром-зернопроект” и введен в эксплуатацию в 1980 году.

Проект предусматривал, что в его шесть отдельных железобетонных хранилищ, называемых силосами, можно было в общей сложности засыпать 164 тысячи тонн сельскохозяйственной продукции. Каждый силос имел емкость от 25 до 27 тысяч тонн и высоту 41 метр.

Рабочее здание элеватор поднималось над землей еще выше – на 57 метров. Согласно проекту, перед засыпкой на хранение семенной материал должен был пройти через одну из двух мощных сушилок, которые в течение 1986 и 1987 годов были реконструированы.

Однако уже после трагедии осенью 1987 года выяснилось, что во время работ по ремонту и реконструкции хранилищ и сушилок руководители элеватора крайне легкомысленно отнеслись к проблеме пожарной безопасности своего предприятия. В частности, на самых ответственных участках был отключен или вовсе разрушен противопожарный водопровод, после чего из семи имеющихся гидрантов в числе действующих остались только два, да и те были расположены на тупиковом участке.

Кроме того, ремонтники при попустительстве местной администрации вывели из строя пожарную насосную станцию, о чем не сообщили даже в ведомственную пожарную часть предприятия. А при реконструкции сушилок и самотечных трубопроводов, которая проводилась опять же без согласования с Госпожнадзором, в целях экономии средств не были установлены необходимые огнезащитные устройства, перегородки и фильтры. Каждое из этих и других нарушений является, в общем-то, мелочью, но, сложенные вместе, они в итоге и привели к катастрофе на элеваторе, которая произошла роковой осенью 1987 года.

В 1987-1989 годах заместитель начальника УПО УВД Куйбышевского облисполкома полковник внутренней службы Александр Васильевич Жарков как представитель УВД возглавлял оперативную группу по ликвидации аварийной ситуации на Томиловском элеваторе. Вот что он об этом рассказал:

- Изучением ситуации на этом элеваторе долгое время занимались ученые, академики и доктора наук из Москвы, специалисты из Министерства хлебопродуктов СССР, и так далее. От них мы впервые узнали, что аварийная ситуация, сложившаяся на Томиловском элеваторе, в своем роде уникальна. Оказывается, до того времени не только в СССР, но и нигде в мире пожарно-технические специалисты ни разу не занимались тушением таких громадных объемов семян подсолнечника, которые самовозгорелись непосредственно в элеваторных силосах. Просто до этого ни на одном элеваторе мира никто и никогда не допускал такого грубейшего нарушения технологии хранения продукции, как засыпка в бетонные силосы семян подсолнечника с влажностью, порой в 5-6 раз превышающей нормативы.

... По окончанию воды в АЦ-30(66) отделение уехало на заправку автоцистерны водой, хотя два гидранта на территории элеватора были действующие. Горение семян в сушилке усиливалось и в 00 часов 55 минут диспетчер элеватора сообщила о пожаре в ПТЧ-10 р.п.Безенчук. Диспетчер ПТЧ-10 Молчанова Т.Н. направила к месту вызова караулы ПТЧ-10 и 30, ЗОХР комбината "Энергия", ПСО птицефабрики и ДПС совхоза дислоцированные в районе, после чего сообщила начальнику ОПС Безенчукского РОЗД майору вн.службы Овсянникову А.В., а на ДПС УПС о пожаре не доложила.

В 1 час. 26 минут на пожар прибыл майор Овсянников А.В. который оценив обстановку запросил через диспетчера ПТЧ-10 2 АЦ из Чапаевского гарнизона и автолестницу. Диспетчер ДПС УПС ст.лейтенант вн.службы Антонов Г.Н. услышав по рации о пожаре в 1 час 48 минут выехал и выслал к месту вызова АЦ-40 (131) СБПЧ-10, АЦ-40(131) БТЧ-13, АЦ-30(131) БТЧ-20 и направил к месту вызова ст. помощника ДСПТ г.Чапаевска майора вн.службы Сумбаева Ю.И.

До прибытия подразделений из г.Чапаевска тушение пожара производилось, в основном, двумя стволами "Б" от автоцистерны привозной водой. Имевшиеся 2 пожарных водоема емкостью по 500 м³ и два пожарных гидранта не использовались. Пр прибытии к месту вызова подразделений г.Чапаевска во главе с майором Сумбаевым Ю.И. по его указанию АЦ-40(131) СБПЧ-10 была установлена на водоем, проложена магистральная линия и через разветвление подано два ствола "Б", один по АЦ-30(131) для тушения пожара сверху сушилки и один для тушения пожара через люки в шахте сушилки.

В 05 часов 05 мин. пожар был локализован. Корпус зерносушилки был полностью охлажден, интенсивное горение внутри камеры было прекращено за исключением отдельных очагов.

В 8.00 часов прибывшие рабочие элеватора начали выгрузку семян через нижние люки зерносушилки. Для проливки сыпавших семян из сушильной камеры был оставлен один ствол "Б" и два ствола "Б" на верхней площадке с подачей воды во внутрь сушилки, которые работали от магистральной линии АЦ-40(131) СБПЧ-10 установленной на водоем.

В 9 часов 30 мин. произошел внезапный взрыв пылевоздушной смеси в силосе рабочей башни. В результате взрыва произошло частичное разрушение верхней части корпуса силосов рабочей башни и обрушение 2-х транспортных галерей с высоты +36 метров на площадку где находился со стволом пожарный БТЧ-13 Лазарев А.И., который был смертельно травмирован. Обломком конструкции был также травмирован пожарный БТЧ-10 Колотилин А.Н., находящийся в кабине АЦ-40(375). В результате ...

*Выписка из описания боевых действий на пожаре
Безенчукского элеватора. 1988 г.*

Своими силами справиться не смогли

Вообще-то самый первый «тревожный звонок» той осенью прозвучал вовсе не на Томиловском, а на Безенчукском элеваторе. Все началось поздним вечером 9 ноября, когда около 23 часов старший смены Безенчукского элеватора В.Г. Ершов обнаружил загорание на второй сушилке. Подача солярки в топку и на вентиляторы была немедленно остановлена, и Ершов вместе с помощником принялись заливать пламя из огнетушителей. Через несколько минут им удалось укротить огонь, и сушилка вновь была запущена. Однако минут через 15-20 пожар на внутренних транспортерах (на элеваторе их называют нориями) начался снова. Теперь загорание оказалось гораздо серьезнее. Несмотря на все усилия дежурного и операторов, самостоятельно погасить пламя им не удалось. И тогда в 23 часа 50 минут раздался тревожный сигнал в пожарной части (ПЧ) элеватора.

Из ведомственной ПЧ к сушилке тут же подъехала одна машина. Пожарные поливали наружную поверхность агрегата до тех пор, пока в автоцистерне не закончились имевшиеся две тонны воды, после чего машина поехала на заправку. Почему ведомственные пожарные это сделали – непонятно, так как два гидранта на элеваторе все-таки действовали, и хотя до них было довольно далеко, все-таки прокладка рукавной линии к очагу пожара – более надежный способ тушения, чем подвоз воды одной машиной. Так или иначе, но за то время, пока горящее зерно никто не тушил, огонь успел набрать силу. В результате в 0 часов 55 минут диспетчер элеватора сообщил о чрезвычайном происшествии в ППЧ-10 райцентра Безенчук.

В течение получаса безенчукские пожарные пытались справиться со стихией собственными силами, но в половине второго ночи были вынуждены вызвать на подмогу коллег из Чапаевска. Только после подъезда на место пожара дополнительных автоцистерн и автолестницы огонь начал отступать. И только после этого, по указанию прибывших на горящий Безенчукский элеватор чапаевских офицеров внутренней службы, были наконец-то проложены магистральные линии от гидрантов и пожарных водоемов. В 5 часов 5 минут утра было объявлено о ликвидации пожара.

Цена безалаберности – человеческая жизнь

Но тут оказалось, что развязка трагедии еще впереди. Когда в 8 часов прибывшие на смену рабочие элеватора начала выгрузку семян

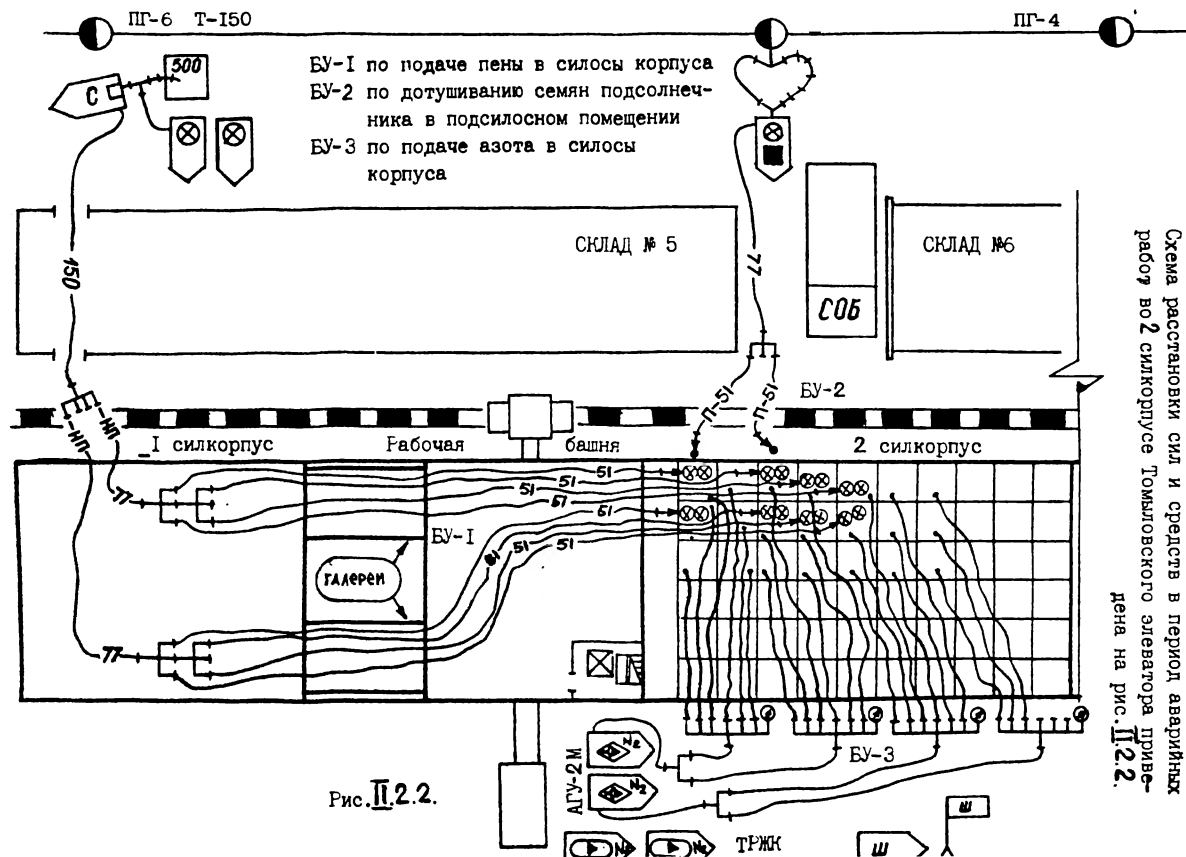

Рис. II.2.2.

Приложение 2
 Схема расстановки сил и средств в период аварийных работ во 2 силкорпусе Томовского элеватора
 дана на рис. II.2.2.

из аварийной сушилки, никто из руководителей элеватора не обратил внимания на то, что вместе с пылью и мусором из зерновых ворохов то тут, то там периодически пробивались струйки дыма. Следовательно, где-то под толстым слоем сырья еще прятались крохотные огоньки. Оставшиеся на поддежурстве огнеборцы по мере своих сил пытались подавить последние очаги возгораний, заливая их водой, однако, несмотря на это, процесс выгрузки так и не приостановили. В конце концов случилось непоправимое.

В 9 часов 32 минуты в силосе рабочей башни внезапно произошел мощнейший взрыв пылегазовоздушной смеси, отчего верхняя часть грандиозного сооружения разлетелась на куски. При этом с высоты 36 метров на землю рухнули две транспортные галереи, на одной из которых в тот момент со стволом находился пожарный ВПЧ-13 А.И. Лазарев, насмерть разбившийся при падении. Еще одним обломком конструкции придавило другого пожарного – ствольщика ППЧ-10 А.И. Колотилина, который во время взрыва находился в кабине автомашины. Хорошо еще, что кабина смягчила удар полутонного обломка, поэтому огнеборец отделался лишь переломами. Однако автоцистерна, спасшая жизнь человеку, из-за этого инцидента вышла из строя. Кроме того, была сильно повреждена и автолестница чапаевской ВПЧ-29.

Взрыв вызвал горение тлевших до этого ворохов зерна, скопившихся на нориях и в других местах сушилки элеватора, и в результате пожар вспыхнул с новой силой. Для руководства борьбой с огненной стихией из Куйбышева срочно выехало оперативная группа УПО во главе с заместителем начальника управления А.В. Жарковым. Для участия в тушении и разборе завалов на Безенчукский элеватор дополнительно были направлены два пожарных подразделения из Новокуйбышевска и группа слушателей (25 человек) из УПЧ областного учебного центра. Последние очаги тления на развалинах сушилки были подавлены лишь утром 11 ноября, и тогда же из-под обломков элеваторного силоса было, наконец, извлечено тело погибшего А.И. Лазарева.

Но и на этом трагедия Безенчукского элеватора, как выяснилось, вовсе не закончилась. Еще не было до конца потушено пламя между обломками злополучной зерносушилки и полуразрушенного бетонного хранилища, как все сильнее и сильнее начал валить дым из соседних, пока еще уцелевших, силосов элеваторной башни. Как потом выяснилось, причиной загорания семян в этих огромных емкостях стал занос в них искр вентиляторами из расположенного рядом очага пожара.

Избежать этого не удалось по причине отсутствия огнезадерживающих устройств, которые здесь не были смонтированы во время упоминавшейся выше реконструкции. Со вторичными очагами огня в нетронутых аварией силосах пожарным удалось полностью справиться только к вечеру 13 ноября.

После ликвидации пожара на Безенчукском элеваторе здесь в течение месяца работала государственная комиссия. Были наказаны почти все руководители элеватора, а областная служба Госпожнадзора составила перечень из 22 нарушений на этом объекте, которые привели к трагедии, и выдала предписание срочно их устранить. Впрочем, дальнейшие обследования показали, что даже через год нарушения были ликвидированы менее чем наполовину.

Печальный рекорд Томиловского элеватора

Но вскоре выяснилось, что пожар на Безенчукском элеваторе – это лишь цветочки по сравнению с тем, что ждало огнеборцев на таком же объекте, расположенном у железнодорожной станции Томилово. В это трудно поверить, но изгонять огненную стихию, по-хозяйски обосновавшуюся в недрах Томиловского элеватора, куйбышевским пожарным пришлось... около двух лет. Последующее изучение архивных данных показало, что эта эпопея по продолжительности тушения оказалась самой долгой за всю историю областной противопожарной службы. А все началось, как уже было сказано, все той же мокрой и ненастной осенью 1987 года.

Томиловский элеватор был возведен в 1971-1974 годах, и на его территории в конце 1987 года находились рабочее здание высотой 47 метров и четыре силосных корпуса высотой 40 метров. В каждом из них насчитывалось по 240 отдельных железобетонных хранилищ (силосов) объемом по 270 кубометров. При этом отдельная камера-силос вмещала в себя до 170 тонн пшеницы, или до 80 тонн семян подсолнечника. На случай пожара на элеваторе в 1987 году имелось пожарное депо с автоцистерной, два больших (по 250 кубометров) и четыре малых (по 50 кубометров) пожарных водоема, а также два пожарных водопровода с шестью гидрантами.

Согласно официальным отчетам, осенью 1987 года в силоса Томиловского элеватора в общей сложности было засыпано на хранение 11 тысяч тонн семян подсолнечника. Но, как впоследствии было установлено министерской комиссией, 4029 тонн из этого количества, заг-

руженные в 92 силоса, оказались некондиционными. Это означает, что данные партии семян были приняты элеватором вопреки установленным ГОСТам и инструкциям.

Например, министерские инструкции запрещают загружать в элеваторные силоса подсолнечные семечки, если их влажность превышает 7 процентов. А вот той дождливой осенью их сюда засыпали на хранение даже при влажности 33,4 процента, что является грубейшим нарушением всех действующих нормативов. Такие же жесткие требования ГОСТом предъявляются и к проценту содержания в таких семенах сорных примесей и масла (и того, и другого в них не должно быть более 5 процентов). Фактически же, как показало расследование, осенью 1987 года в хранилища Томыловского элеватора загружали продукцию, в которой сорность и масличность достигали 20 процентов.

Разумеется, упомянутые ГОСТы и инструкции для принимаемой на хранение сельхозпродукции были взяты не с потолка, а стали плодом многовекового опыта борьбы за урожай российского крестьянина-землепашца. Правильность этих народных выводов уже в наше время многократно подтвердили также и многолетние исследования ученых сельскохозяйственных институтов. И, конечно же, в числе других выстраданных в течение веков сельскохозяйственных правил было и такое: в условиях повышенной влажности, сорности и масличности семена многих сельхозкультур могут самовозгореться, а в замкнутом пространстве – даже взорваться. А что бывает в случаях, когда кто-то из-за собственной беспечности пренебрегает этой народной мудростью, зимой 1987-1988 годов на собственной, как говорится, шкуре в полной мере испытали работники Томыловского элеватора.

Прием семян подсолнечника на хранение от колхозов и совхозов здесь был завершен 30 октября. Конечно же, сушка семян до нужной кондиции в ходе приемки здесь велась, однако из-за их высокой влажности этот процесс шел очень медленно, требуя при этом гораздо больше топлива, чем выделялось элеватору на ту дождливую осень. Конечно же, результатом надежды на русский “авось” и стало самовозгорание семян в 92-х элеваторных силосах.

Взрывоопасный подсолнечник

Уже 14 ноября в силосах №№ 1509 и 1510 Томыловского элеватора было зафиксировано резкое повышение температуры, в связи с чем здешние работники тут же попытались разгрузить эти хранилища.

Часть продукции через бункеры все-таки удалось высыпать, однако примерно половина хранящихся в силосах семян подсолнечника к тому моменту уже “спеклась” и образовала единый монолит, разбить который рабочим не удавалось даже с помощью ломов и лопат. К тому же в тот момент еще никто не знал, что раскрытие емкости сверху способствовало насыщению кислородом всего слоя хранящегося продукта, и это резко ускорило процессы окисления, вплотную приблизив семена к температурному порогу самовозгорания. В дальнейшем попытки очистить эти два силоса от семечек подсолнечника регулярно предпринимались и в течение последующих двух месяцев - до тех пор, пока 14 января их содержимое не вспыхнуло открытым пламенем...

Однако этот пожар в зернохранилищах Томиловского элеватора оказался далеко не первым. До указанного дня подобное уже происходило 22 декабря в силосе № 4404, но тогда пожар был сразу же потушен путем подачи в бетонную емкость воды и пены. В последовавшие за этим дни декабря 1987 года и января 1988 года на элеваторе произошло еще более 30 возгораний - как в 4404-м, так и в других силосах всех четырех корпусов. Поскольку в тот критический момент все аварийные железобетонные хранилища уже не поддавались разгрузке снизу, через бункеры, пожарным каждый раз приходилось заливать сверху их водой и пеной, что, конечно же, на время сбивало пламя, но никак не могло остановить бурные процессы окисления, скрытно продолжавшиеся в толще семян. Между тем биохимикам известно, что такие процессы могут вызвать разогрев всей массы слежавшегося влажного продукта до нескольких сотен или даже до 1000 градусов...

Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что во второй половине января 1988 года аварийные хранилища Томиловского элеватора стали не только гореть, но и взрываться. В частности, 19 января в течение суток рабочие пытались через нижние люки разгрузить горящие силоса №№ 2507 и 2508, открыв в них задвижки и выколачивая из бункеров семена с помощью скребков. Однако лишь из второго силоса в подъехавшую машину высыпалась небольшая часть хранящейся здесь продукции. Одновременно из верхней части перечисленных выше бункеров, несмотря на тушение их водой, время от времени все равно выбивались языки пламени.

Кончилось все тем, что в 2 часа 20 минут ночи 20 января из обоих силосов внезапно вырвался столб черного дыма, а еще через несколь-

ко секунд на элеваторе прогремел мощный взрыв пылегазовоздушной смеси. Взрывной волной были наполовину разрушены бетонные стены хранилищ, а также поврежден надсилосный транспортер. Правда, на этот раз обошлось без человеческих жертв.

В течение последующих десяти дней на элеваторе ежедневно горело до 10-12 силосов сразу, причем в некоторых из них периодически происходили взрывы, от которых во все стороны разлетались куски железобетонного корпуса и части стальных конструкций. А своей кульминации трагедия Томыловского элеватора достигла вечером 29 января, когда значительная его часть была разрушена несколькими взрывами, следовавшими один за другим.

Вечером этого дня одновременно запылали сразу шесть расположенных рядом силосов - №№ 3207, 3307, 3407, 3306, 3106, 3108. Сообщение о происшествии поступило в дежурную часть УПО УВД Куйбышевского облисполкома в 22 часа 56 минут. Тут же был объявлен пожар № 3 – высокой опасности. И вот под покровом ночи, кроме примчавшихся по тревоге пожарных частей Чапаевска, Новокуйбышевска и Безенчука, к борьбе огнем на элеваторе подключилась еще и ПЧ 11-го отряда из Куйбышева. Когда дополнительные силы огнеборцев прибыли к месту происшествия, в силосе № 3207 третьего корпуса произошел сильный взрыв, вслед за которым отсюда выбросило клубы черного дыма. Одновременно из всех шести аварийных хранилищ стало рваться пламя. Но из-за сильной задымленности без изолирующих противогазов подойти к третьему корпусу со стороны рабочего здания было невозможно.

В этот момент техник-технолог элеватора Захардяев и рабочие Ополев и Разумов решили сходить на разведку к горящему корпусу, чтобы узнать, есть ли к нему подход через надсилосный этаж. Через рабочее здание они поднялись на крышу четвертого корпуса, откуда Захардяев и Ополев, используя веревки и монтажные пояса, при страховке их Разумовым проникли в надсилосный этаж. Они обследовали его не более пяти минут, когда около 0 часов 20 минут ночи со страшной силой взорвались сразу шесть силосов третьего корпуса.

Буйство стихии оказалось настолько мощным, что часть надсилосного этажа, обращенную непосредственно к зданию, в одно мгновение срезало, словно ножом. При этом находящиеся в самом эпицентре катастрофы Захардяев и Ополев погибли практически мгновенно. Взрыв также разорвал пополам третий корпус, и в его средней части

осталась зияющая пробоина. Кроме того, от сильнейшего взрывного удара вниз обрушились почти все подходящие к корпусу трубопроводы, транспортеры и металлоконструкции.

Но этим события роковой ночи не ограничились: в 1 час 20 минут ночи, всего через час после гибели работников элеватора, плюс ко всему взорвались еще и силосы №№ 1510 и 1610 первого корпуса. В железобетонной стене громадного здания появилась еще одна рваная рана. Хотя в этот раз от взрыва никто не пострадал, тем не менее руководители штаба пожаротушения решили, что две смерти за одну ночь – это слишком много. Поэтому огнеборцам и рабочим элеватора, занятым на тушении пожара, поступила команда: своей головой больше не рисковать, а борьбу со стихией отложить до наступления утра.

Но и рассвет не принес людям особого облегчения. В течение всего наступившего дня, 30 января, а также большинства последующих дней пламя периодически вспыхивало то в одном, то в другом силосе элеватора. Кроме того, в силосах то и дело раздавались слабые или сильные хлопки – это воспламенялись струи газов, выходящих из-под слоя слежавшейся сельхозпродукции. Попытки же тушения пламени водой или пеной особых результатов по-прежнему не приносили. Хотя в результате обильного полива огонь в том или ином аварийном силосе ненадолго затихал, спокойствие здесь продолжалось лишь короткое время. Через несколько часов пламя вырывалось отсюда уже с новой силой, и поэтому любая вылазка пожарных к очагу загорания всякий раз была сопряжена с риском их гибели при очередном непредсказуемом взрыве.

“Возникало ощущение неправдоподобности происходящего...”

Вот что рассказывал о событиях той трагической ночи заместитель начальника областного УПО полковник А.В. Жарков:

- В ночь на 30 января 1988 года, когда на элеваторе произошел очередной мощный взрыв, в первое время никто не знал, погибли ушедшие на осмотр корпуса рабочие или же все-таки остались живы. Поэтому буквально через несколько минут после трагедии около полуразрушенного корпуса уже собрались родственники погибших, жившие в соседнем поселке, всего в какой-то в сотне метров от места трагедии. Среди них были матери и жены этих рабочих, которые стали рыдать и плакать, умоляя пожарных сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти их сыновей и мужей. При этом женщины кричали, что они

лежат раненные под завалами и просят о помощи, и будто бы они даже слышали их голоса.

Как руководитель оперативной группы я понимал, что в этой ситуации я не имею права рисковать жизнями своих подчиненных, и потому пойти на обследование места взрыва и на поиски пропавших решил идти я сам. С собой я согласился взять только подполковника Владимира Сергеевича Любкина, начальника отдела УГПС, которого хорошо знал по совместной боевой работе в условиях различных ЧП. Хотя со мной готовы были идти начальник 11-го ОГПС Чапаевска подполковник Николай Петрович Будорин и его помощники, я им отказал, потому что незачем было рисковать жизнями стольких людей сразу.

На четвертом силосном корпусе, который меньше всего пострадал от взрывов, сохранилась вертикальная металлическая пожарная лестница. Поэтому мы предположили, что в случае, если пострадавшие остались живы, то путь к рабочей башне, от которой они пришли, наверняка оказался разрушенным уже в момент взрыва. Поэтому у них не было другого пути для спуска на землю, кроме как по этим чудом сохранившимся ступенькам.

К четвертому корпусу мы подогнали 30-метровую автолестницу, но даже при такой высоте она достала только до половины стены здания. Мы с Любкиным поднялись по ней, сколько было возможно, а остальную часть пути, до отметки 52 метра, нам пришлось преодолевать по той самой вертикальной пожарной лестнице, которая шла по стене элеватора и не имела ни поручней, ни каких-либо ограждений.

Стояла глубокая ночь – стрелки на циферблате, кажется, приближались к двум часам. Ветра не чувствовалось, но еще с вечера ударил крепкий мороз, и держаться на обледеневшей металлической лестнице было очень непросто. Голоса людей и шум машин остались где-то далеко внизу, огни Чапаевска и поселка работников элеватора сливались со светом редких звезд, а слева от нас полыхало зарево горящего третьего корпуса элеватора. Одним словом, поневоле возникало ощущение какой-то неправдоподобности происходящего. Но когда до вершины здания оставалось всего каких-то несколько метров, стало видно, что верхняя часть здания, а также лестница, по которой мы поднимались, покорежены взрывом, и потому создавалось впечатление, что вся эта масса в любой момент может обрушиться вместе с нами.

Это зрелище в один миг вернуло нас в реальность. Я вдруг почув-

ствовав, что лишь с большим трудом могу оторвать руки от металлических ступенек. Пальцы в перчатках меня не слушались, вопреки моей воле мертвой хваткой вцепляясь в лестницу. Это выиграло чувство самосохранения, которое у любого человека в иные мгновения его жизни порой оказывается сильнее разума. Нет, страха перед высотой или перед ожидающей впереди неизвестностью у меня в тот момент не было, однако было четкое ощущение смертельной опасности, исходящей от места катастрофы.

Немного переведя дух, мы решили все-таки продолжить подъем, все время подбадривая друг друга. В конце концов переломив себя, мы добрались до металлической площадки, расположенной перед дверью, что вела в надсилосный этаж. Ползком пробравшись через эту дверь внутрь корпуса, мы наконец-то смогли прийти в себя и отдышаться.

Перед нами предстала безрадостная картина: развороченная взрывом верхняя часть третьего корпуса, размером с половину футбольного поля, была целиком охвачена пламенем – это горели разлетевшиеся вокруг остатки зерна и семян подсолнечника. Сверху разрушенный корпус напоминал пылающий кратер вулкана, конусом уходящий вниз, и из него во все стороны торчали обломки железобетона, покореженные металлоконструкции, трубы, стальная арматура, части элеваторных транспортеров и так далее. Мы сразу поняли, что у рабочих элеватора, конечно же, не было никаких шансов уцелеть в этом аду. Тем не менее мы детально обследовали крышу четвертого корпуса, а также часть полуразрушенного третьего корпуса, куда все-таки смогли пробраться по самой кромке огненного кратера. Никаких признаков живых существ мы, к сожалению, здесь не обнаружили.

Обратный путь вниз по обледелым металлическим ступенькам нам с Любкиным в тот момент казался совершенно невозможным. Поэтому мы решили попробовать спуститься каким-нибудь другим путем. Нам удалось добраться до рабочей башни, которая оказалось почти не тронутой взрывом, но была сильно задымлена. По обычной маршевой лестнице, задыхаясь в дыму, мы сбежали вниз, и только на свежем воздухе наконец-то смогли откашляться. Когда мы вышли к своим коллегам, они уже стали за нас беспокоиться – как же это так, двое представителей УГПС влезли на верхушку элеватор и пропали. Оказалось, что мы в общей сложности отсутствовали около сорока минут, хотя для нас эти минуты пролетели как одно мгновение, зато оставшимся внизу они показались вечностью.

Мы сообщили родственникам рабочих, что никого из живых найти не удалось, и рассказали им, что сейчас творится в разрушенном третьем корпусе. Наш рассказ вызвал у матерей и жен новую волну плача и рыданий. Тем не менее они понимали: мы сделали все, что было в наших силах, и никаких претензий родственники нам не высказывали. А тела двоих погибших пожарные нашли только через три дня, под завалами, среди полусгоревших семян подсолнечника.

Пламя заливали жидким азотом

К 1 февраля 1988 года обстановка на Томиловском элеваторе складывалась, мягко говоря, плачевно. Из 92 силосов, в которые осенью были засыпаны семена подсолнечника, к этому времени удалось полностью разгрузить лишь 22. Еще 11 силосов в тот момент уже были полностью или частично разрушены взрывами, в семи других бетонных хранилищах шло активное и неконтролируемое горение продукта, а в 49 силосах ситуация все еще балансировала на опасной черте: температура в них к этому времени поднялась до 300-400 градусов. Это еще не порог воспламенения, но такая температура очень близко подходит к тому критическому рубежу, за которым, как знают биохимики, начинаются наиболее бурные процессы окисления органики с последующим выделением горючих газов и их воспламенением...

В начале февраля вопрос о ликвидации масштабной и комплексной аварии на Томиловском элеваторе был вынесен на совместное заседание руководства Куйбышевского обкома КПСС и облисполкома. На него, кроме первых руководителей областного уровня, были также приглашены представители профильных министерств из Москвы, а также столичные профессора и академики по биохимии, органической химии и пожарному делу. После резкой критики в адрес областного управления хлебопродуктов собравшиеся заслушали различные предложения специалистов о способах борьбы с огненной стихией. В конце концов остановились на так называемом методе флегматизации, предложенном московскими академиками. Согласно этому методу, содержащее тлеющих силосов на элеваторе нужно было заливать смесью из пены и "сухого льда", то есть замороженной углекислоты, после чего сразу же подавать в бункеры жидкий или газообразный азот, который мог бы вытеснить из хранилища кислород - и тем самым остановить процесс горения всей толщи семян подсолнечника.

К реализации этого плана приступили уже через пару дней. От жид-

кого азота после нескольких неудачных попыток уже вскоре пришлось отказаться: выяснилось, что вязкость этой жидкости, имевшей температуру минус 190 градусов, слишком велика для того, чтобы ее закачивать внутрь силосов через пожарные рукава. По этой причине жидкий азот попросту забивал неприспособленные для этой операции шланги, и потому в течение целого часа в бункер удавалось подать не более 30-40 литров криогенной смеси. К тому же резинотканевые рукава от соприкосновения с жидким азотом мгновенно становились хрупкими и быстро рвались сразу во многих местах...

Более удачным оказался метод флегматизации, сочетающий подачу в силос газообразного азота снизу, а углекислоты – сверху. Однако тут же выяснилось, что для закачки азота в бетонные емкости необходимо пробурить глубокие отверстия через всю толщу слежавшегося продукта. Поэтому у специалистов почти месяц ушел на разработку оптимальной технологии бурения, на изготовление соответствующего бурильного устройства и инструментов, а затем – и на их испытания. Но в конце концов все технические трудности остались позади, и после ряда пробных бурений испытателям удалось-таки остановить процесс окисления семян в нескольких силосах. Казалось бы, метод борьбы с затаившейся в недрах элеватора огненной стихией все-таки найден, о чем разработчики и руководители пожаротушения уже собирались доложить вышестоящему начальству, но в этот момент все карты им спутал... очередной взрыв.

Он прогремел в силосах №№ 2501 и 2601 в 4 часа 20 минут утра 27 февраля, спустя 9 часов после успешной работы по их флегматизации и последующей частичной разгрузке. Взрыв почти полностью разрушил эти железобетонные емкости, а также надсилосные перекрытия на всем этаже. Расследование этого инцидента показало, что уже после разгрузки силосов их наглухо закрыли – и по этой причине в бетонном мешке вновь скопились горючие газы, перетекшие сюда из соседних, еще не обработанных хранилищ. В итоге в тот момент, когда температура внутри силоса из-за разогрева стенки приблизилась к 1000 градусам, эта воздушно-газовая смесь взорвалась. А поскольку в дальнейшем нельзя было предсказать, где именно и при каких условиях взрывоопасные газы смогут скопиться вновь, решением совместной комиссии Куйбышевского обкома КПСС, облисполкома и Министерства хлебопродуктов СССР все дальнейшие работы на Томиловском элеваторе были приостановлены до лучших времен.

Само собой ничего не случается

В течение последующих двух месяцев одно из крупнейших в области зернохранилищ было фактически предоставлено самому себе. Хозяева элеватора, то есть руководители областного управления хлебопродуктов, старались больше не предпринимать никаких активных действий по ликвидации аварии, целиком положившись на естественный ход событий. Мол, мы в этой ситуации просто не в состоянии сделать что-либо сверх того, что уже сделано, и потому нам остается лишь ждать, когда через несколько месяцев в силосах с некондиционными семенами подсолнечника не сгорит все, что может гореть. Лишь тогда, по мысли управленцев, этот многомесячный пожар в чреве Томиловского элеватора прекратится сам собой...

Одним словом, получилось так, что в течение указанных месяцев крайними в этой ситуации оказались пожарные. В условиях, когда областное управление хлебопродуктов фактически самоустранилось от всякой работы по борьбе с последствиями собственной осенней безалаберности, руководство УПО УВД облисполкома было вынуждено ежедневно держать у аварийного объекта несколько дежурных подразделений. Хорошо еще, что в течение марта и апреля 1988 года ничего особенного на элеваторе не происходило: лишь в отдельных силосах регулярно наблюдалось выделение дыма, а иногда – и языки пламени. Когда сводки о таких “незначительных” происшествиях передавались в управление хлебопродуктов, его руководители всячески успокаивали огнеборцев. Мол, ничего страшного на элеваторе не случилось, идет процесс выгорания продукта, и он, по нашим расчетам, уже к маю должен завершиться сам собой.

Такой же вывод сделала и государственная комиссия Министерства хлебопродуктов СССР, которая обследовала Томиловский элеватор в течение 16-20 апреля 1988 года. Осмотрев многометровое хранилище, высокие чиновники заявили, что неконтролируемый процесс тления и горения семян подсолнечника здесь закончится чуть ли не в ближайшие дни, и потому, скорее всего, уже в конце мая можно будет приступить к разгрузке всех силосов и капитальному ремонту элеватора. Успокоив этими заявлениями в первую очередь самих себя, члены высокой комиссии отбыли в Москву.

Однако в первых числах мая, когда в Куйбышевской области резко потеплело, события на станции Томилово вновь приобрели непредсказуемый оборот. Из-за весенней жары процессы окисления семян под-

солнечника в недрах хранилищ пошли ускоренными темпами. В результате дежурившие у аварийного объекта пожарные расчеты стали с тревогой отмечать, что дымление в корпусах элеватора заметно усилилось. А когда 7 мая полуразрушенное здание стали исследовать с помощью тепловизора, то руководители УПО и вовсе схватились за голову: стены корпусов элеватора во многих точках оказались нагретыми до 80-100 градусов. Это могло означать лишь одно: внутри элеватора опять началось активное горение семян, и потому здесь, как и четыре месяца назад, вновь возникла угроза серьезного пожара и серии мощных взрывов.

Попытка представителей УПО обратить внимание на этот факт руководителей областного управления хлебопродуктов долгое время успеха не имела. Но уже через несколько дней чиновникам все же пришлось вспомнить об аварийном объекте: в 14 часов 10 мая в дежурную часть УПО УВД облисполкома поступило экстренное сообщение о сильном пожаре на Томиловском элеваторе. По области вновь прозвучал сигнал о пожаре № 3 – высокой опасности.

Как вскоре выяснилось, в этот час на аварийном объекте почти одновременно загорелось сразу несколько силосов в первом и втором корпусах. Несмотря на усилия дежурных подразделений огнеборцев, уже через полчаса огонь ушел в подсилосный этаж, где скопились продукты разложения семян подсолнечника, и вскоре “красный петух” выбрался и в рабочие помещения элеватора. Здесь, как и во всех остальных корпусах высотного здания, борьбу с огнем сильно осложняли полуразрушенные в течение последнего полугодия лестницы, обвалившиеся технологические конструкции и трубопроводы, а также многочисленные железобетонные обломки взорвавшихся еще зимой силосов. И хотя в тушении приняли участие более 20 пожарных расчетов, пламя все равно упорно продолжало распространяться по всему элеватору.

К 18 часам вечера в здании уже горели все четыре нории, а еще через 40 минут огонь охватил целиком все норийные шахты и технологические трубопроводы. К 19 часам ярко полыхало уже все остальное оборудование рабочего здания, а также элеваторный пункт приема автомашин. В 19 часов 45 минут на объекте загорелись также зерносушилка, пылесборники и циклоны. Далее по технологическим коммуникациям огонь устремился в бункера и силоса рабочего здания элеватора, и уже вскоре в нем фактически не осталось ни единого уголка, куда бы не заглянула огненная стихия.

Борьба пожарных с подобным “неконтролируемым выгоранием” некондиционного сырья на Томыловском элеваторе продолжалась более двух суток - вплоть до второй половины дня 12 мая, когда им с огромным трудом удалось обуздать распространение огня по рабочей башне. К утру 13 мая здесь продолжалось лишь горение зерна в трех бункерах и девяти оперативных силосах. После этого представители управления хлебопродуктов, издаലെка наблюдавшие за борьбой пожарных с огненной стихией, вновь заявили, что оставшиеся силоса тушить более не следует и опять нужно лишь дожидаться, когда семена в них выгорят до конца.

Авария на фоне государственных перемен

В связи с новым обострением ситуации вокруг Томыловского элеватора 18 мая 1988 года в Министерстве хлебопродуктов СССР прошло представительное совещание, где вновь рассматривались методы и способы ликвидации затянувшейся аварии. О степени обеспокоенности Москвы обстановкой на станции Томылово говорит хотя краткий перечень некоторых участников этого мероприятия. Председательствовал на совещании заместитель министра хлебопродуктов Ю.П. Ковалев, а участие в нем принимали председатель Куйбышевского облисполкома В.А. Погодин, начальник УПО УВД Куйбышевского облисполкома А.К. Карпов, заместитель начальника гражданской обороны СССР генерал-полковник А.Я. Ряхов, главный эксперт по химическому оружию Министерства обороны СССР академик, генерал-лейтенант А.Д. Кунцевич, директор института химической физики академик АН СССР Ю.А. Буслаев, и еще около полутора десятков чиновников и ученых союзного масштаба.

После бурного обсуждения были отвергнуты самые экзотические, а также чересчур кардинальные методы по ликвидации аварии. Например, некоторые горячие головы из числа докторов наук и академиков предлагали подорвать полуразрушенные элеваторные башни тротильным зарядом, так как их устойчивость в тот момент уже находилась на грани возможного. Некоторые высокопоставленные военные чины предлагали... расстрелять горящие силоса из артиллерийских орудий, чтобы сквозь пробойны из железобетонного бункера в атмосферу свободно выходили взрывоопасные продукты разложения семян - метан, водород, окись углерода и так далее. Наконец, отдельные ученые даже рассматривали возможность применения робототехники

для ликвидации аварии и ее последствий. По мнению таких специалистов, телеуправляемый робот, снабженный температурными датчиками, наверняка оказался бы способен проникнуть в самый отдаленный уголок завала или горящего бункера, а затем, изучив сложившуюся в нем обстановку, доставить в очаг пожара необходимые средства тушения. Впрочем, это предложение, как и некоторые другие, были отвергнуты как малоэффективные и дорогостоящие.

В конце концов высокая комиссия в качестве основного метода ликвидации аварии на Томиловском элеваторе остановилась... все на той же флегматизации тлеющих и горящих силосов с помощью газообразного азота и твердой углекислоты. Но теперь на эту операцию, в отличие от апрельской атаки, ликвидаторам выделили немалые средства на выгрузку семян подсолнечника, проса, пшеницы и других сельскохозяйственных культур из тех элеваторных силосов, которые в тот момент еще не затронула авария, и где продукция пока еще сохранила свои кондиционные качества. Были отпущены также деньги на приобретение и изготовление необходимого оборудования, на закупку в нужных количествах химических компонентов – азота, углекислоты, и еще на многие другие нужды. Но самое главное – для защиты от возможных взрывов комиссия обязала областное управление хлебопродуктов соорудить у корпусов элеватора железобетонные укрытия, за которыми и должен был находиться весь персонал ликвидационной партии во время работ по флегматизации аварийных силосов. Завершение же подготовительных работ и сооружение всех укрытий властям области предписывалось обеспечить уже к концу июня 1988 года. Однако в реальности все перечисленные выше операции на Томиловском элеваторе смогли начаться лишь глубокой осенью.

Вот что о дальнейших событиях рассказал полковник А.В. Жарков:

- В течение весны и начала лета 1988 года пожарные находились на элеваторе практически постоянно. Однако тушением силосов с семечками мы почти не занимались, потому что даже подходить к ним было слишком опасно из-за возможности новых взрывов. По указанию министерства хлебопродуктов из-за своего непредсказуемого нрава элеватор был предоставлен сам себе и до следующего лета он фактически медленно умирал, выгорая изнутри. Пожарные лишь следили, чтобы пламя не вышло за пределы огороженной площадки. А когда к концу июня 1988 года необходимость в существовании оперативной группы УВД отпала, я вообще перестал появляться на станции Томилово.

Ежедневные дежурства на объекте были возложены на Чапаевский гарнизон пожарной охраны. Лишь осенью 1988 года мне снова пришлось проезжать через Чапаевск, и я заехал на элеватор, чтобы узнать, как здесь обстоят дела. К тому времени возгораний здесь стало гораздо меньше, однако из некоторых силосов по-прежнему шел дым. Рабочие элеватора, соблюдая технику безопасности, стремились выгрузить продукцию из уцелевших силосов, а я осмотрел зону разрушений. Везде валялись обломки полуразрушенных конструкций, а на тех участках элеваторного корпуса, которые затронуло бушующее пламя, я увидел не бетонные стены, а лишь их стальной скелет из арматуры. Оказалось, что температура в зоне пожара достигала таких величин, что в пламени разрушался даже бетон, теряя свою несущую способность. Громадные бетонные плиты начинали крошиться, и в результате на местах, где еще недавно стояли железобетонные конструкции, оставался один лишь металлический каркас.

Вплоть до лета 1989 года на аварийном объекте продолжалась нудная каждодневная работа. При этом здесь как минимум раз в неделю то и дело неожиданно возникали опасные ситуации: в силосах вдруг начинался быстрый саморазогрев, а из-под толщи слежавшихся семян шли клубы дыма и пробивались языки пламени. В таких случаях работы немедленно прекращались – и рабочие бросались к укрытиям. Тем не менее новых взрывов и человеческих жертв удалось избежать. Постепенно уцелевшие элеваторные силосы один за другим разгружались от хранящейся здесь продукции, а в других, где происходило тление или горение семян, бурильные установки вскрывали спекшуюся толщу, чтобы потом азотно-углекислотной атакой вытеснить отсюда взрывоопасные воздушно-газовые смеси. Только после этого в хранилище могли спуститься рабочие в противогазах, которые разбивали плотную массу ломами и кирками.

Все ликвидационные работы на Томиловском элеваторе были в основном завершены к осени 1989 года, как раз ко времени закладки нового урожая. Однако о какой-либо эксплуатации полуразрушенного предприятия не могло быть и речи. Министерство хлебопродуктов СССР той осенью прислало на элеватор очередную комиссию, которая сделала неутешительный вывод: дешевле будет построить новый элеватор на прежнем месте, чем восстанавливать и реконструировать старый. По некоторым сведениям, вопрос о выделении средств на такое строительство должен был рассматриваться в пра-

вительстве СССР в 1990 году. Но тогда этому помешала кризисная экономическая ситуация в стране, а в следующем году – распад Советского Союза.

Жертвы плановой экономики

В январе 1989 года в Куйбышевском областном суде под председательством судьи Г.А. Пахомова начался процесс по уголовному делу о разрушении Томиловского элеватора в результате его неправильной эксплуатации. На скамье подсудимых оказалось трое недавних руководителей областного масштаба, напрямую причастных к этой истории. В их числе – бывший директор многострадального элеватора 52-летний Анатолий Солодовников (в момент начала суда он уже устроился простым инженером в Чапаевскую УТЭП), бывший начальник управления хлебопродуктов Куйбышевского облисполкома 70-летний Николай Бардин (тогда перед судом он предстал уже в качестве пенсионера), а также бывший заместитель начальника этого управления 60-летний Виктор Рогачев (к началу процесса он был переведен на должность руководителя группы НОТ управления “Куйбышевхлебопродукт”). Кроме увольнения с руководящих должностей, все подсудимые еще в период следствия были, как водится, исключены из рядов КПСС...

Всем троим было предъявлено обвинение по ст. 172 УК РСФСР (халатность), а Бардину и Рогачеву – еще и по ст. 170 (злоупотребление служебным положением). При этом следствие и суд установили, что 13 октября 1987 года Солодовников получил письменное разрешение за подписью Бардина о приемке на эlevator в виде исключения 4 тысяч тонн семян подсолнечника влажностью до 25 процентов (но не больше!), и еще 2,1 тысячи тонн так называемых дефектных семян. При этом Солодовникову было строго указано, что непомерно влажную продукцию он обязан направить на сушилки первоочередным порядком, чтобы в кратчайшие сроки довести содержание в них воды до нормативных 7 процентов, и лишь после этого засыпать в бетонные силосы. Казалось бы, ничего криминального в таком письме не содержалось, но именно этот документ, как потом выяснилось, фактически дал старт многочисленным технологическим нарушениям на Томиловском элеваторе.

Как же отреагировал Солодовников на указание своего непосредственного начальника? Оказывается, письмо Бардина поступило к нему

в очень напряженный момент, когда директор элеватора фактически оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, на него давили руководители колхозов и совхозов, у которых срывался план сдачи выращенной продукции, и они буквально на коленях умоляли директора принять мокрый подсолнечник. Но при этом с другой стороны над Солодовниковым дамокловым мечом висели ведомственные инструкции, категорически запрещающие засыпать в хранилища непомерно влажное сырье. В этой ситуации директор элеватора поневоле воспринял письмо Бардина как спасательный круг, который давал возможность и ему, и колхозам выполнить-таки план по приемке-сдаче государству сельскохозяйственной продукции...

Но, как это у нас всегда бывает, в деле приема некондиционного подсолнечника Солодовников откровенно перегнул палку. Как установило следствие, в нарушение указаний начальства и вопреки нормативным инструкциям по его указанию на эlevator принимались семена с влажностью свыше 25 процентов (в отдельных случаях – даже с 35-40 процентами влаги!). Всего такой продукции сюда поступило 1543 тонны, и еще 3089 тонн дефектного подсолнечника, то есть в полтора раза больше разрешенной квоты.

Неудивительно, что для сушки непомерно мокрых семечек элеватору не хватило заранее запасенного топлива, да и времени на эту операцию нужно была тратить в два раза больше, чем положено. Поэтому Солодовников, по его собственным показаниям, в октябре 1987 года он несколько раз обращался лично к Бардину и к его заместителю Рогачеву и просьбой увеличить лимит на топливо, но каждый раз получал отказ. Кончилось все тем, что замордованный обстоятельствами Солодовников стал откровенно закрывать глаза даже на самые грубые технологические нарушения, о которых говорилось выше – например, на то, что в элеваторные силосы засыпался подсолнечник с влажностью свыше 25 процентов, а иногда – даже до 33 процентов, то есть в 4-5 раз (!) больше нормы. Чем все это закончилось, читателю уже известно.

А вот со стороны Бардина и Рогачева основная вина выразилась не только в том, что в самый тяжелый момент они отказали своему подчиненному в помощи, но еще и в откровенном искажении отчетности. Как установили следствие и суд, в январе 1988 года Рогачев подготовил, а Бардин подписал годовой отчет для Министерства хлебопродуктов СССР, в котором содержались красивые цифры о перевыпол-

нении плана заготовок всеми элеваторами области, в том числе и То-мыловским. А вот о том, что в зернохранилищах нашего края в течение всей осени грубо нарушалась технология, а в начале и середине зимы бушевали пожары и гремели взрывы, первые лица управления хлебопродуктов почему-то забыли упомянуть...

На основании собранных доказательств все трое бывших руководителей были признаны виновными в халатности, повлекшей тяжкие последствия, в том числе и гибель людей, а Бардин и Рогачев – еще и в должностном подлоге. В связи с этим все получили поровну – по два года лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. Кассационные жалобы осужденных Верховным судом СССР были оставлены без изменения.

Таким оказался финал этой весьма необычной истории. Впрочем, бывалые управленцы, работавшие в государственных структурах еще во времена СССР, считают, что Солодовников, Бардин и Рогачев под давлением обстоятельств (в данном случае - неблагоприятных погодных условий) были просто вынуждены действовать именно так, а не иначе. При этом, несмотря на погоду, они по своей должности и под угрозой ее потери все равно должны были выполнить государственный план, который в то время считался законом для любого руководителя. Стало быть, они всего лишь стали жертвами плановой экономики, существовавшей в те годы в нашей стране.

В.В. Ерофеев

Глава 10

Пруды горели жарким пламенем (Пожар на нефтяных отстойниках Сызранского НПЗ 28 мая 1992 года)

Провожая глазами ревущие машины пожарных частей, сызранцы тогда полагали, что сегодня, как и всегда, огнеборцы без особого труда справятся с очередным возгоранием. Но в тот день, 28 мая 1992 года, в 17 часов 39 минут, когда многие горожане спешили домой после трудового дня, над Сызранью грозно взметнулся черный клубящийся шлейф дыма. Никто в тот момент еще не знал, что он станет предвестником ужасной трагедии.

Неизвестно, произошло это по чьему-то злому умыслу или из-за преступной беспечности, но 28 мая, уже в третий раз за этот месяц, в открытом мазутохранилище Сызранского нефтеперерабатывающего завода вспыхнуло жаркое пламя. Первым пожар увидел начальник караула ВПЧ-26 Трибунский, и тут же по тревоге “номер три” на место происшествия выехали пожарные расчеты. По приезду начальник караула сразу же сообщил, что горит половина мазутовой ямы № 3, но огонь продолжает быстро распространяться по ее поверхности в юго-западном направлении.

Руководство тушением пожара сразу же принял на себя заместитель начальника ОГПС-7 (ныне его начальник) В.А. Матиевский. В это время пламя продолжало с большой скоростью бежать по зеркалу хранилища, в конце концов охватив территорию размером 175 тысяч квадратных метров. На место происшествия сразу же было направлено восемь подразделений, и первыми на пожар прибыли бойцы ВПЧ-26, возглавляемые командиром этой части майором М.В. Луценко. Тут же началось развертывание пожарных автомобилей. Отдавая команды, Михаил Васильевич и сам принимал активное участие в подготовке атаки на бушующее пламя. При этом на самом опасном участке он поставил отделение бойцов, которым командовал старшина С.А. Вотрин.

Кто был на том пожаре, тот до сих пор помнит эту жуткую, в полнеба, стену бешеного пламени и черного дыма. На фоне огненного вала фигурки пожарных казались крошечными, неспособными противостоять разрушительной огненной стихии. Однако люди в брезентовых ро-

бах вовсе не собирались отступить перед натиском пламени. Они подготовили к работе пеногенераторы, и вскоре прямо в очаг пожара хлынули потоки белой пенящейся смеси, которая прямо на глазах стала теснить этот пылающий вал.

Однако, несмотря на все усилия пожарных обстановка на мазутохранилище продолжала осложняться. Поднявшийся ветер стал раздувать пламя, и его высота на отдельных участках достигала 80-100 метров. Тушению пожара также препятствовали густой едкий черный дым и сильный жар, исходящий из очага возгорания. Пенные атаки на горящие нефтяные пруды проводили раз за разом, но они долго не давали желаемых результатов. А поскольку в зону огня уже вылили огромное количество воды, то через некоторое создалась реальная угроза ее вскипания, и, как следствие, выброса из пруда горящих нефтепродуктов.

Михаил Луценко, осознавая эту опасность, отдал приказ личному составу части немедленно покинуть боевые позиции, а сам продолжил борьбу с огнем вместе с командиром отделения Сергеем Вотриным. На часах в этот момент было 20 часов 03 минуты. Но едва лишь бойцы отошли от прежнего места на несколько шагов, как произошло непоправимое: где-то под слоем горящего мазута вскипела водяная линза, и пылающая лава накрыла двоих огнеборцев, продолжавших сражаться с пламенем. При этом все видели, как Вотрин с помощью пеногенератора ГПС-600 до последнего мгновения прикрывал пенной струей отходящих с позиции своих товарищей, и махал рукой командиру, чтобы тот тоже уходил. Однако Луценко своего боевого участка все-таки не покинул, и в итоге ни он, ни Вотрин так и не успели укрыться от падающей на них пылающей нефтяной массы...

Луценко все-таки оказался немного ближе к краю огненного пятна, и уже через минуту после выброса к нему подбежали другие пожарные, которые быстро сбили пламя со своего командира. Однако начальник ВПЧ-26 получил столь тяжелые ожоги, что он скончался еще по пути в больницу. Что же касается Вотрина, то он оказался в самом центре выброса, и потому от яростного пламени погиб практически мгновенно. Его обгоревшее тело извлекли из зоны пожара лишь после того, как был затушен огонь на месте его гибели.

Кстати, и нынешний начальник ОГПС-7 В.А. Матиевский, как оказалось, в тот день тоже был буквально на волосок от гибели. Вместе с Луценко в те самые критические секунды он тоже находился на

передовой позиции. Отойти на десяток шагов в сторону от пылающего ада его заставил лишь звонок из областного управления пожарной охраны. А пока он говорил по телефону, буквально на его глазах произошел тот самый выброс нефтепродуктов, который и накрыл двоих его товарищей. Правда, сейчас Матиевский не любит об этом вспоминать. Он лишь говорит, что стоять лицом к лицу с опасностью – его обычная работа, и потому в тот раз он рисковал не больше, чем всегда...

А выбросы нефтепродуктов из прудов-отстойников Сызранского НПЗ В.А. Матиевский прокомментировал так:

- Особенностью горения нефтепродуктов являются так называемые выбросы, когда от пламени вскипают лежащие под ними слои воды, от чего происходит своего рода “паровой взрыв”. Именно таким выбросом и были 28 мая 1992 года накрыты майор Михаил Луценко и старшина Сергей Вотрин. Вообще-то такие выбросы можно предсказать, правда, с определенной погрешностью - плюс-минус несколько минут. Но поскольку в тот роковой момент никто не знал, сколько же именно в той яме было мазута и сколько воды, то самый первый выброс тогда рассчитать было невозможно.

Горящая нефтяная масса сожгла все рукава пожарных машин, и поэтому сразу же после того выброса огнеборцам вновь пришлось разворачивать сети. После несчастного случая на помощь сызранцам были брошены дополнительные силы из Жигулевска и Тольятти. Пламя над нефтяными прудами удалось подавить лишь глубокой ночью, когда город уже спал. Борьба с огнем в общей сложности тогда продолжалась восемь часов. Кстати, аналогичные пожары в других городах страны тушили порой и по трое суток.

Указом Президента РФ за героизм и стойкость, проявленные при тушении пожара на нефтяных отстойниках Сызранского НПЗ, майор Михаил Луценко и старшина Сергей Вотрин были посмертно награждены орденами «За мужество». Ныне на месте их гибели возведен мемориальный комплекс, а в музее боевой славы ОГПС-7 недавно была открыта экспозиция с макетом пожара на мазутовых ямах.

Кстати, не все знают, что происшествию на прудах-отстойниках 28 мая предшествовал еще один пожар на том же самом месте, который случился 20 мая. Его тоже тушила пожарная часть под командованием Михаил Луценко. Затем начальник ВПЧ-26 по этому поводу опубликовал статью в заводской газете, в которой есть такие строки: “...Хо-

чется надеяться, что этот печальный урок даст свои результаты... В противном случае жители нашего города еще увидят картину, напоминающую “конец света”, а профессиональным работникам пожарной охраны придется проявлять массовый героизм, реально рисковать своей жизнью...”

Думал ли тогда Михаил Луценко о том, что всего через неделю ему и в самом деле вновь придется рисковать своей жизнью на нефтяных отстойниках, а потом войти в огонь, чтобы потом уже никогда не выйти из него живым?

Н.В. Мигненко

Глава 11

Смерч над азотным заводом (Пожар на объединении “Куйбышевазот” 9 июля 1993 года)

Город Тольятти больше всего известен не только в России, но и во всем мире, как признанный центр автомобилестроения. Безусловно, Волжский автозавод - одно из основных промышленных предприятий Тольятти, однако нельзя не признать, что в тени автогиганта как-то потерялись другие крупные объекты волжского города - в первую очередь химические. И уж тем более почти никто из обывателей не задумывается, какую опасность для жизни каждого тольяттинца несет столь высокая концентрация взрывоопасных производств на этом небольшом “пятачке” левобережья Волги. Огненный шквал, пронесшийся над объединением “Куйбышевазот” в середине летнего дня 1993 года - грозное тому подтверждение.

Из оперативной сводки происшествий: “9 июля 1993 года в 13 часов 01 минуту по неустановленной причине произошел взрыв в корпусе 905а цеха № 35 по производству капролактама объединения “Куйбышевазот” (департамент агрохимии РФ) с последующим возгоранием фонтанирующего циклогексанона на трех уровнях. В результате взрыва разрушено наружное ограждение цеха и технологическое оборудование. В ожоговое отделение с ожогами 50-60 процентов кожного покрова госпитализирован старший аппаратчик цеха № 35 Мартынов И.И., при взрыве погибли заместитель начальника цеха № 35 Бухарев Н.П. и аппаратчик Кирсанов С.И. В ликвидации аварии принимали участие пожарные подразделения Тольятти и Самары, 20 единиц пожарной техники, 122 человека личного состава во главе с заместителем начальника противопожарной и аварийно-спасательной службы УВД администрации Самарской области В.Ф. Кондаковым. Размер материального ущерба от аварии устанавливается”.

Но из этого сухого сообщения не видно ни размера угрозы, нависшей в те тревожные минуты над сотнями тысяч жителей Тольятти, ни степени самоотверженности пожарных, которые с громадным риском для собственной жизни отвели от города очень даже реальную катастрофу. Чтобы понять ее возможные масштабы, нужно вкратце познакомиться с местом аварии (см. схему).

То самое злополучное здание, в котором и произошла трагедия, было построено в 1991 году по проекту московского института ГИАП. В нем располагаются два корпуса - 905а и 906а, каждый из которых имел размеры 54х12 метров. В корпусе 906а (его высота 18 метров) находятся ректификационные колонны, в которых и происходит реакция синтеза легковоспламеняющихся жидкостей. Корпус же 905а разделен продольной бетонно-кирпичной перегородкой на две неравные части. В первой из них, шириной 12 метров и высотой шесть метров, до взрыва располагалось насосное отделение. Эти электрические насосы непрерывно перекачивали уже готовый циклогексанон в три огромные емкости-хранилища (каждая из них имеет объем в 250 кубометров), которые расположены во второй половине корпуса 905а. К моменту аварии все три цистерны были почти доверху заполнены крайне взрывоопасной и легковоспламеняющейся жидкостью циклогексаном.

Комментарий полковника В.Ф. Кондакова, в то время - заместителя начальника противопожарной и аварийно-спасательной службы (ПАСС) УВД администрации Самарской области: “Если бы во время аварии произошло возгорание и взрыв этих хранилищ, то последствия для Тольятти могли бы быть катастрофическими, Судите сами: тут же взлетел бы на воздух соседний ректификационный цех, затем взрывная волна докатилась бы до находящихся неподалеку сферических емкостей со сжиженным газом. Огненный шквал пошел бы на расположенные буквально “забор в забор” объединения “Куйбышевфосфор” и “Синтезкаучук”, где также стали бы рваться емкости с легковоспламеняющимися веществами. Взрывная волна уже через несколько минут накрыла бы почти все жилые кварталы Центрального района Тольятти, ближайшие из которых начинаются в 500 метрах от промышленного массива. Сколько жизней унесла бы с собой катастрофа - гадать не берусь, но ее последствия, безусловно, были бы ужасны”.

Но вернемся к злополучному 35-му цеху объединения “Куйбышевазот” и попытаемся восстановить хронологию тех трагических событий. Заранее необходимо извиниться за возможные неточности, так как некоторые участники событий, как уже было сказано, больше никогда не смогут ответить на вопросы государственной комиссии.

9 июля, около 12 часов дня. Аппаратчик 35-го цеха Кирсанов обнаружил, что корпус 214а-1 сильно нагрелся и доложил об этом старшему аппаратчику Мартынову. Вообще расследованием было установ-

лено, что корпус насоса стал греться задолго до девятого июля, но в тот день перегрев стал по-настоящему угрожающим. Причина этого явления так до сих пор и не установлена - скорее всего, из-за отсутствия своевременного профилактического осмотра изнашивались подшипники. На промышленных предприятиях подобное случается сплошь и рядом, но на взрывоопасных химических производствах такое пренебрежение правилами техники безопасности особенно недопустимо.

Около 12 часов 15 минут. Мартынов по телефону доложил о перегреве корпуса насоса заместителю начальника 35-го цеха Бухареву. Тот находился в соседнем здании, поэтому в насосную после звонка пришел не сразу.

Около 12 часов 40 минут. Бухарев, Кирсанов и Мартынов втроем осмотрели неисправный насос. Бухарев дал команду переключить систему на соседний запасной агрегат, а затем попытаться найти причину перегрева.

Около 12 часов 50 минут. Насос 214а-1 отключен. Кирсанов и Мартынов начали поиск неисправности.

12 часов 55 минут. Из-за разрыва трубопровода или из-за некачественных действий аппаратчиков из насоса произошел выброс циклогексанона в воздух цеха. Проще говоря, из агрегата под давлением десять атмосфер ударила струя раскаленной (около 1600 градусов) легковоспламеняющейся жидкости (температура воспламенения 2600 градусов). Вырываясь на волю, циклогексанон тут же переходил в газообразное состояние, и уже через две-три минуты все пространство насосной станции было заполнено газовойдушной смесью. Даже специалисту понятно, что взрыв стал практически неминуем.

12 часов 59 минут. После безуспешных попыток самостоятельно перекрыть смертоносный фонтан из насоса Бухарев приказал Мартынову немедленно бежать к телефону и сообщить о происшествии на центральный пульт управления. Однако аппаратчик успел добежать только до выхода из насосной станции. В это момент и произошел взрыв. Его причиной, скорее всего, послужила случайная искра в любом из множества элементов электрооборудования цеха.

13 часов 00 минут. Взрывной волной Мартынова, который в тот момент находился в проеме противопожарного выхода из насосной станции, с силой выбросило из помещения. Прибывшие позже спасатели нашли его с тяжелыми ожогами и в бессознательном состоянии за пределами корпуса. Той же волной Бухарева и Кирсанова бросило

на перегородку, отделяющую насосную от емкостей с циклогексаном. Стена частично обрушилась, и обоих работников завалило обломками. От взрыва и рухнувшей стены Бухарев и Кирсанов скончались на месте происшествия.

13 часов 01 минута. Сообщение о взрыве и пожаре в 35-м цехе объединения “Куйбышевазот” поступило на центральный пульт пожарной охраны Тольятти. По тревоге № 2 на объект выехали восемь пожарных подразделений.

13 часов 04 минуты. К месту происшествия прибыли первые огнеборцы - два отделения ВПЧ-35. Заместитель начальника ВПЧ-35 А.И. Дудин по рации доложил обстановку: остекление насосного отделения полностью выбито взрывной волной, обрушилась часть навесных панелей с его южной и северной стороны, здание насосной целиком охвачено пламенем, огонь также подбирается к наружной установке над насосным отделением, начиналось горение на межцеховой эстакаде. Возникла реальная угроза взрыва на наружной установке реакторного блока и в хранилищах.

К моменту прибытия первого подразделения пожарной охраны личный состав дежурной смены остановил производственный процесс во всем цехе № 35, включил кольца орошения на наружной установке отделения 905а и 906а. Обслуживающий персонал из опасной зоны полностью эвакуирован.

13 часов 08 минут. В центральную диспетчерскую пожарной охраны Тольятти поступило сообщение о том, что на объединении “Куйбышевазот” пожар не № 2, а № 3 - высокой опасности. Подразделения огнеборцев приступили к прокладке магистральных линий для подачи воды в очаг загорания. Однако тут же выяснилось, что давление в пожарных водопроводах гораздо ниже нормы. Причина - грубые недоделки при эксплуатации линии водоснабжения на объединении “Куйбышевазот”. Подполковник внутренней службы В.В. Рогачев дал команду о прокладке магистральной линии к месту пожара от градирни цеха № 38, которую стали использовать как пожарный водоем.

Через разрушенные трубопроводы из емкостей в корпусе 905а прямо в очаг пожара, то есть в насосную станцию потоком хлынул находящийся здесь циклогексанон. Поэтому главной задачей огнеборцев на первом этапе тушения стал как можно более быстрый поиск задвижек, перекрывающих трубопроводы, и охлаждение заполненных горючей жидкостью цистерн. Задача резко осложнилась тем обстоятельством,

ством, что путь к задвижкам в одних местах преграждала стена огня, в других - завалы из металлоконструкций, в третьих - реальная угроза выброса циклогексанона и взрывов. Тем не менее бойцами пожарных подразделений задача была успешно выполнена.

13 часов 33 минуты. Все задвижки на разрушенных трубопроводах перекрыты, и утечка циклогексанона в зону огня прекращена.

С этого момента главной задачей огнеборцев стало охлаждение емкостей с легковоспламеняющимися жидкостями. Их поливали из лафетных стволов, насколько это позволяли давление в пожарных магистрях и мощность пожарных насосов.

14 часов 21 минута. Пожар локализован. Огню не дают распространяться из здания насосной станции. На охлаждении емкостей с циклогексаномом задействовано восемь лафетных стволов и шесть стволов "А". Всего на месте пожара работает более 100 человек.

15 часов 45 минут. Тепловое излучение из очага пожара больше не достигает хранилища легковоспламеняющихся жидкостей. Тем самым ликвидирована угроза взрыва на объединении "Куйбышевазот" и во всем Тольятти, которая заставила держаться в напряжении сотни людей.

21 час 09 минут. В разрушенной насосной станции устранены последние потенциальные очаги загорания. Тем самым пожар в 35-м цехе объединения "Куйбышевазот" ликвидирован.

Группа работников пожарной охраны, особенно активно проявивших себя во время тушения, представлена к государственным наградам. Расследованием причин аварии и взрыва занялась правительственная комиссия.

...В свое время великий русский ученый М.В. Ломоносов сказал: "Широко простирает химия руки свои в дела человеческие". Но вряд ли наш первый академик предполагал, что всего через двести лет после его слов безудержное и бездумное распространение химических производств в его родной стране будет угрожать сотням и тысячам жизней людей...

В.В. Ерофеев

Глава 12

Как от одного окурка сгорело 18 танков (Пожар на танковом полигоне в поселке Рощинский 12 апреля 1995 года)

Самое начало 1995-го года для нашей армии выдалось трудным. Как известно, в новогоднюю ночь российские войска начали штурм столицы сепаратистской Чечни. Большие надежды при этом возлагались на бронетанковые соединения, однако из-за несогласованных действий командования во время боев в городе российские танкисты понесли значительные потери.

Уже в конце зимы 1995 года танковые соединения стали выводиться из Чечни и распределяться по военным округам. Некоторые из них в начале весны для расконсервации и текущего ремонта были направлены на территорию ПриВО, в том числе и в полевой парк 6-го гвардейского танкового полка, который в то время находился неподалеку от села Черноречье Самарской области. Именно здесь апрельским вечером и случилось чрезвычайное происшествие...

“Начальнику Главного управления ГПС МВД РФ Серебренникову Е.А. Спецсообщение.

12 апреля 1995 года в 17 часов 53 минуты в оперативно-дежурную часть УГПС УВД Самарской области поступил сигнал о пожаре на территории в/ч 89551 в поселке Черноречье Волжского района (открытый полевой танковый парк). На место происшествия по вызову № 2 было направлено 11 пожарных автомобилей основного назначения, автомобиль ИПЛ, резервный взвод учебного центра пожарной охраны. По прибытию к месту вызова в 18 часов 16 минут заместитель начальника ОГПС-8 капитан внутренней службы Назаров Е.М. сообщил в ОДЧ, что огнем охвачено 15 единиц бронетехники, постоянно происходят взрывы артиллерийских снарядов и топливных баков танков, среди военнослужащих имеются погибшие и раненые. Назаровым была дана команда подать ствол СВП на тушение горящей техники, что предотвратило распространение пожара на соседние танки.

Оперативная группа во главе с заместителем начальника УГПС полковником внутренней службы Кондаковым В.Ф. прибыла на место происшествия в 18 часов 50 минут. В 19 часов был создан штаб пожа-

ротушения, организованы два боевых участка с южной и северной сторон...

При взаимодействии с командованием и личным составом в/ч 89551 в 20 часов 05 минут пожар был локализован, а в 22 часа 07 минут ликвидирован. Во время тушения пожара получили ранения четверо работников УГПС.

Начальник УГПС УВД Самарской области полковник внутренней службы А.К. Карпов”.

Вот как вспоминает тот злополучный вечер Александр Виштагин, который в апреле 1995 года был подполковником внутренней службы, заместителем начальника отдела службы и подготовки УГПС УВД Самарской области:

- Сообщение о пожаре на танковом полигоне в Черноречье поступило в самом конце дня, когда работники управления, не занятые в дежурной смене, уже собирались домой. Разумеется, после тревожного сигнала я в числе других руководителей УГПС выехал на место происшествия.

При подъезде к поселку Рошинский мы увидели человека в комбинезоне танкиста, который, прихрамывая, шел нам навстречу и махал рукой. Когда мы около него остановились, то я с удивлением увидел на плечах танкиста генеральские погоны. Генерал стал говорить, что на полигон ехать опасно: там по неизвестной пока причине вспыхнул пожар, от чего начали рваться танковые снаряды, и уже есть погибшие и раненые. Когда кто-то из пожарных спросил, почему он хромот, генерал ответил, что его тоже ранило осколком в ногу. Но я сказал, что пожарные даже в экстремальных условиях не имеют права отказываться от выполнения своего долга, и потому, несмотря на протесты генерала, мы отправились дальше.

Когда пожарные проехали Рошинский, то им отсюда уже были хорошо слышны взрывы, доносящиеся со стороны танкового парка. Вскоре Виштагин увидел и черные клубы дыма, а также огненные “строчки” на фоне темнеющего неба – следы разлетающихся боеприпасов и их осколков. А когда пожарные подъехали к колючей проволоке, огораживающей полигон, то увидели множество пылающих бронированных машин, лежащих на земле людей в военной форме и длинный ряд дымящихся боеприпасов...

Как потом выяснилось, огонь вспыхнул в тот момент, когда нача-

лась выгрузка боекомплектов из танков. К моменту начала пожара на брезенте, расстеленном около бронетехники, уже было разложено около 150 снарядов. Почти все они попали в зону, охваченную пламенем.

Штаб пожаротушения тут же решил: чтобы уберечь личный состав от разлетающихся осколков, боевое развертывание проводить под прикрытием бронетехники, а для подхода к опасной зоне использовать дренажный канал, проходящий неподалеку от места пожара. Однако в той обстановке предугадать момент разрыва очередного снаряда было невозможно, и потому огнеборцам так и не удалось обойтись без ранений.

При первой же попытке подойти к горящим танкам неожиданно раздался мощный взрыв, разметавший по сторонам передовой пожарный расчет. При этом подполковник Александр Виштагин ударной волной был сбит на землю и на несколько минут потерял сознание, а когда он пришел в себя, то почувствовал сильную боль в правой руке. Уже потом выяснилось, что в мягких тканях его правого плеча застрял снарядный осколок примерно сантиметровой длины. Пострадали и другие огнеборцы, входившие в тот же пожарный расчет. От взрывной волны получили контузии и сотрясения головного мозга начальник караула ПЧ-7 капитан Александр Павлов, командир отделения ПЧ-7 прапорщик Александр Сандрюхин и старший пожарный рядовой Александр Салилов.

Но пока раненых выносили с поля боя, одни пожарные расчеты, прячась за танковыми корпусами, уже начали поливать водой дымящиеся снаряды, а другие подступали с пенными стволами к охваченной огнем бронетехнике. Пену подавали прямо в открытые люки бронированных машин, но ее из-за воздействия раскаленных продуктов горения поначалу как бы “выдавливало” обратно. Поэтому пришлось сначала охлаждать раскаленную броню водяными струями, а уже потом тушить пеной пламя, скрывающееся в танковых недрах.

Одновременно соседние пожарные расчеты с помощью водяной завесы быстро отсекали стоящие поодаль танки от охваченной пламенем зоны, к которым еще не успела подобраться огненная стихия. А разложенные на брезенте снаряды довольно долго пришлось охлаждать водой, которой, кстати, в тот момент на полигоне почти не было. Пожарным пришлось возить ее из соседнего пруда, расположенного на расстоянии полутора километров от места происшествия.

Беда отступила лишь с приходом ночи, когда огнеборцы с помо-

щью воды и пены подавили последние очаги пламени, а черное небо над танковым парком перестали расчерчивать огненные линии от разлетающихся боеприпасов. Пришло время, когда “считать мы стали раны, товарищей считать”.

Как уже говорилось, в рядах работников пожарной службы в результате чрезвычайного происшествия на полигоне оказалось четверо раненых, которые к тому времени уже находились на больничных койках. А вот 2-я танковая армия понесла гораздо более серьезные потери. Девять военнослужащих в тот вечер получили осколочные ранения и термические ожоги, в том числе два генерала: заместитель командующего 2-й армией по тылу генерал-майор Анатолий Анохин и командир танковой дивизии генерал-майор Николай Сурядный. При этом Сурядный, как уже говорилось выше, даже будучи раненым, смог отправиться навстречу пожарным расчетам и пытался не допустить их в опасную зону.

Но самое страшное, что при тушении пожара погиб лишь накануне вернувшийся из Чечни рядовой срочной службы Азамат Нуриев. По свидетельству очевидцев, его смерть была поистине геройской. Когда неожиданно для всех загорелся промасленный брезент, Азамат бросился к пламени, уже подобравшемуся к боеприпасам, и стал закидывать его землей. Но снаряды к тому моменту были сильно раскалены, и взрыв раздался раньше, чем солдат успел справиться с огненной стихией. Самое печальное, что эта смерть случилась всего через пару недель после приказа министра обороны, в соответствии с которым уехал бы домой и дембель Азамат Нуриев...

Разбушевавшееся на полигоне пламя полностью уничтожило два самых современных на то время и боеспособных танка Т-80. Кроме того, двум бронированным машинам после описанного инцидента потребовался капитальный ремонт, а еще четырнадцати – текущий ремонт. Но вот установить точное число снарядов, разорвавшихся в адском пламени, военным так и не удалось. Тем не менее в течение последующих трех дней после пожара на полигоне и в его окрестностях работали группы саперов с миноискателями, которые пытались разыскать разлетевшиеся и неразорвавшиеся боеприпасы.

А что же удалось выяснить о причинах чрезвычайного происшествия? Когда их доскональным выяснением стала заниматься специальная комиссия, обнаружить источник воспламенения снарядов оказалась сложнее, чем это предполагалось первоначально. Вот что рас-

сказал о некоторых нюансах этого дела начальник испытательной пожарной лаборатории (ИПЛ) УГПС ГУВД Самарской области Валерий Фрыгин, который в 1995 году участвовал в проведении следственного эксперимента:

- Для установления причин этого происшествия мы решили в точности воспроизвести все условия, при которых начался пожар на танковом полигоне в Черноречье. Однако наши многочисленные попытки поджечь окурком брезент В том числе и промасленный), аналогичный тому, на который 12 апреля укладывались танковые снаряды, так ни к чему и не привели. Даже если тлеющий “бычок” прижимали непосредственно к брезентовой ткани, щедро пропитанной различными горюче-смазочными материалами, загорания все равно не происходило, как мы не старались.

Но от чего же тогда вспыхнул пожар? После того, как было окончательно установлено, что дело здесь вовсе не в промасленном брезенте, сотрудники ИПЛ стали проверять, не мог ли воспламениться от окурка какой-нибудь другой предмет из числа тех, что находились в тот момент на полигоне.

В конце концов эксперты добились нужного результата: когда в ходе эксперимента тлеющий “бычок” бросили на пустую снарядную гильзу, то она в долю секунды вспыхнула ярким пламенем. В результате по итогам следственного эксперимента в акт был записан следующий вывод о причинах воспламенения снарядов на полигоне: скорее всего, пожар начался от попадания незатушенного сигаретного окурка на легковоспламеняющуюся снарядную гильзу. Дело в том, гильзы современных танковых снарядов изготавливают из прессованного картона и пропитывают раствором селитры – и все для того, чтобы во время выстрела из пушки она сгорала без остатка и в считанные секунды...

После этого вывода специальной комиссии не составило большого труда восстановить весь ход событий, предшествующих трагедии. Скорее всего, дело было так: когда офицеры уехали обедать, никто из них не подумал о том, чтобы организовать элементарный присмотр за проведением опасных работ. А без офицеров в армии, как известно, наступает “солдатская вольница”...

Все кончилось тем, что один из старослужащих решил покурить за ближайшим танком. Никто из “черпаков” в отсутствие офицеров даже и не посмел ему возразить: ведь курильщик был не просто “дедом”, но

и без пяти минут “дембелем”. Минут через пять этот служивый отшвырнул тлеющий “бычок” в сторону и пошел к другим “дедам”, не заметив при этом, что ветер отнес маленький огонек в сторону разложенных снарядов, и он закатился под гильзу...

Итог чрезвычайного происшествия на танковом полигоне подвел приказ командира войсковой части 73427 (то есть 2-й танковой армии) генерал-лейтенанта А.И. Баранова. В частности, здесь сказано следующее: “Во время обеда и сразу после обеда, находясь бесконтрольно, сержант Якупов Р.Р., младший сержант Рудоман С.А., рядовой Хакимов Р.Р., рядовой Хабибулин Н.М., нарушив меры безопасности, курили, находясь недалеко от места укладки пороховых зарядов. В результате около 17 часов, возможно, от курения указанных солдат, произошло возгорание одного из пороховых зарядов. Из-за сильного ветра возник пожар, который распространился на находящиеся рядом пороховые заряды, снаряды и танки”.

Далее в приказе содержится поручение командующего армией окружному военному прокурору: по факту гибели рядового Нуриева возбудить уголовное дело и найти того самого разгильдяя-курильщика, из-за неосторожности которого и возник пожар на полигоне. Однако усилия прокуратуры так ни к чему и не привели: из-за “неустановления” конкретного виновного лица дело в конце концов было закрыто, а перечисленные выше солдаты отделались “губой”.

Но так гласит лишь официальный вывод следствия. В действительности же, по некоторым данным, следователь все-таки определил того самого злополучного курильщика. Но после этого, посоветовавшись с руководством, он все-таки решил никого под суд не отдавать. Ведь согласитесь: в тот роковой вечер все получилось не по злему умыслу, а просто по трагическому стечению обстоятельств. Видимо, тогда даже работникам следствия стало по-человечески жаль разгильдяя, который в тот момент уже мечтал о скором возвращении домой...

В.В. Ерофеев

Глава 13

“Вы нас всех простите там, на небесах...”

(Пожар в здании Самарского УВД

10 февраля 1999 года)

ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СПРАВКА

по результатам исследования пожара, происшедшего 10 февраля 1999 года в административном здании Управления внутренних дел Самарской области, ул. Куйбышева, 42.

1. Характеристика объекта.

Административное здание Управления внутренних дел Самарской области 1936 года постройки, III степени огнестойкости, наружные стены кирпичные, междуэтажные и чердачное перекрытия деревянные сгораемые с пустотами по деревянным и металлическим балкам.

Отопление центральное водяное, освещение электрическое, вентиляция естественная.

Наружное противопожарное водоснабжение объекта обеспечивалось от городской кольцевой водопроводной сети диаметром 150 мм. Здание было оборудовано внутренним противопожарным водоснабжением.

Здание Управления Г-образной формы, переменной этажности (4-5 этажи), коридорной планировки. В здании располагались три внутренние лестничные клетки (задымляемые). Центральная - открытая на все этажи, не отделена от поэтажных коридоров, кроме первого этажа, две другие - закрытые, с выходом наружу. Из тупиковых коридоров 5 этажа запасных эвакуационных выходов не имелось.

Здание оборудовано автоматической пожарной сигнализацией, за исключением помещений материальных складов, расположенных в подвале.

По своим конструктивным и объемно-планировочным решениям здание УВД относилось к зданиям с низкой устойчивостью при пожаре.

2. Противопожарное состояние объекта.

Противопожарное состояние здания оценивается как неудовлетворительное. Отсутствовали эвакуационные выходы из тупиковых коридоров пятого этажа. Центральная лестница не была отделена от прилегающих коридоров противопожарными перегородками и дверями и, в связи с этим, не может считаться эвакуационным выходом, облицовка стен коридоров и центральной лестницы была выполнена из сгораемых материалов (мебельная ДСП), занижен предел огнестойкости лестничных маршей торцевых лестничных клеток, отсутствовали расчески в конструкциях перекрытий и покрытия, проемы в стене между УВД и УИН не были оборудованы противопожарными дверями.

В подвальном помещении допускалось хранение пожаро- и взрывоопасных веществ и материалов, автоматическая пожарная сигнализация в подвале отсутствовала.

Не произведен расчет электрических сетей здания на предельные токовые нагрузки.

3. Организация Государственного пожарного надзора.

Работа по осуществлению государственного пожарного надзора строилась в соответствии с требованиями нормативных документов МВД России, ГУГПС МВД России и УВД Самарской области, регламентирующих это направление деятельности.

Административное здание УВД ежегодно подвергалось детальным и контрольным обследованиям, кроме этого, проводились целевые проверки противопожарного состояния здания, совместные учения по отработке действий в случае возникновения пожара.

По результатам проведенных обследований и проверок информировалось руководство УВД области и принимались меры административного воздействия к нарушителям требований пожарной безопасности, вплоть до приостановки эксплуатации отдельных зданий и помещений УВД.

Начиная с 1996 года, должностными лицами ГПС приостанавливалась эксплуатация помещений взвода охраны, кабинета № 178 технического отделения ЭКУ, где исследовались взрывные устройства, столлярной мастерской, архива пенсионного отдела, материальные склады коменданта УВД, склад паспортно-визовой службы и другие.

Последнее детальное обследование здания проводилось в октябре 1998 года. По результатам обследования предписанием Государствен-

ной противопожарной службы к выполнению было предложено 41 противопожарное мероприятие, из которых 35 подтверждается к исполнению начиная с 80-х годов. В частности, с 1979 года предлагается устроить дополнительные эвакуационные выходы из тупиковых коридоров 5 этажа, оборудовать двери эвакуационных выходов легкооткрывающимися запорами, с 1981 года предлагается выгородить открытую лестничную клетку перегородками с дверями оборудованными доводчиками.

Процент выполнения предлагаемых предписанием ГПС от 9 октября 1998 года противопожарных мероприятий на момент пожара составлял всего 14,6 процентов.

В условиях отсутствия практических шагов со стороны руководства УВД по выполнению обоснованных требований государственного пожарного надзора, УГПС не занято твердой, принципиальной позиции по приведению здания в пожаробезопасное состояние.

4. Возможные причины массовой гибели людей и катастрофического развития пожара.

Неудовлетворительное противопожарное состояние, конструктивные особенности здания, позднее обнаружение пожара, задержка оповещения о пожаре и сообщения о нем в пожарную охрану, а также неорганизованная эвакуация сотрудников способствовали созданию условий для катастрофического развития пожара и наступлению тяжких последствий.

Результаты опроса очевидцев свидетельствуют о том, что пожар возник в интервале времени от 17 часов 30 минут до 17 часов 45 минут 10 февраля 1999 года. Открытое пламенное горение было обнаружено сотрудниками УВД в кабинете № 75 примерно в 17 часов 45 минут.

После вскрытия двери указанного кабинета сотрудники УВД пытались потушить огонь первичными средствами пожаротушения. Однако их действия не увенчались успехом, и вследствие сильного задымления и высокой температуры они были вынуждены покинуть здание.

В этот период времени опасные факторы пожара начали интенсивно распространяться по коридорам и пустотам сгораемых строительных конструкций 2-го и вышерасположенных этажей, и в течение нескольких минут большая часть здания была задымлена и охвачена огнем.

Особенности развития пожара определяются наличием пустот в

конструкциях перекрытий, перегородок и покрытия, которые имели непосредственную связь по всей длине и ширине здания.

В центре здания лестница открытого типа на всю высоту здания (5 этажей) создавала постоянную вертикальную тягу (эффект “трубы”), что способствовало увеличению скорости движения газов.

Наиболее вероятной причиной возникновения вторичных очагов пожара в объеме здания является перемешивание кислорода воздуха с продуктами термического разложения горючих веществ и материалов. Период времени появления вторичных очагов исчисляется секундами с момента проявления первого из них.

После появления вторичного очага пожара можно считать обоснованным общее воспламенение по всему объему здания.

Скорость распространения горения по газовой фазе составляет не менее одного метра в секунду.

Все выше перечисленные условия способствовали быстрому блокированию путей эвакуации.

Другими причинами массовой гибели людей при пожаре явились несоответствие путей эвакуации требованиям норм и правил пожарной безопасности.

С учетом наличия открытой лестничной клетки в центральной части здания, со 2-4 этажей в случае пожара существовала возможность эвакуации только по одной торцевой лестничной клетке из каждого крыла здания.

С 5-го этажа здания был предусмотрен выход наружу только через открытую лестницу.

Согласно предварительным расчетам ВНИИПО МВД России, при условии нахождения очага пожара на втором этаже здания в комнате № 75, открытая лестница в центральной части здания могла быть блокирована опасными факторами пожара в период от 6,5 до 10 минут после возникновения пожара, а отдельные участки коридоров значительно раньше. Например, время блокирования коридора на втором этаже по улице Куйбышева могло составить от 40 до 148 секунд.

При своевременном оповещении о пожаре и объявлении эвакуации ее расчетное время должно составлять 130-220 секунд (без учета времени сбора документов и подготовки к эвакуации).

Таким образом, можно предположить, что невыполнение вышеперечисленных условий является одним из обстоятельств, приведших к массовой гибели людей.

5. Организация и ведение боевых действий по тушению пожара.

Сообщение о пожаре в здании Управления внутренних дел поступило в Центр управления силами УГПС в 17 часов 52 минуты от дежурного по УВД по прямому телефону.

По данному сообщению к месту пожара, в соответствии с расписанием выезда подразделений гарнизона пожарной охраны, начальником дежурной смены службы пожарной связи "01" капитаном внутренней службы Рябовой Н.М. были направлены силы и средства по повышенному рангу пожара "№ 2" в составе 12 основных и специальных пожарных автомобилей, дежурная смена службы пожаротушения, руководство и сотрудники органа управления ГПС.

Действия дежурной смены СПС ЦУС УГПС на этом этапе боевых действий оцениваются как удовлетворительные.

Первым на место пожара в 17 часов 56 минут прибыл боевой расчет учебной пожарной части учебного центра УГПС в составе шести человек на АЦ во главе с помощником начальника караула прапорщиком внутренней службы Жуковым В.В. (РТП-1).

К этому времени из оконных проемов 3-5 этажей по фасаду здания выходил густой дым, находящиеся в них люди просили о помощи, происходило открытое горение в коридорах второго этажа и центральной лестничной клетке.

По прибытии к месту вызова РТП-1 передал информацию на ЦУС о видимых признаках горения и повысил ранг пожара до "№ 3". Исходя из сложившейся обстановки, приказал личному составу производить спасательные работы при помощи трехколенной лестницы с фасадной части здания по улице Куйбышева, а также обеспечить введение ствола "Б" от емкости АЦ в лестничную клетку на пути возможной эвакуации людей.

Во исполнение распоряжение РТП-1 личный состав при помощи ручных пожарных лестниц производил спасание людей через оконные проемы с третьего и четвертого этажей здания. В период боевого развертывания у центрального входа в здание УВД пожарные оказали помощь пострадавшему, а во время продвижения по лестничным маршам обнаружили два сильно обгоревших трупа в холле второго этажа.

Учитывая характер информации с места пожара, в 17 часов 58 минут заместитель начальника УГПС УВД Самарской области полковник внутренней службы Кондаков В.Ф. в пути следования приказал создать оперативную группу из числа сотрудников УГПС, направить к месту

пожара курсантов учебного центра, коленчатые подъемники городского гарнизона пожарной охраны, а через минуту по внешним признакам объявил сбор начальствующего состава городского гарнизона пожарной охраны.

В это же время на ЦУС поступила информация о первых пострадавших от РТП-1, который вызвал к месту пожара автомобили скорой помощи.

В 17 часов 58 минут на место пожара прибыл дежурный караул ПЧ-3 на двух АЦ и АЛ с боевыми расчетами численностью 10 человек во главе с начальником караула капитаном внутренней службы Морозовым В.Н. (РТП-2).

К моменту прибытия РТП-2 обстановка осложнилась, количество людей, просящих о помощи, увеличилось, пожар интенсивно распространялся по коридорам, происходило частичное обрушение строительных конструкций здания.

Оценив обстановку, РТП-2 принял решение проводить спасательные работы по фасаду здания при помощи ручных и автомеханической лестниц, установить автоцистерну на пожарный гидрант, направить звено ГДЗС со стволом "Б" во главе с командиром отделения в центральную лестничную клетку для защиты путей эвакуации людей и тушения пожара. Лично возглавил проведение спасательных работ со стороны ул. Пионерской.

В 17 часов 59 минут РТП-2 дополнительно вызвал к месту пожара автомеханические лестницы.

В этот период совместными действиями личного состава УПЧ и ПЧ-3 была обеспечена эвакуация более 10 человек через центральную лестничную клетку, а также спасено 15 человек через оконные проемы 3 и 4 этажей.

В 18 часов 00 минут к месту пожара прибыла дежурная смена СПТ ЦУС УГПС в составе трех человек во главе с начальником смены СПТ подполковником внутренней службы Сапожниковым П.А. (РТП-3). Одновременно с ними прибыл боевой расчет ПЧ-12 на АЦ в составе четырех человек.

В этот период происходило открытое горение центральной лестничной клетки на уровне второго этажа, наблюдался интенсивный выход дыма из оконных проемов с фасадной части и внутреннего двора административного здания, происходили попытки самоспасания людей из окон служебных кабинетов, расположенных на 3-5 этажах, при

помощи подручных средств (водосточные трубы, электрические кабели и другое). В результате неудачной попытки самоспасания разбилось 4 человека (на улице Пионерской - 2 человека, на улице Куйбышева - 1 человек, во внутреннем дворе - 1 человек).

РТП-3 приказал отделению ПЧ-12 проводить спасание людей со стороны внутреннего двора при помощи ручных пожарных лестниц комбинированным способом, лично возглавил спасательные работы по фасаду здания со стороны улицы Куйбышева.

По информации РТП-3 в установленном порядке был объявлен сбор личного состава, свободного от несения службы, введена в расчет резервная пожарная техника в гарнизонах пожарной охраны городов Самара, Тольятти, Жигулевска, Новокуйбышевска, Сызрани, Чапаевска. В целях сохранения уровня противопожарной защиты областного центра были привлечены дополнительные силы и средства ГПС ряда населенных пунктов (Тольятти, Новокуйбышевск, пос. Прибрежный) и объектов (ВАЗ, станция смешения и перекачки нефти в поселке Пролет Волжского района) и др.

В 18 часов 00 минут на месте пожара было сосредоточено шесть пожарных автомобилей основного и специального назначения (АЦ-4, АЛ-1, АШ). Основные усилия личного состава подразделений ГПС были направлены на спасание людей. В спасательных работах принимали участие 18 сотрудников ГПС, задействованы четыре трехколесные и шесть штурмовых, а также автомеханическая лестницы.

К этому времени было спасено более 25 человек и эвакуировано по лестничным клеткам около 15 человек. На путях эвакуации и тушение пожара были поданы водяные стволы.

Действия РТП-1, 2, 3 на первоначальном этапе ведения боевых действий оцениваются профессионально грамотными. Ими были приняты исчерпывающие меры для выполнения основной боевой задачи в условиях ограниченной численности боевых расчетов, недостатке сил и средств для одновременного спасания людей и успешного тушения развившегося пожара.

В 18 часов 01 минуту на пожар прибыла группа сотрудников УГПС во главе с заместителем начальника УГПС полковником внутренней службы Кондаковым В.Ф. (РТП-4). Проведя разведку и оценив обстановку на пожаре, РТП-4 в 18 часов 02 минуты объявил максимальный ранг "пожар № 4".

Впоследствии РТП-4 принял меры по организации работы опера-

тивного штаба, созданию трех боевых участков для спасания людей и отыскания их в этажах здания, а также подаче огнетушащих веществ на возможных путях эвакуации. Прибывающие силы и средства действовали, в первую очередь, для спасания людей, в том числе отыскания их в служебных помещениях. Продвижение газодымозащитников в центральной лестничной клетке выше второго этажа не представлялось возможным из-за высокой температуры.

Пожарными принимались меры для предотвращения паники и самостоятельных попыток спасения. Однако в период с 18 часов 01 минуты до 18 часов 10 минут погибли еще пять человек в результате падения из оконных проемов.

В 18 часов 10 минут на пожар прибыл начальник УГПС полковник внутренней службы Жарков А.В. (РТП-5). Он подтвердил правильность действий предыдущих РТП, принял меры к наращиванию оперативного потенциала на участках ведения боевых действий.

Работы по спасению людей из оконных проемов здания УВД при помощи имеющихся средств закончились в основном к 18 часам 40 минутам.

На данный период времени на пожаре было сосредоточено 24 пожарных автомобиля (АЦ-16, АНР-1, АЛ-4, КП-1, АСО-1), около 200 сотрудников ГПС, на тушение пожара подано 12 ручных и лафетных водяных стволов, установлено 18 ручных и 4 механических пожарных лестниц. Силами водительского состава и курсантов учебного центра, при помощи сотрудников милиции и населения, было проложено пять магистральных линий для обеспечения работы водяных стволов.

Наряду с тушением пожара и спасением людей, личный состав органа управления и подразделений ГПС принимал непосредственное участие в эвакуации оружия и боеприпасов из дежурной части, магнитных носителей информации ИЦ, личных дел из архива УК, различной документации из служебных кабинетов, а также материально-технических средств УВД.

Дальнейшие попытки отыскания людей в помещениях здания результата не дали. Ведение боевых действий осложнялось высокой температурой, плотным задымлением прилегающей к зданию УВД территории, наличием прогаров, отдельными взрывами веществ и пиротехнических изделий, обрушением строительных конструкций здания, задержкой в отключении контактной сети городского транспорта и осветительной сети, находящихся под напряжением, ограниченной водо-

отдачей водопроводной сети, а также неблагоприятными климатическими условиями.

Силы и средства по рангу “пожару № 4” были сосредоточены в 18 часов 45 минут в количестве 30 единиц основных и специальных пожарных автомобилей, из них шесть АЛ и один КП, на трех боевых участках работало 259 человек личного состава ГПС, проложено 9 магистральных линий, подано более 20 водяных стволов.

В дальнейшем производилась частичная перегруппировка сил и средств с целью недопущения распространения пожара на примыкающие здания УИН МЮ России и УФСБ по Самарской области, а также жилые дома по улицам Пионерской и Куйбышева.

Принятыми мерами в 22 часа 51 минуту пожар был локализован, а в 5 часов 33 минуты следующего дня - ликвидирован.

Всего, по данным оперативного штаба, на пожаре с использованием ручных и механических пожарных лестниц через оконные проемы 2-5 этажей было спасено 65 человек.

6. Организационная деятельность УГПС по обеспечению пожарной безопасности, укреплению технической оснащенности службы и увеличению численности боевых расчетов.

В целях повышения уровня пожарной безопасности объектов и населенных пунктов на территории Самарской области по инициативе УГПС решением Губернской Думы № 69 от 26 мая 1998 года принят областной закон “О пожарной безопасности”.

Постановлением губернатора Самарской области от 18 марта 1997 года № 70 создана комиссия по пожарной безопасности в Самарской области.

С 1997 года проведено три заседания комиссии, на которых рассматривались вопросы выполнения постановления Правительства Российской Федерации от 13 января 1996 года № 24-2 “Об утверждении перечня особо важных и режимных предприятий и организаций, пожарная охрана которых осуществляется специальными подразделениями ГПС МВД России, и перечня предприятий и организаций, на которых в обязательном порядке создается пожарная охрана”, мероприятий целевой программы, разработки правил пожарной безопасности Самарской области, и ряд других. Также проведено заслушивание глав семи органов местного самоуправления и руководителей ряда предприятий.

Решением Губернской Думы № 395 от 6 сентября 1997 года утверждена целевая программа “Пожарная безопасность” на 1997-1999 годы, которой предусмотрено выделение финансовых средств на содержание дополнительной численности пожарной охраны, совершенствование материально-технической оснащенности подразделений ГПС УВД.

Проводимая УГПС работа по укреплению материально-технической базы пожарной охраны позволила за период с 1996 по 1998 годы приобрести за счет внебюджетных средств 6 пожарных автомобилей основного и специального назначения, за счет областного бюджета и бюджета органов местного самоуправления - 20, за счет финансовых средств предприятий - 8.

7. Выводы.

1. Действия личного состава ГПС УВД Самарской области по организации и тушению пожара признать удовлетворительными.

2. Органом управления и подразделениями ГПС УВД Самарской области проводится определенная работа по укреплению пожарной безопасности, совершенствованию деятельности в части организации и осуществления Государственного пожарного надзора.

Вместе с тем УГПС не заняло принципиальных позиций по приведению в пожаробезопасное состояние объектов органов внутренних дел.

Руководители УВД области, городских и районных органов внутренних дел не выполняют требования приказов, указаний МВД России по усилению пожарной безопасности объектов органов внутренних дел. Выполнение противопожарных мероприятий, предлагаемых предписаниями Государственной противопожарной службы, в среднем составляет 38 процентов. Крайне низок уровень организации и проведения обучения сотрудников мерам пожарной безопасности и действиям в случае пожара.

3. По факту пожара областной прокуратурой возбуждено уголовное дело № 9900138 от 10 февраля 1999 года по ст. 168 ч. 2 УК Российской Федерации.

По причине пожара отрабатываются следующие основные версии:

- неосторожное обращение с огнем;
- нарушение правил устройства и эксплуатации электроустановок;
- поджог.

8. Предложения.

УГПС ГУВД Самарской области.

Взять на особый контроль здания, имеющие низкую устойчивость при пожаре, организовать и провести совместно с другими надзорными службами комплексные обследования, реализовать мероприятия по укреплению их противопожарной защиты.

Осуществить проверки органов местного самоуправления по выполнению ими положений действующих законодательных и требований нормативных правовых актов в области пожарной безопасности. При этом особое внимание обратить на исполнение обязанностей по реализации мер пожарной безопасности в части обеспечения устойчивого противопожарного водоснабжения населенных пунктов и объектов. По результатам проверок направить представление в областную комиссию по пожарной безопасности для разработки предложений губернатору Самарской области.

Разработать и осуществить комплекс профилактических, оперативно-тактических и инженерно-технических мероприятий, направленных на укрепление пожарной безопасности объектов органов внутренних дел и создание условий для успешного тушения пожаров.

ГУВД Самарской области.

Рассмотреть вопрос обеспечения пожарной безопасности объектов органов внутренних дел на заседании коллегии УВД.

Принять меры к выполнению требований приказов, указаний МВД России по обеспечению пожарной безопасности на подведомственных объектах.

В системе профессионального обучения изучить меры пожарной безопасности и действия сотрудников на случай пожара.

Администрации Самарской области.

Рекомендовать рассмотреть на заседании комиссии Самарской области по пожарной безопасности вопросы финансирования численности ГПС, выделения средств для закупки пожарной техники и пожарно-технического вооружения, а также реализации функций органов местного самоуправления по организации обучения населения мерам пожарной безопасности, предусмотренные целевой программой в полном объеме за 1998 год и на 1999 год.

ГУГПС МВД России.

Подготовить материалы и внести на рассмотрение Правительственной комиссии Российской Федерации по пожарной безопасности итоги деятельности комиссий субъектов Российской Федерации по вопросам пожарной безопасности, а также ход выполнения Федеральной целевой программы “Пожарная безопасность и социальная защита на период до 2000 года”.

Внести предложение о рассмотрении Комиссией по оперативным вопросам Правительства Российской Федерации финансирование Федеральной целевой Программы “Пожарная безопасность и социальная защита на период до 2000 года”, (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 1998 года № 1044) в части выделения средств для содержания предусмотренной численности и материально-технического обеспечения ГПС.

Разработать, освоить производство и внедрение в практику тушения пожаров пневматических спасательных устройств (“куб жизни”).

Начальник

ГУГПС МВД России

генерал-майор внутренней службы

Е.А. Серебренников.

Ознакомлены:

Губернатор

Самарской области К.А. Титов

Начальник

ГУВД Самарской области

генерал-майор милиции В.П. Глухов.

Февраль 1999 года.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПО УПРАВЛЕНИЮ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ НА ПОЖАРЕ 10 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА

В 17.50 исполняющий обязанности начальника караула УПЧ УЦ старший прапорщик Жуков В.В. прибыл к месту пожара своевременно. Он правильно оценил обстановку на пожаре и объявил вызов сил и средств гарнизона по № 3, провел работу по спасению людей и ограничению

распространения горения в коридоре на втором этаже и из окон здания. Имеющимися в его распоряжении силами и средствами он не мог ни теоретически, ни практически сделать больше, чем он это сделал.

Действия на пожаре и.о. начальника караула Жукова В.В. соответствуют требованиям Боевого устава пожарной охраны (БУПО).

Вторым на пожар прибыло подразделение ПЧ-3 (17.58) в составе двух отделений на АЦ-40(130)63б и АЛ-3О(131)Л21 во главе с начальником караула капитаном вн. службы Морозовым В.М., который стал вторым РТП. По всему периметру здания с 3, 4 и 5-го этажей шел дым, и были видны отблески пламени на лестничной клетке центрального входа 3-го этажа, на этих этажах люди просили о помощи. Проводилась эвакуация людей со второго этажа различными способами: выводом по лестничной клетке, спасением с помощью трехколенных и штурмовых лестниц из окон здания. Имеющиеся в его распоряжении подразделения РТП-2 направили на проведение спасательных работ со второго этажа и обеспечения безопасности пути эвакуации по главной лестничной клетке, откуда выбегали обгоревшие и горящие люди. Его действия были правильными, соответствовали требованиям БУПО.

Личный состав отделений работал по спасению людей на втором этаже при очень сильном задымлении и высокой температуре, рискуя своей жизнью, проявил высокий профессионализм и мужество.

Третьим РТП был начальник дежурной смены службы пожаротушения подполковник вн. службы Сапожников П.А. Он прибыл с дежурной группой в 18.00. Горение происходило на 2-ом и 3-ем этажах, а на 4-ом было сильное задымление. Проводились спасательные работы со второго и третьего этажей. Из окон просило о помощи около 50-ти человек.

Площадь пожара только на 2-ом этаже уже была более 500 кв. м. Для ликвидации горения на этом этаже требовалось не менее 9-ти отделений на АЦ со стволами РС-70 или 18 отделений с РС-50. По расписанию выездов подразделений гарнизона на пожаре к этому времени здесь должно было быть, и было сосредоточено четыре автоцистерны. Исходя из тактико-технических возможностей и численности боевых расчетов их действия, были полностью направлены на спасение людей и ограничение распространения пожара со второго этажа и из окон горящего здания. РТП-3 правильно оценил обстановку на пожаре и вызвал силы и средства гарнизона по № 3, машины "Скорой помощи" и все автолестницы гарнизона.

За период его руководства тушением пожара с 18.00 до 18.01 его действия соответствовали сложившейся на пожаре ситуации.

Подразделения делали все возможное по спасению людей. Ограни-

чить распространение горения на этажах здания не было возможным имеющимися там силами и средствами пожарной охраны.

Четвертым РТП на пожаре был заместитель начальника УГПС полковник вн. службы Кондаков В.Ф. Он прибыл к месту пожара в 18.01. Приняв доклад от РТП-3, он организовал штаб по оперативному управлению тушением пожара и проведением спасательных работ; создал три боевых участка; и приказал вызвать: коленчатые подъемники; аварийные службы города, дополнительные машины “Скорой помощи”. Объявил вызов сил и средств по № 4 и сбор личного состава гарнизона, свободного от несения службы, к месту пожара.

РТП-4 правильно оценил обстановку на пожаре, его распоряжения соответствовали тем действиям, которые было необходимо принять для ускорения спасения людей из горящего здания и тушения пожара.

РТП-5 был начальник УГПС полковник вн. службы Жарков А.В., который прибыл на пожар в 18.10. Приняв доклад от РТП-4, он принял руководство тушением на себя, приказал полковнику Кондакову В.Ф. создать три боевых участка, собрать весь личный состав гарнизона, постоянно докладывал обстановку по ходу тушения пожара, эвакуации людей, оружия и архивных материалов. Он принимал усилия к обеспечению подачи воды на тушение и создание безопасных условий эвакуации людей через главную лестничную клетку. Общими усилиями было спасено по переносным пожарным лестницам из окон горящих этажей 65 человек и выведено из горящего здания большое количество сотрудников. В ходе проведения спасательных работ пожарные показали хорошую выучку и делали все от них зависящее, даже с риском для собственной жизни.

Существенных ошибок, повлиявших на ход проведения спасательных работ и ликвидацию горения, РТП-5 допущено не было.

Основными причинами, приведшими к таким последствиям на пожаре, являются:

- позднее обнаружение и сообщение о пожаре в пожарную охрану города;
- позднее оповещение о пожаре и эвакуации сотрудников ГУВД находящихся в здании его дежурной частью;
- неудовлетворительное противопожарное состояние здания ГУВД (пустоты в сгораемых перегородках и междуэтажных перекрытиях, задымляемые эвакуационные выходы и т.д.);
- недостаточное наружное противопожарное водоснабжение (водотдача сети 100 литров в секунду, а требовалось на тушение 236 литров в секунду);

- неполная укомплектованность отделений на автоцистернах в некоторых пожарных частях;
- быстрое, скрытое распространение горение по пустотам строительных конструкций на этажах здания со второго по пятый этаж с задымлением путей эвакуации;
- обрушение междуэтажных перекрытий, ввиду их низкой огнестойкости (металлические и деревянные балки).

Начальник кафедры МИПБ МВД РФ,
кандидат технических наук, доцент,
полковник внутренней службы Ю.М. Сверчков.

Заместитель начальника кафедры
МИПБ МВД РФ, кандидат технических наук,
полковник внутренней службы Н.С. Артемьев.
Февраль 1999 года.

ОЦЕНКА СХЕМ ПОДАЧИ ВОДЫ НА ПОЖАРЕ В ЗДАНИИ ГУВД г. САМАРЫ

Первые прибывшие пожарные подразделения (на момент времени 18.00) подали звеньями ГДЗС 2 ствола РС-50 от двух автоцистерн без установки их на водоисточник, одна автоцистерна ПЧ-3 была установлена на ближайший к месту пожара пожарный гидрант (ПГ), расположенный на расстоянии 27 метров от здания, и от нее проложена магистральная рукавная линия диаметром 77 мм с установкой разветвления у здания. Действия первых руководителей тушения пожара (РТП-1 и РТП-2) по организации подачи воды на пожаре правильные.

На момент времени 18 часов 20 минут от емкостей пяти автоцистерн без установки на водоисточники звеньями ГДЗС было подано по одному стволу РС-50 от каждого автомобиля на 2-4 этажи здания.

Положительным в действиях по подаче воды к месту пожара является то, что для обеспечения спасательных работ на путях распространения огня внутрь здания были поданы перекрывные стволы.

На момент времени 18 часов 45 минут на пожарные гидранты было установлено 8 автоцистерн, от которых подано 16 стволов РС-50, 3 ствола РС-70, один переносной лафетный ствол (ПЛС) и 2 стационарных лафетных ствола (ЛС), установленных на крышах автоцистерн. Общий фактический расход воды из поданных стволов составил около

100 литров в секунды, что является предельным для данного типа сети даже после повышения в ней давления.

Положительным в действиях по подаче воды к месту пожара является следующее:

- полностью задействован наружный противопожарный водопровод;
- задействованы “крестовые” пожарные гидранты, расположенные на пересечении водопроводных колец.

На момент времени 22 часа 50 минут (локализация) к месту пожара подавали воду 8 автоцистерн, установленных на пожарные гидранты, и передвижная насосная станция (ПНС), установленная на реку Волга, от которых подано 12 стволов РС-50, 2 ствола РС-70, 4 ствола ПЛС и 5 стволов ЛС.

Положительным в действиях по подаче воды к месту пожара является следующее:

- задействование на полную мощность наружного противопожарного водопровода и установка ПНС на реку Волга;
- вследствие большого расстояния от места пожара до реки Волга (600 метров) и большого перепада уровней местности (до 40 метров) подача воды была затруднена, поэтому она осуществлялась в перекачку через насосы промежуточных автоцистерн;
- на реку Волга в качестве резервной была установлена дополнительно ПНС;
- насосы пожарных автомобилей, установленных на водоисточники, использовались близко к их максимальным возможностям.

Принципиальных недостатков в организации подачи воды к месту пожара, позволивших задержать по времени подачу воды, а также повлиявших на ход тушения пожара, не было.

Начальник кафедры МИПБ МВД России,
кандидат технических наук, доцент,
полковник внутренней службы
Ю.М. Сверчков
Февраль 1999 года.

Заместитель начальника кафедры
МИПБ МВД России,
кандидат технических наук, доцент,
полковник внутренней службы
Н.С. Артемьев
Февраль 1999 года.

ВЫПИСКА

из стенограммы радиопереговоров в период тушения пожара в здании Самарского ГУВД 10 февраля 1999 года (зафиксировано на магнитоносителях).

17.52. Сообщение о пожаре по прямой связи из УВД.

17.56. Прибыла первая пожарная автомашина. Сообщение: “С пятого этажа идет густой черный дым, пожар № 3”.

17.58. Приказ РТП: “Создать в УПО резервную группу, подтянуть к УВД курсантов учебного центра, коленчатые подъемники. “Скорую”! Есть пострадавшие!”

17.59. Приказ РТП: “Весь начсостав гарнизона к УВД. Все мехлестницы. Лестничная клетка третьего этажа горит открытым пламенем”.

18.00. Приказ РТП: “Все мехлестницы к УВД!” Ответ диспетчера: “Все мехлестницы следуют к месту вызова”.

18.01. Приказ РТП: “Аварийные службы города – все к УВД! ГАИ – пусть перекроют все! “Скорые” нужны”. Ответ диспетчера: “Скорые” высланы”. Приказ: “Нужны дополнительно еще”.

18.02. Приказ РТП: “Мехлестницы к месту вызова! “Скорые” где? Идет эвакуация. Личный состав по № 4!”

18.07. Сообщение РТП: “Горит здание по всей площади”.

18.08. Сообщение РТП: “Ускорить движение машин! Нет ни одного коленчатого подъемника!”

18.09. Приказ РТП: “По Тольятти сбор всего личного состава!”

18.11. Сообщение РТП: “Скорую”, есть пострадавшие! Реанимационную бригаду!”

18.15. Приказ РТП: “Водоканал” подключить - повысить давление на участке! Где “Скорые”? Пока одна машина...”

18.20. Вопрос РТП: “Где “Скорые”? Ни одной “Скорой”! Ответ: “Выехали четыре бригады”. РТП: “Нужно пять-шесть!”

18.28. Приказ РТП: “Аварийную с ТТУ для отключения контактных проводов и уличного освещения”.

18.31. Приказ РТП: “Связаться с дежурным из горадминистрации для высылки максимального числа машин “скорой помощи”.

18.50. Сообщение из УПО: “Для обл администрации каждые полчаса нужна информация”.

18.52. Для обл администрации из УПО: “Много погибших, много пострадавших. Большая площадь пожара”.

19.03. Приказ РТП: “Поднять давление воды в квадрате. Дежурную бригаду водоканала к УВД, явно не хватает воды”.

19.37. Сообщение из УПО: “Звонят из ФСБ - проверьте, на них не перекинулся огонь?” Ответ РТП: “Расставляем уже технику на ФСБ”.

20.38. Приказ РТП: “Связаться с ГАИ, обеспечить закрытие дороги с речпорта, машины на шипах рвут линии”.

22.51. Локализация пожара.

05.33. Ликвидация пожара.

Т.А. ПАРХАЧЕВА

КАК ЭТО БЫЛО

Первое сообщение о пожаре в здании УВД поступило на пульт ЦУС УГПС в 17.52.

Первое подразделение – отделение УПЧ учебного центра в составе шести человек прибыло на место в 17 часов 56 минут. Из окон третьего, четвертого и пятого этажей к тому моменту уже шел густой черный дым. Из окна третьего этажа центральной лестницы выбивало пламя, а из проемов окон третьего и верхних этажей люди просили о помощи. На тротуаре у горящего здания по улице Куйбышева лежал обгоревший труп женщины.

На Центральный узел связи УГПС объявили вызов сил и средств по рангу “номер три”. Спасение людей было организовано по трехколенной лестнице с фасадной части здания. Одновременно заработал ствол подачи воды от емкости автоцистерны. Пытались защитить от огня центральную лестничную клетку – основной путь эвакуации из здания. В холле второго этажа обнаружено два обгоревших трупа.

17 часов 58 минут. К моменту прибытия РТП-2 обстановка на пожаре осложнилась: количество людей, просящих о помощи, увеличилось, происходило открытое горение перекрытий между вторым и третьим этажами, частично обрушены строительные конструкции здания.

Для спасения людей звено ГДЗС предприняло попытку подняться на четвертый этаж, но под воздействием высокой температуры вынуждены были отступить этажом ниже. В холле третьего этажа обнаружен обгоревший труп. В одном из служебных кабинетов обнаружены четыре сотрудника УВД, срочно эвакуированные из здания.

Из-за нехватки автолестниц личный состав второго отделения при-

ступил к спасению пострадавших с помощью ручных пожарных лестниц (комбинированным способом).

По автомеханической лестнице организовали спасение людей со стороны улицы Пионерской, где к моменту прибытия автолестниц на тротуаре уже лежало два трупа.

В 18 часов 01 минуту заместитель начальника УГПС полковник внутренней службы В.Ф. Кондаков, прибыв на место пожара, отдал распоряжение о создании резервной группы в управлении, вызвал к месту трагедии все автомеханические лестницы гарнизона и коленчатые подъемники с объектов частей Самары и Тольятти. Минуту спустя был объявлен вызов сил и средств по рангу № 4...

Документальные кадры этой страшной ночи запечатлел на видеопленках начальник ИПЛ УГПС Валерий Валентинович Фрыгин. Он сам снимал эту хронику с первой до последней минуты. Оставшиеся в живых еще не раз скажут спасибо этому мужественному человеку. Вот как это выглядит на видеозаписи.

18 часов 04 минуты. К зданию подъехал штабной автобус УГПС. На пожар прибыли все оперативные группы сотрудников УГПС. Минутой позже Василий Федорович Кондаков отдал распоряжение о создании оперативного штаба во главе с начальником ОСиП подполковником внутренней службы А.Ю. Носовым. Созданы три боевых участка.

18 часов 08 минут. На первом и втором этажах правого крыла здания УВД, что по улице Пионерской, еще светятся окна. Со второго этажа по шторам спускаются женщины, мужчины принимают их на руки. С третьего этажа люди спускаются по раздвижной ручной лестнице. Наконец до окна четвертого этажа дотягивается спасительная автолестница. По ней начинает спускаться мужчина. Еще два человека лежат на земле.

18 часов 09 минут. Пожарные пытаются сбить пламя на третьем этаже у центральной лестницы. Но силы явно неравны: густой черный дым и языки пламени вырываются наружу. Изнутри доносятся душераздирающие крики о помощи, звон бьющихся стекол. На подоконниках четвертого этажа стоят женщины, до них ручная лестница не дотягивается. То ли от страха, то ли от бессилия, одна из них срывается и падает вниз. Прямо к ногам пожарного. Человек в боевке торопливо поднимается вверх. "Держись, не прыгай!" - надрывно кричит он. Но руки женщины, уже долгое время висевшей на подоконнике, разжима-

ются - и она падает. К счастью, прямо в протянутые руки пожарного. Мечущиеся внизу люди ищут врачей.

18 часов 10 минут. К месту пожара прибыл начальник УГПС полковник внутренней службы А.В. Жарков и принял руководство тушением пожара на себя.

18 часов 12 минут. Открытые языки пламени вырываются наружу из нескольких кабинетов на четвертом этаже. С воем сирены примчалась еще одна пожарная машина. Пожарные на бегу разматывают рукава и тянут их к главному подъезду. Спасительная автолестница дотянулась-таки до окон верхнего этажа, и ее спешно стали облеплять люди. Только бы спустились, только бы не сорвались!

18 часов 17 минут. Видимость застилают черные облака дыма. Сквозь мощные лучи прожектора видно, как на верхнем этаже мечутся люди. Они машут руками и кричат, кричат, взывая о помощи! Сквозь вой сирен слышится истошный детский крик: "Мама, мама!" Видимо, кто-то из ребятишек пришел встречать маму с работы - и увидел страшную картину.

18 часов 18 минут. Появилась первая машина "скорой помощи". Пострадавших укладывают на носилки.

18 часов 24 минуты. Проемы окон верхнего этажа опустели. В мертвых черных глазницах окон - ни одной живой души.

18 часов 32 минуты. Все здание объято огнем. Криков о помощи больше не слышно...

Л.С. БОРОДИНА

ПОЖАРНЫЕ СДЕЛАЛИ ВСЕ, ЧТО МОГЛИ. И ДАЖЕ БОЛЬШЕ

Все специалисты утверждают, что уже через 20-30 минут после прихода огненного ада в здание облУВД здесь спасти было некого. "Хотя в тот момент я уже находился на заслуженном отдыхе, я все равно не выдержал и приехал к горящему зданию облУВД, - признался бывший начальник УПО УВД Анатолий Карпов, - Я в течение 43 лет тушил пожары, но такого огня до этого не видел никогда..." Именно этого кошмара каждый руководитель УПО боялся уже давно, и потому предписания в отношении здания УВД все начальники управления пожарной охраны писали регулярно.

Ветеран УПО уверен, что причина случившегося - именно в ветхости и конструктивных особенностях строения. В 1933-1936 годах в Самаре и других городах страны по типовым проектам возвели ряд крупных зданий, имевших внушительный внешний вид и коварное нутро, то есть деревянные перекрытия с пустотами. В нашем городе к таким строениям относятся Дом промышленности, Дом сельского хозяйства и некоторые другие, таким же было и погибшее в огне пожара 10 февраля 1999 года здание облУВД. Скопившаяся между перекрытиями пыль вспыхивает легче тополиного пуха, а пустоты, между прочим, соединяли все этажи и коридоры этого обширного сооружения.

Здание областного УВД было построено углом, в вершине которого находилась центральная лестница, а кабинеты сотрудников были растянуты по пяти этажам в двух больших крыльях. При этом пятый этаж, где располагалось экспертно-криминалистическое управление УВД, имел только один выход - на центральную лестницу, в то время как с нижестоящих этажей можно было пройти еще на два боковых хода. Получилось так, что в момент начала пожара огонь и дым отрезали сотрудников ЭКУ от центральной лестницы, а для всех прочих людей, находящихся на других этажах здания, были недоступны также и оба боковых выхода.

Кстати, в справке, составленной по итогам тушения пожара в облУВД, совсем ничего не говорится о действиях пожарных, хотя они того заслуживают. Например, начальник центра управления силами УГПС полковник Виталий Паненко лично вынес четверых человек из окутанного дымом здания. "Пятого не считаю, - говорит Паненко, - поскольку человек был мертв". Он обследовал дымящиеся кабинеты через окна до тех пор, пока у него на лице не расплавилась маска.

Исполняющий обязанности начальника караула учебной пожарной части Виктор Жуков вместе со слушателями учебного центра вывел с центральной лестницы мужчину, на котором горела одежда. Затем из холла второго этажа он вывел еще четверых, хотя при этом сам Жуков работал без аппарата защиты органов дыхания. В итоге он был госпитализирован с диагнозом "отравление продуктами горения".

Выпускник пожарно-технического училища 1998 года Владислав Мишин совместно с коллегами Зотовым и Маньковым, используя "штурмовки", спасли из горящего здания шесть человек. Владислав, заметив в дыму на четвертом этаже людей, взобрался на третий этаж и подал им "штурмовку". Но при попытке перелезть на нее одна из

женщин сорвалась вниз, вторая пропала в проеме окна, а третья повисла на карнизе. Через мгновение она тоже сорвалась и полетела прямо на Мишина. Но тот успел сгруппироваться и принять женщину на руки.

Командир отделения дежурного караула Владимир Габрильчак и слушатель учебного центра Николаем Беловецкий с помощью трехколенной лестницы спасли десять человек с третьего этажа здания облУВД.

Боец пожарной охраны, сын пожарного, Александр Кадьян в тот день отдыхал, а вечером 10 февраля он вместе с другом ехал в спортзал мимо здания УВД. Увидев происходящее, оба остановились, и, отыскав в соседних домах лестницу, принялись вместе спасать людей...

А на третий день после пожара пришлось оказывать психиатрическую помощь женщине-оператору УГПС, передававшей сообщения по телетайпу в Москву. После трех суток дежурства она вдруг прижала к себе телетайпограммы о погибших: "Нельзя их отправлять. Начальник неправильно подписывает..."

Ангелы в пожарной каске

(Свидетельства сотрудников областного УВД, ставших очевидцами пожара 10 февраля 1999 года)

"Я потеряла сознание и упала около окна, из которого мы зывали о помощи. А когда очнулась, то увидела склоняющегося ко мне ангела. Он протянул руки и поднял меня, потащил к свету. Уже на лестнице я поняла, что в облике ангела я видела пожарного".

Это выдержка из рассказа эксперта экспертно-криминалистического управления (ЭКУ) облУВД Нины Киселевой. Уже без пятнадцати минут шесть в тот страшный вечер, 10 февраля 1999 года, она и ее коллеги по кабинету на пятом этаже осознали, что путь в коридор отрезан огнем и дымом. Вскоре воспламенилась дверь, трещал и проваливался на глазах пол. Намочив водой платья и шарфы, чтобы через них можно было дышать, женщины прижались к окну... Помощь пришла, когда ни кричать, ни дышать у них уже не было сил.

Выписавшись из больницы, Нина организовала сбор подписей под ходатайством о представлении к правительственным наградам экипажа пожарной машины с седьмым бортовым номером, спасшим из огня 17 сотрудников ЭКУ.

Экспертно-криминалистическое управление облУВД располагалось на пятом, самом верхнем этаже здания, откуда имелся лишь один выход. Именно по этой причине во время пожара 10 февраля погибло 11 сотрудников экспертно-криминалистического управления, а еще 24 были госпитализированы. Впрочем, не только среди сотрудников ЭКУ оказалось много погибших. Больше всего пострадали также ОБЭП, следственный отдел, угрозыск, паспортно-визовая служба и финансово-экономическое управление, то есть те подразделения УВД, чьи кабинеты находились на третьем этаже здания или выше.

Из рапорта эксперта, лейтенанта М. Сафаровой: “В 17.51 я и О. Зайцева пошли на третий этаж. Спустившись по центральной лестнице, мы увидели, что по второму этажу идет дым, и решили вернуться. В наш кабинет № 167 забежали Г. Прохорова, Д. Телегин и В. Алексеев. Мы закрыли дверь, выбили окно и легли на подоконник, чтобы дышать. Нас сняли с помощью механической пожарной лестницы”.

Из рапорта эксперта, старшего лейтенанта С. Кувшинова: “Во время пожара... я находился в своем рабочем кабинете вместе с экспертами Киселевой и Зайцевой. Они предприняли попытку выйти через центральную лестницу, но быстро вернулись... Я дотянулся до шторы, сорвал ее и передал Зайцевой, которая стала отгонять дым. После того, как мы втроем спустились по пожарной лестнице, я стал откашливаться. Помощь мне после этого никто не оказывал, я был оттеснен милицейской цепочкой от здания УВД. Домой добирался своим ходом”.

Из рапорта эксперта, лейтенанта О. Зайцевой: “Мы все оделись, выключили компьютеры и радио. По громкой связи объявили, что эвакуация личного состава производится через третий подъезд. Мы попытались открыть дверь, но выйти в коридор было невозможно. Мы опять закрыли дверь, выключили свет и легли на подоконник друг на друга, чтобы каждый мог вдохнуть воздуха. С четвертого этажа в наше окно шли клубы дыма, и мы отмахивались от них, как могли. Сколько времени мы так находились на подоконнике, я не знаю. Наконец пришла пожарная машина с лестницей, которая доставала до пятого этажа. Я слезла без верхней одежды и начала замерзать, а потом пошла домой, пригласив к себе таких же неодетых - Сафарову, Кубанова, Кишова, Катруша, Алексеева”.

Из рапорта начальника отдела ЭКУ капитана А. Раскина: “О пожаре мне крикнул В. Алексеев где-то около 18-00. В моем кабинете на-

ходились мой заместитель - майор П. Амелин и заместитель начальника отдела майор О. Волчков. Весь коридор был заполнен густым черным дымом, стоял гул, как в аэродинамической трубе. Дышать почти сразу стало трудно. Погасло освещение. В темноте на ощупь я нашел два противогаза, и, дыша по очереди, мы пробились к окну. Выбили окна и перегнулись наружу. Я сделал попытку вытащить вещи (оружие, документы) из сейфа, но стал задыхаться и вернулся к окну. Позднее, не помню сколько было времени, я увидел пожарную лестницу, по которой нас сняли вниз. Амелин был в очень тяжелом состоянии, и мы делали ему искусственное дыхание с незнакомым мне военным врачом (как оказалось впоследствии, это был лейтенант медицинской службы А. Анипченко – Ред.), О. Волчковым и Г. Прохоровой и доставили в больницу. Сами от госпитализации мы поначалу отказались, но позднее обратились в больницу и были госпитализированы”.

Из рапорта главного эксперта, подполковника И. Шеляговича: “Когда начался пожар, я принял решение бежать вниз по главной лестнице, зажав рот платком и страхуясь рукой за перила. На втором этаже меня схватил за руку пожарный, и я вместе с ним спустился на первый этаж. Через 1-2 минуты сюда же сбежал парень, на котором горела одежда”.

Из рапорта начальника отдела ст. лейтенанта А. Названова: “В момент начала пожара со мной вместе в кабинете находились начальник отдела физико-химических исследований майор А. Колонцов и старший эксперт В. Петрунин. Меня с Колонцовым эвакуировали по автоматической пожарной лестнице. Петрунин в момент эвакуации либо потерял сознание, либо был уже мертв - от дыма у него стало плохо с сердцем. Внизу никто никакой помощи мне не оказывал, а наоборот, цепью милиционеров я был оттеснен от здания, хотя находился без верхней одежды. Домой я добирался самостоятельно”. Как потом выяснилось, перед эвакуацией Александр Названов надел на Петрунина свой противогаз. Тем не менее спасти Владислава пожарным так и не удалось. Петрунин был опознан 15 февраля 1999 года по фрагментам костей.

Из рапорта заместителя начальника ЭКУ подполковника М. Тогобицкого: “В кабинете я работал вместе с заместителем начальника ЭКУ полковником В. Трофименко. Увидев дым, я решил выйти в коридор, но там дышать уже было нельзя. Поэтому я упал на пол, но и

здесь тоже дышать было нечем. В этот момент ко мне подбежал сотрудник отдела связи: “Не бросайте меня”. Я заполз вместе с ним в кабинет и закрыл дверь. Крикнул: “Противогазы!”, а сам полез в сейф доставать документы, но вокруг было темно и невозможно дышать. Я бросил все и достал свой противогаз, надел его, намочил водой из чайника махровое полотенце и дал его связисту. После этого я крикнул: “Режем шторы”. Мы сорвали с окна шторы и начали резать их на четыре полосы, связывая друг с другом, периодически меняясь со связистом противогазом. Связав шторы, мы обвязали Трофименко и спустили его вниз. После этого я обвязал связиста и спустил его. Затем, обмотав конец шторы за батарею, сам спустился следом за ними на руках...”

Из рапорта эксперта, капитана А. Иевлева: “Во время начала пожара я находился в одном кабинете вместе с экспертом С. Тихоновым, начальником взрывотехнического отдела капитаном М. Шалгиным, старшим экспертом-химиком капитаном А. Сажиним, экспертом-биологом старшим лейтенантом Л. Сулеймановой, экспертом химико-физиком капитаном М. Ярцевым. Когда пошел дым, все мы вышли из кабинета в коридор, но быстро потеряли друг друга из вида. Я добежал до четвертого этажа, а потом понял, что выход на улицу отрезан огнем. После этого я побежал к выходу, который находится в здании УИН. Однако я стал быстро терять сознание от газов и дыма, из-за чего зашел в первый попавшийся кабинет на четвертом этаже, где была женщина-следователь. Минут через 30-40 нас из этого кабинета спасли пожарные”.

У погибшей сотрудницы ЭКУ С. Лифановой остались сиротами сын и дочь, 14 и 15 лет, у В. Петрунина - дочь 8 лет, у А. Подтяжкина - сын 11 лет, у В. Собачкина – сын 14 лет, у В. Шалгина - сын 8 лет, у М. Ярцева - годовалая дочь.

Начальника ЭКУ Вячеслава Леонова смогли увезти в больницу, только когда он потерял сознание. Он смог с пятого этажа сквозь дым и пламя добраться до третьего, откуда по лестнице из окна его сняли пожарные. Сильно обгоревший руководитель управления все требовал оказания помощи своим подчиненным, хотя жизнь самого полковника долгое время была под угрозой. Врачи сделали невозможное и буквально вырвали его из объятий смерти. После этого Леонов отказался от предложенных ему дорогостоящих операций за рубежом, и, как только его выписали, вышел на службу. Между тем многие офице-

ры облУВД, например, такие, как начальник управления ООП Иван Яханов, вышли на больничный только через месяц после пожара. До этого в течение всех скорбных дней они так и не покинули своих рабочих мест.

А вот свидетельство следователя облУВД, лейтенанта юстиции Юрия Топозлы:

“Почувствовав дым, я заглянул в соседний кабинет, где работали Алевтина Фадеева и Галина Докучаева. Они обе - полковники юстиции, Алевтина – заместитель начальника по расследованию организованной преступной деятельности, Галина - начальник отдела по расследованию преступлений в сфере экономики. Я им сказал, что в здании пожар, и чтобы они одевались и взяли противогазы. Сказал, что зайду за ними. Сам же я пошел посмотреть, открыта ли запасная дверь, соединяющая наш коридор с УИНОм, но не дошел, потому что оттуда валил дым. А по мере того, как ко мне приближалась волна дыма, гас свет в коридоре. Я обернулся, но назад отступать уже было некуда, отовсюду тоже катил дым. Эти потоки соединились примерно в той точке, где я стоял. В темноте на ощупь я нашел чью-то дверь и забежал внутрь. Открыл окно и стоял около него, ждал помощи. Меня сняли пожарные в 18.10, причем лестницы до четвертого этажа не хватало, и неизвестный мне пожарный держал штурмовку на вытянутых руках, чтобы я сумел закрепить ее концы на подоконнике и спуститься”.

А вот Алевтина Фадеева спуститься не смогла. Этот эпизод запечатали телекамеры: она стояла в окне четвертого этажа и молила о помощи. Но лестница до нее не доставала. И тогда мужчина, стоявший в окне под ней, на третьем этаже, до которого лестница как раз дошла, перехватил ее и стал поднимать через себя кричавшей женщине. Она среагировала, когда лестница коснулась ног. Пыталась ухватиться, но безуспешно. В итоге Алевтина Фадеева разбилась. Что же касается Галины Докучаевой, то ее обгоревшие останки были найдены уже после ликвидации пожара, а ее сын, оперуполномоченный ОБЭП, сумел спастись, но попал в больницу.

Кстати, тот мужчина, что отдал Фадеевой спасательную для него лестницу – это начальник отдела облУВД по работе с личным составом Александр Кулыгин. Лишившись лестницы, он был вынужден прыгать вниз с третьего этажа. Спрыгнул, как он сам думал, вполне благополучно, и потому тут же стал помогать спасать других, и даже

пытался ловить прыгавших с верхних этажей. Некоторых, кстати, удавалось поймать. Это продолжалось до тех пор, пока Кулыгин сам не свалился без сознания. Тут же выяснилось, что у него тяжелая травма позвоночника, с чем начальника отдела и отвезли в больницу.

Особо нужно отметить тех сотрудников УВД, которые в момент начала пожара не слишком задумывались о собственной жизни, а сразу же принялись спасать казенное имущество. Это, например, Петр и Татьяна Егоровы, которые работали в отделе кадров, и в первые минуты трагедии сумели совершить невозможное, во что знающие люди просто отказывались верить. Оказывается, в тот момент, когда начался пожар, Егоровы отнюдь не поспешили спастись сами, а принялись сквозь дым и копоть выбрасывать в окно второго этажа на снег личные дела сотрудников и другие важные документы. Уже потом они говорили, что приняли такое решение, когда увидели, что кабинет с документами не горит, потому что его начали заливать пожарные, отсекавшие от облУВД соседнее с ним здание, где располагалось управление ФСБ. Тогда они вошли в этот кабинет на втором этаже и спасли почти весь архив управления. Всего документов набралось на целый грузовик...

Вечером 10 февраля боец ОМОНа Валерий Сусов нес вахту на главном входе областного УВД. Вот что он вспоминал: "Около 18 часов из дежурной части, что находится рядом с входом, сообщили о задымлении на втором этаже. Оказалось, что дым шел из кабинета № 75. Когда кабинет вскрыли, то увидели, что здесь горит стол. Его пытались потушить, но не смогли, а комната тем временем все больше наполнялась дымом... Только после этого по трансляции передали команду к эвакуации личного состава, а я открыл двери для выхода людей и для входа пожарных. Пока шло тушение, через главный вход выносили оружие, боеприпасы, а начальник дежурной части полковник Александр Галяшин вынес знамя УВД. Людей с верхних этажей выходило очень немного, там творилось что-то страшное. Знаете, как в фильмах показывают: всепожирающее пламя несется с огромной скоростью, сметая все. Так было и в тот вечер. Через несколько минут мы уже не могли находиться в вестибюле и вышли на улицу. В здание все еще заходили пожарные, те, у кого позволяли это сделать обмундирование и оснащение. Пожарные стали выносить людей, но, видимо, только тех, кого они смогли отыскать около лестницы на втором этаже. Выше уже бушевало пламя, вырывавшееся сквозь окна наружу. Живых среди вынесенных не было".

Заместитель командира ОМОН Андрей Азарапин: “Мой отряд прибыл к месту трагедии в половине седьмого часа вечера (База ОМО-На находилась в 15-м микрорайоне, на другом конце города – Ред.). Тем не менее бойцы сумели вынести со второго этажа все личные дела сотрудников УВД и немалую часть спецархива. Мы догадались зайти через двор в еще не охваченный огнем отсек и выносили отсюда документы, пока еще была возможность дышать. Поддержку водой им оказывали пожарные... На второй день бойцы вынесли обнаруженные в подвале 8,5 кг тротила, 26 детонаторов и пластиковые взрывчатые вещества. Они не взрываются от высокой температуры, но могут сдетонировать при ударе”.

Тут я, как автор этих строк, позволю себе немного сказать о личном. Моя дочь Евгения, работавшая в облУВД экспертом по наркотикам, осталась жива лишь потому, что по причине гриппа находилась дома. А вот все ее коллеги, с кем она работала в кабинете, погибли во время этого пожара. Сама же я в эти трагические минуты возвращалась на машине пресс-службы УВД из Тольятти. По пути нас обогнали несколько пожарных машин с мигалками, и мы еще удивлялись, что они по зимней дороге развили скорость до ста км в час. Когда мы подъехали к Самаре примерно на 50 километров, то увидели багровое зарево в ночном небе, однако и подумать не могли, что это горит здание областного УВД. А дома меня ждал раскаленный автоответчик: друзья и знакомые взволнованными голосами осведомлялись, где я сама и где Женя. Дочь, как выяснилось, после первого же сообщения о пожаре умчалась помогать пострадавшим товарищам. Я же пережила несколько страшных минут, пребывая в неизвестности относительно ее судьбы – до тех пор, пока она не позвонила...

Т.А. ПАРХАЧЕВА

“ЕСТЬ БОГ, ЕСТЬ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ, ЕСТЬ СУДЬБА”

Эту формулировку автору этих строк выдала машинистка штаба облУВД Марина, проработавшая в секретном отделе больше двадцати лет. Молодая женщина, сидевшая рядом с ней, согласно кивала головой. Они держали друг друга под руку, словно боялись, что их разлучат, и оплакивали смерть белокурой красавицы Инны Архиповой. Эта девушка была их давней знакомой, и потому они составили ей протек-

цию при трудоустройстве в областное управление внутренних дел. Тогда они все вместе радовались тому, что одним хорошим человеком в их дружном коллективе стало больше.

На новую работу Инна вышла всего за три дня до трагедии. Бухгалтерия УВД, ее служебное место, находилась этажом выше, и сейчас подруги вспоминают, что девушка забежала к ним буквально за несколько минут до начала пожара, о котором в тот момент никто даже и не подозревал. А когда Марина с Леной почувствовали запах дыма и выглянули в коридор, там уже вовсю бушевало пламя, пройти через которое не было никакой возможности. На окнах же в их кабинете были толстенные решетки. Машинистки поняли, что они оказались замурованными, и им теперь придется либо заживо сгореть, либо задохнуться в дыму.

- Ну что же, Лена, видно, час наш пришел. Надо молиться... – со слезами в голосе сказала старшая. Женщины встали на колени перед окном и начали читать “Богородицу”, “Отче наш”, “Живые помощи”. Они слышали чьи-то душераздирающие крики, гул огня и какой-то треск. Молились, не открывая глаз. А когда открыли, увидели прямо перед собой, за окном, напряженное лицо человека в каске. Вены на его шее вздулись веревками – он отгибал решетку, упираясь в нее что есть мочи. Уже через минуту прочная сталь поддалась, и в образовавшуюся лазейку первой выскользнула полная Марина. За ней – Лена. Больше в их комнате никого не было. Женщин спустили на землю, а пожарные тут же передвинули лестницу выше.

- Заставь меня сейчас пролезть через такую щель – я застряну, – шепотом вспоминала Марина. – Во мне весу – за 90 килограммов. И я потом узнала, что не только нас одних тогда Бог уберет. В информационном центре-то, слышали? Там и стены, и икона Умиления невредимыми остались. Такая чудодейственная икона, между прочим, была в келье Серафима Саровского.

И еще об одном удивительном случае рассказали мне эти спасшиеся чудом женщины. Дело в том, что одной из сотрудниц паспортно-визовой службы прямо перед пожаром позвонили с проходной. Оказалось, что какой-то мужчина из района привез ей документы. Женщина спустилась вниз, чтобы его встретить, а подняться назад уже не смогла – ей помешали внезапно появившиеся в коридорах дым и пламя. Вот так нечаянный визитер стал для нее ангелом-хранителем...

“МЫ ЗДЕСЬ ВСЕ ГОРИМ!”

Можно смело сказать, что в тот страшный вечер Олег Валентинович Волчков в живых остался только чудом. Ныне он имеет звание подполковника милиции и занимает должность заместителя начальника экспертно-криминалистического управления ГУВД Самарской области. А в феврале 1999 года он был майором и начальником одного из отделений в этом управлении, располагавшемся, надо сказать, под самой крышей здания УВД – на пятом этаже.

“Я видел, как сотрудники выбрасывались из окон”

Автор этих строк достаточно близко знает Олега Волчкова еще со студенческих лет – четверть века назад мы с ним вместе учились на одном и том же отделении биофака Куйбышевского госуниверситета. И неудивительно, что сразу же после пожара я постарался найти своего товарища и расспросить обо всех подробностях его спасения. Рассказ Олега Волчкова, фрагменты которого сегодня публикуются впервые, был записан на пленку всего через две недели после того трагического происшествия, когда его впечатления о пережитом были еще совсем свежими и “непричесанными”.

- Для меня визуально пожар начался, когда на часах было шесть часов вечера без двенадцати минут. В это время я и заместитель начальника нашего управления подполковник Михаил Васильевич Тогобицкий находились в кабинете начальника ЭКУ подполковника Вячеслава Викторовича Леонова. Мы втроем обсуждали вопрос о предстоящем праздновании 80-летия со дня создания экспертно-криминалистической службы, которое намечалось на 1 марта. Я так четко запомнил это время, потому что прямо напротив меня находились часы, и мой взгляд периодически фиксировался на циферблате.

Тут Тогобицкий вдруг сказал: “Ребята, что-то дымом пахнет. Может, подожгли что-то?” Я говорю: “Сейчас посмотрим”. Вышел за дверь – и остолбенел: по коридору шел черно-сизый дым, причем настолько густой, словно это был кисель. Возникало ощущение, что его можно разгребать руками. Лампы дневного света в это время еще горели, но сквозь дым они виднелись тускло-тускло, с красноватым оттенком. И при этом меня почему-то больше всего поразил даже не

этот клубящийся дым, а стоящая в коридоре гробовая тишина. Вокруг не было слышно ни одного звука.

Я тут же кинулся к своим ребятам в лабораторию, но, пробежав по коридору буквально два-три шага, понял, что дышать совершенно нечем, да к тому же и дым был очень горячим. Поэтому я развернулся и вбежал в кабинет начальника отдела криминальных исследований Александра Николаевича Раскина. В этот момент там находились сам Раскин и его заместитель Петр Викторович Амелин.

В кабинет я вбежал с криком: “Пожар!” и захлопнул за собой дверь. Раскин схватился за телефон, закричал, что связи нет, и в это время погас свет. Минуты через две, когда первый шок прошел, Петр сказал: “Попробую выскочить в коридор, посмотрю, как дела у наших ребят”. Я ему говорю: “Не пройдешь, там дышать нечем”. Он сказал: “Я все-таки попробую в противогазе”. Открыл дверь, вскрикнул – и тут же захлопнул обратно. Как потом выяснилось, он получил ожог рук от раскаленного дыма, потому что температура в коридоре к тому моменту уже была очень высокой.

А в кабинете уже дышать было совершенно невозможно, потому что изо всех щелей валил густой, очень едкий дым. Мы выбили окна и встали около них. Окна выходили во двор, и когда я выглянул вниз, то увидел, что здание ГУВД со всех сторон окутано дымом. Хорошо были видны по крайней мере два очага пламени – один из них находился левее нашего кабинета, на уровне второго-третьего этажа, в том крыле, что располагалось вдоль улицы Куйбышева, второй – на том же уровне, но уже в крыле, стоящем вдоль улицы Пионерской.

Но самое страшное другое: я увидел наших ребят, которые тоже вылезли к выходящим во двор окнам и звали на помощь, кричали, чтобы им подали лестницы. Я слышал чей-то отчаянный голос, что у них уже горит дверь кабинета, и они долго не продержатся. Затем раздался крик мужчины: “Я уже сам горю!”, а потом – женщины: “Мы уже все здесь горим!” Вслед за этим мы услышали звуки нескольких тяжелых, глухих ударов о землю – шлеп, шлеп... Это наши сотрудники выбросились из окон, не дождавшись помощи.

А в соседнем с нами окне находились заместители начальника управления Тогобицкий и Виктор Федорович Трофименко, а также еще один парень из отделения связи, фамилию которого я сейчас не помню. Мы видели, как они сняли с окон шторы, разрезали их на полосы,

связали между собой - и у них получилась веревка, доставшая до первого этажа. Вот так по шторам эти трое и спустились вниз.

А у нас в кабинете таких штор не было. Поэтому мы стояли у окон, и кричали своим сотрудникам: “Ребята, держитесь, сейчас подъедут пожарные, они нас спасут”. И тут я вдруг увидел, что Петр стал оседать на пол. Я схватил его за руку, но он не реагировал – потерял сознание от дыма. Тогда мы выставили его голову наружу, чтобы Петр смог отдышаться. И в этот момент позади нас задымился пол – он уже начал прогорать. Тогда мы с Александром сели на подоконник, а Петра держали между собой, чтобы он не упал.

Это был самый страшный момент в моей жизни, когда внизу стелилась сплошная дымная пелена, позади, в кабинете, уже тлел пол, а на руках у меня без чувств висел мой друг и товарищ по работе. При этом надежды на помощь не было никакой. Я уже думал - все, прощайте, ребята...

“Помощь пришла в последний момент”

Несколько раз я сам едва не терял сознание, потому что в сплошном дыму дыхания совершенно не хватало. Лишь в отдельные мгновения, когда к нам в окно задувал ветер, можно было глотнуть свежего воздуха. Положение складывалось настолько отчаянное, что мы с Александром уже несколько раз говорили друг другу: если огонь подойдет к нам вплотную, будем прыгать вниз. Но все-таки решили сделать это только в самом крайнем случае, а так собирались держаться до последнего.

И в этот самый безнадежный момент мы сквозь огонь и дым вдруг увидели, как во двор въехала пожарная машина с лестницей. Правда, сначала она встала у другого крыла здания – у правого, что протянулось вдоль улицы Пионерской. Пожарные выдвинули лестницу к верхнему этажу и сняли из окон несколько человек. Тут я говорю: “Ну, Саша, вроде бы сейчас и нас спасут”. И точно: в этот момент внизу включили прожектор и стали высвечивать верхние этажи на нашем крыле. Я отчетливо услышал: “Вон на окне еще двое висят”, и понял, что это говорят о нас. Мы стали махать руками, потому что кричать уже не могли - от дыма потерялся голос. Пожарные нам снизу прокричали: “Ребята, держитесь, сейчас мы вас спасем”.

Уже через минуту к нашему окну подали лестницу. Саша сказал: “Олег, давай, иди первым”. Когда я спустился уже почти до земли, то

первое, что я смог сказать пожарным – что у нас там на подоконнике лежит парень без сознания. А чтобы не мешать пожарным подняться наверх, мы с Александром по очереди спрыгнули с лестницы вниз примерно с уровня второго этажа. При этом приземлились удачно – попали в сугроб.

Пожарные с кислородными баллонами за спиной тут же взбежали наверх и вынесли на себе Петра, который по-прежнему был без сознания. А я в этот момент поднял вверх голову и увидел языки пламени, которые вырывались из того самого окна, из которого мы только что спустились. Стало быть, если бы пожарные со своей лестницей задержались еще бы на минуты на три, то пол в кабинете позади нас прогорел бы на наших глазах, и нам, конечно же, пришлось бы прямо из огня прыгать вниз...

Петру мы сразу же стали оказывать помощь, но он все никак не приходил в сознание. Ему не помогла даже кислородная маска, которую один из пожарных снял с себя и дал ему дышать. (Уже потом выяснилось, что это были пожарные ПЧ-1 Аввакумов и Вершинин, которые и поднимались на пятый этаж в кислородно-изолирующих противогазах. При этом Аввакумов снял с себя маску и дал через нее подышать пострадавшему – Ред.). И в этот момент к нам подбежал парень в форме морского офицера с погонями лейтенанта и сказал, что он врач с военно-медицинского факультета медуниверситета. Мы попросили его срочно вмешаться. Лейтенант пощупал у Петра пульс и сказал, что ему немедленно нужно делать массаж сердца и искусственное дыхание. Занялись этим втроем: я и Александр по очереди дышали Петру в рот, а военврач массировал ему грудь.

Тут около нас остановилась машина без опознавательных знаков – как мы потом поняли, из службы спасения. Оказывается, спасатели подъехали, потому что увидели лежащего без сознания человека. Мы вместе с лейтенантом сразу же погрузили Петра в их машину, затем сели сами и помчались в больницу Пирогова.

“Иномарки отказывались уступить нам дорогу”

Машина, на которой мы ехали, была без опознавательных знаков. Мы крикнули водителю, чтобы он включал фары и все время давил на клаксон. Это должно было стать сигналом для других водителей, чтобы нас пропускали вперед. Именно в эти долгие минуты пути выявлялось отношение других участников движения к ма-

шине, которая явно мчалась в больницу с умирающим человеком. Почти все водители сразу же понимали ситуацию – они тут же остановились, пропуская нас вперед, и даже троллейбусы со встречной полосы прижимались к обочине. А вот несколько попавшихся нам по пути дорогих иномарок так и не уступили нам дорогу, хотя мы им и сигналили, и моргали фарами, и даже кричали, что нам срочно нужно доставить человека в больницу.

Все это время ехавший с нами военврач держал Петра за шею, где тоже есть пульсирующая точка, и вдруг сказал: “Пульса нет. Видимо, наступила клиническая смерть. Нужно опять немедленно делать искусственное дыхание”. И мы втроем снова стали по очереди дышать Петру в рот и делать массаж сердца. Слава Богу, пульс вскоре появился, и в этот момент мы въехали во двор больницы Пирогова. В приемном покое нашим товарищем сразу же занялись медики, и только тут мы смогли вздохнуть спокойно.

Хочу сказать, что в тот вечер мы в горячке даже не спросили фамилию у того лейтенанта медицинской службы, что поехал с нами в больницу Пирогова. Между тем именно он, можно сказать, вытащил с того света нашего сотрудника - Петра Амелина. А потом я и сам оказался на больничной койке, так что было не до его поисков.

От редакции. Здесь нужно прервать рассказ О.В. Волчкова и пояснить, что спаситель П. Амелина ныне уже установлен. Это был слушатель военно-медицинского факультета мединститута, врач-интерн, лейтенант медицинской службы А. Анипченко. Вот фрагмент его рапорта, где Анипченко рассказывает о случившемся:

“Когда вечером 10 февраля около 18 часов я возвращался домой, то проходил мимо горящего здания УВД. Здесь я увидел, как пожарные несут от здания двоих мужчин, находившихся без сознания. Я подбежал к ним и сказал, что я врач, и начал оказывать медицинскую помощь. Как потом выяснилось, пострадавшими были эксперты УВД М. Ярцев и А. Сажин, которые находились в состоянии клинической смерти. После реанимационных мероприятий мне удалось оживить Ярцева. Сажину я проводил реанимацию около четырех минут, после чего его также удалось оживить. Ярцева забрали его товарищи, а Сажин остался лежать у здания. Пока я взывал к помощи толпы, чтобы мне помогли отвезти пострадавшего в медучреждение, Сажин скончался. Впоследствии я узнал, что Ярцев тоже скончался на пути в больницу.

Во внутреннем дворе я увидел еще одного пострадавшего, фамилию которого я узнал впоследствии – это был Петр Амелин. Его предварительный диагноз: отравление угарным газом и токсическими продуктами горения, обширные ожоги, ожоговый шок. Амелин находился в состоянии оглушения, а во время транспортировки у него наступила клиническая смерть. После кратковременных реанимационных мероприятий его удалось оживить, и он был доставлен в больницу”.

А теперь – продолжение рассказа О.В. Волчкова.

- Меня в больницу положили в тот же вечер по причине ожога верхних дыхательных путей. Отсюда же я позвонил домой и сообщил, что я жив, но не совсем здоров. Однако на другой день, 11 февраля, больницу я все-таки решил оставить, для чего написал врачам расписку и поехал в клуб Дзержинского, где к тому времени уже собралось руководство ГУВД. Здесь же составляли списки сотрудников, чтобы определить, кто остался жив, кто погиб, а кто в тот момент пока что числился пропавшим без вести. В итоге выяснилось, что из 12 сотрудников моего отделения погибло 8 человек.

Уже потом мне рассказывали, как сумели спастись некоторые из наших ребят. Один из сотрудников, Иван Шелягович, остался в живых лишь потому, что его кабинет находился рядом с внутренней лестницей здания ГУВД. Когда он почувствовал запах дыма, то сразу же выбежал в коридор в одном халате. Пятый и четвертый этажи он пробежал в дыму, а уже на третьем его встретила стена огня. Однако он все равно сумел прорваться сквозь этот огонь, охвативший к тому времени и третий, и второй этажи. На первом этаже огня уже не было, но когда Иван выскочил на улицу, на нем горели и халат, и брюки. Его сразу же свалили в снег и сбили с него пламя. Парень в итоге отделался ожогами.

Другой наш сотрудник, Александр Ивлиев, сначала тоже пытался бежать в сплошном дыму вниз по лестнице. С пятого этажа он добрался до четвертого, и здесь его встретило пламя. Он почувствовал, что от дыма уже теряет сознание, и тогда бросился к первой попавшейся двери. На его счастье, дверь оказалась не запертой. Парень кинулся к окну кабинета, разбил его и стал звать на помощь. Его заметили и с помощью пожарной лестницы в конце концов сняли с четвертого этажа.

Но были и такие, кому не удалось пройти через пылающие коридоры. Чудом спасшийся наш эксперт Юрий Кишов рассказывал, как со-

трудница его лаборатории, лейтенант Людмила Прохорова, стоя в задымленном кабинете, тихо и мужественно сказала ему: “Юрий Юрьевич, я попробую прорваться”. Как ее не отговаривали, девушка все-таки решилась и выбежала из кабинета в коридор. Больше живой ее никто не видел.

А я вечером 12 февраля я почувствовал себя настолько плохо, что меня увезли в больницу с признаками острой пневмонии – она развилась вследствие отравления угарным газом и ожоговой травмы бронхов и легких. В итоге я вместе с десятками других пострадавших почти две недели пролежал в ожоговом центре больницы Пирогова.

“В тот вечер ничто не предвещало беды”

О том трагическом вечере и о последующих событиях А.В. Жарков вспоминал так:

- В начале 1998 года меня назначили на должность начальника областного УГПС вместо ушедшего на пенсию А.К. Карпова. Некоторое время я был исполняющим обязанности начальника, а 3 марта 1998 года меня вызвали в Москву, в наш главк, где я прошел собеседование, и тогда же был подписан приказ о моем назначении.

В тот роковой день, 10 февраля 1999 года, я официально находился на больничном. Незадолго до того у меня произошло обострение остеохондроза, застарелого заболевания. Впоследствии все мои медицинские документы на этот счет тщательно проверяли следователи Генеральной прокуратуры РФ. Они назначали экспертизу подлинности всех справок, проверяли записи в журналах, допрашивали всех моих лечащих врачей, но в итоге все-таки установили, что это заболевание у меня было на самом деле, и потому выданный мне в поликлинике УВД больничный лист вовсе не является моей попыткой уйти от ответственности за случившееся.

Однако все это было уже гораздо позже. А в тот день, 10 февраля, я во второй половине дня прошел назначенные мне процедуры в поликлинике областного УВД, и сразу же после этого, около 16 часов, у меня состоялась встреча с начальником областного УВД генералом В.П. Глуховым, который подписал некоторые принесенные мною документы. Когда я покидал здание УВД, уже темнело. Все здесь было тихо и спокойно, не было никаких признаков пожара, и ничто не предвещало беды.

После посещения УВД я поехал к себе домой на улицу Авроры, но по

пути побывал еще в нескольких местах. И вдруг около 18 часов, когда я уже почти доехал до дома и находился в районе пересечения улиц Аэродромной и Авроры, на связь со мной по радиии вышел диспетчер нашего управления, который сообщил, что поступил сигнал о пожаре в областном УВД, и наши подразделения выехали на объект по второму номеру. Я сразу же помчался на улицу Куйбышева, и по пути по радиии отдавал распоряжения о том, какую технику и какие силы необходимо срочно перебросить в район пожара. Уже за несколько кварталов от УВД все улицы были перекрыты ГАИ, из-за чего повсюду стояли автомобильные пробки. Тогда я приказал шоферу ехать по набережной, где движение было не такое интенсивное, как в других местах.

К горящему объекту я прибыл в 18 часов 10 минут. К тому времени по городу уже было объявлено о пожаре № 4 – высшей категории сложности. Когда я выскочил из машины и побежал к первому подъезду УВД, я увидел, что в крыле здания, расположенном вдоль улицы Пионерской, из окон третьего и четвертого этажей вырываются клубы дыма. По пути к подъезду мне пришлось обходить трупы – это были разбившиеся насмерть сотрудники УВД, которые, пытаясь спастись из огня, выбрасывались из окон верхних этажей. Уже в первые секунды после моего приезда я увидел на асфальте около УВД не меньше четырех таких трупов.

В это время мои подчиненные занимались спасением людей из горящего здания. В частности, на улице Пионерской уже стояли трехколесные лестницы, по которой в тот момент кто-то спускался сверху, а на окнах висели лестницы-штурмовки, с помощью которых пожарные снимали людей со второго, третьего и четвертого этажей. Еще две автолестницы стояли у крыла здания УВД на улице Куйбышева, и по ним один за другим спускались сотрудники управления.

В тот момент моей первоочередной задачей было выяснение обстановки, сложившейся на пожаре. Только после этого можно было каким-то образом вмешиваться в действия подчиненных: или одобрить их, или отменить, или же по ходу дела вносить коррективы. Я попытался войти в первый подъезд, но там был настолько густой и едкий дым, что сил у меня хватило лишь на то, чтобы по маршевой лестнице подняться на один пролет. После этого из-за плотного дыма я был вынужден снова выйти на улицу. Уже потом выяснилось, что в результате своей попытки я все-таки успел получить ожог верхних дыхательных путей.

Тогда я попытался пройти в здание УВД через другой вход на улице Куйбышева, но там обстановка была еще хуже – из-за густого дыма вообще нельзя было даже войти в подъезд. И в тот момент, пока я искал возможность проникнуть в горящее здание, навстречу мне из подъезда выбежал один из сотрудников УВД, на котором тлела одежда. Собственно, на верхней части его тела одежды уже почти не было – на этом человеке вместо пиджака и рубашки висели лишь обгоревшие лохмотья вместе с ключьями обугленной кожи. Он сразу же упал в снег, но мои подчиненные его подняли. Подбежавшие врачи “скорой” тут же отнесли пострадавшего в машину. Эта страшная картина врезалась в мою память на всю жизнь.

**“Пожарные выносили сотрудников УВД,
но они уже были мертвы...”**

- Тем временем офицеры и сержанты нашей службы, у которых были изолирующие противогазы, - рассказывал дальше Александр Васильевич, - выводили из охваченного пламенем здания УВД тех сотрудников, которым густой дым не давал возможности выйти из кабинетов в коридор и отыскать путь к спасению. Например, начальник ЦУС полковник Виталий Яковлевич Паненко рассказывал, как он в противогазе входил в кабинеты на 4 и 5 этажах и приказывал находившимся там сотрудникам немедленно закрыть лицо мокрым платком, полотенцем или любым другим куском ткани. Затем люди хватались друг за друга и гуськом бежали за Паненко по задымленному коридору к окнам, к которым подавали автолестницу. Так он сумел спасти от неминуемой гибели не менее 16 человек.

Еще Паненко мне тогда докладывал, что в самом начале пожара на пятом этаже у окна, где уже стояла автолестница, он видел заместителя начальника облУВД Александра Суходеева, и хотел было тоже спустить его вниз в числе других. Однако Суходеев отказался, заявив, что совсем рядом, в кабинетах, еще остаются его подчиненные, которые не могут выбраться из-за дыма и огня, и он в такой ситуации должен вернуться за ними. Паненко спустил людей вниз, а потом по лестнице вновь поднялся на пятый этаж. Однако к тому моменту там никого не было и не могло быть, потому что на всем этаже уже бушевало пламя. После Паненко живым Суходеева больше никто уже не видел...

Конечно же, и я тоже мог взять изолирующий противогаз, чтобы в

нем войти в задымленный подъезд. Однако в тот момент почти из всех окон верхних этажей уже вырывалось пламя, а в некоторых местах уже даже начали рушиться внутренние перекрытия здания. Из подъездов же к тому времени выходили последние из числа тех моих подчиненных, что до этого сумели прорваться внутрь сквозь огонь и дым. Некоторые из них даже несли на себе кого-то из сотрудников УВД, но все вынесенные к тому времени были уже мертвы. Один за другим выходившие из подъездов мне докладывали, что живых людей внутри здания уже больше не осталось. После этого пожарные занимались только лишь тушением горящего объекта.

Был еще один критический момент, когда мне тоже пришлось взять на себя большую ответственность. Речь идет об эвакуации заключенных из изолятора временного содержания (ИВС), который находился во дворе здания УВД. Дым в тот момент уже шел в окна изолятора, однако рядом не оказалось никого из первых руководителей ИВС, который мог бы отдать приказ о выводе из изолятора всех задержанных. Но поскольку для спасения людей в этой ситуации медлить нельзя было ни секунды, мне пришлось самому отдавать такой приказ.

Я буквально ворвался в дежурное помещение ИВС и приказал находящемуся там майору немедленно начинать эвакуацию. Однако он заявил, что мое распоряжение он выполнять не будет, потому что это дело его непосредственного начальства. Я сказал этому майору, что если он сейчас же не подчинится мне, как старшему по званию, и не начнет выводить людей, то я позову своих бойцов, и мы сделаем это сами. Майор попытался было меня разжалобить: мол, как же это так – ведь если я сейчас выведу из камер задержанных, они все тут же разбегутся, и меня снимут с должности. Я ему в ответ сказал, что пусть лучше они разбегутся, чем задохнутся от дыма. В противном случае у него на душе будет страшный грех за загубленные человеческие жизни, а уж погон-то он тогда точно лишится, да еще и пойдет под суд. Одним словом, через несколько минут всех задержанных вывели из ИВС, они взялись за руки и мимо горящего здания цепочкой перешли через двор на улицу Куйбышева, где их сразу же посадили в автобус и вывезли в какой-то другой изолятор. В общей сложности из ИВС тогда было спасено около 50 человек.

Когда всем нам стало окончательно ясно, что из зоны трагедии спасти больше некого, нашей следующей задачей стало недопущение огня в соседние помещения, расположенные буквально вплотную к

очагу пожара. На улице Куйбышева к зданию УВД вплотную примыкало областное управление исполнения наказаний (УИН), а на улице Пионерской - управление ФСБ. Занимаемые ими корпуса по своим конструктивным особенностям были точной копией горящего в тот момент здания УВД, и, разумеется, сотрудники этих управлений каждую минуту со страхом ожидали, что огонь по внутренним деревянным перекрытиям вот-вот может перекинуться и к ним.

Со стороны УИН отбивать атаки пламени было все же проще, потому что после пожара 1981 года в этом здании была проведена кое-какая реконструкция, и часть перегородок к тому моменту здесь уже были заменены на несгораемые. А вот на участке перехода к зданию ФСБ в самый критический момент пожара ситуация была очень напряженная. Когда завершилось спасение людей, в эту точку были брошены все основные силы пожаротушения. Одни подразделения пожарных подавали в огонь воду из пожарных стволов на чердаке, другие отбивали атаки огненной стихии на этажах здания непосредственно из коридоров ФСБ через вскрытые дверные проемы корпуса, занятого этим управлением. Подавали воду из стволов и со двора здания, и с улицы, и таким образом пожарным в конце концов удалось отжать огонь от важного объекта.

Вообще же то крыло здания УВД, что располагалось на улице Пионерской и примыкало к помещениям Федеральной службе безопасности, как раз и осталось наиболее нетронутым огнем. Отчасти это объясняется тем, что пожар, согласно материалам следствия, начался в противоположном конце здания – в кабинете № 75, который располагался неподалеку от перехода в корпус УИН. Именно поэтому, как официально считается, пожар просто не успел в полную силу разгуляться по всему зданию и существенно затронуть перегородки, прилегающие к ФСБ. Но можно назвать и другую причину, о которой я уже говорил выше: на этом участке были сосредоточены наши основные силы, благодаря чему мы смогли успешно противостоять огненной стихии и не допустить ее распространения на еще один стратегически важный объект.

Именно благодаря усилиям пожарных почти полностью сохранились помещения архива УВД, который располагался на первом этаже крыла здания, протянувшегося вдоль улицы Пионерской. Ценнейшие архивные материалы и оборудование огнеборцы и сотрудники УВД стали выносить из горящего здания буквально с первых минут пожа-

ра, сразу же после того, как в основном закончилось спасение людей с верхних этажей. Хотя в итоге архивные помещения пламя почти никак не затронуло, пожарные тем не менее прекрасно понимали, что в ходе тушения эти документы могут быть залиты водой - и в результате все равно будут уничтожены. Благодаря их мужеству весь архив удалось вынести из здания и эвакуировать в клуб имени Дзержинского.

Л.С. БОРОДИНА

ОГНЕННЫЙ АД НЕ ПУСТИЛИ В УИН

Во время пожара 10 февраля 1999 года собранность и мужество проявили практически все сотрудники областного УИН, находившегося буквально “встык” с горящим зданием облУВД. За это многие из них впоследствии были представлены к государственным наградам.

- Когда начался пожар, я растерялся только минут на пять, - вспоминает тогдашний заместитель начальника УИН, а ныне начальник управления Валерий Яковлев. - Сознание просто отказывалось верить в реальность происходящего... Однако дым со стороны УВД расстился все гуще, и нужно было принимать какое-то решение.

Поскольку начальник УИН Виктор Сазонов в тот момент находился на выезде, Яковлев возглавил эвакуацию сотрудников и спасение имущества управления. Руководители УИН вместе с подъехавшим вскоре Виктором Сазоновым собирались через каждые два часа вплоть самого утра, чтобы сверить свои действия. Никто из них не ушел, пока не объявили о ликвидации пожара.

Как знать, может быть, не растеряться в этой сложной ситуации сотрудникам УИН помог горький опыт? Дело в том, что в 1981 году здание управления (тогда оно называлось УИТУ) уже горело. Тогда пожар возник поздним вечером, когда в кабинетах практически не оставалось людей. В тот раз пожарных вызвали вовремя, и потому и тяжелых последствий здесь не было, не говоря уже о погибших. Тем не менее тот огонь обнажил коварное нутро здания – его пустотные деревянные перекрытия.

Здание, где располагается УИН, было возведено в 1933-1936 годах. Тогда здесь для сооружения перекрытий использовалось дерево, а пустоты между деревянными конструкциями для теплоизоляции заполнялись стружками и другим материалами типа ваты. Со временем эти материалы превратились в труху, которая теперь воспламеняется

быстрее тополиного пуха. Полковник внутренней службы Анатолий Карпов, который в 1981 году был заместителем начальника областного УПО, вспоминал, как трудно тогда шло тушение этого здания. Заливают пламя водой, уже вроде бы нигде нет огня, а пробыют стену – оказывается, внутри она вся горит. Словом, пожар 1981 года заставил перестроить все кабинеты УИН: перекрытия на этажах сделали бетонными, а стены гипсовыми.

Кстати, сразу же после пожара в здании УИН 1981 года было принято решение о том, что во дворе здания УВД будет постоянно дежурить пожарный расчет на машине на случай какого-либо ЧП. В итоге красная машина в полной боевой готовности простояла во дворе несколько лет. Потом кто-то посчитал такую меру предосторожности излишней - и этот пост убрали. Наверное, после событий 10 февраля кое-кто из этих руководителей от досады кусал у себя локти, но было уже поздно...

Впоследствии выяснилось, что вечером 10 февраля 1999 года тревога и эвакуация личного состава УИН была объявлена раньше. Большая часть сотрудников УИН успела самостоятельно выбраться на улицу еще до приезда пожарных. Без паники, конечно, не обошлось, особенно на пятом этаже управления. Одна из женщин, выглянув в коридор, и не увидев там ничего, кроме дыма, встала на подоконник и уже намеревалась прыгать. Но в это время мужчины с противогазами уже обходили кабинеты. Женщине надели на лицо противогаз - и так вывели ее на свежий воздух.

Пожарные утверждают, что имевшиеся тогда в управлении противогазы не могли спасти человека от ядовитых газов, особенно от тех, которые выделяются при горении современных пластиков, используемых при отделке помещений. Гораздо эффективнее, чем такой противогаз, обычно оказывается мокрая тряпка. Когда я рассказала об этом сотрудникам УИН, они со мною согласились. Но в те тревожные минуты противогазы сработали, видимо, чисто психологически: просто люди почувствовали себя хотя бы немного защищенными.

Организаторы эвакуации из здания УИН вечером 10 февраля действовали сразу в нескольких направлениях: одни выводили наружу личный состав, другие готовили к вывозу ценные документы, а те, кто мог, помогали пожарным спасать людей из УВД, а потом отправляли пострадавших в больницы. Несколько человек из горящего здания УВД прорвались к так называемому “выходу № 3” - к лестнице, соединяю-

щей коридоры УВД и УИН. Это были без всякого преувеличения люди-факелы, сильно обгоревшие, многие без волос и с висящими на них ключьями одежды. Они выбегали - и падали в снег, причем многие - замертво.

В последние годы перед пожаром 10 февраля сложилось так, что все двери, соединяющие помещения УИН и УВД, на всех этажах в основном были заперты на замки, а открытыми они оставались лишь на втором этаже. В тот трагический вечер находившийся на четвертом этаже заместитель начальника УИН полковник Александр Инкин услышал, что кто-то дергает дверь со стороны УВД. Открыть он ее не сумел, а смог лишь вышибить, но по ту сторону двери полковник при этом никого не обнаружил. Одновременно Инкин увидел страшное зрелище: коридор УВД горел открытым пламенем. Тогда заместитель начальника решил проверить хотя бы ближние комнаты - и в результате в близлежащем женском туалете он нашел троих девушек, которые открыли окно и пытались таким образом дышать. Как выяснилось, именно они перед этим дергали дверь, и, конечно же, так не смогли ее открыть. Увидев путь к спасению, одна из этих девушек все порывалась сбегать обратно в свой кабинет за дорогой шубой. Инкин не дал ей этого сделать, потому что коридор в тот момент уже весь был в пламени и в дыму, а вывел всех троих через здание УИН на улицу.

Подполковник Юрий Столяров, заместитель начальника отдела кадров УИН, в первые же полчаса после начала пожара вместе со своими товарищами сумел вынести с пятого этажа управления три тысячи личных дел. Часть этих важных документов переносили на нижние этажи, чтобы эвакуировать отсюда уже в случае явной опасности. Дело облегчилось, когда к месту происшествия прибыл отряд УИН специального назначения, бойцы которого помогали сотрудникам в эвакуации документов, а потом все время сменяли друг друга на этажах, чтобы не допустить проникновения сюда посторонних.

Начальник военизированной пожарной охраны УИН подполковник Виктор Шеин четко и профессионально быстро организовал тушение кровли над зданием управления, занявшейся было огнем. В итоге она почти не пострадала, выгорев всего лишь на площади в 14 квадратных метров. А чтобы отстоять крышу, работники УИН под руководством Шеина оторвали с ее поверхности листы железа, разобрали перекрытия, а затем, протянув пожарные рукава, постоянно отсекали огонь, грозившийся перекинуться сюда с крыши УВД. Вскоре им на помощь

пришли профессиональные пожарные, которые тоже не пустили огонь за границу здания УВД.

Еще работники управления спасали из кабинетов компьютеры и другую технику. А в самый разгар пожара решились вынести всю имевшуюся в кассе наличность. В этот момент в кассовое помещение управления вызвались сходить главный бухгалтер УИН подполковник Владимир Молчанов с двумя другими сотрудниками. В эти минуты они больше всего думали о том, как при свидетелях рассказать по карманам 70 тысяч рублей - и чтобы потом их никто и ни в чем криминальном не заподозрил и не обвинил...

А уже на другой день после ликвидации пожара весь личный состав УИН был на работе. Начальник управления Виктор Сазонов сразу же издал распоряжение о том, чтобы все сотрудники обязательно прошли медицинское обследование на предмет обнаружения ожогов дыхательных путей и отравления угарными газами. Но после обследования больничный лист понадобился только Виктору Шеину, который сильно надышался дымом, остальные же работники УИН продолжили работу. Вместе с милиционерами города они семь дней подряд хоронили своих друзей из УВД.

По итогам ликвидации пожара в здании облУВД за проявленные мужество и стойкость полковник Александр Инкин представлен к награждению Орденом Мужества. В отношении подполковников Юрия Столярова и Виктора Шеина, полковника Валерия Яковлева и майора Александра Ишутина были поданы документы о награждении их медалью "За отвагу", а подполковника Евгения Ивлиева - к медали "За спасение погибавших". При этом Владимир Молчанов был представлен к досрочному присвоению ему звания полковника внутренней службы, а начальник хозотдела Станислав Курганский, начальник отдела боевой готовности и действий в условиях ЧС Василий Борисов, старший инспектор отдела по работе с личным составом Александр Щербаков и многие другие - к Почетному знаку ГУИН.

ПРОТОКОЛ

Вручения государственных наград Российской Федерации

Город Самара

(место вручения - Республика,
край, область, город, район)

12 октября 1999 года

(дата вручения)

Мною, исполняющим обязанности начальника штаба Главного Управления

внутренних дел Самарской области полковником милиции Михаленковым

Александром Георгиевичем от имени Президента Российской Федерации

(фамилия и инициалы вручающего)

вручены государственные награды Российской Федерации награжденным:

по Указу Президента Российской Федерации от 10 сентября 1999 года № 1216

медаль: "За спасение погибавших"

- Абуняеву Вячеславу Борисовичу - подполковнику внутренней службы.
- Аввакумову Виталию Викторовичу - сержанту внутренней службы.
- Гаврильчаку Василию Иосифовичу - прапорщику вн.службы.
- Гурову Сергею Ивановичу - старшему сержанту внутренней службы.
- Жукову Виктору Вениаминовичу - младшему лейтенанту внутренней службы.
- Ключеву Владимиру Александровичу - сержанту внутренней службы.
- Лукьянову Александру Александровичу - старшему сержанту внутренней службы.
- Макееву Сергею Владимировичу - прапорщику внутренней службы.
- Морозову Виктору Николаевичу - капитану внутренней службы.
- Носову Андрею Юрьевичу - подполковнику внутренней службы.
- Павлову Александру Ивановичу - майору внутренней службы.
- Спорову Николаю Петровичу - прапорщику внутренней службы.
- Ткаченко Николаю Сергеевичу - майору внутренней службы.
- Чертыковцеву Валерию Георгиевичу - подполковнику внутренней службы.

А.Г. Михаленко
(подпись, фамилия и инициалы лица, вручающего награды)

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ

Пожар произошел вечером в среду, а уже в субботу в Самаре предали земле тела первых двадцати сотрудников милиции, погибших во время страшного пожара в здании областного УВД 10 февраля. Количество всех жертв даже в момент первых похорон не брался назвать никто, и лишь через десять дней было установлено их окончательное число – 57 человек. В первые же дни после трагедии предполагалось, что всех погибших, пострадавших и пропавших без вести может насчитываться более ста человек. Но поскольку уже на второй день начали поступать данные о пропавших без вести сотрудниках районных отделов, накануне вызванных в облуправление, то была поставлена задача идентифицировать всех погибших, для чего в Самару из Москвы направили аппаратуру для проведения исследований на генном уровне.

Уже потом, на траурной церемонии прощания с погибшими, министр МВД Сергей Степашин от себя и от имени руководства МВД попросил прощения у родных и близких, что не смогли уберечь своих товарищей. “Мы их дело продолжим, - сказал министр, - работа УВД области не остановилась ни на минуту и пусть никто не надеется, что уйдет от ответственности. Это главный наш долг в память об ушедших”.

Губернатор Константин Титов, заместитель руководителя администрации Президента РФ Владимир Макаров, другие выступающие заверяли, что сделают все необходимое для семей, призывали построить новое здание всем миром, помощь Самаре уже идет со всей России. Об этом мы расскажем в другой раз.

Кстати, утром в день прощальной церемонии хриплый мужской голос сообщил о заминировании Дворца спорта, где должна состояться панихида. Но сорвать ее не удалось - здание было обследовано еще с вечера. В тот же день задержали “шутника”, который издевался по телефону.

Но эти злобные выпады померкли в море людской скорби, поскольку все желающие так и не смогли проститься с погибшими. У Дворца спорта собралось около 150 тысяч самарцев, а траурная автоколонна растянулась на пять километров. Похоронили милиционеров с воинскими почестями.

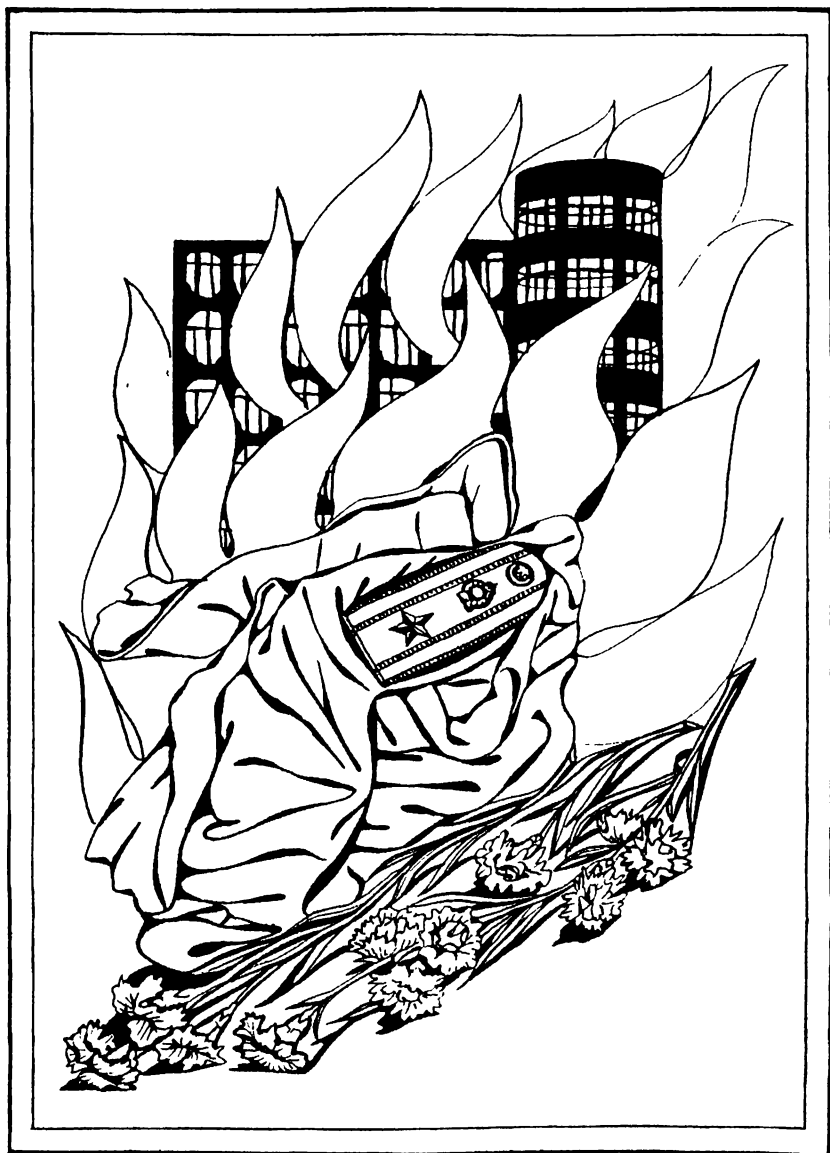
Через год после пожара в здании облУВД, как это уже повелось в милицеских коллективах, на кладбище “Рубежное” поехали десятки автобусов с друзьями и родственниками погибших. Там они положили цветы на могилы 57 сотрудников милиции погибших 10 февраля 1999 года. На месте их захоронения возведены монументы, как и на пепелище, где стояло здание. У подножия всегда лежат живые цветы.

К тому времени все 57 сотрудников УВД Самарской области, погибших во время пожара, были посмертно награждены Орденами Мужества.

На пожаре достойно показали себя также десятки сотрудников милиции, которые спасали товарищей, имущество управления, ценные документы. Их всех можно было бы представлять к наградам, однако комиссия, созданная из представителей всех служб ГУВД, все же отобрала только лучших из лучших.

Медалями “За отвагу” были отмечены полковник внутренней службы Виктор Андреев, старший лейтенант милиции Андрей Гринблат, майор внутренней службы Петр Овчаренко и старшина милиции Валерий Макаров, а также супруги, майор милиции Петр Егоров и прапорщик Татьяна Егоровы. Медали “За спасение погибавших” получили 29 сотрудников УВД. Это полковники милиции Вячеслав Леонов и Валерий Щетинский, подполковники милиции Иван Яханов и Михаил Тогобицкий.

В течение года 13 семей погибших милиционеров вселились в новые квартиры, а к годовщине трагедии местные власти и руководство УВД в основном улучшили жилищные условия семьям всех пострадавших, кто в этом нуждался. Одну из квартир, для вдовы погибшего в огне оперуполномоченного уголовного розыска Константина Алексанова, купила мэрия Москвы. К тому времени пришла помощь и из города Ахаус (Германия) - от хора полицейских, который связывают теплые отношения с самарским хором милиции. Хор из Ахауса дал благотворительный концерт в Дюссельдорфе, и средства от него в размере 57 тысяч 600 рублей были пересланы в помощь тем семьям погибших в огне самарских милиционеров, в которых по двое детей остались без отца или без матери.

АЛЫЙ СНЕГ

*Памяти сотрудников ГУВД Самарской области,
погибших при пожаре 10.02.99г*

Почему, не знаю, средь равнин и рек,
В середине мая выпал алый снег.
А перед глазами роковой февраль,
Не сказать словами, на душе печаль.

В пылающей громаде, в руинах этажей,
В огне мы потеряли боевых друзей.
Огненно-кровавым стал для нас тот день,
Болью сердце ранит тишина аллей.

Вы уж нас простите там, на небесах,
Это - скорбь России, утрата для всех нас.
Окропили землю слезы матерей,
Головы склонили купола церквей.

Время лечит раны, и летят года,
Унесет невзгоды вешняя вода.
Выбиты в граните ваши имена,
Сохранит их память наша навсегда.

*Автор - заместитель начальника УГПС,
подполковник внутренней службы Баранов С.А.*

ДЕНЬ ВСЕОБЩЕЙ СКОРБИ

Вдоль печального ряда с телами погибших я шла, хватая воздух открытым ртом, чтобы не разрыдаться. С фотографий у траурных венков смотрели на мир такие красивые и такие молодые лица! Слух резанула сообщение: у бывшего заместителя начальника областного УВД, полковника милиции в отставке А.М. Липатова погибла родная дочь! В сгорбленном, разом постаревшем человеке едва узнала всегда молодцеватого Александра Михайловича. Он так гордился, что красавица Иришка пошла по его стопам! В замужестве старший лейтенант паспортно-визового отдела Ирипа Александровна Липатова носила фамилию Финошина. Вся семья была так раздавлена горем, что на них было страшно смотреть. И помочь ничем было уже нельзя.

На ватных ногах я пошла дальше, и взгляд снова наткнулся на знакомую фигуру. Обхватив лицо руками, молча покачивался из стороны в сторону начальник ИТУ области, полковник юстиции Виктор Федорович Сазонов (ныне он - председатель Самарской губернской Думы – Авт.). В гробу лежала его родная сестра – главный инспектор штаба, подполковник милиции Татьяна Федоровна Полушкина. Она смотрела с фотографии, улыбаясь...

Очевидцы, оставшиеся в живых, рассказали о последних минутах её жизни. Татьяне Фёдоровне кричали: “Выбегай! Горим!” А она в ответ: “Сейчас, сейчас! Только документы прихвачу!” А ведь её кабинет находился всего лишь на втором этаже. Однако всего лишь за какие-то минуты огонь отрезал ей выход в коридор. Выпрыгнуть же на улицу она так и не смогла: на окнах были решетки...

Эти два пожилых человека сидели обнявшись, и, кажется, ничего не замечали вокруг. Гроб их дочери, майора следственного управления Семенякиной Галины Вениаминовны, был закрыт. О том, что в Самаре произошла эта страшная трагедия, они, проживающие в дальнем райцентре Большая Глушица, услышали из телевизионных репортажей. Старики сразу же приехали в Самару. Их сначала огорошили: ваша дочь пропала без вести. Но уже вечером их подвели к закрытому гробу. Что там, внутри, они так и не узнали, но похоронить ее решили в своем родном селе. У Антонины Гавриловны и Вениамина Семеновича Галя была единственным ребенком. С ней они связывали свои надежды на старость. Думали, она их похоронит. Но все оказалось не

так: родителям пришлось хоронить свою дочку. Вот ведь как судьба повернула...

- Мы ведь деревенские, - сквозь слезы говорили старики. - У нас в городе ни поддержки нет, ни знакомств никаких. Галя ведь всего добивалась сама, она всю жизнь училась и училась. Даже домой в отпуск, бывало, все какие-то записи привозила. Спросишь ее: что это? Над интересным делом думаю, отвечает. Из-за этих-то дел ей и с парнями дружить некогда было. Мы все просили: "Выходи замуж, или хоть внучонка нам подари!" Нет, ничего она не успела, никакого росточка после себя на Земле не оставила. На ней наш род совсем обрывается. А зачем нам, старикам, жить без неё?...

- Андрюшенька! Андрюша! – отрешенно шептала, глядя холодную щеку парня, красивая девушка, склонившись над гробом. Она повторяла его имя, как заклинание.

- Это его невеста, - шепотом произнес кто-то рядом.

Капитан милиции Андрей Сажин служил в экспертно-криминалистическом управлении. Незадолго до трагедии он объявил родным и друзьям, что намерен жениться. И с радостью представил всем свою избранницу: "Это Лена. Она почти что наша коллега – врач".

Зарегистрировать брак с Леной капитан Сажин не успел. Впрочем, почти все его сослуживцы разделили участь Андрея: ведь лаборатория ЭКУ находилась на пятом этаже сгоревшего здания.

Даже на смертном одре оперуполномоченный главного управления уголовного розыска УВД Игорь Кузьмин выделялся гренадерскими размерами: при жизни его рост был без малого два метра! Его отец, майор милиции в отставке, видел будущее сына только в органах: здесь, как он считал, Игорь не сопьется, да и в дурную компанию не попадет. Игорь оправдал надежды отца: за его плечами - школа милиции и академия МВД. Но во время пожара при весе в сто килограммов с лишним оперативник Кузьмин прыгнул с четвертого этажа, лишь натянув на голову фуражку. Умер он уже в больнице.

- Хорошо, что у нас хоть есть что хоронить. У других-то - одни головешки, - покорно принял удар судьбы Кузьмин-старший. А от сидящих рядом с ним я узнала, что у отставного майора милиции Игорь был единственным ребенком. После его гибели у него остался сын, которого в честь деда называли Владиком. В тот год мальчишка ходил во второй класс. Каким-то он вырастет без отца?...

Я вышла из дворца скорби вслед за последним гробом. Ни видеть

кого-либо, ни разговаривать не хотелось. А в трамвае мужчина почему-то уступил мне место...

Столица не замечала самарского горя еще целую неделю. Только спустя восемь дней в соответствии с Указом президента России Ельцина был объявлен национальный траур по погибшим в здании областного УВД. Но даже и в этот день телевизионные каналы и программы радиопередач работали в обычном режиме – транслировались развлекательные сериалы, звучали веселые песни звезд российской эстрады. А на следующий, девятый день, мы по русской традиции отмечали память тех, кто принял свою страшную смерть при исполнении служебного долга. Среди тех, кто безвременно ушел в мир иной, была единственная журналистка – Валентина Неверова. Вечная память вам, дорогие земляки!

А через десять дней после гибели мужа жена заместителя начальника УБЭП Александра Ржевского родила сына. Очень ждал появления наследника и Александр Храмов, следователь облУВД по особо важным делам. Малыш громким криком возвестил о своем появлении на свет через два месяца после гибели отца...

О, судный день! Трагичный час!

И счет погибшим на десятки,

Смерть лучших вырвала из нас,

Ну а с нее и “взятки гладки”...

И будет тихой, светлой грусть,

Товарищей погибших помня.

На пепелище встанет пусть

В слезах омытая часовня.

Эти строки – из реквиема Александра Грызлова, и они вышли в свет 12 февраля 1999 года.

СПИСОК

погибших во время пожара в здании Самарского областного УВД 10 февраля 1999 года.

Алексанов Константин Владимирович, старший лейтенант милиции, оперуполномоченный управления уголовного розыска.

Андреева Наталья Петровна, младший сержант милиции, начальник канцелярии следственного управления.

Архипова Инна Александровна, бухгалтер финансово-экономического отдела.

Астафурова Надежда Владимировна, машинистка секретариата УВД.

Багаев Александр Дмитриевич, рабочий эксплуатационно-технического центра УВД.

Бертасова Татьяна Вениаминовна, майор милиции, старший следователь по особо важным делам следственного управления.

Бокояров Александр Юрьевич, подполковник милиции, старший оперуполномоченный управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Бородин Альберт Николаевич, старший лейтенант милиции, оперуполномоченный управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Бредихина Юлия Евгеньевна, младший оперуполномоченный управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Буклеев Валерий Анатольевич, старший лейтенант юстиции, следователь следственного отделения ОВД Самарского района Самары.

Голуб Владимир Федорович, старший лейтенант милиции, старший оперуполномоченный управления уголовного розыска.

Гордеев Вадим Владимирович, капитан милиции, оперуполномоченный управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Докучаева Галина Азаровна, полковник милиции, начальник отдела следственного управления.

Забродина Валентина Анатольевна, подполковник милиции, заместитель начальника отдела ООРУИМ и ППН.

Ивлиева Ирина Ивановна, подполковник милиции, старший оперуполномоченный управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Калашникова Наталья Петровна, майор внутренней службы, старший инспектор по особым поручениям паспортно-визовой службы.

Карлова Елена Анатольевна, старший лейтенант внутренней службы, инспектор паспортно-визовой службы.

Катаева Ольга Федоровна, майор юстиции, старший следователь следственного управления.

Кильдюшов Олег Владимирович, подполковник милиции, главный инспектор штаба УВД.

Королев Павел Геннадьевич, майор милиции, начальник управления обеспечения общественного порядка.

Кузьмин Игорь Владиславович, майор милиции, старший оперуполномоченный управления уголовного розыска.

Курышева Ольга Николаевна, заведующая канцелярией отдела паспортно-визовой службы.

Лифанова Софья Николаевна, старший лейтенант милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Ломжа Александр Михайлович, подполковник милиции, главный инспектор инспекции штаба УВД.

Макагонова Нина Петровна, капитан юстиции, старший следователь следственного управления.

Медведев Владимир Николаевич, полковник милиции, заместитель начальника отдела паспортно-визовой службы.

Неверова Валентина Львовна, главный редактор газеты “Право”.

Никифоров Сергей Анатольевич, капитан милиции, заместитель начальника отдела управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Николаев Дмитрий Германович, майор милиции, начальник отдела управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Перелыгин Дмитрий Анатольевич, стажер по должности эксперта экспертно-криминалистического управления.

Петрунин Владислав Эдуардович, старший лейтенант милиции, старший эксперт межрайонного экспертно-криминалистического отдела УВД.

Подтяжкин Александр Николаевич, майор милиции, старший эксперт экспертно-криминалистического управления.

Полушкина Татьяна Федоровна, подполковник внутренней службы, главный инспектор штаба УВД.

Постолова Ольга Николаевна, архивист архивной информации информцентра УВД.

Пронина Нина Петровна, заведующая канцелярией управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Прохорова Людмила Александровна, лейтенант милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Рабинович Мария Михайловна, заведующая канцелярией следственного управления.

Ржевский Александр Константинович, полковник милиции, заместитель начальника управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Савенко Зоя Федоровна, архивист информцентра УВД.

Сажин Андрей Николаевич, капитан милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Семенякина Галина Вениаминовна, майор юстиции, следователь следственного управления.

Силантьев Владимир Константинович, подполковник милиции, начальник отдела управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Собачкин Валентин Борисович, майор милиции, старший эксперт экспертно-криминалистического управления.

Сулейманова Лейла Наримовна, старший лейтенант милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Суходеев Александр Павлович, полковник милиции, заместитель начальника УВД, начальник следственного управления.

Тихонов Сергей Владимирович, старший лейтенант милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Усова Лидия Викторовна, майор милиции, оперуполномоченный управления уголовного розыска.

Фадеева Алевтина Ивановна, полковник юстиции, заместитель начальника следственного управления.

Финошина Ирина Александровна, старший лейтенант милиции, инспектор отдела паспортно-визовой службы.

Фролов Игорь Владимирович, капитан милиции, старший инспектор по особым поручениям управления кадров.

Харитоновна Елена Александровна, старший лейтенант внутренней службы, старший специалист финансово-экономического отдела.

Храмов Анатолий Васильевич, старший лейтенант юстиции, старший следователь по особо важным делам следственного управления.

Шалгин Владимир Маркович, капитан милиции, начальник отделения экспертно-криминалистического управления.

Шипкова Наталья Александровна, экономист по труду центральной бухгалтерии УВД.

Швейкина Татьяна Михайловна, капитан милиции, старший инспектор паспортно-визовой службы.

Яковенко Валентина Александровна, уборщица УВД.

Ярцев Михаил Борисович, капитан милиции, эксперт экспертно-криминалистического управления.

Глава 14

Дом горел в ночи, как свечка (Пожар в доме № 242 на улице Воронежской в Самаре 6 сентября 1999 года)

Сообщение о пожаре в девятиэтажном доме № 242 на улице Воронежской в Самаре поступило на пульт “01” в 1 час 22 минуты ночи 6 сентября 1999 года. Первые пожарные расчеты из ПЧ-6 прибыли по указанному адресу в 1 час 25 минут по номеру “один-бис” (повышенной опасности). После визуального осмотра очага загорания уже через две минуты по городу была объявлена пожарная тревога № 2 (высокой опасности).

Женщина погибла сразу

Оказалось, что к моменту прибытия первых караулов огонь уже вырывался из окон квартир и лестничных площадок восьмого и девятого этажей, а на месте происшествия имелись раненые и один погибший. После сообщения на центральную станцию “скорой помощи” к месту пожара прибыло 10 медицинских бригад, из них две реанимационные.

О ликвидации загорания было объявлено только в 3 часа 50 минут утра. Всего в тушении пожара участвовали 16 специальных пожарных автомобилей, в том числе две автолестницы. Дом удалось отстоять, однако две квартиры на восьмом этаже выгорели полностью, в здании прекращена подача электроэнергии и отключен лифт, частично выведена из строя телефонная связь, капитального ремонта требуют лестничные клетки верхних этажей. Число пострадавших оказалось значительным. Погибла жительница квартиры № 39 на восьмом этаже 58-летняя Светлана Павлоградская - она выпрыгнула из окна в тот момент, когда начала гореть ее квартира.

Еще девять человек госпитализировано, в основном с диагнозом “отравление окисью углерода”. В их числе - двое детей: Денис Черемисин (возраст - 10 месяцев) и Светлана Урюпина (два года). Жительница квартиры на шестом этаже 65-летняя Надежда Черкасова с диагнозом “ожоги 2 и 3 степени, ожог верхних дыхательных путей, отравление окисью углерода” госпитализирована в ожоговый центр больницы имени Пирогова в состоянии комы, и по сей день ее состоя-

ние оценивается как крайне тяжелое. В числе пострадавших - начальник караула ПЧ-9 Евгений Тулаев, получивший ожоги рук 1 и 2 степени и лично снявший с горящего этажа не менее пяти человек с помощью автолестницы. Всего из огненного ада огнеборцы пятой, шестой и девятой пожарной частей эвакуировали несколько десятков человек.

“Пожарный спас всю нашу семью”

Вот что рассказала автору этих строк жительница квартиры № 33 на седьмом этаже Александра Павлова:

- Я проснулась около часа ночи от плача 10-месячного внука. Почти одновременно проснулись мой муж Анатолий и зять Петр Черемисин (он с моей дочерью и их сыном Денисом живет в нашей квартире). В это время в комнате уже чувствовался слабый запах дыма. Петр выглянул из квартиры на площадку и тут же прибежал обратно. Говорит: “Только не паникуйте - мы горим”. Тут уже вся квартира стала наполняться дымом. Мы стали хватать первую попавшуюся одежду - я, например, накинула на ночную сорочку зимнее пальто. А когда мы открыли дверь в коридор, то увидели, что там сплошная стена дыма и огня, и пройти через нее невозможно. Огонь вырывался из запасного пожарного выхода, дверь из которого открывается в середине коридора, ведущего из квартир на лестничную площадку. Поэтому в коридоре и образовалась стена огня, отрезавшая нас от выхода.

Увидев, что выйти через дверь нельзя, мы впятером выбежали на лоджию и стали кричать: “Помогите!” Внизу пожарные уже разворачивали свои лестницы. Наверное, мы слишком уж отчаянно кричали, потому что они сначала вроде бы хотели подать лестницу на восьмой, горящий этаж, но в конце концов сначала направили ее к нам.

Первый пожарный, который поднялся по лестнице, сказал, что сначала возьмет ребенка. Моя дочь громко плакала и отказывалась Дениску отдавать, боялась, что пожарный его уронит. Но он сказал, что берет на себя всю ответственность за ребенка, успокоил мою дочь, и она передала ему Дениску, завернутого в одеяло, сама же пошла по лестнице следом за пожарным. Он ею все время руководил, говорил, как правильно нужно спускаться - не смотреть по сторонам и вниз. Так они благополучно и добрались до земли. Затем пожарный поднялся снова и по очереди свел вниз по лестнице нас - троих оставшихся. Хочу через газету выразить благодарность этому пожарному, который спас от смерти всю нашу семью, а сам попал в больницу с ожога-

ми рук. Фамилию свою он не сказал. Уже потом выяснилось, что его зовут Евгений Тулаев, и после пожара он с ожогами рук попал в больницу имени Калинина.

“Лестница до нас не доставала”

А вот рассказ жительницы квартиры № 43 на девятом этаже Татьяны Урюпиной.

- Во втором часу ночи я вдруг ощутила сильный запах дыма. Подумала - может быть, это я оставила что-то на огне на кухне. А когда выглянула с балкона вниз, то увидела внизу много пожарных машин, и поняла, что они что-то тушат. Тогда я схватила свою двухлетнюю дочь Светлану и хотела бежать с ней вниз на улицу, но тут оказалось, что вся лестничная площадка заполнена удушливым дымом.

Уже через несколько минут дым был во всей квартире, дышать в комнатах стало невозможно, и мне оставалось только выбежать на балкон и звать на помощь. Я видела, как пожарные снимали людей с шестого, седьмого и восьмого этажей, а за мной на девятый все никак не поднимались. Наконец я увидела, что и к моему балкону движется лестница, а на самом ее верху стоит пожарный. Однако машина никак не могла подъехать поближе - дело в том, что как раз под нами находится пристрой. Поэтому лестница всего на какой-то метр не дотягивалась до края балкона. Я кричала пожарному, что готова рискнуть и перебраться на лестницу, но он, увидев, что огня в квартире нет и на балконе вполне можно дышать, запретил мне это делать, напомнив, что у меня на руках ребенок. Видимо, по рации он вызвал помощь, потому что через несколько минут в мою квартиру вошли пожарные в противогазах, сломав входную дверь. Они также принесли противогазы для меня и Светланы, а затем провели нас через дым в коридоре, и вот так мы смогли выйти наружу.

Комментарий главного врача центральной городской станции “скорой помощи” Любви Старостиной.

- Пожаров с таким числом пострадавших в Самаре не было со времени трагедии в здании областного УВД. В ту ночь нам пришлось задействовать областной центр медицины катастроф, а вся центральная станция “скорой помощи” работала по расписанию действий в условиях чрезвычайной ситуации. Это предписывается нашими инструкциями - если на месте происшествия больше четырех пострадавших,

ситуация считается чрезвычайной. А ведь в момент вызова мы не могли даже предположить, сколько же пострадавших на этом пожаре окажется в конечном итоге. Хорошо еще, что погибший был только один, а в медицинской помощи нуждалось лишь девять человек.

Организационных проблем при этом происшествии у медиков не было. Всех пострадавших обеспечили медикаментами, большинство из них уже на другой день после пожара были выписаны из стационара.

Комментарий Вячеслава Курносенкова, заместителя начальника пожарной части № 9, на территории которой находится дом № 242 на улице Воронежской.

- Это здание было построено в 1965 году, и к моменту происшествия уже стало очевидным, что архитектурный проект дома с противопожарной точки зрения оказался крайне неудачным. В первую очередь это связано с конструктивными особенностями запасного пожарного выхода. Он представляет собой лестницу, расположенную в наглухо закрытой со всех сторон шахте, из которой имеются выходы в межквартирный коридор каждого этажа. Понятно, что во всех домах такой конструкции жильцы используют запасную шахту в качестве подсобного помещения и склада для ненужных вещей, что увеличивает вероятность возникновения пожара в здании. К сожалению, к тому моменту в нашем районе было 16 таких домов.

При каждой проверке дома № 242 нашими инспекторами шахта запасного выхода обязательно оказывалась забитой всяким хламом. Инспектора выдавали предписания Галине Стрижаковой, председателю ЖСК-64, которому принадлежит здание, но это не имело особого действия. Результаты такой халатности налицо. Даже предварительное расследование позволяет сделать вывод, что пожар в доме № 242 на улице Воронежской начался именно в захлавленной шахте запасного выхода. Следствие разрабатывало две версии возникновения загорания. Согласно первой, пожар начался в этой шахте на уровне четвертого этажа, где пока неустановленные дети из-за шалости подожгли мусор. Пламя в течение одного-двух часов распространялось вверх и в итоге достигло восьмого этажа, где вышло на площадку через сломанную дверь. Поэтому именно этот этаж пострадал больше всего.

Вторая версия менее вероятна: согласно ей, очаг пожара находил-

ся на восьмом этаже в квартире № 38, где в момент начала инцидента без присмотра взрослых находились двое подростков 14-ти и 15-ти лет. Отсюда огонь вышел на площадку, и лишь потом попал в шахту. Правда, в конце концов достаточных доказательств ни для одной версии так и не смогли собрать, а конкретные виновники не были установлены.

Теперь о действиях пожарных и поведении жильцов дома во время происшествия. Хотя длина имеющихся у нас автолестниц позволяет с их помощью доставлять пожарных на уровень девятого этажа, в доме № 242, к сожалению, этого сделать не удалось. Как уже говорилось, пристрой первого этажа мешал машине подъехать вплотную к стене. Мы вполне могли бы спасти и выбросившуюся из окна Светлану Павлоградскую, если бы она не поддалась панике и не открыла бы двери из квартиры на лестничную площадку, из-за чего пламя и ворвалось в ее жилище. В целом же действия личного состава нашей части при ликвидации пожара в доме № 242 признаны грамотными и правильными.

К тому времени минуло всего полгода со дня огненной трагедии в Самарском областном УВД, но пожарным опять пришлось констатировать: подобная трагедия может повториться в любом другом высотном здании не только Самары, но и другого города нашей области. Причины все те же: конструктивные недостатки старых зданий и хронически слабая обеспеченность пожарных подразделений современной техникой, приспособленной для спасения людей с больших высот. Власти, как всегда, ссылаются на нехватку средств. Но гибнут на пожарах, как правило, не представители властей, а простые люди, рядовые налогоплательщики...

В.В. Ерофеев

Глава 15

Прочнее алюминия - только пожарные (Пожар на ОАО “Самеко” 30 ноября 2000 года)

Пожар четвертой категории сложности в Самаре произошел ранним утром 30 ноября 2000 года в цехе № 3 ОАО “Самеко”. Следует отметить, что огненных происшествий под “номером четыре” в столице губернии к тому моменту не случалось с февраля 1999 года, когда горело здание облУВД.

Сообщение об этом происшествии на пульт областного управления государственной противопожарной службы поступило в 6 часов 04 минуты. По тревоге № 2 первые 11 пожарных отделений из ПЧ-42 прибыли на место аварии всего через две минуты, благо, что эта пожарная часть находится непосредственно на территории металлургического завода. Глазам огнеборцев предстал пылающий корпус № 108, встроенный в третий цех. При этом большинство свидетелей происшествия уверяло пожарных, что воспламенению внутренних помещений предшествовал сильный взрыв в 108-м корпусе, из-за чего в здании вылетели или открылись многие двери, окна и фонари.

В считанные минуты огонь накиннулся на емкости с 600-ми кубометрами укринола (так называется жидкость, охлаждающая прокатные станы и содержащая 70 процентов керосина и 30 процентов сажи). Горели также масляные фильтры, расположенные в цехе, и все цеховое насосное оборудование с технологической обвязкой. Мгновенно оценив ситуацию, дежурный по 42-й пожарной части передал дежурному по городу сообщение о пожаре уже не второй, а третьей категории сложности.

К семи часам утра обстановка осложнилась. Пламя охватило не только оборудование 108-го корпуса (его площадь - 420 квадратных метров, а высота - 12 метров), но и вышло на крышу здания. Впоследствии общая площадь пожара была оценена в 800 квадратных метров.

Несмотря на включение в работу прибывших к месту аварии установок пенотушения, пылающий укринол стал растекаться по третьему цеху, угрожая поджечь и соседние помещения. В результате в 7 часов 16 минут начальник областного УГПС Михаил Орлов, принявший на себя руководство тушением, объявил по городу пожарную тревогу № 4. А это означало, что с того момента к месту происшествия

необходимо было стягивать всю специальную пожарную технику губернии, а личный состав противопожарного управления, свободный от несения службы, должен был прервать свой отдых и тоже подключиться к ликвидации аварии.

Между тем ситуация продолжала накаляться как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. В 7 часов 45 минут внутри горящего 108-го корпуса взорвалась большая емкость с укринолом. Пылающую жидкость выбросило далеко за пределы третьего цеха. Возникло несколько новых локальных очагов загорания, которые, однако, довольно быстро потушили пеной. Самое неприятное, что вылетевший из корпуса огненный фонтан накрыл и стоящую у стены цеха пожарную автомашину АЛ-30 с раздвижной лестницей, с которой заливали горящую крышу здания. К счастью, находившиеся в машине пожарные вовремя успели отбежать в сторону. Однако спецавтомобиль в считанные минуты вспыхнул, словно свечка, и уже через полчаса от него остался только металлический остов.

Тем временем к месту аварии прибывали все новые и новые пожарные расчеты. На металлургическом заводе был организован оперативный штаб по ликвидации аварии, в состав которого вошли все главные специалисты горящего объекта. В момент наивысшего напряжения на тушении пожара в общей сложности работало 180 огнеборцев и более 30 единиц специальной пожарной техники. Уже в восьмом часу утра к третьему цеху было стянуто шесть установок пенотушения ГПС-600, и пенные атаки на 108-й корпус непрерывно велись сразу с нескольких сторон. Уже к 11 часам утра было объявлено о локализации пожара, а в 12 часов 10 минут - о его полной ликвидации. Правда, проливка дымящихся участков и контрольное наблюдение за объектом продолжались до самого вечера.

В результате инцидента оказался полностью разрушенным 108-й корпус третьего цеха, сильно пострадало и другое оборудование, непосредственно прилежавшее к очагу горения. Ущерб, нанесенный пожаром, конечно же, оказался огромным, но самым главным итогом этого очень серьезного происшествия специалисты считают полное отсутствие человеческих жертв и пострадавших как среди работников предприятия, так и среди сотрудников областной противопожарной службы.

Сразу же было объявлено, что пожар уничтожил лишь второстепенное производство, отсутствие которого практически никак не

отразилось на выпуске основной продукции предприятия. Предполагалось, что о результатах своей работы комиссия сообщит через 10 дней после происшествия, но на самом деле она подвела итоги работы немного позже.

Впрочем, уже специалисты уже сразу же предположили, что источником пожара стало какое-нибудь малозначительное технологическое нарушение или даже роковое стечение обстоятельств. Вот мнение об инциденте на металлургическом заводе заместителя начальника областного УГПС подполковника внутренней службы Сергея Баранова, который высказал его днем 30 ноября 2000 года, то есть сразу же после окончания борьбы с огнем:

- На "Самеко" к требованиям пожарной безопасности всегда относились предельно внимательно, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих других промышленных предприятиях Самары. В частности, ныне на "Самеко" за счет заводских средств содержится целая пожарная часть, в то время как на многих других предприятиях из-за тяжелой экономической ситуации такие подразделения или сокращены, или вовсе ликвидированы. А когда наши инспекторы с целью проверки соблюдения правил пожарной безопасности посещают опасные производства металлургического завода, к которым, несомненно, относится и третий цех, их требования всегда встречают полное понимание со стороны местной администрации.

К сожалению, от мелких нарушений и неисправностей никто не застрахован. Что же касается 108-го корпуса "Самеко", то здесь буквально за несколько месяцев до аварии побывали наши сотрудники, которые осмотрели здание и составили перечень нарушений из пяти пунктов, которые необходимо было немедленно устранить. Администрацией предприятия это было сделано в полном объеме всего за несколько дней до инцидента.

Исходя из сказанного, я считаю, что источник огня в 108-м корпусе мог возникнуть лишь в ходе какой-то неординарной аварийной ситуации. Пока лишь известно, что непосредственно перед пожаром в корпусе действительно произошел взрыв или сильный газовый хлопок, который слышали многие работники завода, а вслед за этим во внутренних помещениях началось быстрое распространение огня.

Уже вскоре оказалось, что опытный специалист госпожнадзора оказался прав. Окончательный вывод о причинах аварии сделала компетентная комиссия, которой потребовалось для этого чуть больше двух

недель. Выяснилось, что причиной возгорания стало разрушение подшипника установки для приготовления фильтровальной смеси (она используется для фильтрации прокатной смазки - укринола). После того, как подшипник разрушился, произошел разогрев узла до высокой температуры и самовоспламенение паров смазки. Это и был тот самый первый хлопок, который слышали работники цеха.

Как затем сообщил прессе главный инженер предприятия Владимир Самонин, корпус, в котором произошло возгорание, вообще является довольно пожароопасным. Перед началом пожара в нем находилось около 270 тонн прокатной смазки – укринола, вещества на основе керосина. В момент хлопка паров смазки автоматическая система газового пожаротушения в цехе сработала в штатном режиме, но она оказалась маломощной для такого крупного пожара, поэтому ее включение почти не изменило ситуацию. Развитие пожара лишь немного замедлилось, а потом, когда действие газа системы закончилось, пошло лавинообразное распространение огня. Если бы не усилия самарских огнеборцев, могла бы произойти крупная катастрофа. Но даже с учетом того, что пожарным в конце концов удалось справиться с пламенем, предприятию был нанесен ущерб в размере 5 миллионов долларов. При этом работа в прессовом цехе возобновилась уже к вечеру того же дня, а всех прочих производств, в том числе и сгоревшего корпуса приготовления прокатной смазки – через две недели.

В.В. Ерофеев

Глава 16

Адский фейерверк над Сызранью (Пожар на военных складах в поселке Сердавино 10 июля 2002 года)

В тот день, 10 июля 2002 года, около четырех часов пополудни раскаленный город буквально в считанные секунды накрыл долгожданный дождь, принесся измученным от жары сызранцам глоток свежего воздуха. Не испортила их настроение даже разразившаяся во время дождя гроза с яростно сверкавшими молниями и раскатами грома.

Огнеборцы – на выезд

Не дремали в эти минуты и сызранские пожарные. В 16 часов 16 минут, получив вызов о том, что где-то на окраине города горит лес, бойцы вскочили в машины, и уже через минуту мчались защищать родную флору. При этом как раз в том направлении, куда они ехали, все сильнее и сильнее продолжал грохотать гром, да так, что от него закладывало уши. Впрочем, пожарные на это обстоятельство в тот момент не обращали особого внимания: ведь над Сызранью продолжала бушевать гроза.

Однако в середине пути диспетчер Любовь Зверева передала дежурному караулу уточняющую информацию: машине нужно следовать в поселок Сердовино, пригород Сызрани, на воинский склад № 62059, который находится в ведении главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны России. Оказалось, что здесь загорелись боеприпасы - по всей видимости, от удара молнии. Тут-то пожарные наконец-то поняли, что там, вдалеке, куда они ехали, грохотал вовсе не гром. И когда стало ясно, на каком именно объекте случилось возгорание, на сердовинский военный склад по тревоге “номер два” выехало сразу 10 боевых расчетов.

О том, что в воинской части и в самом деле происходят серьезные дела, было видно по ужасу, застывшему в глазах солдат, в растерянности встречавших красные машины у ворот, в которые въезд посторонним категорически воспрещен. “Хорошо, что нам новую форму недавно выдали”, - вспомнив традицию русских солдат перед смертельным боем, пошутил кто-то из бойцов. Впрочем, уже через несколько минут, когда пожарные въехали на территорию склада, им стало со-

всем не до смеха. Замолчали все, даже самые отъявленные балагуры, потому что впереди, прямо перед ними, бесновался громадный огненный факел, из которого, оглушая окрестности грохотом и свистом, в разные стороны беспрерывно разлетались 25-килограммовые артиллерийские болванки и осколки железа, весом до килограмма. Последние, для справки, летят с такой скоростью, что человеческий глаз заметить их практически не успевает...

Вслед за снарядами из эпицентра пожара, как сумасшедшие, во все стороны разлетались и осветительные ракеты. Каждая такая “красавица”, дальность полета которой достигает 350 метров, в момент контакта с землей поджигала вокруг себя все, что могло гореть. А поскольку территория близ очага пожара была буквально утыкана штабелями и помещениями с различными боеприпасами, то каждый легко может понять, насколько опасным было это завораживающее зрелище. В тот момент, осознав весь риск сражения с огнем в такой обстановке, кто-то из пожарных вспомнил Бога, а кто-то - черта. У других же, словно в предсмертную минуту, в памяти сразу же всплыл яркий образ любимой женщины, матери или ребенка. “Нет, только не это”, - подумал, наверное, в тот момент каждый из огнеборцев, оказавшийся на пороге этого огненного ада.

Счет шел на секунды

Уже потом выяснилось, что хранилище осветительных ракет и артиллерийских снарядов загорелось от взрыва на пороховом складе. Пожарные были на месте вызова через четырнадцать минут. Оценив обстановку, начальник штаба пожаротушения капитан Александр Сокопа передал в эфир сообщение о пожар “номер три” - высокой степени сложности. Прошло еще шесть минут, и на место происшествия прибыл начальник ОГПС-7 Виктор Матиевский, который тут же взял на себя руководство тушением пожара. Тут же по сызранскому гарнизону был объявлен сбор всего личного состава.

Сложность борьбы с огнем на воинском складе в первую очередь заключалась в огромной (размером с футбольное поле) площади очага возгорания. Но самым главным было то, что всего в 50 метрах от бушующего пламени располагался склад с ПТУРСами (противотанковыми управляемыми реактивными снарядами). Специалистам известно, что дальность разлета этих снарядов – четыре километра. А в этой зоне находились не только другие склады военного арсенала, но

также и множество других объектов повышенной пожароопасности - Сызранский нефтеперерабатывающий завод, некоторые другие промышленные предприятия, а также жилые кварталы города.

Профессионально оценив обстановку, Виктор Матиевский в считанные секунды распределил силы и средства гарнизона для наиболее эффективной борьбы с пламенем. Всего в районе очага пожара было создано три боевых участка. В первую очередь пожарные подали лафетный ствол на защиту склада с ПТУРСами. Затем с помощью четырех стволов "Б" стали тушить хранилища осветительных ракет, а еще два таких ствола поставили на площадку с осколочными снарядами. Начальниками боевых участков были назначены опытные офицеры - Дмитрий Апполинаров, Александр Зудов и Андрей Новиков, а затем - Павел Кочергин.

Через полчаса после начала борьбы с огнем, в 17 часов 30 минут, в развитии пожара наступил критический момент – наступил "водный голод". Дело в том, что к этому времени был практически полностью опустошен 50-метровый противопожарный водоем, который находился на территории арсенала, а места нахождения каких-либо других источников воды военные огнеборцам указать не смогли. Поэтому пожарные были вынуждены отправиться на разведку местности. А пока искали воду, на складе произошел очередной, но очень сильный выброс ракет, из-за которого вышли из строя сразу 15 пожарных рукавов. Поэтому радиотелефонист ЦППС Марина Жадаева передала всем подразделениям распоряжение руководителя тушения пожара (РТП) – отвести технику и личный состав на безопасное расстояние от арсенала.

В этой тяжелой обстановке весь исход операции теперь зависел лишь от профессионализма начальника отряда. К тому моменту за плечами у 45-летнего полковника Виктора Матиевского уже были сотни пожаров, в том числе и очень сложные. За 23 года своей огненной службы он уже трижды руководил тушением пожаров по "номеру три". Дважды это было в мае 1992 года, когда горели мазутовые ямы Сызранского нефтеперерабатывающего завода, а потом в 1999 году, когда огонь охватил резервуар с остатками нефтепродуктов на том же СНПЗ. В тех случаях командир вместе со своими бойцами до последнего находился на передовой линии борьбы с огненной стихией. Вот и в этот раз Матиевский сказал своим подчиненным: "Мы победим, потому что мы обязаны спасти город", а затем он отдал приказ о передис-

локации сил и средств на месте происшествия. Согласно приказу, пожарные проложили рукавную линию длиной 800 метров к пожарному поезду МПС, в цистернах которого был 300-кубовый запас воды. А к тому моменту вернулись и разведчики, которые обнаружили в окрестностях арсенала еще несколько водоемов, пригодных для использования в борьбе с пламенем на складах. Вскоре было развернуто четыре магистральных линии, да плюс к ним проложены еще и десятки рабочих рукавов, поскольку рядом находились склады с другим военным имуществом. По всей прилегающей к складам территории были выставлены посты, готовые в любой момент отреагировать на обострение обстановки.

В штаб пожаротушения вошли исполняющий обязанности командира части № 62059 полковник Юрий Кочергин и мэр Сызрани Василий Янин. Возглавил же штаб заместитель начальника ОГПС-7 подполковник Александр Гришанов, помощником его был капитан Александр Сорока. Четкие и организованные действия офицеров, безусловно, в значительной степени повлияли на исход операции, ведь они не только координировали действия своих подчиненных, но и подавали личному составу пример мужества и отваги, в самые сложные моменты пожара выходя непосредственно на передовую линию борьбы с огнем.

В тот вечер на месте происшествия работали в общей сложности 21 пожарная автоцистерна и более 20 единиц специальной и вспомогательной техники, в том числе насосная станция с рукавным ходом, два пожарных поезда, пожарный танк, бойлеры с водой. К тому же на помощь сызранским огнеборцам уже спешили пожарные подразделения из Самары, Тольятти, Жигулевска и Новоспасска Ульяновской области.

Тем временем пылающий склад осветительных ракет и артиллерийских снарядов вовсе не хотел “сдаваться”. Пока штаб пожаротушения готовил новый план по укрощению разбушевавшегося пламени, адский фейерверк над Сызранью вновь и вновь озарял вечернее небо.

Схватка со смертью

На складе с ПТУРСами шла борьба не на жизнь, а на смерть. Напичканный снарядами, готовыми в любую секунду обрушиться на мирный город, почти сразу же после начала пожара склад оказался практически на открытой местности. От первых же взрывов в

этом корпусе вылетели ворота, а крыша и кирпичные стены наполовину разрушились. Вот так у небольшого строения в пригороде Сызрани простым парням из пожарной части пришлось укрощать мощное оружие, созданное руками человека, но внезапно вырвавшееся из-под его контроля.

Чтобы спасти от огня этот мощный военный арсенал, способный за несколько часов уничтожить половину города, огнеборцы взбирались на оружейные ящики и баграми вытаскивали из них пресловутые “зажигалки”. Кстати, уже воспламенившуюся осветительную ракету потушить практически невозможно – она продолжает гореть даже в воде. Эта маленькая деталь поможет понять неискушенному человеку, до какой же степени от хладнокровия и мужества в те критические часы зависела жизнь многих сотен, а то и тысяч людей, многие из которых в тот момент даже не догадывались о грозящей им опасности. И даже после сигнала всеобщего отхода огнеборцы все-таки выбегали из укрытий, чтобы уничтожить очередной очаг загорания. Бойцы понимали, что если они этого не сделают, то их родной город еще на волосок может приблизиться к своей гибели.

С южной стороны склада с “зажигалками” заняли места два Игоря, два капитана - Тарасов и Маршов. Последний из них после перемещения сил и средств пожаротушения возглавил еще один боевой участок. Вот эти ребята и собрали большую часть “трофеев”, поскольку в тот момент они имели наиболее удобную позицию для передвижения. Вместе с этими пожарными на опасной линии находились офицеры Владимир Зубков, Али Измайлов и Владимир Чердаков. С восточной стороны проклятые “светлячки” тушили офицеры Дмитрий Сапцов и два Вячеслава – Великанов и Шилов. Отважные огнеборцы не давали ракетам разгореться и взорвать все живое вокруг себя.

На другом опасном участке, около склада ПТУР, работали бойцы Александр Хуртин, Алексей Селиванов, Дамир Рафиков, Юрий Спиркин, а также водители-пожарные Сергей Щежин, Валерий Поздняков и Олег Радионов. Такой ловкости, с которой водители лавировали между свистящими со всех сторон ракетами, наверное, не смогли бы продемонстрировать ни на одном автородео мира. Именно ребятам, сидящим за баранкой пожарных автомобилей, в тот страшный вечер досталось больше всего: ведь они, в отличие от прочих бойцов, всегда должны были оставаться у насосов и не имели права никуда отступать. Особенно не везло машине Олега Радионова: несмотря на то,

что она, повинувшись водителю, все время вертелась как волчок, ракеты то и дело залетали к ней то под бензобак, то на крышу, то под колеса. В итоге один из снарядов все-таки взорвался, попав в насосный отсек, а сам водитель при этом спасся лишь чудом, отпрыгнув от машины лишь в последнюю секунду.

Кстати, в другом случае мастерство водителя уберегло и мэра города Сызрани Янина, в машину которого летела ракета, но благодаря тому, что шофер успел развернуть автомобиль, взрыва не произошло.

Для справки: ПТУР - противотанковые управляемые ракеты, предназначенные для поражения танка или других бронированных целей. Имеет боевую часть, как правило, кумулятивную (прожигающую), а также двигатель твердого топлива. Может пробивать броню мощностью от 400 до 600 миллиметров на расстоянии до 4000 метров ("Военно-энциклопедический словарь").

Задание - выжить

Всего в тушении пожара на складе в Сердовино принимало участие 120 пожарных ОГПС-7 и порядка тридцати военнослужащих здешней воинской части. Самой главной задачей руководства в той сложнейшей ситуации было сберечь личный состав. Поэтому на самых опасных участках в основном работали не рядовые бойцы, а опытные офицеры. Для защиты им были выданы бронежилеты и армейские каски, а в целях еще большей безопасности пожарные работали из-за обваловки высотой четыре метра, которой был обнесен горящий склад. В других случаях, когда нужно было все-таки выходить из-за укрытия, огонь тушили под прикрытием автоцистерн. Следует сразу же сказать, что после этого происшествия все пожарные остались живы. А вот четыре автоцистерны были все-таки задеты снарядами...

Оберегая друг друга, ребята работали парами: один шел с рукавом, а другой в этот момент следил за небом: не появилась ли откуда коварная ракета. В случае опасности бойцы кричали или толкали друг друга. Работу осложнял густой дым и висящая в воздухе пороховая крошка, из-за чего затруднялось дыхание и закрывался обзор. Нервы у всех были натянуты, словно струна, а глаза, следящие за каждой "огненной болванкой", воспалены от напряжения. Но никто при этом не замечал ни жары, ни усталости, ни ушибов. Это уже потом, когда ребята снимут каски, они увидят, что у многих из них после этого страшного дня добавилось седых волос...

Вот как прокомментировал происшедшее в поселке Сердавино Виктор Матиевский, начальник ОГПС-7:

- Нам было очень трудно, но мы победили. Сражение с огнем длилось четыре часа, и угроза взрыва на складах боеприпасов оставалась до самого конца. Но огонь так и не смог добраться до склада с противотанковыми снарядами. В 20 часов 15 минут я доложил руководству о ликвидации пожара.

Заместитель министра МЧС генерал-лейтенант Евгений Серебренников, срочно прибывший на место происшествия, дал высокую оценку работе сызранских огнеборцев: ведь в других городах подобные пожары тушились порой несколько суток. Генерал высказал мнение, что сызранские пожарные, оказавшиеся в тяжелейших условиях, совершили подвиг. Ситуация, сложившаяся в горящем арсенале, была крайне опасной и сложной, и если бы не отвага и профессионализм огнеборцев, последствия этого ЧП могли бы быть трагичными. По итогам ликвидации чрезвычайной ситуации в поселке Сердавино наиболее отличившиеся работники пожарной службы представлены к государственным наградам.

Последствия могли быть более тяжелыми

В результате пожара и многочисленных взрывов в воинской части № 62059 городу Сызрани был причинен ущерб на общую сумму в 44 миллиона 20 тысяч рублей. В радиусе трех километров от арсенала в окнах вылетели почти все стекла, а в некоторых домах силой взрывного удара выбило даже дверные косяки. Сразу же после ликвидации ЧП городские власти развернули работы по восстановлению жилищ горожан, и к концу лета было отремонтировано все поврежденное жилье, а в окнах вставлены стекла. Кроме того, более 80 человек в день аварии и в последующие дни обратились в местные больницы, причем трое из них оказались в тяжелом состоянии. В числе пострадавших шестеро военнослужащих сердавинской военной части, из них двое получили контузию от разрыва снаряда, а еще один - ранение глаз.

В тот роковой вечер "скорая" отвезла в реанимацию с отравлением пороховым газом также одного из пожарных - Андрея Новикова. Впрочем, его состояние сразу же было оценено медиками как стабильное. Через неделю после происшествия Новиков благополучно выписался из стационара. Что же касается пострадавших из числа гражданских лиц, среди которых было трое детей, то все они в основном получили

резанные раны от разбитых стекол. К сожалению, без человеческих жертв все-таки не обошлось: при расчистке завалов на месте пожара было найдено обгоревшее тело офицера воинской части № 62059.

В те дни город был заполнен слухами о причинах страшного пожара. Одной из наиболее популярных версий был удар обычной или даже шаровой молнии. Однако скептики при этом старались отметить, что вся территория склада была буквально утыкана 30-метровыми громоотводами. Иные же придерживались другой версии: якобы причиной ЧП в Сердавино стал поджог. Однако специфика этого режимного объекта такова, что результаты расследования вряд ли будут преданы огласке. Тем не менее военной прокуратурой Сызранского гарнизона по факту этого происшествия было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотриваемым ч.2 ст. 217 УК РФ (нарушение правил безопасности на взрывоопасном объекте). На момент публикации этого материала результаты расследования известны еще не были.

Комментарий М.И. Орлова, начальника УГПС МЧС по Самарской области:

Незадолго до пожара в воинской части поселка Сердавино глава Сызрани В.Г. Янин подписал постановление № 357 от 24 мая 2002 года о создании в городе аварийно-спасательной службы на базе ОГПС-7. Однако выяснилось, что для ее технического оснащения необходим специализированный автомобиль стоимостью более двух миллионов рублей. Впрочем, до поры до времени для ликвидации пожаров и чрезвычайных ситуаций вполне хватало той техники, которая к тому моменту уже имелась в гарнизоне. Но крупный пожар, случившийся на военных складах в поселке Сердавино 10 июля 2002 года, наглядно показал всем, что от чрезвычайных происшествий ныне не застрахован никто. В связи с этим очень хочется верить, что уж теперь-то руководители городских предприятий, при чем долевого участия планируется приобрести новинку, не станут откладывать “на потом” решение этого насущного вопроса, от которого напрямую зависит безопасность их родного города.

Н.В. Мизненко

Список литературы

1. «Органы и войска МВД России», Москва, 1996 г.
 2. «Крещенные военным огнем», Н.Н. Щаблов, С.-Петербург, 2001 г.
 3. «Противопожарная служба России. Документы и материалы» 1-2 т., Москва, 2002 г.
- Краткий список материалов ГАСО:
4. Р-171 оп.50 д.202.
 5. Р-56 оп.1, д.202, 251, 252, 481, 713.
 6. Р-171 оп.2, д. 63, стр. 52, д. 64, стр. 55, д. 65, д.66.
 7. Р-171 оп. 9, д.114 (1924 г.)
 8. Р-171 оп. 1, д. 14, д. 347 (1919-1920 гг.), д.404, д.554, д.636, д.668-695, д. 715 (1923 г.), д. 710, д. 704, д. 838-840, д.842-850, д.852-862, д.1607-1612, д.1613-1621, д. 1955 (1923), д. 2266.
 9. Р-171 оп.50, д.32 (1927-1932 гг.), д.83, д.158, д.202 (1933-1937 гг.), д.218 (1932 г.), д.232 (1932 г.), д. 272 (1933 г.).
 10. Р-171 оп.51 (1920 г.).
 11. Р-171 оп. 22, д.2, д.9, д.10, д.18, д.20, д.21, д.24.
 12. Р-171 оп. 27, д.4 (1925-1929 гг.).
 13. Р-316 оп.13, д. 2, д.3, д.5 (1927 г.), д. 6 (1926-1927 гг.).
 14. Р-81 оп.1, д.92, 120, 727, 792.
 15. Р-316 оп.1, д.13; оп.5, д.5; оп.13, д5.
 16. Р-779 оп.2, д.28, 248, 415, 417.
 17. Р-2558 оп.7, д.130.
 18. Газета «Коммуна», 1921 г. 27, 29 мая, 4, 14 июня.
1924 г. 5 января.
1926 г. 8 августа.
 19. Воспоминания Тамарова А.Д.
 20. «Малая родина большого города» Кандауров и Куратников, Самара, 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
РАЗДЕЛ I	5
ВСЯ ЖИЗНЬ НА ОГНЕННОМ ПОСТУ	
Глава 1	6
В.В. Ерофеев Михаил Орлов: “Пожарный – одна из самых гуманных профессий”	
Глава 2	16
В.В. Ерофеев Четыре жизни полковника Жаркова	
Глава 3	26
И.А. Аракчеева Выбор Анатолия Карпова	
Глава 4	33
И.А. Аракчеева Человек-легенда из пожарной службы	
Глава 5	40
А.Д. Тамаров Испытание огнем (Авторская запись 1986 года в редакционной обработке)	
Глава 6	45
И.А. Аракчеева Почетный гражданин города Новокуйбышевска	
Глава 7	48
С.Ю. Купцова Кадьян – фамилия пожарная	

Глава 8	52
И.А. Аракчеева	
Традиции семьи Зотовых	
Глава 9	58
Т.А. Пархачева	
Вся жизнь на огненном посту	
(Пожарные династии Похвистнева)	
Глава 10	62
Н.В. Мигненко	
Укротители огня	
(Пожарные династии Сызрани)	
Глава 11	79
И.А. Аракчеева	
Пожарная часть семьи Храмовых	
Глава 12	85
Т.А. Пархачева	
Семь печатей на пожарных тайнах	
(Работа испытательной пожарной лаборатории УГПС)	
Глава 13	97
Т.А. Пархачева	
Сквозь огонь – не ради славы	
(Самарское отделение Всероссийского добровольного пожарного общества)	
Глава 14	101
В.В. Дзнеладзе	
Священную память хранят обо всем	
(Пожарно-техническая выставка центра противопожарной пропаганды и общественных связей УГПС)	
Глава 15	109
В.В. Дзнеладзе	
Спорт, рожденный в огне	

Глава 16	124
-----------------------	------------

А.Д. Тамаров

Некоторые советы-заповеди бойцу пожарной службы

(Авторская запись 1989 года в редакционной обработке)

Глава 17	128
-----------------------	------------

Т.А. Пархачева

Чтобы в лес не заглядывал «красный петух»

РАЗДЕЛ II	133
------------------------	------------

СИЛЬНЕЕ ПЛАМЕНИ

Глава 1	134
----------------------	------------

В.В. Ерофеев, Н.В. Мигненко

“Город пылал целые сутки...”

(Пожар в Сызрани 5 июля 1906 года)

Глава 2	142
----------------------	------------

В.В. Ерофеев

Их смерть была государственной тайной

(Пожар на заводе № 15 в Чапаевске 7 июля 1943 года)

Глава 3	149
----------------------	------------

В.В. Ерофеев

Сильнее пламени

(Пожар на стрелке реки Самары в Куйбышеве 4 июля 1948 года)

Глава 4	165
----------------------	------------

В.В. Ерофеев

Огненный фонтан под Красным Яром

(Пожар на нефтяной скважине у села Киндяково 27 ноября – 23 декабря 1955 года)

Глава 5	186
----------------------	------------

Н.В. Мигненко

В ночь на двадцатое сентября

(Пожар в поселке Машинистов - пригороде Сызрани 20 сентября 1980 года)

Глава 6	197
В.В. Ерофеев	
Огнеопасный каучук	
(Пожар на заводе “Синтезкаучук” в Тольятти 22 сентября 1981 года)	
Глава 7	211
В.В. Ерофеев	
Цена беспечности пилота – жизни пассажиров	
(Катастрофа самолета Ту-134 в аэропорту “Курумоч” 20 октября 1986 года)	
Глава 8	225
В.В. Ерофеев	
Газовая камера на Кряжской зоне	
(Пожар в учреждении УР-65/5 в поселке Кряж 26 января 1987 года)	
Глава 9	236
В.В. Ерофеев	
Пожар, который продолжался два года	
(Пожар 1987-1989 годов на Томиловском элеваторе)	
Глава 10	260
Н.В. Мигненко	
Пруды горели жарким пламенем	
(Пожар на нефтяных отстойниках Сызранского НПЗ 28 мая 1992 года)	
Глава 11	264
В.В. Ерофеев	
Смерч над азотным заводом	
(Пожар на объединении “Куйбышевазот” 9 июля 1993 года)	
Глава 12	269
В.В. Ерофеев	
Как от одного окурка сгорело 18 танков	
(Пожар на танковом полигоне в поселке Рошинский 12 апреля 1995 года)	

Глава 13	275
-----------------------	------------

“Вы нас всех простите там, на небесах...”

(Пожар в здании Самарского ГУВД 10 февраля 1999 года)

Глава 14	332
-----------------------	------------

В.В. Ерофеев

Дом горел в ночи, как свечка

(Пожар в доме № 242 на улице Воронежской в Самаре 6 сентября 1999 года)

Глава 15	337
-----------------------	------------

В.В. Ерофеев

Прочнее алюминия - только пожарные

(Пожар на ОАО “Самеко” 30 ноября 2000 года)

Глава 16	341
-----------------------	------------

Н.В. Мигненко

Адский фейерверк над Сызранью

(Пожар на военных складах в поселке Сердавино 10 июля 2002 года)

*Особую благодарность составители книги выражают
сотрудникам УГПС в лице начальника 2 ОГПС,
полковника вн. сл. Тульцева С.А.,
зам.начальника 2ОГПС полковника вн. сл. Емельянова В.Г.,
начальника ИПЛ УГПС подполковника вн.сл. Фрыгина В.В.,
начальника ПЧ-3 3 ОГПС Семькина В.В.,
начальника ПЧ-9 3 ОГПС Храмова В.К.*

124-

8

Вехи огненной Самары: от крепости до наших дней

Т. 3

Издание выходит с 2001 г.

Главный редактор **С.Ю. Купцова.**

Научный редактор **Л.В. Храмков.**

Литературный редактор **В.В. Ерофеев.**

Издательство «НТЦ» Лиц. ЛР №063550 от 02.08.99. Подписано в печать
27.12.2002. Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ.л. 20,25. Уч.-изд.л. 23,26. Тираж 3000 экз. Заказ № 5332.

Отпечатано в типографии ООО «ИЦ «Книга»,
Лицензия ПД №7-0131 от 7.04.2001
443068, г. Самара, ул. Ново-Садовая, 106.
Тел.(8462) 35-35-26. E-mail:slovo@samaramail.ru

Издательство «Научно-технический центр»
член Ассоциации книгоиздателей России
443096, г. Самара, ул. Мичурина, 58
E-mail:ntc@samtel.ru

